ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Серия научных изданий и справочников, посвященных малоизученным проблемам истории и идеологии русской цивилизации:

Русская цивилизация: история и идеология Святой Руси

Слово и дело национальной России

Экономика русской цивилизации

Экономическое учение славянофилов

Денежная держава антихриста

Энциклопедия Черной сотни

История русского народа в XX веке

МИХАИЛ АНТОНОВ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ СЛАВЯНОФИЛОВ

МОСКВА
Институт русской цивилизации
2008

Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов. Отв. ред. О. Платонов. М., Институт русской цивилизации, 2008. – 416 с.

Философия славянофилов одно из высших выражений мировой мысли. Славянофилы предложили миру выход из того тупика, в который завела человечество западная цивилизация с ее культом потребительства и наживы. Учение славянофилов показывает магистральный путь, по которому должны идти Россия и все человечество к достойной жизни на основе вечных истин Нового Завета. На этом пути, по мнению славянофилов, русскому народу принадлежит особая историческая миссия.

В книге видного русского экономиста М. Ф. Антонова впервые в научной литературе делается всесторонняя оценка экономического учения славянофилов, дается систематизированное изложение экономических взглядов самых значительных представителей славянофильского движения от А. Хомякова и И. Киреевского до С. Шарапова и Г. Бутми, анализируются хозяйственные воззрения великих русских ученых и мыслителей, близких к славянофилам – Д. Менделеева, Ю. Жуковского, М. Меньшикова, В. Розанова, С. Булгакова и др.

ISBN 978-5-902725-04-6

© Антонов М.Ф. 2008.
© Институт русской цивилизации, оформление 2008.

Посвящается моей жене
Людмиле Александровне Солдатовой

ВВЕДЕНИЕ

Славянофилы – общественные деятели и выразители идей Святой Руси, сыгравшие большую роль в развитии русского национального сознания и формировании национально-патриотической идеологии. Славянофилы обоснованно и твердо объявили об особом пути России, утвердились в мысли о спасительной роли Православия как единственно истинного христианского вероучения, отметили неповторимые формы общественного развития русского народа в форме общины и артели.[1] Классики славянофильства, усвоив последние достижения западной мысли, не только не повторяли ее, а подвергли критике самые основы западного миропонимания и предложили альтернативу ему. Раскритиковав основы западного миропонимания, славянофилы предложили иное, более высокое воззрение на мир и тем самым встали во главе духовного развития человечества, сказали то новое слово, которое тогда было, а во многом и по сей день остается высшим интеллектуальным достижением рода человеческого.

Характер общего миропонимания позволил классикам славянофильства не только усвоить основы западных экономических учений, но и показать ложность их основополагающих установок и наметить направления, по которым должна развиваться экономическая мысль, шире – наука о хозяйстве. Замечу, что вообще наука о хозяйстве – это русская наука, далеко превосходящая западные экономические теории. Но исследователи прошли мимо этого явления исторического значения.

Исследование экономических взглядов славянофилов важно не только с познавательной точки зрения или даже ради восстановления исторической справедливости. Славянофилы (и в первую очередь классики, основоположники этого учения) показали ограниченность не только общих мировоззренческих основ западной культуры в целом, но и теорий ведущих экономистов Запада. Не ограничившись критикой этих теорий, они показали пути преодо-

1 См. «Большая энциклопедия русского народа». Том «Русское мировоззрение» под ред. О. Платонова. М., «Энциклопедия русской цивилизации», 2003. С. 748.

ления тупиков экономической мысли Европы. А представители последнего предреволюционного поколения славянофилов не только выработали основы самобытного русского экономического строя, но и указали возможные способы предотвращения кризисов, неизбежных при следовании установившимся на Западе экономическим догмам, раскрыли перед человечеством перспективы освобождения из-под гнета международного финансового капитала, до чего еще очень далеко и в наши дни. Следовательно, экономические взгляды славянофилов имеют и по сей день важнейшее теоретическое и практическое значение для всего человечества. И уж тем большее воздействие экономические воззрения славянофилов оказали на становление русской науки о хозяйстве, а также на творчество выдающихся отечественных писателей и художников, а через них – на нравственную жизнь российского общества. Показать это влияние славянофилов на становление коренных устоев русской жизни автор предполагает в другой работе. Рамки же настоящего исследования ограничены чисто экономической стороной их учения. Из этого ограничения допущено всего одно исключение в отношении двух основателей славянофильства – А. С. Хомякова и И. В. Киреевского.

По мнению автора, славянофильство не есть какое-то непонятное явление в общественной жизни России, внезапно возникшее в середине 30-х годов XIX века и бесследно исчезнувшее к 70-м годам того же столетия. Нет, оно выражает стержневую идею России и потому существовало практически всегда в жизни русского народа. Существует славянофильство и сегодня.

В Большой Советской Энциклопедии сказано: «Главные представители: И. С. и К. С. Аксаковы, И. В. и П. В. Киреевские, А. И. Кошелев, Ю. Ф. Самарин, А. С. Хомяков, В. А. Черкасский и др. Близки к славянофилам были В. И. Даль, А. Н. Островский, А. А. Григорьев, Ф. И. Тютчев и др. В процессе подготовки крестьянской реформы 1861 года многие славянофилы сблизились с западниками на почве либерализма. Некоторые идеи славянофилов получили развитие в идеологии почвенничества (Н. Н. Страхов, Ф. М. Достоевский), панславизма (Н. Я. Данилевский), а также охранительного направления русской общественной мысли».

Думаю, неправильно ограничивать круг славянофилов только деятелями 30–50-х годов XIX века. Выдающийся русский мыслитель, ученый-экономист и общественный деятель рубежа XIX–XX веков С. Ф. Шарапов не просто сам считал себя славянофилом, но и сознательно рассматривал свои труды как завершение учения славянофилов в области экономики и государственного строитель-

ства. Многие выдающиеся представители русской науки и искусства – как современники названных деятелей славянофильства, так и последующих поколений, высказывали идеи, во многом сходные с мыслями славянофилов. А такие деятели «охранительного направления», как историк М. П. Погодин и литератор и критик С. П. Шевырев, были дружны со старшими славянофилами и повседневно общались с ними. Этих двух академиков в разных источниках относят либо к «близким к славянофилам», либо к «представителям правого крыла славянофилов». Мысли по коренным вопросам русской жизни, под которыми подписался бы и любой славянофил, высказывали Пушкин и Гоголь, Тургенев и Лев Толстой, как и многие другие выдающиеся деятели отечественной культуры. А разве можно не считать представителем последнего предреволюционного поколения славянофилов мыслителя и публициста М. О. Меньшикова?

Поэтому, признавая целесообразность попыток различных исследователей уточнить принадлежность того или иного деятеля к славянофилам, почвенникам или к близким к ним, автор данной работы рассматривает экономические идеи тех, кто отвечает приведенным выше критериям.

Учение славянофилов, как и другие достижения русской общественной мысли, было отвергнуто в России XX века, а на вооружение после 1917 года была взята марксистская теория, ориентировавшая страну на химерическую идею строительства коммунизма. Итог известен: мертвое коммунистическое учение превратило живой народный организм в омертвевшую машину. В итоге наша страна, некоторое время стоявшая в авангарде человечества, оказалась в хвосте мирового процесса, подчас позади самых отсталых государств, еще недавно бывших колониями. Россия на десятилетия была выброшена из жизни мира и из истории.

Надеюсь, что на основе проделанного анализа удастся убедить читателей в справедливости предлагаемого в данном исследовании понимания перспектив России, которые в этом смысле вырисовываются только так:

Или Россия преодолеет уродующие ее судьбу некритически заимствованные западные теории общественного развития – и тогда у нее будет возможность вновь воспрянуть, построить жизнь своего народа на родных основах и занять достойное место в мире.

Или она будет и дальше пребывать в состоянии идейной неразберихи, следовать чуждым теориям, уже совсем не вяжущимся с жизнью, и тогда она в скором времени навсегда сойдет с исторической арены.

Лично я убежден в том, что нынешним великим державам Запада будет вынесен такой приговор судьбы: «Отнимется от вас Царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды его…». А России не следует забывать о другой перспективе: «Так будут последние первыми, и первые последними, ибо много званых, а мало избранных». Наша страна не просто выйдет на магистральную дорогу мирового развития, но и вновь станет авангардом человечества на его пути к достойной жизни, как это и предполагали славянофилы.

Глава 1.

РОССИЯ КО ВРЕМЕНИ ЗАРОЖДЕНИЯ СЛАВЯНОФИЛЬСТВА

Главная идея Николая I

Славянофильство оформилось как общественное движение с четкой идеологической основой в царствование императора Николая I. «Я смотрю на человеческую жизнь как на службу», – говорил Николай. И власть свою самодержавную рассматривал не как право, а как обязанность. А потому, «стремясь к осуществлению своего идеала процветающей державы, он пытался упорядочить всю ее жизнедеятельность». Но в отличие от многих властителей, которые смотрели только на жизни своих подданных как на службу, русский царь, воспитанный в убеждении, что жизнь человека – это служение, считал, что и он сам должен всегда и во всем исполнять свой долг. А свой долг он видел в том, чтобы хранить в незыблемости самодержавие – этот залог процветания, могущества и самого существования России. И в качестве духовной основы этого русского строя рассматривал Православие. Ему казалась нелепостью система управления государством, построенная на подсчете голосов избирателей, на игре, интригах и закулисных сговорах политиканов, страна с подобным устройством власти казалась ему обреченной на несчастия. А главным врагом самодержавия он считал революционные движения, имеющие своим источником европейский Запад.

В хозяйственном отношении Россия при Николае I была в целом самодостаточной страной, хотя в техническом отношении отставала от экономики передовых стран Запада.

Если по отношению к революционным идеям император вел изоляционистскую политику, то материальные изобретения Запада привлекали его пристальное внимание. Господство самодержавного строя совсем не мешало развитию хозяйственной жизни и новых

экономических связей. На период правления Николая I приходится строительство половины всей сети шоссейных дорог, проектировавшихся в России до 1917 г., а также железнодорожного сообщения от Петербурга до Царского Села и до Москвы. На Волге и Балтике появились первые пароходы, мануфактуры стали заменяться фабриками с современным оборудованием. В результате объем промышленного производства удвоился, а сбалансированная финансовая политика привела к укреплению рубля на мировом рынке, хотя устарелые крепостнические формы требовали соответствующего реформирования. Известный французский экономист середины XIX века Моро-Кристоф отметил в своем фундаментальном исследовании пауперизма, что дело предупреждения нищеты при наименьших затратах казны поставлено в России лучше, чем на Западе. (По его данным, отношение количества неимущих к общей численности населения колебалось в европейских странах от 3 до 20%, а в европейской России не превышало 1%).

Как раз в царствование Николая I начался перелом в развитии русской промышленности. 30–40-е годы были началом промышленного переворота, завершившегося в пореформенный период, или же Россия переживала тогда лишь мануфактурный период с характерными для его последней стадии вкраплениями механизированного производства.

«С 1825 по 1860 год общая численность промышленных предприятий увеличилась с 4189 до 15 338, а численность работников – до 565 тысяч. В горнозаводской промышленности вплоть до реформы 1861 года преобладал крепостной, а в обрабатывающей – вольнонаемный труд (80 процентов всех работников). Первые паровые машины появляются на Александровской мануфактуре в 1799 году, на заводе Ч.Берда в 1792 году, первый пароход на Неве появился в 1815 году. Но именно при Николае I начинается широкое внедрение паровых двигателей в производстве и на транспорте.

Крупнейшими промышленными районами являлись Московская губерния (до четверти рабочей силы), Владимирская с мануфактурными поселками, Петербург с металлообрабатывающими (в 1860 – 15 заводов) и текстильными предприятиями, а также Приуралье с его металлургией. Производство чугуна к 1837 году достигло почти 10 миллионов пудов (то есть менее 200 тысяч тонн – запомним эту цифру!)… Наиболее быстроразвивающейся отраслью российской промышленности стала хлопчатобумажная… Русские изделия были отмечены на Лейпцигской ярмарке 1828 года. Наибольший рост бумагопрядилен последовал после разрешения в 1842 году импорта машин из Англии… Успехи ткацкого хлопча-

тобумажного производства были значительно слабее. Введение механических ткацких станков шло медленно. При Николае Россия участвовала в Первой всемирной выставке в Лондоне в 1851 году и во Второй в Нью-Йорке в 1853 году».[2]

Роль Николая в развитии русской промышленности легче понять, если учесть особенность возникновения фабрик в России того времени. Как пишет П. А.Бурышкин, «русская промышленность создавалась не казенными усилиями и, за редкими исключениями, не руками лиц дворянского сословия. Русские фабрики были построены и оборудованы русским купечеством. Промышленность в России вышла из торговли».[3]

В первую очередь в России развивалась хлопчатобумажная промышленность, а также льняная, кожевенная и другие отрасли легкой индустрии. Именно в царствование Николая I встали на ноги московские купеческие и промышленные династии Морозовых, Третьяковых, Щукиных, Прохоровых, Хлудовых, Боткиных, Мамонтовых, Абрикосовых, Гучковых, Мамонтовых, Крестовниковых, Рябушинских, Бахрушиных. Не случайно тот же Покровский называл «империализм Николая I» «ситцевым».[4] Однако возникали и предприятия тяжелой промышленности, начинавшиеся обычно с небольших мастерских. Так, в 1847 году в Москве предприниматели Гохпер и Ригли основали предприятие по производству и ремонту сельскохозяйственных орудий, впоследствии ставшее известным заводом Михельсона. Нашли пристанище в России и шведский изобретатель подводных мин Эммануэль Нобель (1801–1872) с сыновьями, построивший в Петербурге механический завод. Нобель-отец с сыновьями Людвигом и Робертом во время Крымской войны заминировали Финский залив для защиты столицы от французско-английской эскадры, и мины хорошо сработали. Сыновья и внуки Эммануэля впоследствии сделали карьеру на поприще развития промышленности России.

Николай I был постоянным посетителем промышленных выставок, а в 1833 году устроил обед в Зимнем дворце, на котором наряду с высшими чинами государства присутствовали представители московского и петербургского купечества. В 1835 году он так же принимал в Москве участников выставки, для которой были выделены шесть залов Кремлевского дворца. Там царь выступил с речью, заметив, что теперь необходимо и правительству, и фабрикантам обратить свое внимание на попечение о рабочих, которые,

2 Выскочков Л. В. Николай I. М. 2006. С. 226–227.

3 Бурышкин П. А. Москва купеческая. Нью-Йорк, 1954. С. 21.

4 Там же. С. 47.

ежегодно возрастая числом, требуют деятельного и отеческого надзора за их нравственностью, без чего эта масса будет портиться и обратится, наконец, в сословие столь же несчастное, сколь опасное для самих хозяев. Вообще-то, казалось бы, следовало обратить внимание на условия труда и быта рабочих, которые, объективно говоря, были близки к каторжным, а уж затем думать о нравственности рабочих. Николай думал не только о положении крестьян и ужасах новой пугачевщины, но и о возможных волнениях среди рабочих, опасался массовой пауперизации. Это можно объяснить надвигающимся на Европу «призраком социализма».

В 1836 году было издано первое положение о компаниях на акциях, которое признавалось самым совершенным для того времени законом об акционерных обществах.

Во время своих поездок и по России, и за границей Николай знакомился с промышленными и торговыми предприятиями, интересовался техническими новинками.

Машины для российской промышленности, особенно для текстильной, были почти все импортные, на чем сделал блестящую карьеру немец Людвиг Кноп. В 1839 году 18 лет от роду он прибыл в Россию в качестве помощника представителя манчестерской фирмы «Де Джерси» для оживления здесь сбыта английской пряжи. Сблизившись с московскими купцами и участвуя в их пирушках, Кноп узнавал подноготную отношений в московском деловом мире. Савва Морозов, задумавший основать собственное машинное производство, поручает Кнопу выписать для него из Англии все необходимое оборудование (а англичане вовсе не были заинтересованы в организации производства в России, потому что хотели сбывать свою продукцию, не опасаясь конкуренции). Затем услугами Кнопа в этих же целях воспользовались и другие именитые купцы. Так неизвестный ранее мелкий коммерсант-чужеземец превращался в монополиста по поставке разнообразных машин (впоследствии также и хлопка), а затем и в совладельца многих предприятий. Благодаря его фабрикам московские хлопчатобумажные короли не только отвоевали внутренний рынок, но и устремились за границы империи: на Балканы, в Центральную Азию, на Дальний Восток, угрожая конкуренцией как своим учителям-англичанам, так и входящим в силу американцам. Но это случится уже в эпоху Александра III, о которой речь пойдет дальше.

Русский капитал успешно вытеснял иностранный и в других отраслях производства. В частности, в конце XVIII века две трети потребляемого хлеба были французского производства, хотя это совершенно не соответствовало русскому вкусу (приятель Пуш-

кина граф Шереметев, чиновник дипломатической службы, писал поэту: «Ой, худо, брат, жить в Париже. Есть нечего – хлеба черного не допросишься!»). Почти весь остальной хлеб поставляли немцы, о которых Пушкин писал в «Евгении Онегине»:

И хлебник, немец аккуратный
В бумажном колпаке не раз
Уж отворял свой васисдас.

(Так называли форточку в двери, откуда отпускался хлеб).

Немцы брали сервисом, вежливостью и чистотой своих лавок. Но вот в 1806 году в Москве появился крестьянин Максим Филиппов, сделавший себе имя и деньги на торговле пирогами. Он изобрел рецептуру приготовления знаменитого московского калача, вошедшего в историю под названием филипповского. Филиппов стал торговать калачами себе в убыток (который покрывал доходами от продажи пирогов) и, сбивая цены, отбил клиентуру у немцев. А уже его сын Иван Филиппов владел несколькими пекарнями в Москве, а в 1855 году добился звания поставщика двора Его Императорского Величества. В итоге долгой торговой войны к 1888 году из 364 московских пекарен иностранцам принадлежали только 5.

Не менее блистательную карьеру сделал и «расторопный ярославский мужик» (по Гоголю), крепостной крестьянин графа Шереметева Петр Елисеев. Он угостил приехавшего в свое имение на Рождество графа свежей земляникой. Изумленный граф дал своему крепостному вольную. Тот уехал с семьей в Питер. А его сыновья основали торговое товарищество «Братья Елисеевы», которому принадлежали знаменитые магазины в Питере и в Москве и шоколадно-конфетная фабрика в Питере. При этом на всех этих предприятиях работали только выходцы из родного Елисеевым Борисоглебского уезда.

Надо признать, что в деле технического прогресса России в 30–40-е годы XIX века исключительная роль принадлежит лично Николаю I. С 1817 года, будучи еще совсем молодым человеком, великий князь Николай Павлович был поставлен во главе военно-инженерной части российской армии. Именно тогда у будущего императора сформировалось уважительное отношение к изобретателям и инженерам.

А в ноябре–декабре 1825 года Николай, пожалуй, впервые в жизни понял, что скорость передачи сообщений может быть жизненно важной и лично для него. В роковые дни, наступившие после смерти императора Александра I, Николай Павлович постоянно ждал прибытия фельдъегерей, каждый день курсировавших между Санкт-Петербургом, Варшавой и Таганрогом. И хотя фельдъегери

нигде не задерживались ни на минуту, сообщения шли крайне медленно. В это сложное время Николай просто не успевал за надвигавшимися событиями. Быть может, именно воспоминания о тревогах, которые предшествовали его вступлению на престол, и предопределили благоприятное отношение Николая I ко всем проектам, обещавшим ему радикальное ускорение передачи сообщений.

Но дело было не только в памяти о декабрьских событиях 1825 года. Николай I был по-настоящему самодержавным монархом. Практически все вопросы, связанные с управлением огромным государством в целом и губерниями, в частности, а также армией, флотом, финансами и т.д., решались только при непосредственном участии царя. При этом в его царствование резко возрастает и усложняется аппарат управления. Образцом для всех государственных органов была армия. В годы правления Николая I целый ряд чисто гражданских ведомств (межевое, лесное, путей сообщения, горное, инженерное и другие) получает военную организацию.

В этих условиях императору, как никогда, была необходима надежная и быстрая связь. Поэтому-то он и стремится поддерживать любые проекты, которые могут помочь ему решить эту задачу. По инициативе Николая I был создан особый комитет для рассмотрения проектов оптической телеграфии, устраиваются испытания (часто в присутствии императора), выделяются деньги. Однако до практического внедрения проектов оптической связи, предложенных российскими изобретателями, дело ни разу не дошло. Более или менее эффективно работающую систему оптической связи удалось создать только на Военно-Морском флоте, где этим вопросом занимались с начала XVIII в. Однако российский флот был «государством в государстве», и его довольно богатый опыт оперативной передачи информации на расстояние не находил применения в военном ведомстве.

Седьмой год царствования Николая I ознаменовался событием, имевшим колоссальное значение для развития связи как в России, так и далеко за ее пределами. 9 октября 1832 года российский дипломат, криптограф и востоковед Павел Львович Шиллинг в своем доме на Марсовом поле, где он занимал верхний этаж, устроил демонстрацию первого в мире, готового к использованию электромагнитного телеграфа. Передатчик был установлен в одном крыле дома (там собрались приглашенные), а приемник – в противоположном крыле (там находился кабинет Шиллинга). Расстояние между передатчиком и приемником составляло около 100 метров. Первая телеграмма из 10 слов была передана кем-то из гостей и практически моментально была принята Шиллингом.

Среди частых гостей дома П.Л. Шиллинга особое место занимал его двоюродный брат граф А. Х. Бенкендорф, всесильный в то время начальник III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. И потому Шиллинг имел возможность продемонстрировать действие изобретенного им телеграфа также и министру финансов Е. Ф. Канкрину, министру иностранных дел К. В. Нессельроде, министру народного просвещения С. С. Уварову, наследнику цесаревичу Александру Николаевичу (будущему императору Александру II). А в 1835 году посетил дом Шиллинга император. Николай Павлович внимательно ознакомился с работой электромагнитного телеграфа, а затем отправил из одного конца дома в другой телеграмму на французском языке: «Я очарован, сделав визит господину Шиллингу».

Но только сам Николай I сумел по достоинству оценить изобретение П.Л. Шиллинга. Он сразу понял, что перед ним принципиально новое средство сообщения, которому предстояло в будущем невероятно ускорить передачу информации на расстояние. Однако в распоряжении П.Л. Шиллинга был только опытный образец, и никто (в том числе и изобретатель) не мог дать императору гарантий, что первый электромагнитный телеграф будет надежно работать. А надежная и оперативная связь была нужна стране уже в ближайшее время. В связи с этим в середине 30-х годов XIX столетия Николай I принимает решение начать сооружение в России сети оптических телеграфов, неплохо зарекомендовавших себя во многих странах Западной Европы (особенно во Франции).

Однако, приступая к сооружению самых протяженных в мире линий оптического телеграфа, император Николай I не забыл и об электромагнитном телеграфе, и в 1836 году образовал специальный комитет для рассмотрения электромагнитного телеграфа. Комитет самым внимательным образом изучил изобретение Шиллинга, и для проведения испытаний изобретателю было предложено построить небольшую телеграфную линию в здании Главного адмиралтейства, причем часть провода была пропущена через внутренний канал адмиралтейства.

Испытания первой линии электромагнитного телеграфа в России прошли успешно. Особенно отмечалась бесперебойная работа той части линии, которая в течение пяти месяцев находилась под водой. В дальнейшем это позволило поставить вопрос об устройстве телеграфной линии, которая соединила бы Санкт-Петербург с Кронштадтом.

Николай I принял решение о строительстве «для опыта» телеграфной линии между Петергофом и Кронштадтом. Однако 25

июля 1837 года Шиллинг скончался, а в конце 30-х годов XIX века в России просто не было специалистов его уровня, которые могли бы реализовать проекты по сооружению электромагнитного телеграфа. Только в 1841 году Николай I поручил академику Борису Семеновичу Якоби «заняться вопросом об электрическом телеграфе». Для начала по указанию императора были построены небольшие телеграфные линии, соединившие Зимний дворец с Главным штабом, Главным управлением путей сообщения и Александровским дворцом в Царском Селе.

Успеху первых телеграфных проектов содействовало принятое в сентябре 1842 года решение императора о передаче телеграфов из ведения Военного министерства в ведение Главного управления путей сообщения и публичных зданий. С этого момента во главе работ по созданию общеимперской телеграфной сети встал один из лучших российских администраторов XIX столетия – П.А. Клейнмихель.

Мощным катализатором телеграфного строительства в России стало решение Николая I о начале сооружения железных дорог. Особое значение имело строительство железнодорожной магистрали между Санкт-Петербургом и Москвой, так как безопасная эксплуатация этого нового для страны средства транспорта была практически невозможна без оперативной связи как между отдельными станциями, так и между конечными пунктами дороги. В связи с этим вскоре после начала строительства железной дороги С.-Петербург–Москва было принято решение и о сооружении линии железнодорожного телеграфа, которое воплотилось в жизнь к осени 1852 года. С этого момента между Санкт-Петербургом и Москвой открылось постоянное телеграфное сообщение.

Другим событием, резко ускорившим процесс сооружения общеимперской телеграфной сети, стала Крымская война. Именно в эти годы Николай I принимает решение о соединении столицы империи с Варшавой, а также с основными портами Балтийского и Черного морей. В результате к концу войны российское правительство имело возможность практически мгновенно получать информацию о событиях на наиболее важных театрах военных действий и пытаться как-то на них реагировать (правда, далеко не всегда своевременно и удачно).

Николай I был одним из немногих, кто сумел понять значение открытия принципиально нового вида связи. Как отмечал Якоби, «из числа всех высокопоставленных лиц и сановников, окружавших тогда императора, один только Государь сам предвидел важное значение и будущность того, на что другие смотрели только как на

игрушку… Я счел бы себя в высшей степени счастливым, если бы... мне было бы суждено иметь дело непосредственно и единственно с Государем императором, высокий ум которого имел лишь в виду будущность и общественную пользу от этого замечательного средства сообщения; который вполне мог оценить новизну дела и трудности развития его; который с благородной снисходительностью извинял некоторые неизбежные несовершенства аппаратов, поощряя меня к дальнейшей деятельности на пути усовершенствований и соблюдая с мельчайшею точностью правила, установленные для пользования телеграфом». И в дальнейшем император не раз встречался с Якоби, чтобы обсудить с ним вопросы, связанные с устройством самых первых линий электромагнитного телеграфа в России.

Николай I всегда интересовался техническими новинками. Как вспоминала его дочь, великая княжна Ольга Николаевна, «папа, интересовавшийся всем, что касалось достижений науки, приказал докладывать ему обо всем». При этом его интересы не исчерпывались достижениями только отечественных ученых. Еще в 1831 году император дал указание российским посольствам при европейских дворах обращать особое внимание на все появлявшиеся изобретения, открытия и усовершенствования «как по части военной, так и вообще по части мануфактур и промышленности» и немедленно «доставлять об оных подробные сведения». В 30–40-е годы XIX века электромагнитный телеграф являл собой одно из самых новых и замечательных порождений науки. И Николаю Павловичу было приятно, что его ученые могут создать аппараты не хуже, а, может быть, и лучше заграничных аналогов. Во время своего визита в Англию он специально выделил время для того, чтобы осмотреть телеграфный аппарат системы Уитстона и ознакомиться с его работой. Кстати, к этому времени у него в кабинете находился аппарат системы Якоби, который по целому ряду показателей значительно превосходил английский.

Николай I ценил талантливых ученых и умел показать это. Заботился император и о сохранении в секрете российских достижений в области телеграфии. Так, когда в 1844 году Якоби захотел опубликовать на страницах «Записок Академии наук» статью о своих работах над электромагнитным телеграфом, он так и не получил от Николая I разрешения на это.

С того момента в российской прессе стали публиковаться в основном материалы о зарубежных достижениях в области телеграфии. Только в 1858 году Якоби смог вернуться к вопросу о публикации описаний созданных им в первой половине 40-х годов телеграфных аппаратов. Императора Николая I уже не было в живых, да

и разработки Якоби в области телеграфии очень сильно устарели. За полтора десятилетия, в течение которых его изыскания первой половины 40-х годов были засекречены, телеграфное дело шагнуло далеко вперед. В связи с этим просьба академика Якоби была удовлетворена, так как император Александр II не нашел препятствий «к напечатанию описания электротелеграфических снарядов, изобретенных академиком Якоби».

Итак, Николай I лучше, чем кто-либо иной в российском руководстве понимал значение телеграфа для страны. Но при этом мы не должны забывать, что по крайней мере на первых порах телеграф являлся для Николая Павловича предприятием, которое государство организует исключительно для своих собственных нужд. Телеграф должен был обслуживать только высшую власть России. Новое средство связи с самого начала не предназначалось для населения.

Однако как только в стране узнали о преимуществах электросвязи, положение начинает меняться. Сначала рижские биржевики смогли убедить императора дать им разрешение на строительство небольшой телеграфной линии, которая соединила Ригу с портом Больдераа. При этом Николай I даже разрешил создать телеграфное акционерное общество. Правда, три года спустя царь одумается, и в 1855 году телеграф будет объявлен «государственной регалией». Николай I объявит, что «никакая телеграфная линия не может принадлежать частной компании или быть в частном управлении, но должна непременно состоять в непосредственном ведении и управлении правительства».

Хотя телеграфная связь сначала замышлялась только как средство государственного управления, но вскоре Николай разрешил принимать за плату телеграммы от всех желающих, не допуская лишь депеш политического (противоправительственого) или безнравственного содержания. При этом гарантировалась тайна сообщений, переданных по телеграфу.

Кстати, у русского общества (особенно образованной его части) тот факт, что государство с самого начала взяло под полный контроль новое средство сообщения, не вызывал каких-либо вопросов. Дело в том, что на протяжении многих десятилетий в высших и средних учебных заведениях Российской империи убедительно доказывались не только право, но и обязанность государства держать под контролем как пути сообщения, так и информационные потоки.

Основу сельскохозяйственного сектора экономики составляли примерно 100 тысяч помещичьих хозяйств, из которых круп-

ными (с числом крепостных душ более 500) насчитывалось менее 4 тысяч. «Ярким проявлением кризиса феодально-крепостнической системы была помещичья задолженность. В 1833 году в кредитных учреждениях было заложено помещиками 43,2 процента ревизских душ, в 1859 году – 66 процентов. За годы царствования Николая I общая сумма помещичьей задолженности увеличилась примерно в 4 раза и достигла 425 миллионов рублей. Возвращение долгов становилось все более проблематичным. Во время реформы 1861 года они будут взысканы за счет крестьянских выкупных платежей».[5]

В среднем голод в России повторялся один раз в пять лет, иногда охватывая территории десяти и более губерний. Пушкин писал, что Николай выделил сотни тысяч рублей крупным помещикам, в имениях которых крестьяне стали жертвой голода. При этом поэт выражал сомнение в том, что эти деньги дойдут до голодающих крестьян.

Положение крестьян, особенно крепостных, в большинстве случаев было очень тяжелым. На приеме в 1848 году (во время подавления русскими войсками венгерского восстания) Николаем избранных депутатов Санкт-Петербургского дворянства император сказал: «Господа! Внешние враги нам не опасны… Из внутренних губерний я получил донесения самые удовлетворительные… Никакая сила земная нас не потревожит...

У нас существует класс людей весьма дурной, и на который я прошу вас обратить особенное внимание – это дворовые люди. Будучи взяты из крестьян, они отстали от них, не имея оседлости и не получив ни малейшего образования. Люди эти вообще развратны и опасны как для общества, так и для господ своих. Я вас прошу быть крайне осторожными в отношениях с ними. Часто, за столом или в вечерней беседе, вы рассуждаете о делах политических, правительственных и других, забывая, что люди эти вас слушают и по необразованности своей и глупости толкуют суждения ваши по-своему, т. е. превратно. Кроме того, разговоры эти, невинные между людьми образованными, часто вселяют вашим людям такие мысли, о которых без того они не имели бы и понятия. Это очень вредно!

Переходя к быту крестьян, скажу вам, что необходимо обратить особенное внимание на их благосостояние. Некоторые лица приписывали мне по сему предмету самые нелепые и безрассудные мысли и намерения. Я их отвергаю с негодованием. Когда я издал указ об обязанных крестьянах, то объявил, что вся без исключения земля принадлежит дворянину-помещику. Это вещь

5 Выскочков. Указ. соч. С. 206.

святая и никто к ней прикасаться не может. Но я должен сказать с прискорбием, что у нас весьма мало хороших и попечительных помещиков, много посредственных и еще более худых, а при духе времени, кроме предписаний совести и закона, вы должны для собственного своего интереса заботиться о благосостоянии вверенных вам людей и стараться всеми силами снискать их любовь и уважение. Ежели окажется среди вас помещик безнравственный или жестокий, вы обязаны предать его силе закона. Некоторые русские журналы дозволили себе напечатать статьи, возбуждающие крестьян против помещиков и вообще неблаговидные, но я принял меры и этого впредь не будет…. Я прошу вас передать все мною сказанное всему Санкт-Петербургскому дворянству, к составу которого я и жена моя принадлежим, как здешние помещики, а кроме того всем и каждому».

Как видим, так же, как и при разговоре о быте рабочих, Николай уповает на хорошее отношение помещиков к своим крепостным, хотя и признает, что хороших хозяев среди дворян очень мало.

Николай все время своего правления думал об отмене крепостного права, он видел и нравственную ущербность этого института, и его сковывающее влияние на все стороны жизни страны. Во время приема делегации смоленских дворян в 1847 году он с горечью заметил: «Крепостное право причиною, что у нас нет торговли, промышленности». Но он понимал, насколько решительные шаги к отмене крепостного права трудны и опасны для него лично (пример отца, императора Павла I, попытавшегося несколько ограничить произвол помещиков и степень эксплуатации ими крестьян и за это убитого дворянами-заговорщиками, всегда был у него перед глазами). Он хотел освободить крестьян (об этом, в частности, он говорил и Пушкину во время первой их встречи, когда царь, находясь в связи с коронацией в Москве, вызвал опального поэта из михайловской ссылки и даровал ему свободу). Но освободить их он хотел «сверху», по закону, не допуская крестьянских выступлений, новой «пугачевщины», которой очень опасались «верхи» России. Однако, как видно из приведенной его речи, он хотел оставить всю землю в собственности помещиков, а это был бы самый опасный способ разрешения крестьянского вопроса. Самым разумным решением был бы выкуп земли у помещиков и передача ее крестьянам, но для этого требовались громадные финансовые средства, которых у государства не было. Так, за все время своего царствования, несмотря на кипучую деятельность создаваемых для этой цели комитетов, Николай на уничтожение крепостного права не решился, хотя эта

работа не пропала даром, ее плодами воспользовались при проведении реформы 1861 года.

Николай заботился о прогрессе сельского хозяйства России. В 1847 году им было объявлено о бесплатной раздаче семян кукурузы тем, кто пожелал бы выращивать эту новую тогда для русских зерновую культуру. При Николае же в России в повсеместное употребление был введен (порой даже в принудительном порядке) картофель. Легко представить, насколько тяжелее переносились бы в России неурожайные годы, если бы мы оставались без «второго хлеба» при недостатке хлеба первого.

Внутренняя торговля. Для развития промышленности в России много сделали ярмарки, которых в стране насчитывалось свыше 5,5 тысяч. Особенно выделялась Нижегородская (бывшая Макарьевская) ярмарка – крупнейшая в мире. Ее называли «меновым двором Европы с Азией», «всероссийским торжищем» и «барометром экономической жизни страны». Товарооборот ярмарки в 1840 – 1850 годы составлял в среднем около 100 миллионов рублей. Если верить Пушкину, побывал на Нижегородской ярмарке и Евгений Онегин. Но, кажется, единственное впечатление, которое он вынес из увиденного, улеглось в две строчки:

Всяк суетится, лжет за двух,
И всюду меркантильный дух…

На втором месте находилась Ирбитская ярмарка в Пермской области, служившая главным центром торговли для Урала и Сибири и славившаяся богатым выбором мехов (горностая, соболя, бобра, чернобурой лисицы, песца и белки). Ее товарооборот был скромнее, чем у нижегородской, но все же с 1840 по 1850 годы вырос с 20 до 40 миллионов рублей. Для районов Севера большое значение имела Маргаритинская ярмарка в Архангельске, где торговали рыбой и изделиями местных промыслов. Почти на каждой ярмарке торговали лошадьми, рогатым скотом и пр.

В крупных торговых центрах торговлю производили купцы (разделенные на три гильдии), по всему остальному пространству империи – прасолы, собиравшие мелкие партии товара в крупные, и офени, разносившие мелки партии товаров по селам.

Для облегчения сношений торговцев и посредников между собой в крупных торговых центрах учреждены биржи. За время царствования Николая к биржам в Петербурге и Москве добавились биржи в Кременчуге, Рыбинске и Одессе.

Внешняя торговля. Первый отчет о состоянии внешней торговли России был опубликован при Александре I, в 1802 году. Он содержал лишь сведения о количестве ввозимых и вывозимых то-

варов, иногда с указанием их стоимости, но без подразделения по странам происхождения или назначения. Тогда главным предметом российского экспорта было сало. На втором месте находилась пенька, на третьем лен, на четвертом рожь, на пятом железо и лишь на шестом пшеница, которая впоследствии станет главным нашим экспортным товаром. Так что Пушкин был прав, когда писал, описывая кабинет Евгения Онегина:

Все, чем для прихоти обильной
Торгует Лондон щепетильный
И по Балтическим волнам
За лес и сало возит нам,
Все, что в Париже вкус голодный,
Полезный промысел избрав,
Изобретает для забав,
Для роскоши, для неги модной, –
Все украшало кабинет
Философа в осьмнадцать лет.

При Николае статистика внешней торговли постепенно совершенствовалась, менялась и структура внешнеторгового оборота. Представить итоговые данные в денежном исчислении затруднительно, потому что в одни годы стоимость экспорта и импорта фиксировались в кредитных рублях, в другие – в золотых, причем курс и тех и других по годам менялся. Легче показать динамику внешнеторгового оборота на примере отдельных товаров. Так, леса, о котором писал Пушкин, вывезено было в 1851 году на 4,6 миллиона рублей (к 1898 году эта цифра возросла до 57,4 миллиона рублей). Хотя вывоз пшеницы с 1825 по 1855 годы вырос более чем вдвое – с 12 до 28 миллионов пудов, все же он был незначительным по сравнению с концом XIX века, когда достиг (в 1898 году) 180 миллионов пудов. Но главное – вот в чем.

России постоянно приходилось преодолевать свою технологическую отсталость от ведущих стран Западной Европы, причем срочно. Так, необходимо было по стратегическим соображениям начать широкое строительство железных дорог – до того, как в стране возникли собственные металлургия и машиностроение в крупных масштабах. Металлургическая промышленность Урала, работавшая преимущественно на древесном угле, не могла удовлетворить быстро растущие потребности страны в металле. Несложный расчет показывает, что всего производства черных металлов в России (200 тысяч тонн) не хватило бы на строительство одной только железной дороги Петербург – Москва. При весе рельса 25 килограмм

на погонный метр (или 100 килограмм на четыре нитки двухпутной дороги) и протяженности магистрали около 650 километров только на укладку рельсов главного пути потребовалось бы 65 тысяч тонн железа (первоначально рельсы были железными, и лишь позднее стали использовать стальные). К этому надо добавить по меньшей мере столько же на станционные пути, накладки, подкладки, стрелочные переводы, костыли, болты и пр. А еще сталь нужна была на строительство мостов, не говоря уж о постройке паровозов, вагонов. А ведь в стране были потребности в металле и для других нужд, хотя бы для изготовления серпов и кос, пил и топоров, кровельного железа и пр. В итоге рельсы, паровозы, вагоны и пр. поначалу пришлось закупать за границей.

Впоследствии русские инженеры, а также публицисты (в особенности Достоевский) справедливо указывали, что российские железные дороги, как и большая часть промышленности, строились на заграничном металле, и из каждого рубля стоимости строительства российским предпринимателям доставалось 7 копеек, остальные деньги уходили на Запад, способствуя его обогащению и экономическому росту.

Постепенно и в России налаживалось производство рельсов, паровозов, вагонов, пароходов. Николай лично одобрил инициативу промышленника Мальцова (о нем речь пойдет ниже) по изготовлению российских рельсов.

Заметим, кстати, что развитие российской металлургии сдерживалось слабостью тогдашней железорудной и угольной базы (железоделательные и сталелитейные заводы работали на древесном угле). Именно в царствование Николая, 31 августа 1832 года, инженер Златоустовских горных заводов И.И. Редикорцев обнаружил на склоне берега реки Миасс у поселка Ильинское выходы каменного угля. Этот день считается датой открытия Челябинского каменноугольного бассейна, хотя практическое его освоение пришлось на более поздний период.

В целом характер внешней торговли России при Николае еще оставался типичным для колониальной страны, но все же в меньшей степени, чем в последующее царствование.

Особую тревогу у Николая I вызывало состояние финансов. С финансами богатейшая Россия издавна испытывала сложности, из истории известен «медный бунт» при царе Алексее Михайловиче. Но особенно расстройство финансов проявилось при Екатерине II, ведшей непрерывные войны, а это требовало больших расходов. Кроме того, она раздавала громадные средства своим фаворитам и устроила самый блестящий двор в Европе. Екатерина использо-

вала три источника покрытия огромного дефицита бюджета. Во-первых, вводились все новые налоги и усиливалась эксплуатация крестьянства (при ней крепостное право достигло апогея своей жестокости). Во-вторых, Екатерина впервые прибегла к получению займов за границей, но свои долги она никогда не отдавала, и расплачиваться по ним пришлось ее прапрапраправнуку Николаю II. В-третьих, именно Екатерина впервые в государственном масштабе использовала изобретение гениального финансиста и авантюриста шотландца Джона Ло – ввела в 1769 году в обращение бумажные деньги – ассигнации.

Николай 1 лично выработал план финансовой реформы, которую в 1839–1843 годы жестко проводил в жизнь Е. Ф. Канкрин, бывший министром финансов с 1823 по 1844 год (примечательно, что когда Канкрин просился в отставку, Николай ему ответил: «Ты же знаешь, что в России два человека не имеют право уйти в отставку – я и ты»). В качестве основы денежного обращения был введен серебряный рубль, установлен обязательный курс ассигнаций (точнее, вместо ассигнаций выпускались кредитные билеты, свободно обменивавшиеся Государственным банком на серебро). В итоге была достигнута бездефицитность государственного бюджета (правда, в основном за счет повышения таможенных тарифов и расширения питейно-откупной системы), что послужило временному укреплению финансов России.

Однако эти меры носили поверхностный характер и не устраняли коренных причин финансового неблагополучия страны. А некоторые из этих причин проявились сразу же после отставки Канкрина.

Экономическая наука и экономическое образование

В России с давних пор был накоплен большой опыт рационального и эффективного ведения хозяйства как в рамках отдельного поместья или предприятия[6], так и в масштабе государства. Но русская экономическая наука в правящих сферах России была неизвестна. В ходу в России были западноевропейские экономические теории.

6 См. статьи об экономических взглядах А.В.Суворова, А.Т.Болотова и др. в томе «Русское хозяйство» Энциклопедии «Святая Русь».

Большой популярностью как в русском образованном обществе, так и в правительственных сферах пользовались идеи Адама Смита (первый русский перевод его книги «Исследование природы и причин богатства народов» был сделан в 1802–1806 годах). В официальном органе Министерства внутренних дел «Санкт-Петербургском Журнале» популяризации идей Смита было посвящено несколько статей (об отношении славянофилов к идеям Смита, как и других западных экономистов, будет сказано в следующей главе).

В 1805 г. вышел курс профессора Московского университета Хр. Шлецера – «Начальные основания государственного хозяйства», составленный вполне в духе Смита. Курс Шлецера был для своего времени выдающимся произведением и переведен на французский и немецкий языки.

Самым замечательным последователем Смита, писавшим хотя и не по-русски, но в России, был Шторх. Он родился в Риге (Россия). Его родители были немцами, и впоследствии он одинаково легко писал по-немецки и по-французски. После обучения в Йенском и Гейдельбергском университетах в 1789 году в России он поступил на государственную службу и выпустил монументальный историко-статистический труд по Российской Империи «Statistische Gemalde des russischen Reichs» (1798–1803), который представляет собой чрезвычайно полное и точное описание русского хозяйственного строя того времени. За этот труд он был избран членом Российской Академии наук.

После того, как он был нанят учителем политэкономии к сыновьям царя Александра I, он опубликовал свой шеститомный «Курс политической экономии» (Course d'Economy politique) (1815) – один из лучших экономических курсов первых десятилетий XIX века. В 1824 году вышел другой труд Шторха «Размышления о природе национального дохода» (Considerations sur la nature du revenu national). Оригинальные воззрения Шторха оказали значительное влияние на европейскую науку (особенно его теория ценности, в основание которой положена мысль, что ценность создается полезностью, и теория «невещественного производства» – учение о производительности труда, не направленного на материальные предметы). Крепостное право встречало со стороны Шторха резкое осуждение.

Шторх выдвинул теорию этапов экономического развития, схожую с более поздней теорией Листа, изложенной им в National System of Political Economy (1841). Шторх может претендовать на место в ряду предшественников кейнсианства, то есть кое в чем опередил свое время на сотню лет.

Именно академик Генрих Фридрих (на русской службе Андрей Карлович) фон Шторх читал Николаю, тогда еще великому князю-подростку, и его младшему брату Михаилу лекции по политической экономии. Этот ученый на уроках монотонно зачитывал малолетним великим князьям главы своей книги, написанной на французском языке. Несмотря на суровую дисциплину (воспитатель князей генерал Ламздорф даже подвергал их телесным наказаниям, подчас просто избивал), ученики Шторха плохо слушали. Конечно, сейчас довольно сложно понять, насколько сильным было влияние Шторха на будущего российского императора. Сам Николай I впоследствии не самым лучшим образом отзывался о своем преподавателе, называя его лекции «усыпительными». Однако великий князь все-таки был вынужден и сидеть на этих лекциях, и зубрить материалы Шторха при подготовке к экзамену по политической экономии. В связи с этим Николаю Павловичу пришлось (хотя и без особого желания) кое-что усвоить из прослушанного курса Шторха.

Широкое распространение в русском образованном обществе Александровской эпохи идей А. Смита сделало возможной энергичную агитацию в пользу свободной торговли, предпринятую влиятельным еженедельным журналом: «Дух журналов» (издававшимся в 1815–20 годах в Петербурге). Эта агитация привела к кратковременной победе – изданию либерального тарифа 1819 г., продержавшегося недолго и уже в 1822 г. замененного новым тарифом, в духе крайнего протекционизма. К школе Адама Смита принадлежал и Николай Тургенев, автор обратившей на себя внимание книги «Опыт теории налогов» (Санкт-Петербург, 1819). Противником свободной торговли был знаменитый государственный деятель адмирал Мордвинов. Его книга «Некоторые соображения по предмету мануфактур в России» по оригинальности мысли резко выделяется среди русской экономической литературы того времени. Защищая покровительственный тариф, Мордвинов высказал значительно ранее Фридриха Листа очень многие из аргументов, которые впоследствии составили славу этого писателя. Так, Мордвинов с полной ясностью установил зависимость успехов земледелия от роста промышленности, а также формулировал учение о «емкости населения» страны в связи с ее хозяйственным строем. Гораздо слабее другая книга Мордвинова: «Рассуждения о пользах могущих последовать от учреждения частных по губерниям банков».

Доктрина «официальной народности», выдвинувшаяся на первый план при императоре Николае I, наложила свою печать и на

экономическую науку. Начало романтического направления в русской экономической науке было положено немцем Гакстгаузеном, оказавшим глубочайшее влияние на нашу экономическую мысль.

Неверно мнение, будто Гакстгаузен открыл в России общину: общинное владение крестьян описывалось в России много раз до Гакстгаузена, но он действительно раскрыл огромное значение этого института в общем строе русской жизни. Будучи убежденным консерватором, Гакстгаузен нашел в России поразившее его соединение автократического строя с экономическими формами, до некоторой степени соответствующими требованиям западноевропейских социальных реформаторов.

«Во всех западноевропейских странах, – говорит Гакстгаузен в своей замечательной книге «Studien uber die inneren Zustande Russlands», – глашатаи социальной революции ополчились против богатства и собственности: уничтожение права наследства и равномерное распределение земли – вот лозунг этих революционеров. В России такая революция невозможна, так как утопия западноевропейских революционеров получила в этой стране свое полное осуществление».

Россия обладает крестьянской земельной общиной – «одним из самых замечательных и интересных учреждений, какие только существуют... В русских общинах... живет такая компактная социальная сила, как нигде». Община избавляет Россию от главного зла современного общественного строя Западной Европы – от пролетариата.

Книга Гакстгаузена является поворотным пунктом в истории русской экономической науки. До Гакстгаузена русская наука не пыталась охватить одной общей идеей наш хозяйственный строй во всем его своеобразии. После Гакстгаузена противопоставление народного хозяйства России западноевропейскому стало основным мотивом русской экономической мысли. Экономические воззрения как западников, так и славянофилов сложились под непосредственным влиянием Гакстгаузена.

Из общих курсов политической экономии в Николаевскую эпоху можно указать трехтомное сочинение А. Бутовского: «Опыт о народном богатстве, или О началах политической экономии» (1847). Сочинение это совершенно не оригинально и интересно лишь в том отношении, что оно является первым обширным курсом экономической науки, автор которого, русский ученый, примыкает к буржуазным экономистам. Вместе с тем он, подобно большинству современных ему русских экономистов, крайне идеализирует русские хозяйственные условия.

Гораздо интереснее экономические сочинения министра финансов императора Николая I Канкрина. Канкрин является самым характерным представителем националистического направления в нашей экономической науке. Его идеалы – всецело в прошлом, в патриархальном строе. Он не только протекционист, но даже по многим пунктам примыкает к меркантилизму. К капитализму, машинному производству, крупной промышленности, железным дорогам он относится с решительной враждебностью. Мелкое производство, не отрывающее крестьянина от земли, кажется ему наилучшей системой хозяйства. В его критике западноевропейского капитализма чувствуется влияние Сисмонди. Подобно Гакстгаузену, но с меньшей ясностью и глубиной, Канкрин отдает предпочтение русскому хозяйственному строю перед западноевропейским. Уничтожение крепостного права и последующие реформы не могли не повлиять на направление русской экономической мысли, но об этом речь пойдет позднее.

Из других русских книг по экономике следует отметить труд М. Ф. Орлова «О государственном кредите» с замечаниями Пушкина.

Наибольший практический интерес представляла начавшаяся еще во времена Александра I полемика экономистов – сторонников протекционизма и свободной торговли, а также приверженцев разных путей экономического развития России и различных способов индустриализации страны.

В России необычайно долго держалось мнение, что это страна земледельческая, что фабрично-заводское производство ей не нужно. Дескать, русская индустрия никогда не сможет успешно конкурировать с западноевропейской и, наконец, фабрика и весь уклад ее деятельности растлевающим образом влияет на население. И в таковом утверждении сходились два полюса русской общественности – крайне правые аграрии и (впоследствии) крайне левые народники.

Главным органом российских фритредеров был еженедельник «Дух журналов». Его авторы вели борьбу против запретительной системы и протекционистов, а прежде всего – с Мордвиновым, защищавшим высокие таможенные ставки. Вот некоторые аргументы из отдельных статей «Духа журналов» (вошедшие в сборник «Некоторые соображения по предмету мануфактуры в России». Петербург, 1815):

«Хлебопашество, скотоводство и овцеводство – вот наши промыслы. Они единственно могут доставить нам изобилие. Изобилие всегда процветает а таком государстве, где земледелие в чести…

Пусть двести фабрикантов ошибутся в своих монополистических расчетах, от этого не омрачится солнце, освещающее Россию…»

Или еще: «Зайди в избу мужика: тепло, обуто, одето, хотя и в лаптях. Посмотрите же на фабричного: бледно, бедно, босо, наго, холодно и голодно… Может ли такой человек быть счастлив и сохранить нравственность? И поневоле предается разврату и злодеянию. Кто из стариков московских не помнит, что у Каменного моста (там была крупная суконная фабрика, основанная еще при Петре) ни днем, ни ночью прохода не было, но Екатерина истребила гнездо сие, истребила и злодеяния…

Земледелец зарыл в землю зерно, но прозябания его и оплодотворения ожидает свыше. Земледельческий народ есть самый набожный, а также и самый миролюбивый, крепкий и благонравный. Он вместе и самый покорный Царю. Он привязан к родной земле своей, которая его возрастила. Мастеровой ничего не ожидает от Бога, а все от машин и, ежели бы Господь не насылал на него болезней, то он едва ли бы когда вспомнил о Боге. Сообщество нескольких сот или тысяч мастеровых, и живущих, и работающих всегда вместе, не имеющее никакой собственности, питает в них дух буйства и мятежа. Частые мятежи в английских мануфактурных городах служат тому доказательством».

Фритредерская литература того времени была гораздо богаче, разнообразнее протекционистской и производила сильное впечатление на читающую публику. Можно отметить некоторые ее особенности.

Прежде всего, защита свободной торговли совпадала с защитой крепостного права. Это не было случайным явлением. Земельное дворянство, не имевшее фабрик, относилось враждебно к запретительной системе и прославляло выгоды земледелия, противопоставляя «благополучие крепостного мужика» тяжелой жизни пролетария Западной Европы. Борьба за сохранение крепостного права велась как бы в интересах самого мужика, как бы в целях гарантии его от обезземеливания.

Далее свобода торговли защищала, во имя охранения России, от пролетаризации большей части ее населения. Уже упомянутый барон Гакстхаузен видит громадное преимущество России в том, что у нее нет пролетариата. Его приводит в восторг община и кустарное производство, сохранение и развитие коих гарантирует Россию от социальных потрясений и социальной революции. А таковая угрожает Западной Европе, благодаря враждебности пролетариата существующему хозяйственному режиму. Поэтому для охраны существующего строя нужно было установить свободную

торговлю, поощрять кустарей и не допускать развития фабричного промысла. Эту точку зрения в общем восприняли и государственные люди Николаевского времени, в частности Канкрин и Киселев.

Общее же замечание сводится к следующему: сколько ни пыталось русское образованное общество напитаться западной экономической мудростью, оно практически ничего не смогло извлечь из нее полезного для устроения как отдельного хозяйства, так и экономики страны в целом.

Глава 2.

СЛАВЯНОФИЛЫ И ИХ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ В ЭПОХУ АБСОЛЮТИЗМА И КРЕПОСТНОГО ПРАВА (1839 – 1855 ГОДЫ)

Основатели славянофильства А. С. Хомяков и И. В. Киреевский

Хомяков Алексей Степанович родился в 1804 году в Москве, в родовитой дворянской семье. Мать воспитала его в строгой преданности основам православной церкви и национальным началам жизни. Все позднейшие убеждения Х. имеют свои корни в семейных традициях и обстановке детских лет. Родители приглашали для его обучения профессоров университета. Закончив образование, Хомяков выдержал при Московском университете (по математическому отделению) экзамен на степень кандидата наук. Он дружил с Дмитрием Веневитиновым, мечтавшим о создании оригинальной русской философии, и другими участниками кружка «любомудров». Служил в кирасирском, затем в лейб-гвардии Конном полку. Отпросившись в середине 1825 года в бессрочный отпуск, Хомяков выехал за границу, что уберегло его от преследований после подавления Николаем I восстания декабристов, со многими из которых он был близок лично (но не идейно, так как считал революцию, а тем более военный заговор недопустимым способом решения назревших проблем общества). Некоторое время Хомяков путешествовал по странам Западной Европы, но преимущественно жил в Париже. Уже тогда Франция стала для Хомякова как бы средоточием всех отрицательных крайностей западноевропейской, буржуазной цивилизации. Франции, классической стране буржуазных революций, он противопоставлял Англию как страну устойчивых социальных

и нравственных традиций, хотя и в ней замечал проникновение буржуазных институтов и отношений. Х. побывал в Швейцарии, Сев. Италии и землях северных славян, которые его встретили как “любимого родственника”. В 1827–28 гг. Х. жил в Петербурге, посещая салоны Е. А. Карамзиной и князя В. Ф. Одоевского и выступая с остроумными и горячими опровержениями модного тогда шеллингизма.

Хомяков участвовал в русско-турецкой войне 1828–1829 годов, проявив в боях незаурядное мужество, и получил за храбрость орден св. Анны с бантом. После выхода в отставку он управлял своими имениями и занимался исключительно творческой деятельностью.

В тридцатые годы складывается теория славянофильства — и Хомякову принадлежит важнейшая роль в ее разработке. Члены кружка, которые взялись за это дело, в начале тридцатых годов были, по словам Кошелева, «ярыми западниками, и Хомяков почти один отстаивал необходимость для каждого народа самобытного развития, значение веры в человеческом душевном и нравственном быту и превосходство нашей церкви над учениями католичества и протестантства». И. В. Киреевский перешел к славянофильским взглядам под большим влиянием Хомякова. После закрытия «Европейца» (см. ниже) происходит тесное сближение Киреевского с Хомяковым, начинается совместная работа над разработкой системы, вербуются прозелиты (Д. А. Валуев, А. Н. Попов, позже К. С. Аксаков и Ю. Самарин). В стихотворениях Хомякова тридцатых годов имеются налицо все элементы славянофильской теории: вера в гибель Запада и будущее России («Ложится тьма густая на дальнем Западе, стране святых чудес... Век прошел и мертвенным покровом задернут Запад весь. Там будет мрак глубок... Услышь же глас судьбы, воспрянь в сиянье новом, проснися, дремлющий Восток»... «И другой стране смиренной, полной веры и чудес (то есть России), — Бог отдаст судьбу вселенной, гром земли и глас небес»), убеждение в самобытности и ценности русских начал и т. д. В своих стихах Хомяков всегда отводил много места славянству и его будущему: его поэзия даже называется «поэзией славянства». Еще в 1831 году Хомяков в оде по поводу польского мятежа рисовал картину будущего: «гордо над вселенной, до свода синего небес орлы славянские взлетают широким дерзостным крылом, но мощную главу склоняют пред старшим — Северным Орлом. Их тверд союз, горят перуны, закон их властен над землей, и будущих Баянов струны поют согласье и покой!...»

К концу тридцатых годов Хомяков по настоянию своих юных друзей Д. А. Валуева и А. Н. Попова начал заносить на бумагу свои «Мысли о всеобщей истории», где ставил своей задачей собственно

не историю, а схему, которая охватывала бы жизнь всех племен земного шара и рассматривала бы исторический процесс с точки зрения внутренних сил, его обусловливающих, главным образом — религии. На основе огромного набора сведений, не без тенденциозности, Хомяков оправдывал излюбленные славянофильские идеи о характере истинного просвещения, о рационализме и вещественности западных начал, о полноте духа, проявившейся в славянских землях и т. д. (так, он находит славян за несколько тысячелетий до Р. Х.; англичане, по его мнению, в сущности угличане, тюринги — тверичи, Эвксин — Сине море и т. п.).

Хомяков уделял много внимания проблемам народного воспитания, четко отделяя просвещение от голой науки: «Просвещение не есть только свод и собрание положительных знаний: оно глубже и шире такого тесного определения. Истинное просвещение есть разумное просветление всего духовного состава в человеке или народе. Оно может соединяться с наукою, ибо наука есть одно из его явлений, но оно сильно и без наукообразного знания; наука же (односторонее его развитие) бессильна и ничтожна без него».

Первым публичным выступлением Хомякова с изложением основ славянофильских воззрений стала его статья (точнее, реферат) «О старом и новом», которая ниже разбирается подробно. Этот доклад был прочитан в доме И.В. Киреевского в 1839 году.

В начале сороковых годов славянофильская доктрина получает выработанный и стройный вид во время споров с западниками (Герценом, Грановским и др.) в салонах Елагиной и Свербеевых. В этих спорах главную роль среди славянофилов играл Хомяков. Обладая огромной эрудицией, особенно в сфере церковной истории и богословия, и необыкновенными диалектическими способностями, он был опасным противником западников. И до конца своих дней он развивал и отстаивал в нескончаемых спорах свои славянофильские убеждения.

В 1854 году, во время Крымской войны, Хомяков написал свое знаменитое стихотворение «Россия», вызвавшее бурю гнева в правительственных кругах, в дворянском обществе, в среде консервативных литераторов. Он писал, что в Дворянском клубе его назвали изменником родины, подкупленным англичанами. Причиной для подобных обвинений стало то, что Хомяков, высоко оценивая достоинства родной страны и выражая веру в ее избрание свыше, осмелился обнажить в ее жизни глубокие общественные язвы. В этом стихотворении, распространившемся в многочисленных списках, заключалась довольно нелестная характеристика страны, которая будет приведена ниже.

Когда славянофилы в 1856 году получили возможность издавать журнал «Русская беседа», Хомяков был одним из тех, кто финансировал издание, деятельным сотрудником и духовным руководителем журнала. Многие редакционные статьи, в том числе и предисловие к журналу, излагавшее его credo, принадлежат Хомякову.

В последние годы своей жизни Хомяков принял деятельное участие в восстановлении «Общества любителей российской словесности при Московском университете» и был избран его председателем.

Объединение славянофильских начал происходило на почве богословия и своеобразной философии. Философия Хомякова ближайшим образом примыкает к Киреевскому, но богословие — та специальная область, единственным представителем которой был Хомяков, являвшийся среди славянофилов верховным авторитетом по вопросам веры. Особенно занимали его вопросы об отношении веры к знанию и о положении православия среди других исповеданий. С особенной обстоятельностью рассмотрено православие в его отношениях к католичеству и протестантству в трех брошюрах Хомякова, вышедших по-французски за границей в 1853, 1855 и 1858 годах под общим заглавием «Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях». Хомякову принадлежит перевод посланий апостола Павла к Галатам и к Ефесянам. Последователи Хомякова приписывают его богословским трудам огромное значение и готовы признавать его «отцом церкви». Представители официальной науки расходятся в их оценке. Центральным пунктом теологии Хомякова является выяснение идеи церкви. Рассматривая церковь как живой организм любви и истины, Хомяков говорит: «Церковь не в более или менее значительном числе верующих, даже не в видимом собрании верующих, но в духовной связи, их объединяющей». Полнейшая свобода исследования предоставляется членам церкви, и только начало деятельной любви обеспечивает ее единство. Церковь составляют или, вернее, творят не одна иерархия, но все ее члены, пребывающие в живом взаимодействии между собой. Католичество изменяет началу свободы во имя единства, протестантство — наоборот. Православие одно осталось верным духу христианства, являясь гармоническим сочетанием единства и свободы в принципе и христианской любви; католичество в силу особых условий своего развития прониклось рационализмом, отвергнув соборное начало; протестантство есть только дальнейшее развитие католического рационализма, приводящее от единства к свободе (Подробнее см.: Хомяков А.С. Церковь одна. М., 1991).

Свои философские воззрения Хомяков не успел выразить с той полнотой, с какой обработана его теология. Первая философская его статья написана «По поводу отрывков, найденных в бумагах И. В. Киреевского» («Русская беседа». 1857. № 1) и представляет реконструкцию философских взглядов Киреевского. Философская система славянофильства, построенная Хомяковым и Киреевским, еще не нашла компетентной оценки.

Особо нужно отметить еще две важных характеристики личности Хомякова.

Во-первых, он был поразительно разносторонне одаренным человеком. Трудно найти сферу, где бы он ни приложил свои знания и способности. Вот лишь краткий перечень его «специальностей». Социолог, публицист, эстетик и критик (литературный и частично художественный). Философ, автор многотомных «Записок о всемирной истории». Экономист, разрабатывавший планы уничтожения крепостного права, практик-помещик, усовершенствовавший сельскохозяйственное производство, винокурение и сахароварение. Изобретатель новой паровой машины, получивший патент в Англии, и дальнобойного ружья. Врач-гомеопат и врач, использующий средства народной медицины для борьбы с холерой. Одаренный художник, портретист и иконописец. Полиглот-лингвист; известный в свое время поэт и драматург. Выступал за отмену крепостного права, смертной казни, за введение свободы слова, печати и т.д.

Во-вторых, он был православным человеком, сознательно верующим с самого детства, в чем важную роль сыграла его мать (происходившая из рода Киреевских). Хомяков всегда и везде, даже в боевых условиях, строго соблюдал пост и другие установления Церкви. Впоследствии он стал выдающимся светским богословом, проявил себя как религиозный писатель, ориентировавшийся на восточную патристику (учение о «соборности» и др.), не чуждый и философского романтизма. Особенно почитал Хомяков преподобного Серафима Саровского, причем этот культ был воспринят им в раннем детстве от матери, которая настолько благоговела перед Саровским подвижником, что постоянно носила шапочку, освященную на его могиле, и пила воду не иначе, как кладя в нее кусочек от камня, на котором Серафим проводил ночи в молитве.

Деревенский дом Хомякова в селе Богучарово изобиловал изображениями преподобного Серафима, теми разнообразными литографическими портретами его, которые во множестве стали распространяться после его кончины в 1833 году. Хомяков посещал Саровскую Пустынь, но неизвестно, встречался ли с преподобным Серафимом Саровским.

О том, какое место в формировании православной традиции Хомяков отводил преподобному подвижнику, говорит его письмо к одному из своих единомышленников А. И. Кошелеву. Хомяков пишет, что «корень и основа наши: Кремль, Киев, Саровская Пустынь, народный быт с его песнями и обрядами и по преимуществу община сельская».

Надо было очень высоко ценить подвиги и народную славу преподобного Серафима, чтобы сопоставить Саров с Киевом и признать за ним значение корня и основы. Конечно, это сказано не в том смысле, что де сама Саровская Пустынь легла в основу народной жизни: она взята как олицетворение идеи монашеского подвижничества, столь высоко чтимого народом. Но для того, чтобы избрать именно ее, надо было иметь очень высокое мнение о том, кто ее прославил.

Киреевский Иван Васильевич родился в 1806 году в Москве, в старинной дворянской семье, и получил блестящее домашнее образование (его наставником был поэт В.А. Жуковский). Восемнадцати лет он поступил на службу в Московский главный архив Иностранной коллегии и оказался в кругу так называемых «архивных юношей» и «любомудров». Не только друзья, но и его позднейшие недоброжелатели и идейные противники признавали, что Киреевский отличался глубоким умом и душевной чистотой, благородством натуры и пониманием собственного призвания.

Убедившись в том, что ему присущ талант литератора (а об этом писали и Пушкин, и Жуковский), он отказался от службы и решил посвятить свою жизнь «просвещению народа».

Уже в 1827 году Киреевский очень определенно ставит свои жизненные цели. «Мы возвратим, — пишет он Кошелеву, — права истинной религии, изящное согласим с нравственностью, возбудим любовь к правде, глупый либерализм заменим уважением законов и чистоту жизни возвысим над чистотой слога». И средство для этой моралистической пропаганды было уже им выбрано: «Не думай, однако же, – писал он тому же Кошелеву, – чтобы я забыл, что я русский, и не считал себя обязанным действовать для блага своего Отечества. Нет! все силы мои посвящены ему. Но мне кажется, что вне службы – я могу быть ему полезнее, нежели употребляя все время на службу. Я могу быть литератором, а содействовать просвещению народа не есть ли величайшее благодеяние, которое можно ему делать?... Я... дам литературе свое направление».

Вскоре он проявил себя как проницательный литературный критик и публицист. В 23 года он печатает статью «Нечто о характере поэзии Пушкина», в которой не просто высказал свои

впечатления о прочитанных произведениях поэта (чем до того пробавлялись критики, и это давало Киреевскому право заявить: «собственно разбора поэм Пушкина мы еще не имеем»). Киреевский разбирает особенности стиля и языка каждого значительного из опубликованных к тому времени произведений Пушкина. А затем он предлагает периодизацию творческого пути поэта, показывая, что время подражания, пусть и творческого, западным образцам завершилось, и Пушкин предстает уже чисто русским национальным поэтом. Поэтому Киреевского можно с полным основанием считать основоположником отечественного пушкиноведения.

Затем Киреевский пишет «Обозрение русской словесности 1829 года», заслужившее восторженную оценку у многих истинных ценителей отечественной литературы (весьма благожелательную рецензию на «Обозрение» написал Пушкин). Разбирая творчество своего друга, недавно ушедшего из жизни Дмитрия Веневитинова, Киреевский делает важное замечание о природе истинного знания: «одна любовь дает нам полное разумение». Это положение, высказанное пока вскользь, впоследствии займет видное место в его философских построениях.

Проанализировав основные новинки литературы стран Западной Европы и отметив, что там повсюду царит «застой», Киреевский делает удивительно смелый вывод: «Изо всего просвещенного человечества два народа не участвуют во всеобщем усыплении: два народа, молодые, свежие, цветут надеждою: это Соединенные Американские Штаты и наше отечество. Но отдаленность местная и политическая, а более всего односторонность английской образованности Соединенных Штатов всю надежду Европы переносят на Россию. Совместное действие важнейших государств Европы участвовало в образовании начала нашего просвещения, приготовило ему характер общеевропейский и вместе дало возможность будущего влияния на всю Европу. К той же цели ведут нас гибкость и переимчивость характера нашего народа, его политические интересы и самое географическое положение нашей земли. Судьба каждого из государств европейских зависит от совокупности всех других – судьба России зависит от одной России. Но судьба России заключается в ее просвещении: оно есть условие и источник всех благ. Когда же эти все блага будут нашими, мы ими поделимся с остальною Европою и весь долг наш заплатим ей сторицею»[7].

Уже здесь просматривается мысль о том, что сначала русские учились у Европы, а когда эта старушка, выражаясь современным языком и без обиняков, впала в старческий маразм, именно Россия

7 Киреевский И.В. Критика и эстетика. М. 1979.

предложит лекарство, которое поможет больной вернуться к активной жизни. Здесь – зародыш русской мессианской идеи, которой были привержены все славянофилы.

Между прочим, эта мысль в несколько иной форме высказывалась и Петром I, которого славянофилы в целом не жаловали. А напомнил эту его мысль именно Киреевский, но сделал это в более поздней своей работе.

В 1830 году Киреевский предпринял поездку за границу. В Германии он слушал лекции профессоров философии.

Заграничное путешествие не расширило кругозора Киреевского, за пределы университетской жизни его интересы не выходили, а в этих пределах его интересовали по преимуществу философия, богословие, отчасти история. Он познакомился лично с Гегелем и Шеллингом, но учения их или были для него не новы, или не произвели сильного впечатления. Самые сильные впечатления заграничной жизни были у обоих братьев (Ивана и Петра) чисто отрицательные. Еще из Германии Киреевский писал: «Нет на всем земном шаре народа плоше, бездушнее, тупее и досаднее немцев! Булгарин перед ними гений!»

Возвратившись на родину полным планов и воодушевления, Киреевский приступил к осуществлению своей центральной идеи – изданию собственного журнала. Преодолев все трудности, связанные с получением разрешения на новое издание, Киреевский развернул кипучую работу. Его журнал под названием «Европеец» должен был стать исключительным явлением на фоне изданий, рассчитанных преимущественно на развлечение публики. Он задумывался как трибуна всего самого передового, что появлялось в отечественной и мировой культурной жизни, чтобы любой читатель из какой-нибудь пензенской глубинки мог узнавать новейшие достижения мысли, прежде доступные только узкому кругу столичных интеллектуалов.

Киреевский пишет две большие статьи: «Девятнадцатый век» (первую часть) и «Обозрение русской словесности за 1831 год», а также несколько рецензий. Он привлек к участию в журнале Жуковского, Баратынского, Языкова, Хомякова, А. Тургенева, заручился поддержкой Пушкина.

Часто в статье «Девятнадцатый век» выражение западнических мнений, которых будто бы держался Киреевский в начале 1830-х годов. Действительно, он доказывает в ней необходимость заимствовать просвещение с Запада — но (развивая свою давнюю задушевную мысль) только для того, чтобы Россия могла стать во главе человечества и приобрести всемирно-историческую роль.

Просвещение Киреевский несомненно уже понимал в это время как усвоение внешних знаний и техники; он уже собирался из русского народного характера вывести особенности русской «философии» или «любомудрия», как он потом выражался; он уже строил свое понимание русского характера и русской философии на христианском начале: в его восточной форме. Ему недоставало только берлинских лекций Шеллинга, чтобы дать своим взглядам окончательную формулировку.

Две первые продуманно и любовно составленные книжки журнала вышли в свет в 1832 году. Пушкин в письме к Киреевскому отмечал: «До сих пор журналы наши были сухи и ничтожны или дельны да сухи; «Европеец» первый соединит деятельность с заманчивостью… Ваша статья («Обозрение…»)… порадовала все сердца; насилу-то дождались мы истинной критики».

Отношение Пушкина к Ивану Киреевскому вообще отличала какая-то особая нежность, и его младший друг отвечал ему тем же.

Высокую оценку главной статье журнала дал и Баратынский. По его словам, восхищение многих вызвало «Обозрение».

Киреевский подготовил третью книжку журнала, в которой было помещено окончание статьи «Девятнадцатый век». Но в Петербург поступил донос, и журнал был запрещен. По словам Бенкендорфа, сам царь нашел, что статья «Девятнадцатый век» «писана в духе самом неблагонамеренном»; «сочинитель, рассуждая будто бы о литературе, разумеет совсем иное… под словом просвещение он понимает свободу… деятельность разума означает у него революцию, а искусно отысканная середина не что иное, как конституция». В доносе на журнал по поводу «Обозрения» говорилось: автор весьма коварно насмехается над нашим правительством. Слова Киреевского об «иностранном» влиянии, которое не следует смешивать с «пристрастием к иностранцам», зачастую поверхностно образованным и чуждым русской культуре, была воспринята самим Николаем I как дерзкий выпад против видных деятелей царского правительства иностранного происхождения.

И хотя Жуковский обоснованно доказывал полную несостоятельность подобных истолкований и обвинений Киреевского в желании замаскировать философией политику, журнал окончательно прикрыли, изъяв из участия в общественной жизни честного и талантливого литератора, по сути союзника государственных начинаний в области просвещения.

«Что делать! Будем мыслить в молчании и оставим литературное поприще Полевым и Булгариным», – писал Боратынский Киреевскому после запрещения «Европейца».

История с запрещением «Европейца» произвела в обществе тяжкое впечатление.

«Киреевский, – замечает Пушкин в одном из писем, – представлен правительству сорванцом и якобинцем! Все здесь надеются, что он оправдается и что клеветники – или, по крайней мере, клевета – успокоится и будет изобличена».

Надежда Пушкина не оправдалась. Клевета легла на почву, отчасти удобренную самим правительством. Подозрение и недоверие к благородным, стремящимся приносить пользу, но «неслужащим» соотечественникам заставляет начальство III отделения прибегать к таким средствам, которые подрывали моральный авторитет государства, отталкивали от него лучших представителей народа и тем самым незаметно, но верно участвовали в расшатывании его могущества. В число неблагонадежных попал даже воспитатель царского наследника Жуковский, который, узнав о незаконной проверке его писем, сообщал А. И. Тургеневу: «Кто вверит себя почте? Что выиграли, разрушив святыню, веру и уважение к правительству! Это бесит! Как же хотят уважения к законам в частных лицах, когда правительство все беззаконие себе позволяет?»

Хотя позиция Киреевского в то время была критической, но и «западнической», о дальнейшей карьере журналиста и просветителя, о которой он так мечтал, ему пришлось забыть. Лишь заступничество Жуковского, имевшего личный доступ к императору, спасло Киреевского от ареста и ссылки. По сути, он был отлучен от журналистики на целых 12 лет, и в период до начала дискуссии между основоположниками славянофильства ему удалось напечатать всего две небольшие статьи – «О русских писательницах» и «О стихотворениях г. Языкова».

Сказалась тут и привычка к праздному препровождению времени «на диване, с трубкой и с кофе». «Жаль, — писал про братьев Киреевских Грановский, — что богатые дары природы и сведения, редкие не только в России, но и везде, гибнут в них без всякой пользы для общества».

В 1834 году Киреевский женился на Наталье Петровне Арбениной. Зиму супруги обычно проводили в Москве, лето – в родовом имении Киреевских Долбино, недалеко от города Белева, где Иван Васильевич был почетным смотрителем уездного училища. Наталья Петровна сыграла важную роль в его духовной жизни. Она была почитательницей преподобного Серафима Саровского, который исцелил ее от тяжелой болезни. После смерти преподобного она стала духовной дочерью схимника Новоспасского монастыря Филарета, с которым познакомила и мужа. Старец и Киреевский вели долгие бе-

седы на философские и богословские темы. Эти беседы послужили для Киреевского толчком для глубокого изучения творений Отцов Церкви. «Существеннее всяких книг и всякого мышления, — писал он Кошелеву, — найти святого православного старца, который бы мог быть твоим руководителем, которому ты бы мог сообщать каждую мысль свою и услышать о ней не его мнение, более или менее умное, но суждение святых отцов».

Старец Филарет умер на руках Киреевского и завещал всю свою паству старцу Оптиной пустыни Макарию (Иванову), хорошо известному уже многим образованным московским дворянам (впоследствии его почитателем станет Гоголь).

Монастырь Оптина пустынь находился в 40 верстах от Долбина. Киреевский проводил здесь целые недели в философских и религиозных беседах со старцем Макарием. Киреевский помогал деньгами монастырю, в значительной мере на его средства были изданы первые печатные труды обители, начиная с жизнеописания и сочинений старца Паисия (Величковского), послуживших толчком для начала целого этапа возрождения русской религиозной мысли.

Как отмечал П. Милюков, в этот период уединения Киреевский сошелся со старцами Оптиной пустыни, последователями Паисия Величковского, принесшего в Россию с Афона учение восточно-христианских теоретиков мистицизма (исихазма). Для готового уже в уме Киреевского контраста между восточной и западной «формами философии» и религии (термин «любомудрие» обнимал то и другое) учение восточных отцов давало конкретное содержание. Западная форма мысли представлялась ему в виде схоластики (отвлеченно-формального направления), а восточная — в виде мистики (деятельно-христианского, душевно-целостного направления). Из этой антитезы он развил потом все свое учение об особенностях национального характера и национальной истории Востока и Запада).

О трудах Киреевского, созданных уже в русле строгой православной традиции, как и о его экономических воззрениях, будет сказано ниже.

Общественное оживление 40-х годов подняло, однако, и настроение Киреевского. С возвращением Герцена из ссылки в Москву салонные споры приняли более острый характер, перешли в литературу, вызвали более резкую и точную формулировку взглядов и привели, наконец, к открытому разрыву. Киреевский опровергал Гегеля Шеллингом и, в духе последнего, противопоставил философии мысли и логики — философию чувства и веры. Первая для него исчерпывала смысл европейской жизни, вторая должна была сделаться специальным достоянием русских. Вероятно, это возоб-

новление интереса к философии и желание разработать свою давнишнюю идею в более точной форме побудило Киреевского искать кафедры философии в Московском университете. Опальный издатель «Европейца» получил, однако, отказ. Немногим удачнее была и попытка вернуться к литературной деятельности, которой Киреевский жаждал тогда. В 1845 году Погодин передал Киреевскому редактирование журнала «Москвитянин». Петр Киреевский и многие сотрудники «Европейца» стали принимать участие в журнале. Но с Погодиным трудно было вести дело; притом цензурные затруднения и болезнь отбили у Киреевского охоту вести журнал; выпустив три книжки, он бросил работу и опять на семь лет замолчал.

Свои религиозно-философские идеи ему удалось высказать только в 1852 году, в изданном славянофильским кружком «Московском Сборнике». Но и эта попытка повременного издания встретила затруднения со стороны цензуры. Статья Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» была отмечена как особенно вредная, и второй том «Московского Сборника» не был выпущен в свет: «Не столько за то, что в нем было сказано, сколько за то, что умолчано».

После запрещения «Сборника» Киреевский опять уехал в деревню. «Не теряю намерения, — пишет он из деревни Кошелеву, — написать, когда можно будет писать, курс философии. Теперь, кажется, настоящая пора для России сказать свое слово о философии, показать им, еретикам, что истина науки только в истине православия. Впрочем, и то правда, что эти заботы о судьбе человеческого разума можно предоставить Хозяину (Богу), Который знает, когда и кого послать на свое дело». Эти строки хорошо выражают настроение последних годов Киреевского.

С таким настроением Киреевский встретил первые годы царствования Александра II. Славянофильский кружок задумал издавать журнал «Русская Беседа», и Киреевский послал в «Беседу» статью «О необходимости и возможности новых начал для философии». Это было вступление к изложению собственной системы Киреевского. Но продолжение осталось ненаписанным, так как в 1856 году Киреевский умер от холеры в Петербурге, куда приехал для свидания с сыном. Вместе со статьей в «Московском Сборнике» эта статья «Русской Беседы» осталась главным памятником религиозно-философского мировоззрения Киреевского. Сравнительно с обширными планами юных годов такой результат был очень скромен. Помимо неблагоприятных условий литературной деятельности, это отсутствие литературной экспансивности нельзя не поставить в связь с тем малым сочувствием, которое вызыва-

ли мнения Киреевского за пределами его ближайшего дружеского кружка. Как писал о нем Герцен, «жизнь его не удалась... Положение его в Москве было тяжелое. Совершенной близости, сочувствия у него не было ни с его друзьями, ни с нами». Однако и сам Герцен, и другие идейные противники Киреевского отдавали должное и его редкостному дарованию, и личному благородству. Н. Г. Чернышевский также писал, что Киреевский «был полезен и нужен у нас», ибо «своей жаждой истины пробуждал в других деятельность мысли».

Спор основоположников

В домах И.В. Киреевского, его матери Елагиной, Д.Н. Свербеева, на квартире П.Я. Чаадаева и в ряде других салонов Москвы в дни приема гостей не раскладывали столы для карточной игры, как это было общепринято в то время (вспомним, как проводили время герои пушкинской «Пиковой дамы» или чиновники губернского города, куда судьба занесла Чичикова). В этих центрах интеллектуальной жизни первопрестольной по вечерам вели оживленные беседы о России и ее судьбах, а также о новостях культурной жизни. В 1839 году на одном из таких вечеров в доме И.В. Киреевского А.С. Хомяков зачитал доклад «О старом и новом», послуживший предметом бурного обсуждения. Рукопись Хомякова распространилась по другим московским салонам, о ней говорили повсюду. Вскоре с возражениями Алексею Степановичу выступил Киреевский, доклад которого так и назывался: «В ответ А.С. Хомякову».

К сожалению, труды основоположников славянофильства впоследствии нередко искажались, в том числе и их последователями. Поэтому прежде чем анализировать их следовало бы напомнить их первоначальный текст, причем желательно бы привести их полностью. Однако упомянутая рукопись Хомякова занимает 15 страниц печатного текста, примерно таков же и объем доклада Киреевского. Поэтому в данной работе пришлось процитировать из этих докладов наиболее важные места, убрать некоторые несущественные подробности, а остальное содержание передать своими словами.

Хомяков статью «О старом и новом» начал так: «Говорят, в старые годы лучше было все в земле русской. Была грамотность в селах, порядок в городах, в судах правда, в жизни довольство. Земля русская шла вперед, развивала все силы свои, нравственные,

умственные и вещественные. Ее хранили и укрепляли два начала, чуждые остальному миру: власть правительства, дружного с народом, и свобода церкви, чистой и просвещенной».

Этот взгляд Хомяков считает основанным на мифах. О какой грамотности можно говорить, если на грамоте о присяге русских дворян первому из Романовых вместо подписей нескольких князей и именитых бояр, не говоря уж о многих других, менее известных, стоял крест с отметкою: по неумению грамоте.

Разве можно считать, что в обществе царит порядок, если беспрестанно в первопрестольном граде шли драки между приверженцами разных дворянских кланов? И могла ли торжествовать правда в стране, где, как видно из документов, процветали взяточничество чиновников и продажность судей, пытка была в употреблении всеобщем и слабый никогда не мог побороть сильного. И можно ли считать довольством положение, когда «при малейшем неурожае люди умирали с голода тысячами, бежали в Польшу, кабалили себя татарам, продавали всю жизнь свою и будущих потомков крымцам или своим братьям русским, которые едва ли были лучше крымцев и татар». Не было в той Руси и власти, дружной с народом! «Не только в отдаленных краях, но в Рязани, в Калуге и в самой Москве бунты народные и стрелецкие», как и «подлые дворянские крамолы» были происшествием обыкновенным. «Несколько олигархов вертели делами и судьбою России… для своих личных выгод». Нельзя было и Церковь считать просвещенной и свободной: «назначение патриарха всегда зависело от власти светской», которая вмешивалась в церковные дела; архиереи совершали недостойные поступки, вплоть до душегубства, и подчас жили слишком роскошно. «Собор Стоглавый остается бессмертным памятником невежества, грубости и язычества, а указы против разбоя архиерейских слуг показывают нам нравственность духовенства в виде самом низком и отвратительном».

«Что же было в золотое старое время? – продолжал Хомяков. – Искать ли нам добра и счастья прежде Романовых?» Тут встречают нас смуты и казни при Иоанне Грозном, безнравственное царствование Василия, ослепление внука Донского, «потом иго монгольское, уделы, междоусобия, унижение, продажа России варварам и хаос грязи и крови. Ничего доброго, ничего благородного, ничего достойного уважения или подражания не было в России. Везде и всегда были безграмотность, неправосудие, разбой, личности (так тогда именовалась клевета), угнетение, бедность, неустройство и разврат. Взгляд не останавливается ни на одной светлой минуте в жизни народной, ни на одной эпохе утешительной и, обращаясь к настоящему времени, радуется пышной картине, представляемой нашим отечеством».

Но, с другой стороны, сельские протоколы, отысканные Языковым, и документы, найденные Строевым, свидетельствуют: «Была же грамотность и организация в селах: от нее остатки в сходках и мирских приговорах, которых не могли уничтожить ни власть помещика, ни власть казенных начальств». Существовал и городской порядок, определявший распределение должностей между гражданами и обеспечивавший «низшим доступ к высшим судилищам». Были в Северной и Средней России и суд присяжных, и совестной суд. Дошли до нас и старые песни, в которых воспевается быт крестьянский. В древности отсутствовало крепостное право, «если только можно назвать правом такое наглое нарушение всех прав». Было равенство всех сословий, и «люди могли переходить все степени службы государственной и достигать высших званий и почестей», чего не было у народов западных. И, наверное, власть была крепкой, если обеспечила распространение России до Тихого океана и победы над столькими и столь сильными врагами. А дружба власти с народом запечатлена «в старом обычае, сохранившемся при царе Алексее Михайловиче, собирать депутатов всех сословий для обсуждения важнейших вопросов государственных. Наконец, свобода чистой и просвещенной церкви является в целом ряде святителей, которых могущее слово более способствовало к созданию царства, чем ум и хитрость государей». И они пользовались уважением не только русских, но и иноземцев. Поражают богатство библиотек патриархов и митрополитов, книги духовные, «споры богословские, в письмах Иоанна, и особенно в отпоре, данном нашей Церковью церкви Римской».

Так «что же думать нам о старой Руси? Два воззрения, совершенно противоположные, одинаково оправдываются и одинаково опровергаются фактами неоспоримыми, и никакая система, никакое искусственное воссоздание древности не соответствует памятникам и не объясняет в полноте их всестороннего смысла. Нам непозволительно было бы оставить вопрос неразрешенным тогда, когда настоящее так ясно представляется нам в виде переходного момента и когда направление будущего почти вполне зависит от понятия нашего о прошедшем. Если ничего доброго и плодотворного не существовало в прежней жизни России, то нам приходится все черпать из жизни других народов и из собственных теорий, из примеров и трудов просвещеннейших и из стремлений современных. Мы можем приступить к делу смело, прививать чужие плоды к домашнему дичку, перепахивать землю, не таящую в себе никаких семян, и при неудачах успокаивать свою совесть мыслью, что, как ни делай, хуже прежнего не сделаешь.

Если же, напротив, старина русская была сокровище неисчерпаемое всякой правды и всякого добра, то труд наш переменит свой характер, и все так же будет легок. Вот архивы, вот записки старых бумаг, сделок, судебных решений, летописей и пр. и пр. Только стоит ввести факт критики под архивные своды и воскресить, на просторе царства, учреждения и законы, которых трупы истлевают в забытых шкафах и сундуках».

После краткого обзора обоих мнений едва ли можно пристать к тому или другому… Что лучше, старая или новая Россия? Много ли поступило чуждых стихий в ее теперешнюю организацию? Приличны ли ей эти стихии? Много ли она утратила своих коренных начал и таковы ли были эти начала, чтобы нам о них сожалеть и стараться их воскресить?

Современную Россию мы видим: она нас и радует, и теснит. О ней мы можем говорить с гордостью иностранцам, а иногда совестимся говорить даже со своими; но старую Русь надобно — угадать.

На основе всех памятников нужно придти «к тому простому заключению, что прежде, как и теперь, было постоянное несогласие между законом и жизнью… Примем это толкование, как истину, и все перемены быта русского объяснятся. Мы поймем, как легко могли измениться отношения видимые, и в то же время мы будем знать, что изменения редко касались сущности отношения между людьми и учреждениями, между государством, гражданами и Церковью».

Мы можем гордиться, например, тем, что пытка была отменена в России тогда, «когда она существовала почти во всех судах Европы, когда Франция и Германия говорили о ней без стыда и полагали ее необходимою для отыскания и наказания преступников». Но пытка существует в России, она существует при всяком следствии, дерзко бросается в глаза во всех судах.

Крепостное состояние крестьян введено Петром Первым; но когда вспомним, что они не могли сходить с своих земель, что даже отлучаться без позволения они не смели, а что между тем суд был далеко, в Москве, в руках помещиков, что противники их были всегда и богаче, и выше их в лестнице чинов государственных, – не поймем ли мы, что рабство крестьян существовало в обычае, хотя не было признано законом, и что отмена Холопьего приказа не могла произвести ни потрясений, ни бунтов и должна была казаться практическому уму Петра простым уничтожением ненужного и почти забытого присутственного места? Так-то факты и учреждения письменные разногласят между собою». Жаль, конечно, что закон освятил и укоренил давнее злоупотребление аристократии.

«Бесконечные неустройства России дорамановской не позволяют сравнивать ее с нынешнею, и потому я всегда говорю об той России, которую застал Петр и которая была естественным развитием прежней. Я знаю, что в ней хранилось много прекрасных инстинктов, которые ежечасно искажаются, что когда-нибудь придется нам поплатиться за то, что мы попрали святые истины равенства, свободы и чистоты церковной; но нельзя не признаться, что все лучшие начала не только не были развиты, но еще были совершенно затемнены и испорчены в жизни народной, прежде чем закон коснулся их мнимой жизни...»

Когда наступила минута, в которую самое существование государства подверглось опасности, тогда, оставляя без внимания все частные и мелкие выгоды личные, государство устремилось к одной цели – к сплочению разрозненных частей.

Иоанн Третий ограничивает свободу северных городов и утверждает обряды местничества, чтобы все уделы притянуть в Москву общею нумерациею боярских родов; Иоанн Четвертый выдумывает опричнину; Феодор воздвигает в Москве патриаршеский престол. Годунов прикрепляет людей к земле; Алексей Михайлович заводит армию на лад западный; Феодор уничтожает местничество, сделавшееся бесполезным для власти и вредным для России; и, наконец, является завершитель их подвига, воля железная, ум необычайный, но обращенный только в одну сторону, человек, для которого мы не находим ни достаточно похвал, ни достаточно упреков, но о котором потомство вспомнит только с благодарностью, — является Петр. Об его деле судить я не стану; но замечу мимоходом, что его не должно считать основателем аристократии в России, потому что безусловная продажа поместий, обращенных Михаилом Феодоровичем и Алексеем Михайловичем в отчины, уже положила законное начало дворянству; так же, как не должно его обвинять в порабощении Церкви, потому что независимость ее была уже уничтожена переселением внутрь государства престола патриаршего, который мог быть свободным в Царьграде, но не мог уже быть свободным в Москве.

Если сравнить состояние России в XIX веке с состоянием ее в XVII, мы придем, кажется, к следующему заключению. Государство стало крепче и получило возможность постепенного улучшения без внутренней борьбы; несколько прекрасных начал, прежде утраченных, освящено законом и поставлено на твердом основании; такова отмена смертной казни, человеколюбие в праве уголовном и возможность низшим сословиям восходить до высших степеней государственных на условиях известных и правильных. Наконец, закон освятил несколько злоупотреблений, введенных обычаем в

жизнь народную, и через это видимо укоренил их… Так в наше время мерзость рабства законного, тяжелая для нас во всех смыслах, вещественном и нравственном, должна вскоре искорениться общими и прочными мерами, между тем как илотизм крестьян до Петра мог сделаться язвою вечною и по меньшей мере вел к состоянию пролетариев или безземельных английских работников».

А вот недостатки в жизни и ходе просвещения: «излишний космополитизм, некоторое протестантство мыслей и отчуждение от положительных начал веры и духовного усовершенствования христианского»...

Лучшие инстинкты души русской, образованной и облагороженной христианством, произвели все хорошее, чем мы можем гордиться. Это – «мирное направление политики, провозглашение закона Христа и правды, как единственных законов, на которых должны основаться жизнь народов и их взаимные сношения. Кое-что сделано; более, несравненно более остается сделать такого, на что вызывает нас дух древности... Весь этот прекрасный мир почти замер в беспрестанной борьбе внутри и вне России. Без возобновления государства все бы погибло. Но государство окрепло: теперь все прежние начала разовьются собственною своею неумирающею силою.

«Нам стыдно бы было не перегнать Запада. Англичане, французы, немцы не имеют ничего хорошего за собою. Чем дальше они оглядываются, тем хуже и безнравственнее представляется им общество… Западным людям приходится все прежнее отстранять, как дурное, и все хорошее в себе создавать; нам довольно воскресить, уяснить старое, привести его в сознание и жизнь. Надежда наша велика на будущее».

В первых началах истории русской «исполнительная власть, защита границ, сношения с державами соседними находятся в руках одной варяго-русской семьи, начальствующей над наемною дружиною; решение всех вопросов правления внутреннего предоставлены народному совещанию. Везде, по всей России устройство почти одинаковое; но совершенного единства обычаев не находим не только между отдаленными городами, но даже между Новгородом и Псковом, столь близкими и по месту, и по выгодам, и по элементам народонаселения. Где же могла находиться внутренняя связь? Случайно соединено несколько племен славянских, не живших никогда одною общею жизнью государства; соединены они какою-то федерациею, основанною на родстве князей, вышедших не из народа, и, может быть, отчасти единством торговых выгод: как мало стихий для будущей России!

Другое основание могло поддержать здание государственное, это единство веры и жизнь церковная. Но Греция посылала нам свя-

тителей, имела с нами одну веру, одни догматы, одни обряды, а не осталась ли она нам совершенно чуждою? Без влияния, без живительной силы христианства не восстала бы земля русская; но мы не имеем права сказать, что одно христианство воздвигло ее. Конечно, все истины, всякое начало добра, жизни и любви находилось в Церкви, но в Церкви возможной, в Церкви просвещенной и торжествующей над земными началами. Она не была таковой ни в какое время и ни в какой земле. Связанная с бытом житейским и языческим на Западе, она долго была темною и бессознательною, но деятельною и сухо-практическою; потом, оторвавшись от Востока и стремясь пояснить себя, она обратилась к рационализму, утратила чистоту, заключила в себе ядовитое начало будущего падения, но овладела грубым человечеством, развила его силы вещественные и умственные и создала мир прекрасный, соблазнительный, но обреченный на гибель, мир католицизма и реформатства.

Иная была судьба Церкви восточной. Долго боролась она с заблуждениями индивидуального суждения, долго не могла она успокоить в правоте веры разум, взволнованный гордостью философии эллинской и мистицизмом Египта или Сирии. Прошли века, уяснилось понятие, смирилась гордость ума, истина явилась в свете ясном, в формах определенных; но промысл не дозволил Греции тогда же пожать плоды своих трудов и своей прекрасной борьбы... Народ не мог оторваться от своей истории, общество не могло пересоздать свои законы; христианство жило в Греции, но Греция не жила христианством... упорные формы древности неспособны были принять полноту учения христианского. Мысль, утомленная тщетною борьбою с внешностью быта общественного и государственного, уходила в пустыни… в монастыри...» Но «по всему обществу распространяются отчуждение людей друг от друга; эгоизм и стремление к выгодам частным сделались отличительными чертами грека. Гражданин, забывая отечество, жил для корысти и честолюбия; христианин, забывая человечество, просил только личного душеспасения; государство, потеряв святость свою, переставало представлять собою нравственную мысль; Церковь, лишившись всякого действия и сохраняя только мертвую чистоту догмата, утратила сознание своих живых сил и память о своей высокой цели. Она продолжала скорбеть с человеком, утешать его, отстранять его от преходящего мира; но она уже не помнила, что ей поручено созидать здание всего человечества.

Такова была Греция, таково было ее христианство, когда угодно было Богу перенести в наш Север семена жизни и истины. Не могло духовенство византийское развить в России начала жизни гражданской, о которой не знало оно в своем отечестве. Греция явилась к

нам со своими предубеждениями, с любовью к аскетизму, призывая людей к покаянию и к совершенствованию, терпя общество, но не благословляя его, повинуясь государству, где оно было, но не созидая там, где его не было. Впрочем, и тут она заслужила нашу благодарность. Чистотой учения она улучшила нравы, привела к согласию обычаи разных племен, обняла всю Русь цепью духовного единства и приготовила людей к другой, лучшей эпохе жизни народной.

Всего этого было еще мало. Федерация южных и северных племен, под охраною дома Рюрикова, не составляла могущего единоначального целого... Народ не просил единства, не желал его… Раздоры князей разрывали и опустошали Россию, но области оставались равнодушными к победителю, так же как и к побежденному. Когда же честолюбивый и искусный в битвах великий князь стремился к распространению власти своей, к сосредоточению сил народных… против него восставало не только властолюбие других князей, но еще более завистливая свобода общин и областей, привычных к независимости, хотя вечно терпевших угнетения.

Новгороду вольному, гордому, эгоистическому, привыкшему к своей отдельной политической жизни, не приходило в мысль соединить всю Россию. Киеву бессильному, случайно принявшему в себя воинственный характер варягов, нельзя было осуществить идею великого государства. До нашествия монголов никому, ни человеку, ни городу, нельзя было восстать и сказать: «Я представитель России, я центр ее, я сосредоточу в себе ее жизнь и силу». Гроза налетела с Востока». Русские князья были разбиты в битве на Калке. «Бог как будто призывал нас к единению и союзу. Но Церковь молчала и не предвидела гибели; народ оставался равнодушным, князья продолжали свои междоусобицы. Кара была правосудна, перерождение было необходимо… Когда вторичный налет монголов ударил в Россию, ее падение было бесславно».

В это время возникла новая Россия. «Беглецы с берегов Дона и Днепра, изгнанники из богатых областей Волыни и Курска бросились в леса, покрывающие берега Оки и Тверцы... И началась в пустопорожних землях, в диких полях Москвы новая жизнь, уже не племенная и не окружная, но общерусская». И когда Москва «объявила желание быть Россиею.. это желание выразилось вдруг и в князе, и в гражданине, и в духовенстве… Инстинкт народа, после кровавого урока, им полученного, стремился к соединению сил, а духовенство, обращающееся к Москве, как к главе православия русского, приучало умы людей покоряться ее благодетельной воле.

Таковы причины торжества. Каковы же были последствия? Распространение России, развитие сил вещественных, уничтожение

областных прав, угнетение быта общинного, покорение всякой личности мысли государства, сосредоточение мысли государства в лице государя,— добро и зло допетровской России. С Петром начинается новая эпоха. Россия сходится с Западом, который до того времени был совершенно чужд ей. Она из Москвы выдвигается на границу, на морской берег, чтобы быть доступнее влиянию других земель, торговых и просвещенных.

Но это движение не было действием воли народной; Петербург был и будет единственно городом правительственным… Жизнь власти государственной и жизнь духа народного разделились даже местом их сосредоточения...

Перед Западом мы имеем выгоды неисчислимые. На нашей первоначальной истории не лежит пятно завоевания, и деды не завещали внукам преданий ненависти и мщения. Церковь, ограничив круг своего действия, никогда не утрачивала чистоты своей жизни внутренней…

Теперь, когда эпоха создания государственного кончилась… мы будем подвигаться вперед… занимая случайные открытия Запада, но придавая им смысл более глубокий или открывая в них те человеческие начала, которые для Запада остались тайными… и воскрешая древние формы жизни русской, потому что они были основаны на святости уз семейных и на неиспорченной индивидуальности нашего племени. Тогда… в оригинальной красоте общества, соединяющего патриархальность быта областного с глубоким смыслом государства, представляющего нравственное и христианское лицо, воскреснет древняя Русь, но уже сознающая себя, а не случайная, полная сил живых и органических, а не колеблющаяся вечно между бытием и смертью».

А вот как возражал Иван Киреевский в статье «В ответ А. С. Хомякову»: «Вопрос обыкновенно предлагается таким образом: прежняя Россия, в которой порядок вещей слагался из собственных ее элементов, была ли лучше или хуже теперешней России, где порядок вещей подчинен преобладанию элемента западного? Если прежняя Россия была лучше теперешней, говорят обыкновенно, то надобно желать возвратить старое, исключительно русское, и уничтожить западное, искажающее русскую особенность; если же прежняя Россия была хуже, то надобно стараться вводить все западное и истреблять особенность русскую.

Силлогизм… не совсем верный. Если старое было лучше теперешнего, из этого еще не следует, чтобы оно было лучше теперь. Что годилось в одно время, при одних обстоятельствах, может не годиться в другое, при других обстоятельствах. Если же старое было хуже,

то из этого также не следует, чтобы его элементы не могли сами собой развиться во что-нибудь лучшее, если бы только развитие это не было остановлено насильственным введением элемента чужого…

Таким образом, и самый вопрос поставлен неудовлетворительно. Вместо того, чтобы спрашивать, лучше ли была прежняя Россия, полезнее, кажется, спросить: нужно ли для улучшения нашей жизни теперь возвращение к старому русскому или нужно развитие элемента западного, ему противоположного?.. сколько бы мы ни желали возвращения русского или введения западного быта, но ни того, ни другого исключительно ожидать не можем… Не в том дело, который из двух, но в том, какое оба они должны получить направление, чтобы действовать благодетельно. Чего от взаимного их действия должны мы надеяться или чего бояться?

У России и Запада общее: «это христианство. Различие заключается в особенных видах христианства, в особенном направлении просвещения, в особенном смысле частного и народного быта. Откуда происходит общее, мы знаем; но откуда происходит различие и в чем заключается его характеристическая черта?..

Три элемента легли основанием европейской образованности: римское христианство, мир необразованных варваров, разрушивших Римскую империю, и классический мир древнего язычества.

Этот классический мир древнего язычества, не доставшийся в наследие России, в сущности своей представляет торжество формального разума человека над всем, что внутри и вне его находится… Римская церковь в уклонении своем от восточной отличается именно тем же торжеством рационализма над преданием, внешней разумности над внутренним духовным разумом. Так, вследствие этого внешнего силлогизма, выведенного из понятия о божественном равенстве Отца и Сына, изменен догмат о Троице в противность духовному смыслу и преданию; так, вследствие другого силлогизма папа стал главою церкви вместо Иисуса Христа, потом мирским властителем, наконец, непогрешаемым; бытие Божие во всем христианстве доказывалось силлогизмом; вся совокупность веры опиралась на силлогистическую схоластику; инквизиция, иезуитизм – одним словом, все особенности католицизма развились силою того же формального процесса разума, так что и самый протестантизм, который католики упрекают в рациональности, произошел прямо из рациональности католицизма.

В этом последнем торжестве формального разума над верою и преданием проницательный ум мог уже наперед видеть в зародыше всю теперешнюю судьбу Европы как следствие вотще начатого начала…» Это и новая философия. И индустриализм как пружина

общественной жизни. И филантропия, основанная на рассчитанном своекорыстии. И герой нового времени, идеал бездушного расчета.

«Я совсем не имею намерения писать сатиру на Запад; никто больше меня не ценит тех удобств жизни общественной и частной, которые произошли от того же самого рационализма. Да, если говорить откровенно, я и теперь еще люблю Запад… Но в сердце человека есть такие движения… которые сильнее всех привычек и вкусов… Потому, вполне оценивая все отдельные выгоды рациональности, я думаю, что в конечном развитии она своею болезненною неудовлетворительностию явно обнаруживается началом односторонним, обманчивым, обольстительным и предательским… Все высокие умы Европы жалуются на теперешнее состояние нравственной апатии, на недостаток убеждений, на всеобщий эгоизм, требуют новой духовной силы вне разума, требуют новой пружины жизни вне расчета – одним словом, ищут веры и не могут найти ее у себя, ибо христианство на Западе исказилось своемыслием...

Весь частный и общественный быт Запада основывается на понятии об индивидуальной, отдельной независимости, предполагающей индивидуальную изолированность. Оттуда святость внешних формальных отношений, святость собственности и условных постановлений важнее личности. Каждый индивидуум – частный человек, рыцарь, князь или город – внутри своих прав есть лицо самовластное, неограниченное, само себе дающее законы. Первый шаг каждого лица в общество есть окружение себя крепостью, из нутра которой оно вступает в переговоры с другими независимыми властями».

А «у нас образовательное начало заключалось в нашей Церкви… Христианство восточное не знало ни… борьбы веры против разума, ни торжества разума над верою. Потому и действия его на просвещение были не похожи на католические».

В прежней России мы находим образование общества в маленькие так называемые миры. «Человек принадлежал миру, мир ему. Поземельная собственность, источник личных прав на Западе, была у нас принадлежностью общества. Лицо участвовало во столько в праве владения, во сколько входило в состав общества... Семейные отношения каждого были определены прежде его рождения; в таком же предопределенном порядке подчинялась семья миру, мир более обширный – сходке, сходка – вечу и т. д., покуда все частные круги смыкались в одном центре, в одной православной Церкви. Никакое частное, искусственное соглашение не могло выдумать новые права и преимущества. Даже самое слово право было у нас неизвестно в западном его смысле, но означало только справедливость, правду…»

В России «собственно княжеская власть заключалась более в предводительстве дружин, чем во внутреннем управлении…» Ей (России) «неизвестны были благородные рыцари Запада… не признававшие другого закона, кроме собственного меча и условных правил чести, основанных на законе самоуправства». И наша Церковь не призвала, как это сделала Церковь католическая, разбойников пойти в поход против неверных, обещав им прощение грехов за убиение неверных. «Католицизм не поднял народы за веру, но только бродивших направил к одной цели, назвав их святыми. Наша церковь этого не сделала, и потому мы не имели рыцарства, а вместе с ним и того аристократического класса, который был главным элементом всего западного образования».

На Западе «где менее было рыцарства, там более общество склонялось к устройству народному; где более – там более к единовластному. Единовластие само собой рождается из аристократии, когда сильнейший покоряет слабейших и потом правитель на условиях переходит в правителя безусловного, соединяясь против класса благородных с классом подлых, как Европа называла народ». А дальше и «этот класс подлых… вступил в права благородного» и устанавливает власть материального большинства.

Западная церковь «таким же образом действовала… и в отношении к наукам, искусствам языческим. Не извнутри себя произвела она новое искусство христианское, но прежнее, языческое направила к украшению своего храма. Оттого искусство романтическое заиграло новою блестящею жизнью, но окончилось поклонением язычеству и теперь кланяется отвлеченным формулам философии…»

Науки как наследие языческое процветали так сильно в Европе, но окончились безбожием как необходимым следствием своего одностороннего развития.

Россия не блестела ни художествами, ни учеными изобретениями, не имея времени развиться в этом отношении самобытно и не принимая чужого развития, основанного на ложном взгляде и потому враждебного ее христианскому духу. Но зато в ней хранилось первое условие развития правильного… та философия христианства, которая одна может дать правильное основание наукам...»

Но «как возможен был Петр, разрушитель русского и вводитель немецкого?» Отчего восторжествовало иностранное, а не русское начало?

«Причина такого несчастного переворота – Стоглавый Собор. Как скоро ересь явилась в церкви, так раздор духа должен был отразиться и в жизни. Явились партии, более или менее уклоняющиеся от истины. Партия нововводительная одолела партию старины именно

потому, что старина разорвана была разномыслием. Оттуда при разрушении связи духовной, внутренней явилась необходимость связи вещественной, формальной, оттуда местничество, опричнина, рабство и т. п. Оттуда искажение книг по заблуждению и невежеству и исправление их по частному разумению и произвольной критике. Оттуда перед Петром правительство в разномыслии с большинством народа, отвергаемого под названием раскольников.

Какой же результат всего сказанного? Желать ли нам возвратить прошедшее России и можно ли возвратить его? Если правда, что самая особенность русского быта заключалась в его живом исхождении из чистого христианства и что форма этого быта упала вместе с ослаблением духа, то теперь возвращать эту мертвую форму нет смысла. Но истреблять оставшиеся формы может только тот, кто не верит, что когда-нибудь Россия возвратится к тому живительному духу, которым дышит ее Церковь.

Желать теперь остается нам только одного: чтобы какой-нибудь француз понял оригинальность учения христианского, как оно заключается в нашей Церкви, и написал об этом статью в журнале; чтобы немец, поверивши ему, изучил нашу Церковь поглубже и стал бы доказывать на лекциях, что в ней совсем неожиданно открывается именно то, чего теперь требует просвещение Европы. Тогда, без сомнения, мы поверили бы французу и немцу и сами узнали бы то, что имеем».

В этих заключительных строках запечатлена одна особенность русского национального характера. Мы настолько мало ценим то, что имеем своего, и так высоко оцениваем суждения других, что нередко осознаем значение собственных достижений лишь после того, как они получили признание за границей. Во всяком случае, дело часто обстояло именно так в те времена, о которых идет речь, чему способствовало преклонение перед Западом и большей части русской интеллигенции, и многих в правительственных сферах.

На первый взгляд перед нами два коротких реферата, которые вряд ли кто из слушателей воспринял как начало революции в мировоззрении наиболее чуткой к национальным основам части русского общества. С другой стороны, все основные идеи, которые будут потом развивать славянофилы, здесь уже присутствуют в зародыше. Осознан свой, отличный от европейского, путь развития России. У Киреевского уже гораздо более критический взгляд на Запад, чем во время работы над статьей «Девятнадцатый век». Правда, пока еще не понята смертельная угроза для России со стороны хищнического Запада.

Именно такую работу самопознания России и постижения зловредности Запада осуществляли славянофилы, с которых, по словам

Герцена, начинается «перелом русской мысли»… «Мы (со славянофилами) разно поняли вопрос о современности, — замечал Герцен, — мы разного ждем, желаем... Им нужно былое, предание, прошедшее — нам хочется оторвать от него Россию». Позднее Герцен, разочаровавшийся в Западе, во многом признал правоту славянофилов.

И Хомяков, и Киреевский призывали не к оживлению старины как таковой, в которой они видели свои отрицательные стороны и противоречия. Они стремились к сохранению корней и духа, сдерживавших напор дурного и оставлявших все доброе в тяжелейших испытаниях России, а также способных, по их представлению, обнять своею полнотою и придать цельность лучшим достижениям европейского просвещения. Речь шла именно о полноте нравственного закона (а не ущербности его исторического выражения), который следует принять за высокую норму человеческого развития…

Новые бойцы в лагере славянофилов

Самарин Юрий Федорович (1819–1876), общественный деятель, историк, философ и публицист, с середины 1840-х годов один из главных деятелей движения славянофилов. Родился в богатой и родовитой дворянской семье; окончил курс в Московском университете по философскому факультету. Большие связи в высшем свете, отличное светское образование обеспечивали ему блестящую служебную карьеру, но она его не привлекала.

Ко времени знакомства с Хомяковым и Киреевским 20-летний Самарин, как и его столь же молодой друг Константин Сергеевич Аксаков, изучал летописи, старинные грамоты, акты, памятники древней и более поздней русской словесности. И оба они вместе с тем были поклонниками немецкой идеалистической философии и рассматривали открываемый мир русской истории и культуры в категориях диалектического процесса. Они пытались, по словам И.С. Аксакова (младшего брата К.С. Аксакова), «построить на началах же Гегеля целое миросозерцание, целую систему своего рода «феноменологии» Русского народного духа, с его историей, бытовыми явлениями и даже Православием». Однако постепенно и К.С. Аксаков, и Самарин под влиянием Хомякова и И.В. Киреевского склонялись к их философии и отходили от Гегеля.

Самарин убедился в том, что Гегеля примирить с православием невозможно и, примкнув к славянофильскому направлению, стал одним из талантливейших его представителей. Богословские

воззрения Хомякова Самарин воспринял всецело и пытался проводить их в замечательной диссертации о Стефане Яворском и Феофане Прокоповиче, которую он в 1844 году защищал в Московском университете.

В 1844 году Самарин поступил на службу, был секретарем департамента сената, потом перешел в министерство внутренних дел и в 1847 году отправился в Ригу делопроизводителем комиссии, которой поручено было ревизовать тамошнее городское правление. Изучив все городские архивы, Самарин написал историю города Риги. Слухи о насильственном присоединении к Православию эстов и латышей и о возбуждении их православным духовенством против помещиков побудили его написать в 1849 году «Письма из Риги», в которых обсуждалось отношение к России прибалтийских немцев. Письма эти, получившие распространение в рукописи, вызвали неудовольствие влиятельных сфер. Самарин был привлечен к ответственности по обвинению в разглашении служебных тайн. В действительности Самарин показал засилье немцев в Прибалтике. За это он был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Его допрашивал лично император Николай I, заявивший, что Самарин виноват больше, чем декабристы. Те выступали против монархии вообще, за республику, а Самарин показал, что немцы служат не России, а династии, и выходит, что царь – ставленник немцев. Дело кончилось для Самарина 10-дневным арестом в крепости и переводом на службу в Симбирскую губернию. Разъяснение положения дел в Прибалтийском крае и его отношений к России и позже занимало Самарина и вызвало целый ряд исследований, напечатанных им за границей под заглавием «Окраины России». В числе их имеются и ценные исторические исследования, например, очерк крестьянского вопроса в Лифляндии, но главным образом они посвящены задачам русской политики на окраинах. Самарин указывал, что задачи эти заключаются в поднятии и укреплении тех общественных элементов, которые дружественно расположены к основному населению государства, — а такими элементами в Прибалтийском крае являются латыши и эсты, которые должны быть освобождены от немецкого влияния. В конце 1849 года Самарин был назначен правителем канцелярии киевского генерал-губернатора. В 1853 года Самарин вышел в отставку и подолгу жил в деревне, изучая быт и хозяйственное положение крестьян и все более и более убеждаясь в необходимости отмены крепостного права. Вместе с тем он приступил к изучению истории освобождения крестьян в Западной Европе, преимущественно в Пруссии; в результате получилось обширное сочинение, которое в сокращенном виде напечатано было в журнале «Сельское

благоустройство». С 1856 г. Самарин был деятельным сотрудником «Русской беседы». Когда поднят был вопрос об упразднении крепостного права, Самарин был назначен членом от правительства в Самарском губернском комитете. В 1859 году он был приглашен к участию в трудах редакционных комиссий, где работал в административном и хозяйственном отделениях, представляя вместе с князем В. А. Черкасским и некоторыми другими славянофильское воззрение на народный быт.

Аксаков Константин Сергеевич (1817–1860), мыслитель, публицист, филолог, историк, поэт, литературный критик, старший сын писателя С. Т. Аксакова. Родился в селе Аксакове Бугурусланского уезда Оренбургской губернии, в котором и провел первые десять лет своей жизни. Пятнадцати лет Аксаков был уже студентом Московского университета на словесном факультете. Его профессорами были Павлов, предшественник Белинского, Надеждин, Шевырев; а кружок товарищей состоял из Станкевича, Кетчера, Евг. Корша, Белинского. В середине 1830-х годов к ним примкнули Боткин, Тургенев, Катков. К этому времени относится увлечение К. Аксакова философией Гегеля, над чем он впоследствии иронизировал в шуточном стихотворении:

В тарантасе, в телеге ли,
Еду ночью из Брянска я,
Все о нем, все о Гегеле
Моя дума дворянская.

Но уже с конца 30-х годов кружок этот распался — умер глава его Станкевич, а Белинский круто повернул к требованиям активного противодействия тяжести общественных условий и переехал в Петербург. Аксаков же, с детства преданный русскому быту, остался верен ему и примкнул к иному, не похожему по внешности на первый, скромный, — кружку славянофилов — Хомякова, Киреевских, Самарина.

В 1838 году Аксаков отправился за границу, но полное неумение жить самостоятельно через пять месяцев заставило его вернуться домой, под кров родительского дома, где все житейское, прозаичное не касалось его. Поездка эта ознаменовалась, между прочим, тем, что в Берлине Аксаков в первый и последний раз в жизни пытался сблизиться с женщиной; но практические требования хорошенькой продавщицы цветов разочаровали идеалиста, и он бежал от нее. Он всю жизнь остался холостым. В 1841 году Аксаков защитил свою магистерскую диссертацию о Ломоносове. Диссертация эта была готова гораздо раньше, но цензура заставила изменить некоторые выражения о Петре и петровском периоде и перепечатать книгу.

Аксакову много досталось от цензуры. Первый том славянофильского «Московского сборника», предпринятого изданием в 1846 году, возбуждал много недоразумений, второй же, со статьей Аксакова о «Богатырях князя Владимира», был уничтожен совсем, а ее автору, как и другим участникам «Сборника» — Хомякову, Киреевским, князю Черкасскому, — повелено было печататься только с разрешения Главного управления цензуры в Петербурге. Снята была со сцены и драма Аксакова «Освобожденная Москва». В 1857 году Аксаков редактировал газету «Молва». Литературная деятельность Аксакова обширна и разнообразна — его историко-филологические исследования и критические статьи издавались отдельными книгами и печатались во многих газетах, журналах и сборниках. Кроме того, он писал драмы и стихотворения как оригинальные, так и переводные.

Константин Аксаков был убежден в том, что «Россия – земля совершенно самобытная… Очень ошибаются те, которые вздумают прилагать к ней европейские воззрения и на основании их судить о ней». Он станет наиболее пылким защитником славянофильских идей и заслужит у своих идейных противников наименования «неистового Константина». Про К. Аксакова говорили, что он доводил все положения славянофильского учения до последних пределов (порой переходя границы разумного). Не случайно его порой называли еще и «Белинским славянофильства». Как писал о нем Герцен, «вся его жизнь была безусловным протестом против петровской Руси, против петербургского периода во имя непризнанной, подавленной жизни русского народа. Его диалектика уступала диалектике Хомякова, он не был поэт-мыслитель, как И. Киреевский, но он за свою веру пошел бы на площадь, пошел бы на плаху, а когда это чувствуется за словами, они становятся страшно убедительны. Он в начале сороковых годов проповедовал сельскую общину, артель…» К сожалению, жизнь К. Аксакова оборвалась слишком рано. Смерть отца губительно повлияла на нежно любящего сына, и он не перенес потери: легочная чахотка покончила с ним на острове Занте Греческого архипелага.

Кошелев Александр Иванович (1806–1883), общественный деятель, публицист, помещик, теоретик финансов, примкнул к славянофильскому кружку вскоре после его образования. Именно он в кружке славянофилов разрабатывал в основном политическую и экономическую сторону славянофильского учения.

Кошелев происходил из обеспеченной и просвещенной дворянской семьи. С детства он был близок с соседями по улице братьями И.В. и П.В. Киреевскими, вместе с которыми брал уроки у профессоров Московского университета. Получил хорошее образование, знал французский, немецкий, английский, греческий и латинский

языки. В 1822 году он поступил на службу в московский архив министерства иностранных дел. Между товарищами Кошелева оказались князь В. Ф. Одоевский, Д.В. Веневитинов, С.П. Шевырев и др. Одоевский ввел Кошелева и его ближайших друзей в литературный кружок Раича. Вскоре некоторые члены кружка, в том числе и Кошелев, с Одоевским во главе отделились, составили «Общество любомудрия» и начали издавать «Мнемозину» — первый в России журнал философского направления. События, последовавшие за подавлением восстания декабристов, побудили общество прекратить свое существование. В 1827 году Кошелев у постели умирающего Веневитинова близко сошелся с А.С. Хомяковым, коренным образом повлиявшим на его мировоззрение: начитанный и философски образованный Кошелев скоро стал славянофилом. В 1826 году он переехал в Петербург, где служил в департаменте иностранных исповеданий и делал выписки из иностранных газет для императора Николая.

В 1831 году Кошелев поехал за границу, познакомился с Гете, с экономистом Росси и др. знаменитостями и задумал основать не осуществившееся и довольно туманное по задачам общество противодействия русской лени. Человек деловой, не склонный к мистическим созерцаниям, он успешно вел хозяйство в приобретенном имении в Рязанской губернии, был откупщиком (и одновременно боролся с пьянством) и составил себе приличное состояние. Не раз бывал за границей, посетил Всемирную выставку в Лондоне, изучал на месте сельское хозяйство Англии. В имении Кошелев завел несколько школ.

В 1840-х годах под влиянием бесед с И.В. Киреевским и А.С. Хомяковым стал ежедневно читать Новый Завет и творения Св. Отцов (особенно святителей Василия Великого и Иоанна Златоуста) и в итоге пришел к выводу о несовместимости крепостного права (рабства) с учением Христа. Это рабство противно и христианству, и здравому смыслу, и интересам государства. С этого времени Кошелев посвятил свою деятельность борьбе за отмену крепостного права и устранение его пережитков, которую вел не с политических или экономических, а с религиозно-нравственных позиций, показывая пример действенного христианства. В статье «Добрая воля сильнее неволи», которую ему удалось опубликовать в 1847 году в «Земледельческой газете» (она прошла через цензуру случайно), он убеждал помещиков освободить своих дворовых. Ряд других его статей, где предлагались дальнейшие шаги по пути постепенного упразднения крепостного права, были запрещены цензурой и света не увидели.

Откуп Кошелев держал до 1848 года; практика убедила его в неудобстве этого способа ведения дела, и он представил министру

финансов записку о замене откупной системы введением акцизного сбора. Записке, однако, не было дано хода. Будучи предводителем дворянства Сапожковского уезда, Кошелев являлся неутомимым преследователем злоупотреблений крепостного права, не стесняясь вступать в борьбу с самыми влиятельными и богатыми помещиками.

Опровергая Киреевского, который в своем отвлеченном настроении оставался чужд общественным вопросам, Кошелев говорил в своих «Записках»: «Вникая в учение Христово, я все более и более убеждаюсь, что братство есть основа всех его правил». В «Земледельческой газете» в 1847 году появилась статья Кошелева «Добрая воля сильнее неволи» (она прошла через цензуру случайно), предлагавшая освобождать дворовых людей. Но Кошелев не мог высказать главной своей мысли — об освобождении крестьян с землей, так как, по его мнению, помещики в России никогда не имели права собственности на землю, а только право пользования под контролем правительства. В 1847 году Кошелев обратился к рязанскому дворянству с предложением испросить дозволение на составление комитета по улучшению быта крестьян; такая же мысль зародилась и в Москве у Д. Н. Свербеева, и между обоими деятелями завязалась оживленная переписка. Встретив сопротивление губернского предводителя, Кошелев обратился в 1850 году к министру внутренних дел Перовскому, но предложение его было отвергнуто. Остановленный в практической деятельности, Кошелев ушел в теоретическую разработку государственных вопросов.

Подобно упомянутым выше первым славянофилам, Кошелев признавал единственно возможной в России формой правления самодержавие, но считал необходимым участие общества в совещательной форме. Зиму Кошелев жил в Москве, а лето — в деревне.

Во время Крымской войны Кошелев составил записку о финансах, которую подал уже новому государю. Он предлагал не прибегать для продолжения войны к новым налогам и внутренним и внешним займам, а обратиться к добровольным пожертвованиям, для чего сделать воззвание к патриотизму страны и созвать ее представителей, которые решили бы, в какой мере возможны пожертвования от каждого сословия. В 1852 года вышел на средства Кошелева первый том «Московского Сборника»; второй том был задержан цензурой.

Одоевский Владимир Федорович (1804–1869), писатель, философ, музыкальный критик и общественный деятель, князь.

Одоевского редко причисляют к славянофилам, и напрасно. Он не просто один из главных деятелей раннего славянофильства, но во многих отношениях и самый яркий его представитель, автор

самого вдохновенного манифеста славянофилов «Русские ночи» – гениального произведения, до сих пор не оцененного по достоинству. Он действительно стоит несколько особняком от других славянофилов. Здесь сказывается и то, что он жил в Петербурге и потому не был завсегдатаем московских салонов. Кроме того, он полемизировал с некоторыми славянофилами (особенно с К. Аксаковым), хотя больше на личной, чем на идейной почве. Но именно в его «Русских ночах» прозвучала и самая острая (причем весьма предметная) критика Запада, и уверенность в спасительной для мира миссии нашей страны, что нашло выражение в знаменитой заключительной фразе: «Девятнадцатый век принадлежит России!».

Одоевский родился в Москве, уехал из нее в 1826 году и в 1862 году вернулся навсегда, здесь он похоронен. Его друзьями юности были И.В. Киреевский, Д.В. Веневитинов, А.И. Кошелев (это все члены кружка русских философов – «любомудров», главой которого был Одоевский), С.П. Шевырев, М.П. Погодин и другие славянофилы или близкие к ним известные впоследствии деятели.

Окончив курс в благородном пансионе при московском университете, сотрудничал в «Вестнике Европы», а затем, сблизившись с Грибоедовым и Кюхельбекером, издавал в 1824–1825 годах альманах «Мнемозина». В 1826 году поступил на службу в ведомство иностранных исповеданий; редактировал «Журнал Министерства Внутренних дел». В 1846 году был назначен помощником директора Императорской публичной библиотеки и директором Румянцевского музея.

Одоевский был другом Пушкина и деятельным сотрудником его «Современника». Человек самого разностороннего и глубокого образования, вдумчивый и восприимчивый мыслитель, талантливый и оригинальный писатель, Одоевский чутко отзывался на все явления современной ему научной и общественной жизни. Влияние университетского пансиона и лекции горячего последователя Шеллинга, молодого профессора Павлова, сказались в тех взглядах, с которыми вступил Одоевский в жизнь, не изменив им затем ни в чем существенном. Искание во всем и прежде всего правды («Ложь в искусстве, ложь в науке и ложь в жизни, — писал он в свои преклонные годы, — были всегда и моими врагами, и моими мучителями: всюду я преследовал их и всюду они меня преследовали»), уважение к человеческому достоинству и душевной свободе, проповедь снисхождения и деятельной любви к людям, восторженная преданность науке и стремление всесторонне вникнуть в организм духовной и физической природы отдельного человека и целого общества — вот характерные черты его произведений и его

образа действий. Для нашей темы Одоевский является как научный мыслитель и популяризатор нравственно-философских, экономических и естественноисторических учений.

Одной из выдающихся сторон литературной деятельности Одоевского была забота о просвещении народа, в способности и добрые духовные свойства которого он страстно верил, — забота тем более ценная, что крайне редко встречалась в то время и многими рассматривалась как странное чудачество. Долгие годы состоял он редактором «Сельского Обозрения», издававшегося министерством внутренних дел; выпустил в свет книжки «Сельского чтения», в 20 тысячах экземпляров, под заглавиями: «Что крестьянин Наум твердил детям и по поводу картофеля», «Что такое чертеж земли и на что это пригодно» (история, значение и способы межевания) и т. д.

Одоевский написал для народного чтения ряд «Грамоток дедушки Иринея» — о газе, железных дорогах, порохе, повальных болезнях, о том, «что вокруг человека и что в нем самом», — и, наконец, издал «Пестрые сказки Иринея Гамозейки», написанные языком, которым восхищался знаток русской речи Даль.

Как отмечается в предисловии к «Русским ночам» Одоевского, именно он увидел в Европе угнетение человека и волчьи законы буржуазного эгоизма, в систематичности современных философских учений – казенную иерархию ценностей, разрушение целостного отношения к миру, опасный путь к бездуховным, безосновным позитивизму и вульгарному материализму. Одоевский прозорливо почувствовал всемирно-исторический характер обуржуазивания и политики, и науки, и быта и не мог не ужаснуться этому. Реакция его, рюриковича, русского дворянина, современника 1812 года, была в чем-то сходной со славянофильской: он тоже проникался романтически-феодальным утопизмом, представлением об особом пути России (хотя, как и славянофилы, отнюдь не идеализировал николаевскую эпоху). Но в отличие от славянофилов Одоевский не возвращался вспять (опять тот же предрассудок, будто славянофилы призывали «назад, в Древнюю Русь!»). Он, наоборот, бесстрашно бросался в самую гущу современной культуры, науки, искусства, стремясь найти у современного человечества опору и тенденцию такого движения, которое победило бы «Бентамию» (о которой речь пойдет дальше, при изложении экономических воззрений Одоевского), меркантильный мир, распадающийся на эгоистические атомы.

Одоевский не чужд был и опытным наукам (он неплохо знал математику, физику, химию, физиологию), внимательно изучает психологию, находится под явным воздействием идей французско-

го христианского социализма (ср. интересную запись Одоевского: «Христианство должно было возбудить гонения и общее негодование; оно вошло в противоречие с основным элементом древнего мира: неравенством между людьми.... Безусловный гнет человека человеком… есть явление неестественное, которое может быть поддерживаемо лишь материальною силою; этот гнет чуяли все народы до Р. Х., но никто до Христа не выговорил слова об общей взаимной любви между всеми людьми без различия».) Одоевский остро чувствовал всеобщую взаимосвязанность явлений и структур и был одним из самых ярких представителей школы русского космизма.

Если другие славянофилы «первого призыва» отмечали кризис Запада и считали, что Россия со временем предложит Европе спасительную идею, то Одоевский первым высказал мысль о смерти Запада: «В нынешней старой Европе мы видим... горькое и странное зрелище! Мнение против мнения, власть против власти, престол против престола, и вокруг сего раздора – убийственное, насмешливое равнодушие! Науки, вместо того чтобы стремиться к тому единству, которое одно может возвратить им их мощную силу, науки раздробились в прах летучий, общая связь их потерялась, нет в них органической жизни; старый Запад, как младенец, видит одни части, одни признаки – общее для него непостижимо и невозможно… ученые отказались от всесоединяющей силы ума человеческого… В искусстве давно уже истребилось его значение; оно уже не переносится в тот чудесный мир, в котором, бывало, отдыхал человек от грусти здешнего мира… искусство погибает. Религиозное чувство на Западе? – оно было бы давно уже забыто, если б его внешний язык еще не остался для украшения, как готическая архитектура… Западный храм – политическая арена; его религиозное чувство – условный знак мелких партий. Религиозное чувство погибает! Погибают три главные деятели общественной жизни! Осмелимся же выговорить слово, которое, может быть, теперь многим покажется странным и через несколько времени – слишком простым: Запад гибнет! Но гибель Запада – это не конец истории человечества, в мире еще есть «один новый, один невинный народ», который «достоин сего великого подвига; в нем одном, или посредством его, еще возможно зарождение нового света, обнимающего все сферы ума и общественной жизни… О, верьте! будет призванный из народа юного, свежего, непричастного преступлениям старого мира! Будет достойный взлелеять в душе своей высокую тайну и восставить светильник на свешницу, и путники изумятся, каким образом разрешение задачи было так близко, так ясно – и так долго скрывалось от глаз человека».

Одоевский не заставляет читателя ломать голову над загадкой, что это за народ-спаситель для человечества. Это – русский народ: «Где же ныне шестая часть света, определенная провидением на великий подвиг? Где ныне народ, хранящий в себе тайну спасения мира? Где сей призванный... где он?.. Много царств улеглось на широкой груди орла русского! В годину страха и смерти один русский меч рассек узел, связывавший трепетную Европу, – и блеск русского меча доныне грозно светится посреди мрачного хаоса старого мира... Европа назвала русского избавителем! в этом имени таится другое, еще высшее звание, которого могущество должно проникнуть все сферы общественной жизни: не одно тело должны спасти мы – но и душу Европы! Мы поставлены на рубеже двух миров: протекшего и будущего; мы новы и свежи; мы непричастны преступлениям старой Европы; пред нами разыгрывается ее странная, таинственная драма, которой разгадка, может быть, таится в глубине русского духа… Велико наше звание и труден подвиг! Все должны оживить мы! Наш дух вписать в историю ума человеческого, как имя наше вписано на скрижалях победы. Другая, высшая победа – победа науки, искусства и веры – ожидает нас на развалинах дряхлой Европы. Увы! может быть, не нашему поколению принадлежит это великое дело!.. Мы еще надеялись, мы еще ожидали прекрасного от Европы!.. Мы еще не уединились в свою самобытность. Мы струна не настроенная – мы еще не поняли того звука, который мы должны занимать во всеобщей гармонии… Тебя, новое поколение, тебя ждет новое солнце, тебя!.. Соедини же в себе опытность старца с силою юноши; не щадя сил, выноси сокровища науки из-под колеблющихся развалин Европы – и, вперя глаза свои в последние судорожные движения издыхающей, углубись внутрь себя! в себе, в собственном чувстве ищи вдохновения, изведи в мир свою собственную, непрививную деятельность, и в святом триединстве веры, науки и искусства ты найдешь то спокойствие, о котором молились отцы твои. Девятнадцатый век принадлежит России!»

При этом Одоевский успокаивает Европу, которая всегда с подозрением относилась к России: «Не бойтесь, братья по человечеству! Нет разрушительных стихий в славянском Востоке – узнайте его, и вы в том уверитесь; вы найдете у нас частью ваши же силы, сохраненные и умноженные, вы найдете и наши собственные силы, вам неизвестные, и которые не оскудеют от раздела с вами».

Одоевский сам сознавал, что он – один из основателей славянофильства, и для нового издания книги сделал добавление: «Внимательный читатель заметит, что в этих строках вся теория славянофилизма, появившегося во 2-й половине текущего столетия».

Тютчев Федор Иванович (1803–1873) – гениальный русский поэт и мыслитель, представляет собой редкостный тип прирожденного и целиком самобытного славянофила. Родился в родовом имении отца Овстуг Орловской губернии. После окончания Московского университета был определен на службу за границу, где и провел большую часть своей чиновничьей карьеры. Но, десятилетиями живя среди западных европейцев, дважды женатый на немках, и по возвращении в Россию высоко ценя европейский комфорт, Тютчев жил русской жизнью и только ее считал настоящей, достойной русского человека. Характеристика его творчества приведена в статье в томе «Русская литература» энциклопедии «Святая Русь». Здесь из этой статьи приводится та ее часть, которая характеризует общественно-политические взгляды Тютчева и его славянофильские воззрения: «В 1848–1850 годы Тютчев выступает со статьями «Россия и Германия», «Россия и революция», «Папство и римский вопрос», задумывает книгу «Россия и Запад». Еще в 1830 году, потрясенный июльскими событиями во Франции, он предрекал начало новой, революционной эры и предчувствовал приближение грандиозных социальных катаклизмов – первого акта всемирной катастрофы. Революцию 1848 года поэт рассматривал как осуществление своего пророчества, начало неизбежной гибели, всеобщего разрушения европейской культуры и цивилизации. Единственной серьезной силой, противостоящей революционной стихии, считал Тютчев Россию… Именно противостояние России и революции, исход неминуемого поединка между ними, полагал он, и определит судьбу человечества. Продолжая и углубляя основные идеи славянофилов, Тютчев говорит о необходимости противопоставить Западной Европе Европу Восточную – союз славянских земель во главе с Россией – особый мир, развивающийся по иным, отличным от Запада историческим законам. Он обосновывает исключительную мессианскую всемирно-религиозную роль России соображениями религиозно-нравственного характера, в том числе такими свойствами русского народа, как смирение, готовность к самопожертвованию и самоотвержению, которые полярно противостоят «гордости», самоутверждению личности – характерным чертам западного мира. Тютчев говорит о необходимости религиозно-государственного подчинения Запада России, мечтает о расширении пределов «царства русского» «от Нила до Невы, от Эльбы до Китая и считает тремя «заветными столицами» грядущей всемирной империи Москву, Рим и Константинополь.

Вдумываясь в судьбы России, Тютчев пришел к убеждению, что ее история, ее быт, весь религиозно-нравственный уклад рус-

ского народа создали из России самобытный и в высшей степени своеобразный организм, вовсе не похожий на западный шаблон, выросший на почве средневекового феодализма, римского права, оппозиционного парламентаризма и воинствующего латинского христианства. Эти начала, вскормившие западноевропейскую цивилизацию, чужды русскому самосознанию, которое развивалось и крепло под влиянием идей иного порядка, и в первую очередь – Православия и царского самодержавия. И в то время, как на Западе в течение долгих столетий шла ожесточенная распря между Церковью и светской властью, в России царь и патриарх, восполняя один другого, при единодушном одобрении народа медленно, но верно строили и устрояли

Тот светлый храм, ту мощную державу,
Ту новую, разумную ту Русь,

которая к великой зависти ее западных соседей как бы невзначай раскинулась на двух материках, на беспредельных пространствах от Вислы до Тихого океана, проникла и в Среднюю Азию.

Формально не примыкая ни к какому лагерю, Тютчев по своему мировоззрению близко стоял к славянофилам – к Ю.Ф. Самарину, А.С. Хомякову, Ф.М. Достоевскому и И.С. Аксакову. Так же, как они, Тютчев утверждал, что Европа никогда не простит России ее величия, ее первенствующего места в многомиллионной славянской семье и ее последнего решающего слова в конечных судьбах Западного мира.

Долгие годы, проведенные поэтом за границей, не только не ослабили, но скорее усилили его беззаветную любовь к своему народу. Чуткий и мудрый Тютчев знал, что России предстоит пережить тяжкий кризис. Зловещие симптомы указывали на то, что многовековые устои русской государственности пошатнулись и что крепким, стародавним традициям нашим, выковавшим великую Империю, угрожает страшная, едва ли не смертельная опасность от тлетворных веяний извне. Но в то же время Тютчев всем своим нутром постиг, что

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить».

Многое в представлениях Тютчева было ошибочно, о чем речь пойдет дальше, но здесь важно отметить его важнейший вклад в общую концепцию славянофильства. Еще при жизни Киреевского и Хомякова он заложил основу социально-политической

программы славянофильства. В то время, как другие славянофилы бывали в Западной Европе проездом, чаще как туристы, в лучшем случае получали там образование, Тютчев провел там много лет, повседневно соприкасаясь с представителями самых разных кругов общественности и простонародья. Если другие славянофилы подчеркивали принципиальные отличия русского строя жизни от западноевропейского, то Тютчев первым почувствовал крайне агрессивный настрой Европы против России. Поэтому он предсказывал неизбежный «крестовый поход» Европы против нашей страны, войну, и притом крайне жестокую, между этими двумя полюсами тогдашнего мира. Одни его пророчества вскоре оправдались, другие еще ждут своего воплощения.

Гонения на славянофилов в царствование Николая I

Вероятно, взгляды славянофилов раньше сложились бы в целостную систему, если бы не те преследования, которым они подвергались в царствование Николая I.

Во многих исследованиях по русской истории XIX века утверждается, что славянофилы подвергались гонениям, тогда как западники пользовались покровительством царской администрации. Это не совсем верно. Конечно, западникам симпатизировали многие представители правящих кругов, воспитанные в традициях западной культуры. Но ниспровергательный настрой западников симпатий в российском правительстве не вызывал.

И все же подозрительность властей в отношении славянофилов была гораздо сильнее. Вспомните, как была истолкована самим царем статья Киреевского в журнале «Европеец». Но эта подозрительность имела и некоторые основания. Представления славянофилов об идеальном общественном строе, при котором царь опирается на сеть общин, а бюрократический аппарат, как чуждый народу, устраняется, можно было бы назвать анархо-синдикалистским, а отрицание чиновничьей иерархии, по существу, было несовместимо с империей. В панславизме славянофилов царское правительство видело подкоп под власть Австро-Венгрии над славянами (чехами, словаками и др.), а значит, угрозу стабильности монархий в Европе. Подозревала власть славянофилов и в том, не кроются ли за этой ширмой новые «русские бояре».

Славянофилы занимали особую позицию как по основным мировоззренческим и политическим вопросам, так и по проблемам

«философии хозяйства». Они признавали официальную формулу «Православие, Самодержавие, Народность», но вкладывали в нее свое, национальное содержание.

Да, говорили они, Православие – единственно возможная основа народной жизни. Но Православие – со свободной Церковью, освобожденной от гнета государства, превратившего ее в часть своей машины управления.

Да, Самодержавие, но Русское, руководствующееся нашими народными началами, опирающееся на сеть сельских и городских общин, а не на бюрократическую машину, построенную на западный образец. России обязательно нужен Царь, но не такой деспот, как Петр I, и не «душегубец», подобный Николаю I.

Да, Народность, но основанная на тысячелетней жизни народа в рамках мира-общины, а не на навязанных сверху, списанных с западных кодексах.

Справедливость этого суждения подтверждал и П. Милюков. По его словам, споры славянофилов и западников имели настолько важное общественное значение, что неизбежно должны были очень скоро потерять свой академический и салонный характер. Статьи Белинского, с одной стороны, настроение учащейся молодежи, с другой, обострили характер полемики и повели к разрыву между недавними друзьями. Ближайшим поводом к разрыву явились резкие стихи Языкова, направленные против Грановского и вообще западников. В 1844 году обе общественные группы окончательно размежевались и стояли друг против друга, как два враждебных лагеря. Первой пробой отношения московского общества к обоим лагерям послужил демонстративный успех диссертаций и публичных лекций Грановского в сравнении с холодным приемом лекций Шевырева. Затруднительное положение славянофилов заключалось в том, что по самому характеру взглядов это учение было менее доступно широкой публике, а при тогдашних цензурных условиях не было возможности развить эти взгляды по существу и показать, в чем они отличаются от воззрений Погодина и Шевырева (которые принимали теорию официальной народности в ее официальном же толковании. – *М.А.*) с их органом «Москвитянином».

Как те, так и другие взгляды сводились на практике к защите начал «православия, самодержавия и народности». Но в теории под вероисповедной формой восточного христианства славянофилы разумели свободную общину чуть не духовных христиан. К государственному началу они относились как к внешней, мертвой форме, важной только тем, что она дает народу возможность посвятить себя всецело осуществлению в жизни «внутренней правды». Наконец, в народно-

сти они видели не объект административного воздействия, а саморазвивающуюся по своим внутренним законам активную силу, свобода самоопределения которой может быть изнасилована, но не может быть уничтожена. Это различие, которое неизвестно было большой публике и игнорировалось в журнальной полемике, очень хорошо чувствовалось цензурой и раньше, чем славянофильство, стало известно в печати, оно уже было заподозрено в глазах правительства. При таких неблагоприятных условиях — при полном равнодушии снизу, при враждебном отношении кругом и постоянно возраставшей подозрительности сверху — приходилось этому направлению развивать свою программу… С другой стороны, и власти обратили теперь внимание на славянофильство, разумеется, не в их пользу.

Пока славянофилы вели дискуссии в салонах, власть смотрела на это сквозь пальцы. Но в 1845 году они впервые выступили перед читающей публикой в первых трех книжках «Москвитянина», когда редактирование журнала принял на себя И. Киреевский. На важное значение этого момента верно указал тогда же Хомяков. «Положение наше, — писал он Самарину, — уяснилось во многом. Мы в одно время и признаны (полициею, «Отечественными записками» и «Библиотекою для чтения»), и не сосланы. Это выгода великая и неоспоримая: руки развязаны для всякого осторожного действия. Публика, читая, будет понимать то, чего бы не поняла без этих комментариев и слухов. Цвет или, лучше сказать, общий очерк мыслей определился, внимание пробуждено. Теперь надобно и должно высказывать принципы, и чем более они будут высказываться, тем яснее будет, что они ни для кого не опасны, что они не новое что-нибудь, налагаемое нами на общество, но бессознательно в нем живущее... что они так же далеки от консерватизма в его нелепой односторонности, как и от революционности в ее безнравственной и страстной самоуверенности».

Однако через три месяца Киреевский и с ним его ближайший кружок, как уже отмечалось, бросили «Москвитянин», отчасти вследствие меркантильности Погодина, отчасти вследствие собственной непривычки к срочной работе. Славянофилы остались без постоянного органа и решили заменить его рядом «Сборников».

В начале 1846 года вышел первый из них («Московский сборник»). В нем впервые выступили перед публикой младшие славянофилы, Самарин и братья Аксаковы.

В начале 1847 года славянофилы испытали первое гонение со стороны покровителя московских западников, попечителя Московского учебного округа графа Строганова, который остановил диссертацию К. Аксакова о Ломоносове за «многие мысли и выражения весьма резкие и неприличные, относящиеся до Петра Великого и по-

литических его преобразований». Внимание к славянофильству усилилось, когда появился в том же году их второй «Сборник» и началась журнальная полемика между Самариным и «Современником» новой редакции, Хомяковым и Грановским; Хомяков досадовал также на «неосторожность» и «смелую откровенность» статей К. Аксакова.

В том же 1847 году открыто было в Киеве «Украйно-словенское общество Кирилла и Мефодия». Московские славянофилы (как, впрочем, и тогдашние западники) были решительно против этого общества; Хомяков видел в нем одну «нелепость, отсталость и бестолковость». Тем не менее один из членов московского кружка, Ф. В. Чижов, при возвращении из-за границы был арестован и допрошен в III отделении. Его ответы на первый раз успокоили власть: граф Орлов донес государю, что Чижов оказался «только словенофилом, поборником русской народности вроде московских ученых»; ему дозволено было продолжать литературные занятия, но с тем, чтобы он все свои произведения представлял шефу жандармов и «отстранил все мечты и идеи словенофилов». Последовал циркуляр министерства народного просвещения, разосланный по всем университетам и излагавший «значение народного начала в видах правительства, для конфиденциального сообщения преподавателям, цензорам и некоторым из членов ученых обществ», специалистам по русской истории и литературе. Циркуляр разделял в «вопросе о словенстве в отношении к нам — две стороны»: одну, «которую злонамеренные могут употреблять на возбуждение умов и распространение опасной пропаганды, преступной и возмутительной», и другую, которая «содержит святыню наших верований, нашей самобытности, нашего народного духа, в пределах законного развития имеющую неоспоримое право на попечение правительства». Граф Строганов отказался исполнить циркуляр в Московском университете и был уволен.

Февральский переворот 1848 года (имеется в виду революция во Франции, установившая Вторую республику. – *М.А.*) и вызванное им брожение среди народностей Австрии сильно взбудоражили славянофилов. Киреевский приглашал Погодина высказаться печатно о будущности славян по распадении Австро-Венгерской империи; Хомяков радовался падению «империи Карла Великого и папства Григория»: «Поле чисто. Православие на мировом череду. Словенские племена на мировом череду. Минута великая, предугаданная, но не приготовленная нами. Теперь вопрос, сумеем ли мы воспользоваться ею?» И он набрасывал идеи своего будущего послания к сербам: о необходимости предохранить «менее испорченных» славян против увлечения «первой радостью, первым опьянением свободы», для чего нужно «перевоспитать общество, оторвать его совершенно от

вопроса политического и заставить его заняться самим собою, понять свою пустоту, свой эгоизм и свою слабость».

И. Аксаков ожидал пользы от февральской революции прежде всего для самого русского общества. «Теперь дело обращения к самим себе будет гораздо легче: не за что ухватиться на Западе, все кругом раскачалось и качается».

Ф. И. Тютчев в уже упоминавшейся статье «Россия и революция» дал идейное обоснование нашего вмешательства в венгерское восстание. Февральская революция, по мнению Тютчева, разрушила иллюзию, будто Европе «удалось смирить революцию конституционными заклинаниями, обуздать ее страшную энергию формулами законности». В этой борьбе с «крестовым походом безбожия» Россия должна защищать прежде всего австрийских славян против мадьяр. «В какую ужасную смуту низверглись бы эти страны при схватке с революцией, если бы законный Монарх, православный царь Востока, замедлил долее своим появлением?.. Могут ли словенские племена быть покинуты единственной властью, которую они призывают в своих молитвах?»

Последствия февральских событий оказались, однако, очень тяжелыми для славянофильства. Ближайшим последствием было усиление цензурных строгостей, доходившее до того, что даже у Погодина мелькнула мысль о всеподданнейшем адресе, испугавшая, впрочем, Киреевского: «При теперешних бестолковых переворотах на Западе время ли подавать нам адресы о литературе?.. Не велика еще беда, если наша литература будет убита на 2—3 года. Она оживет опять. А между тем подавать просительные адресы в теперешнее время — значило бы поставить правительство во враждебное или, по крайней мере, недоверчивое отношение к литераторам, что гораздо хуже... Мы должны желать только того, чтобы правительство не вмешало нас в войну по какой-нибудь прихоти, чтобы оно не пошло давить наших словен вместе с немцами, чтоб оно не возмущало народ ложными слухами о свободе (И. Киреевский был против уничтожения крепостного права в противоположность другим славянофилам, особенно горячо обсуждавшим этот вопрос в 1846 и 1847 годах) и не вводило бы никаких новых законов, покуда утишатся и объяснятся дела на Западе».

Такая программа внутренней политики не помешала, однако, славянофильству подвергнуться усиленным подозрениям правительства и жестокостям цензуры. В январе 1849 года запрещена была статья Хомякова; в апреле запрещено носить бороды русскому дворянству, к величайшему огорчению Аксаковых, только что перед тем мечтавших, что государь под впечатлением европейских событий разрешит носить русское платье, и торжествовавших, как серьезную

победу, появление русских костюмов на московских великосветских маскарадах, воспетых Шевыревым. В марте Самарин посажен в крепость за ходившие в рукописи «Письма из Риги», высказывавшие негодование против антирусских действий нового начальника края князя Суворова. В том же месяце арестован И. С. Аксаков за резкие выражения в письмах к родным, вскрытых тайной полицией. Правда, государь, беседовавший лично с Самариным и прочитавший «ответы» И. Аксакова, удовлетворился тем и другим, и оба были скоро выпущены на свободу; но подозрительное отношение к славянофилам усилилось.

Последствия обнаружились, когда в 1852 году славянофилы, пользуясь досугом только что оставившего службу И. Аксакова, задумали возобновить издание «Московского сборника». Первый же том этого сборника вызвал против славянофилов целую бурю. Министр народного просвещения князь Ширинский-Шихматов в докладе государю по этому поводу говорил, что Киреевский в своей статье «не отдает должной справедливости бессмертным заслугам великого преобразователя России и державных его преемников»; И. Аксаков утверждает, что «в древней Руси преобладало начало демократическое», и вообще все авторы при видимой благонамеренности допускают много неясностей и намеков, могущих быть истолкованными в «дурную сторону» читателями «низшего класса». С этим согласился и негласный комитет, учрежденный 2 апреля 1848 года для наблюдения над духом журналов. Цензор, пропустивший «Сборник», получил строгий выговор, а на литературную форму сборников — «заменяющих, некоторым образом, журналы», — обращено особое внимание, как на представляющую «ту же удобность распространять между читателями одну главную идею при видимом разнообразии статей». Одновременно с этим московский генерал-губернатор Закревский докладывал государю, что «с некоторого времени образовалось в Москве общество славянофилов» и что «хотя секретное наблюдение за членами сего общества не обнаружило до сего времени ничего положительно вредного, но как общество это, под руководством людей неблагонамеренных, легко может получить вредное политическое направление и как члены оного — литераторы», то он рекомендует обратить особое внимание цензуры на их сочинения.

Не зная ничего этого, И. Аксаков подал 1 августа в цензуру материал для второй части «Сборника». Предупрежденная цензура открыла в представленных рукописях целый ряд сомнительных мест и выражений, а Дубельт нашел, что «московские славянофилы смешивают приверженность свою к русской старине с такими началами, которые не могут существовать в монархическом Государстве».

Их, «как людей открыто неблагонамеренных», следует подвергнуть гласному надзору и «запретить им даже и представлять к напечатанию свои сочинения».

Решено было, однако, ограничиться постановлением, что славянофилы должны впредь представлять все свои рукописи в Главное управление цензуры. В 1853 году запрещено было славянофилу Аксакову даже издать «Охотничий сборник». После этого славянофилы должны были замолчать в печати: им оставалось одно средство — то самое, которое вообще широко практиковалось в те годы и их теоретическими противниками: рукописная литература. Этим путем распространились знаменитые стихи Хомякова, написанные им по поводу разрыва России с Францией и Англией:

Вставай, страна моя родная
За братьев. Бог тебя зовет....
Но помни: быть орудьем Бога
Земным созданьям тяжело;
Своих рабов он судит строго, —
А на тебя, увы, как много
Грехов ужасных налегло.
В судах полна неправдой черной
И игом рабства клеймена
Безбожной лести, лжи тлетворной
И лени мертвой и позорной
И всякой мерзости полна!

По поводу этих стихов Хомякову пришлось объясняться с Закревским.

Все это давало власти основания подозревать славянофилов в противогосударственных намерениях, и начальник штаба отдельного корпуса жандармов и управляющий 3-м отделением Л.В. Дубельт писал: «Выражаясь напыщенно и двусмысленно, славянофилы нередко заставляют сомневаться, не кроется ли под их патриотическими взглядами целей, противных правительству». Этим, в частности, и объясняются подозрительность правительства в отношении славянофилов и постоянное стеснение их деятельности.

На пути к формированию целостного славянофильского мировоззрения

Период особенно сильных гонений на славянофилов – вторую половину 40-х годов вместе со следующим десятилетием – П. Милю-

ков считал «временем полного расцвета славянофильской теории. Салонная, а затем и журнальная полемика с западниками способствовала окончательной формулировке славянофильского учения. Главными проповедниками учения в печати явились в эти годы И. Киреевский и Хомяков». Да, именно эти основоположники славянофильства, несмотря на стеснения их деятельности со стороны властей, продолжали развивать свою концепцию России и ее места в мире. Наиболее важными в этом отношении стали две работы И.В. Киреевского.

В 1852 году появилась его статья «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России», изложенная в форме письма к графу Е.Е. Комаровскому.

Киреевский в начале статьи отмечает распространенное в обществе заблуждение, будто «различие между просвещением Европы и России существует только в степени, а не в характере и еще менее в духе или основных началах образованности. У нас (говорили тогда) было прежде только варварство: образованность наша начинается с той минуты, как мы начали подражать Европе, бесконечно опередившей нас в умственном развитии. Там науки процветали, когда у нас их еще не было; там они созрели, когда у нас только начинают распускаться. Оттого там учители, мы ученики; впрочем – прибавляли обыкновенно с самодовольством, – ученики довольно смышленые, которые так быстро перенимают, что скоро, вероятно, перегонят своих учителей».

Но это мнение глубоко ошибочно: «Начала просвещения русского совершенно отличны от тех элементов, из которых составилось просвещение народов европейских».

Развивая сказанное ранее в статье «В ответ А.С. Хомякову» о трех элементах европейской образованности, Киреевский отмечает: «Начало европейской образованности, развившееся во всей истории Запада, в наше время оказывается уже неудовлетворительным для высших требований просвещения... Современный характер европейского просвещения совершенно однозначителен с характером той эпохи римско-греческой образованности, когда, развившись до противоречия самой себе, она по естественной необходимости должна была принять в себя другое, новое начало, хранившееся у других племен, не имевших до того времени всемирно-исторической значительности». Таким племенем, выступающим на всемирно-историческую чреду, является в данном случае русский народ. Вносимое им новое начало «надобно искать: оно не бросается само в глаза, как бросается образованность европейская… ибо коренные начала просвещения России не раскрылись в ее жизни до той очевидности, до какой развились начала западного просвещения».

Поиски Киреевского приводят его к заключению, что новое начало, которое внесет Россия во всемирно-историческое развитие, непосредственно вытекает из всей разницы между восточной культурой и западной. В основе европейской истории лежит римская культура; ее духом (рассудочностью) прониклись и западная церковь, и государство, основанное на Западе насилием, завоеванием.

Киреевский формулирует здесь принцип, очень важный для теории развития: дальнейшее развитие любого объекта есть не что иное, как раскрытие внутренних начал, на которых он основан. Это положение справедливо и в отношении государства. Рассматривая государства Запада с точки зрения этого принципа, он особо останавливается на одной из их особенностей: «… почти ни в одном из народов Европы государственность не произошла из спокойного развития национальной жизни и национального самосознания, где господствующие религиозные и общественные понятия людей, воплощаясь в бытовых отношениях, естественно вырастают, и крепнут, и связываются одно общее единомыслие, правильно отражающееся в стройной цельности общественного организма. Напротив, общественный быт Европы по какой-то странной исторической случайности почти везде возник насильственно, из борьбы на смерть двух враждебных племен: из угнетения завоевателей, из противодействия завоеванных, и, наконец, из тех случайных условий, которыми наружно кончились споры враждующих, несоразмерных сил». В них развился благодаря «односторонней рассудочности» не общественный дух, но «дух личной отделенности...» Отличительный склад римского ума заключался в том именно, что в нем наружная рассудочность брала перевес над внутреннею сущностью вещей». Это выразилось, в частности, «в самых знаменитых законах римских, где стройность внешней формальности доведена до столь изумительного логического совершенства при изумительном тоже отсутствии внутренней справедливости… Но непосредственное, общечеловеческое чувство было почти задушено в душе римлянина». И вот эта «римская отрешенная рассудочность уже с IX века проникла в самое учение богословов, разрушив своею одностороностию гармоническую цельность внутреннего умозрения», из чего возник и церковный раскол, и учение о непогрешимости папы, который стал не только духовным, но и светским владыкой, и пр. А «непримиримая борьба двух спорящих племен, угнетавшего и угнетенного, произвела на все развитие их истории постоянную ненависть сословий…

Но, начавшись насилием, государства европейские должны были развиваться переворотами. Переворот был условием всякого прогресса… под общественными формами скрывались одни частные партии, для своих частных целей и личных систем забывавшие о жизни целого государства… Очевидно, что при таких условиях образованность европейская должна была окончиться разрушением всего умственного и общественного здания, ею же самою воздвигнутого».

Россия же не подверглась влиянию римского культурного элемента: «Эти три элемента Запада: римская церковь, древнеримская образованность и возникшая из насилий завоевания государственность – были совершенно чужды древней России… не испытав завоевания, русский народ устраивался самобытно. Враги, угнетавшие его, всегда оставались вне его, не мешаясь в его внутреннее развитие… коренной русский ум, лежащий в основе русского быта, сложился и воспитался под руководством святых отцов восточной церкви». А они, «не увлекаясь в односторонность силлогистических построений, держались постоянно той полноты и цельности умозрения, которая составляет отличительный признак христианского любомудрия». К нам это просвещение проникало «прямо из первых источников, из самого центра современного просвещения, который тогда находился в Царьграде, Сирии и на Святой Горе». Оно влияло на «все понятия нравственные, общежительные и юридические», на «все классы и ступени общества». Ведь духовенство, главный посредник при распространении этого просвещения, составлялось «безразлично из всех классов народа». Семена упали притом на подготовленную и благодарную почву, так как в России не было ни завоевания, ни, следовательно, резкого разделения общества — на классы, земли — на независимые отдельные владения. В единой и цельной внутри себя России восточная образованность «пустила такие глубокие корни, что, несмотря на то, что уже 150 лет прошло с тех пор, как монастыри наши перестали быть центром просвещения, несмотря на то, что вся мыслящая часть народа своим воспитанием и своими понятиями значительно уклонилась от прежнего быта, изгладив даже и память о нем из сердца своего, — этот русский быт, созданный по понятиям прежней образованности и проникнутый ими, еще уцелел почти неизмененно в низших классах народа: он уцелел — хотя живет в них уже почти бессознательно, уже в одном обычном предании, уже не связанный господством образующей мысли». Задача русской интеллигенции — дать народной мысли эту недостающую ей связность и сознательность и «на этом только основании, не на каком ином» создать «науку, основанную

на самобытных началах», «искусство, на самородном корне расцветающее».

Важно то, что «кроме различия понятий на Востоке и Западе происходит еще различие в самом способе мышления богословско-философском. Ибо, стремясь к истине умозрения, восточные мыслители заботятся прежде всего о правильности внутреннего состояния мыслящего духа; западные – более о внешней связи понятий. Восточные для достижения полноты истины ищут внутренней цельности разума: того, так сказать, средоточия умственных сил, где все отдельные деятельности духа сливаются в одно живое и высшее единство.

Западные, напротив того, полагают, что достижение полной истины возможно и для разделившихся сил ума… Одним чувством понимают они нравственное, другим – изящное, полезное – опять особым смыслом; истинное понимают они отвлеченным рассудком, и ни одна способность не знает, что делает другая, покуда ее действие совершится».

Киреевский прослеживает влияние этой разорванности духа западного человека на все сферы жизни, в частности, на жизнь семейную: «В высших слоях европейского общества семейная жизнь… скоро стала даже для женщин делом почти посторонним… Самолюбивые и шумные удовольствия гостиной заменяли ей (матери) тревоги и радости тихой детской. Салонная любезность и уменье жить в свете, с избытком развиваясь за счет других добродетелей, сделались самою существенною частию женского достоинства. Скоро для обоих полов блестящая гостиная обратилась в главный источник удовольствия и счастия, в источник ума и образованности, в источник силы общественной, в господствующую и всепоглощающую цель их искусственной жизни. Оттуда… произошло великолепное, обворожительное развитие общежительных утонченностей, вместе с этим развитием и нравственное гниение высшего класса, и в нем первый зародыш знаменитого впоследствии учения о всесторонней эмансипации женщины».

Легко представить, каково было читать выделенное здесь суждение Киреевского высшему светскому обществу России, строившему свою жизнь в соответствии с нормами жизни на Западе! Не из-за этого ли его статья была признана самой вредной?

Итог своих размышлений Киреевский выразил формулой: «Западный человек раздробляет свою жизнь на отдельные стремления и хотя связывает их рассудком в один общий план, однако же в каждую минуту жизни является как иной человек… Не так человек русский… раздвоение и целостность, рассудочность и разумность

будут последним выражением западноевропейской и древнерусской образованности».

Но и образованность древней Руси примерно к XVI веку подверглась искажениям, в ней обнаружилось уважение более наружных форм, чем оживляющего их духа. И потому речь должна идти не о возврате к старому, а о выработке нового миропонимания, чтобы «те начала жизни, которые хранятся в учении Святой Православной Церкви... господствуя над просвещением европейским и не вытесняя его, но, напротив, обнимая его своею полнотою, дали ему высший смысл и последнее развитие и чтобы та цельность бытия, которую мы замечаем в древней, была навсегда уделом настоящей и будущей нашей православной России…»

Эта статья Киреевского, встреченная с недоброжелательством высшим обществом, вызвала возражения и со стороны других славянофилов. Написал свои возражения и А.С. Хомяков, рассчитывая поместить их во втором томе «Московского Сборника», но это издание было запрещено цензурой. В этой статье Хомяков развивает положения Киреевского о раздвоении и рассудочности как последнем слове западноевропейской образованности и цельности и разумности как выражении древнерусской образованности, но отказывается принять мнение Киреевского о том, что «христианское учение выражалось в чистоте и полноте во всем объеме общественного и частного быта древнерусского». Хомяков выступал против идеализации Киреевским Древней Руси, потому что ни один народ в истории не воплотил христианское учение во всей полноте, и русский народ тут не исключение.

На вопрос, почему же Россия при гораздо высшем начале не опередила Европу, Хомяков отвечает: «Просветительное начало, по своей всесторонности и полноте, требовало для своего развития внутренней цельности в обществе, которой не было; этой цельности не могло оно дать мирными путями вследствие неполного понятия о православии в значительной части людей, составляющих русский народ, и недостатка определительного сознания во всех». В Древней Руси шла борьба народа с государственной властью, или земщины с дружиною. Дружина и была той силой, которая препятствовала действительному воплощению истинного просветительного начала в русскую жизнь.

Свои возражения против статьи Киреевского высказывал и И.С. Аксаков, к этому времени также, вслед за старшим братом, вступивший в ряды славянофилов.

Читая об этих разногласиях, невольно сожалеешь, что даже самые близкие по духу люди, разделяя главное, расходятся в част-

ностях и подчас ожесточенно спорят между собой. Но что поделать? Русские люди – личности, их трудно слить в толпу, и полными единомышленниками они, наверное, становятся только в минуты грозной опасности для Родины.

Экономические взгляды ранних славянофилов

Классики славянофильства были личностями, при общности воззрений в главном каждый из них мог придерживаться особого, отличного от других, взгляда на те или иные вопросы, в том числе и на экономику.

Здесь дается общий обзор экономического учения славянофилов, приходится ограничиться теми суждениями, которые по большей части общи для всего этого круга исторических деятелей.

Теоретическому наследию славянофилов посвящена обширная литература на многих языках мира, в которой разбираются и их экономические взгляды. Однако мировое значение теории экономики, народного хозяйства, важнейшие элементы которой были выработаны славянофилами, до настоящего времени не только не раскрыто, но и не осмыслено.

Поскольку учение славянофилов представляет собой нерасторжимую целостность, их экономические воззрения неразрывно связаны с исповедовавшимся ими Православием и идеалом государственного и общественного устройства. Это – самодержавие и Земский Собор, единство Царя и Народа, «власти» и «земщины», как это было характерно для допетровской Руси, жизнь которой, по убеждению части славянофилов, протекала гармонично и без потрясений.

Из всей совокупности экономических воззрений славянофилов в литературе обычно рассматриваются преимущественно их высказывания по вопросам, связанным с подготовкой и проведением крестьянской реформы 1861 года. То, что славянофилы уделяли этим вопросам много внимания, совершенно естественно, ибо отмена крепостного права и решение крестьянского вопроса были главными событиями надвигавшейся новой эпохи в жизни России. Однако при этом остаются в тени или вовсе не замеченными суждения славянофилов о самой сущности экономики и экономической науки, подобных которым в Западной Европе не было вообще.

В работах советского периода (в БСЭ, в «Истории русской экономической мысли» и др.) подчеркивался «реакционный» характер их воззрений, защита славянофилами интересов класса помещиков.

Славянофилы характеризуются как выразители устремлений той части российских землевладельцев, которые были готовы вписаться в рамки надвигающихся капиталистических отношений и выступали за развитие торговли и промышленности, акционерных обществ и банковского дела, строительство железных дорог, внедрение машин в сельскохозяйственное производство и т.д. Они настаивали на отмене крепостного права «сверху» с предоставлением крестьянским общинам земельных наделов за выкуп. Учение славянофилов считали противоречивым и эклектичным, говорили даже о его загадочности.

Такое объяснение позиции славянофилов несостоятельно. Объективный анализ показывает, что именно их проекты в наибольшей степени отвечали общенациональным и государственным интересам (если последние не отождествлять с интересами петербургской бюрократии).

Не следует забывать, что в самый мрачный период царствования Николая I – в семилетие после европейских революций 1848 года – именно славянофилы были единственной общественной силой, которая публично высказывала недовольство существующей действительностью. И они не просто проявляли недовольство, но по существу отвергали заемное, скопированное с западноевропейских образцов государственное устройство, призывая построить жизнь страны на исконных Русских началах. А это, по их мнению, открывало перед Россией перспективу встать во главе европейской, а затем и мировой цивилизации и, возглавив семью славянских народов, повести за собой весь мир в светлое и счастливое будущее. Таких величественных перспектив возможного нашего будущего тогда никто больше не раскрывал. Не вставая в позу героев, не призывая к революции, славянофилы безбоязненно приняли на себя «подвиг освобождения нашей мысли от суеверного поклонения мысли других народов» (слова Хомякова).

Только в последнее время отмечена и другая историческая заслуга славянофилов: именно они впервые в истории русской общественной мысли подошли к проблеме «эмансипации», освобождения крестьян практически, были «в первых рядах эмансипаторов» и заговорили не о «лозунге» крестьянской свободы, а об ее конкретных аспектах.

Важно отметить, что главные деятели славянофильского движения сами были крупными землевладельцами. Однако они переходили к наиболее прогрессивным способам хозяйствования: переводили крестьян с барщины на оброк или давали им свободу, использовали труд вольнонаемных рабочих, заводили фабрики и заводы. Поэтому они находились в резкой оппозиции к наиболее близким к власти кре-

постникам и крупным бюрократам. Но и те из них, кто строил отношения с крестьянами по старинке, все же принимали все меры, чтобы крестьяне в результате реформы не попали в худшее положение. Такое стремление к справедливости в ущерб собственным сословным интересам не часто встречается в истории.

Понимание И.В. Киреевским сущности экономики вытекало из установленных им особенностей русского склада ума, отличающегося от склада ума европейца. По Киреевскому, именно вследствие разорванности западноевропейского сознания и стало возможным появление науки политической экономии. «Западный человек искал развитием внешних средств облегчить тяжесть внутренних недостатков. Русский человек стремился внутренним возвышением над внешними потребностями избегнуть тяжести внешних нужд. Если бы наука о политической экономии существовала тогда, то, без всякого сомнения, она не была бы понятна русскому. Он не мог бы согласить с цельностию своего воззрения на жизнь особой науки о богатстве. Он не мог бы понять, как можно с намерением раздражать чувствительность людей к внешним потребностям только для того, чтобы умножить их усилия к вещественной производительности. Он знал, что развитие богатства есть одно из второстепенных условий жизни общественной и должно потому находиться не только в тесной связи с другими высшими условиями, но и в совершенной им подчиненности». Иными словами, русские не поняли бы политическую экономию не в силу своей умственной ограниченности, а потому, что не приняли бы науку о богатстве, оторванную от нравственности. Нечестно нажитое богатство – это вовсе даже и не богатство, а путь к погибели души. И глупо раздувать потребности человека, чтобы он все большую часть своей жизни посвящал их удовлетворению, превращая свое существование в подобие бегу белки в колесе.

Другое важное положение экономических воззрений Киреевского выражено им следующим образом: «Одно из самых существенных отличий правомерного устройства России и Запада составляют коренные понятия о поземельной собственности. Римские гражданские законы… суть все не что иное, как развитие безусловности этого права… все здание западной общественности стоит на развитии этого личного права собственности, так что и самая личность в юридической основе своей есть только выражение этого права собственности. В устройстве русской общественности личность есть первое основание, а право собственности только ее случайное отношение. Общине земля принадлежит потому, что община состоит из семей, состоящих из лиц, могущих ее возделывать. Право общины над землею ограничивается правом помещика, или вотчинника; право по-

мещика условливается его отношением к государству… Общество слагалось не из частных собственностей, к которым приписывались лица, но из лиц, которым приписывалась собственность».

От Киреевского пошло понимание славянофилами экономических отношений как производных от более высоких начал, в конечном счете – от понимания смысла жизни, которые он формулировал в духе православного учения. В трудах ряда исследователей (в частности, в цитировавшейся выше статье П. Милюкова) отмечается, что Киреевский в отличие от других славянофилов выступал против отмены крепостного права. В результате у читателей могло сложиться представление о Киреевском как о закоренелом душегубе, никак не желавшим расставаться с владением крепостными, этой дармовой рабочей силой. В действительности возражения Киреевского своим друзьям – сторонникам отмены крепостничества были вызваны несовершенством предлагавшихся в то время (в том числе и славянофилами) проектов освобождения крестьян. Еще К. Аксаков писал, что крестьяне, оставшись без опеки помещика, окажутся беззащитными перед бездушной машиной государства, перед чиновничеством. Киреевский разделял это мнение, но как помещик, живший в деревне и находившийся в повседневной связи с крестьянами, не мог не видеть и другую опасность. Крестьянская беднота, освободившись от гнета со стороны помещиков, попадала бы в еще более тяжкую кабалу к кулаку и скупавшему землю купцу, а то и к иностранному эксплуататору или инородцу.

Главные сферы деятельности А.С. Хомякова – религиозная философия, история, поэзия, живопись. Однако он всегда проявлял интерес к экономике, к ее теоретическим основам, внимательно изучал общественную и хозяйственную жизнь России и Запада. Проблемы экономики он осмысливал в общем контексте идей славянофильства и занимался практической экономикой как землевладелец, помещик, хозяин нескольких имений в Тульской, Рязанской и Смоленской губерниях с 52 населенными пунктами, обладатель нескольких тысяч крепостных. Занимался Хомяков и промышленной деятельностью. В его имении Богучарово находились копи, где велась добыча бурого угля (он называл их своим «тульским Ньюкаслом»). В то время Россия, обладавшая в своих недрах огромными запасами каменного угля, ввозила его из Англии. Владел Хомяков и сахарными заводами. Один из них он перестроил, оснастив его по последнему слову техники – паровыми машинами и пр., и использовал там труд наемных рабочих. Были у него и винокурни. Изобрел Хомяков и несколько сельскохозяйственных машин, которые с успехом применял в своих имениях.

Задолго до отмены крепостного права, до которой оба основоположника славянофильства не дожили, Хомяков говорил о помещиках, господах крепостных соотечественников, что они – «враги России». Хомяков был противником крепостного права, считая его историческим анахронизмом. Он писал о своем сословии – помещиках: «… как бы каждый из нас ни любил Россию, мы все, как общество, постоянные враги ее, разумеется, бессознательно. Мы враги ее, потому что мы иностранцы, потому что мы господа крепостных соотечественников, потому что одуряем народ».

Хомяков на рубеже 1830–40-х гг. выступил с одним из первых проектов освобождения крестьян. Он понимал, что в то время речь могла идти только о наделении крестьян землей за выкуп. А из всех проектов такого рода наиболее радикальным был его проект. Хомяков предлагал государству выкупить сразу всю землю у помещиков за счет казны, а не крестьян, и раздать ее крестьянским общинам. Если же такие траты окажутся для государства неподъемными, то можно сделать так, чтобы крестьяне в течение нескольких лет вернули казне стоимость полученной земли. Но речь шла именно о всей земле, без каких-либо «отрезков». Хомяков продумал весь финансовый механизм осуществления реформы на этих условиях, предусмотрел создание земельных банков. Однако у правительства не нашлось денег для радикального решения главного вопроса российской истории – земельного, что послужило впоследствии одной из главных причин революционных потрясений. Хомяков писал по этому поводу: «Прекрасный план отброшен: у правительства нет ни денег, чтобы совершить выкуп единовременно будущей крестьянской собственности, ни кредита, чтобы пополнить денежный недостаток».

Первая журнальная статья Хомякова «Замечания на статью о чересполосном владении» напечатана в «Московском наблюдателе» (1835, книга 2). Статья Хомякова «О сельских условиях» («Москвитянин», 1842, книга 6) была вызвана указом об обязанных крестьянах. В ней Хомяков призывал помещиков к полюбовным сделкам с крестьянами, чтобы перейти от крепостничества безболезненно, не потрясая коренных экономических устоев поместного бытия. И сделать это надо сейчас, не дожидаясь закона, иначе будет поздно. Ничто не вечно, в том числе и помещичье состояние. Новый виток жизни требует и новых отношений по поводу земли. Можно перейти к ним так, чтобы это было выгодно крестьянам и не разорительно для помещиков. В том же журнале (книга 10) появился ответ Хомякова на сделанные ему возражения («Еще о сельских условиях»).

По вопросу о способах и сроке совершения крестьянской реформы славянофилы расходились во взглядах: Киреевский был про-

тив крайних мер, а Хомяков и Кошелев защищали полное освобождение крестьян посредством одновременного выкупа во всей России. В названных статьях Хомяков рассуждал о принципах, которые должны были лечь в основу свободных договоров между крестьянами и помещиками. Как вознаграждение со стороны первых за землю Хомяков рекомендует половничество. Защищая полюбовность сделок и отрицая определение повинностей законом, Хомяков настаивает на том, чтобы помещики заключали договоры не с отдельными лицами, а с обществом, при условии сохранения общинного землепользования.

Выяснение вопроса об общине составляет заслугу Хомякова: позднейшие защитники общины не много прибавили к его доводам в пользу общины. Хомяков выяснял и экономическое, и нравственное значение общины, с помощью которой достигаются «сохранение исконного обычая, право всех на собственность поземельную и право каждого на владение, нравственная связь между людьми и нравственное воспитание людей в смысле общественном посредством постоянного упражнения в суде и администрации мирской, при полной гласности и правах совести». Хомяков видел в общине единственно уцелевшее гражданское учреждение во всей русской истории, из которого мог развиться целый гражданский мир. Взгляды Хомякова на общину изложены в замечательном письме к А. И. Кошелеву от 1849 года.

Убеждение Хомякова в том, что крестьянская община – это основа русского строя жизни, навлекало на него неудовольствие правительственных сфер, где в защите общинного строя видели пропаганду фурьеризма и других социалистических теорий. Он даже заслужил репутацию «революционера», хотя был принципиальным противником революций и других насильственных способов решения социальных проблем. Хомякову грозила ссылка, и от нее его избавило только заступничество графа Д.Н. Блудова.

Преимущества сельской общины Хомяков доказывал ее сопоставлением с двумя наиболее характерными системами землевладения и деревенской жизни вообще – с английской и французской.

По его словам, в Англии земля принадлежала аристократам – лордам, которые сами не вели хозяйства, а сдавали землю в аренду фермерам, которые нанимали безземельных рабочих. При этой системе обеспечивался быстрый прогресс сельскохозяйственного производства за счет конкуренции и вложений крупных капиталов в земледелие. Борьба рабочих за свои права выдвигает лидеров, к которым прислушивается вся страна. Однако «самая конкуренция, безземелие большинства и антагонизм капитала и труда доводят в ней язву пролетарства до бесчеловечной и крайне разрушительной крайности. В

ней страшные страдания народа и революция впереди». Государство принимает там меры к смягчению бедности, вводит для этого специальные налоги на богатых ради поддержки бедных. Но все эти «противунищенственные средства не годятся никуда». Налог на имущих в пользу неимущих возлагает на богатых обязанности без прав, а бедным – дает права без обязанностей. Богатым тяжело, и они стремятся «к тому, чтобы обязанность свою облегчить и неимущих держать в черном теле». Неимущие получают «право на корм; но это право есть в то же время страшное унижение, ибо им никогда уже или почти никогда не будет возможности выбиться из нищеты, они осуждены на вечное пролетарство. И так учреждается борьба, в которой обе стороны должны роптать и страдать: отношение крайне безнравственное». Можно, конечно, с обязанностью соединить право, то есть прокормление покрыть работой. Но «это уже будет учреждение в роде тюремном: неимущий продан имущему. Тягость для имущего несколько облегчается, на зато вражда усиливается, отношения становятся еще безнравственнее, и язва пролетарства неисцельнее».

Во Франции все крестьяне – собственники, это достигалось все более сильным дроблением земельных наделов по мере роста численности сельского населения. Поэтому французская деревня практически не знает нищеты. Однако мелкий собственник не располагает капиталом, достаточным для проведения серьезных агротехнических мероприятий для обеспечения прогресса сельскохозяйственного производства. К тому же полная разъединенность сельских жителей приводит к оскудению нравственных и умственных начал. В итоге в сельской местности Франции «человек так слаб и глуп, что от него общество не дождется ни одной мысли». Это дает там городам «такой огромный и гибельный перевес над селом».

Эти пороки западного образа жизни могли бы быть устранены переходом «теперешнего европейского сожительства в общинное товарищество», но он вряд ли возможен, ибо западный пролетариат пронизан духом «западного индивидуалистического устройства общества». А русская сельская община избавляет нашу страну от названных язв западноевропейского строя жизни.

А возможна ли общинная форма организации труда в фабричной промышленности? На этот вопрос отвечать положительно Хомяков считал пока невозможным, поскольку не было и самой этой развитой промышленности, тут «возможна только догадка». Но он был уверен, что со временем вопрос решится в пользу общины. Ведь в Европе идет борьба труда и капитала, необходимо «помирить этих двух соперников или слить их выгоды». Это всеобщее и разумное стремление «встречает везде неудачу; неудача же происходит не от

какой-нибудь теоретической невозможности, а от невозможности практической, именно от нравов рабочего класса. Эти нравы – плод жизни, убившей всю старину с ее обычаями… – не допускают ничего истинно общего, ибо не хотят уступить ничего из прав личного произвола. Для них недоступно убеждение, что эта уступка есть уже сама по себе выгода для лица; ибо, уступая часть своего произвола, оно становится выше, как лицо нравственное, прямо действующее на всю массу общественную посредством живого, а не просто отвлеченного или словесного общения. Это убеждение будет доступно или, лучше сказать, необходимо присуще человеку, выросшему на общинной почве». Как видим, Хомяков на 15 лет раньше Достоевского пришел к убеждению, что пролетарий на Западе такой же индивидуалист и собственник в душе, как и буржуа.

Ну а что касается будущего индустриального развития России, то Хомяков полагал, что и в промышленности община найдет широкое применение, причем «община промышленная есть или будет развитием общины земледельческой». Хомяков приводит такие соображения в пользу своего вывода: «Учреждение артелей в России довольно известно; оно оценено иностранцами; оно имеет круг действий шире всех подобных учреждений в других землях. Отчего? Оттого, что в артель собираются люди, которые с малых лет уже жили по своим деревням жизнию общинною. В артелях мало, почти нет, мещан, мало дворовых. Вся основа – крестьяне или вышедшие из крестьянства. Это не случайность, а следствие нравственного закона и жизненных привычек. Конечно, я не знаю ни одного примера совершенно промышленной общины в России, так сказать, фаланстера, но много есть похожего; например, есть мельницы, эксплуатируемые на паях, есть общие деревенские ремесла и, что еще ближе, есть деревни, которые у купцов снимают работу и раздают ее у себя по домам. Все это не развито; да у нас вся промышленность не развита. Народ не познакомился с машинами; естественная жизнь торговли нарушена. Когда простее устроится наш общий быт, все начала разовьются и торговая или, лучше сказать, промышленная община образуется сама собою».

Более того, Хомяков предсказывал, что и интеллигенты в будущем вступят в общину: «Со временем мы срастемся с нею. Но как? Этого решить нельзя. Смешно было бы взять на себя все предвидеть… это еще впереди, и как Бог даст. Допустим начало, а оно само себе создаст простор».

Некоторые исследовали отмечали, что практические мероприятия Хомякова по отношению к своим крестьянам не вполне соответствуют его теоретическим взглядам. Однако они не могут

отрицать, что имениями Хомяков управлял лично, стремясь всегда находить справедливые решения, приемлемые как для него, так и для крестьян. Обычно крестьяне соглашались на то, что половина урожая принадлежала им, а половина – помещику, однако при этом предполагалось, что в случае неурожая барин не оставит их без хлеба. И действительно, в неурожайные годы (а это в среднем два года из пяти) почти весь доход от имений Хомяков тратил на пропитание своих крестьян. Он снискал их любовь и уважение тем, что вникал в условия их жизни, лечил больных, помогал попавшим в беду.

Не дождавшись царского манифеста, Хомяков отпустил своих крестьян на волю со всей землей, хотя это нанесло ущерб интересам его малолетних детей, оставшихся после смерти отца под опекой его друга, известного славянофила А.И. Кошелева. Во всей России тогда мало нашлось бы помещиков, так много делавших для своих крестьян.

Ю.Ф. Самарин больше, чем кто-либо другой из славянофилов занимался изучением политической экономии, которую его учителя считали, так сказать, «буржуазной лженаукой». Об отрицательном отношении И.В. Киреевского к политической экономии говорилось выше. А.С. Хомяков, вероятно, был того же мнения. А Самарин в 1849 г. писал Хомякову о своих занятиях политэкономией: «Эта наука (или, точнее, выводы из исторического развития народного хозяйства на Западе) не заслуживает ни того неблаговоления, с которым с некоторого времени смотрят на нее многие почтенные люди, ни той огромной важности, которую приписывают ей те, которые видят в обществе компанию акционеров, в жизни народной – торговое предприятие, а в жизни человека – процесс пищеварения. Политическая экономия, в законных пределах ее специальности, не только не вредна, но, напротив, нужна и может быть очень полезна; вольно же, с одной стороны, ожидать от нее разрешения задач, вовсе не входящих в ее круг, с другой – отвергать ее потому, что она не разрешает этих задач или разрешает их ошибочно. Что касается до практической ее применимости в России, то, за исключением некоторых ее положений (например, о превосходстве труда свободного перед трудом вынужденным, о выгоде свободного обмена, о вреде всякого искусственного возбуждения промышленной деятельности и некоторых других), я думаю, что в том виде, в каком она существует теперь, ее должно изучать не с целью прилагать к делу советы и наставления, выдаваемые ею за безошибочные, но для собственного своего образования. Она может направить взгляд на такие стороны народной жизни, которые часто ускользают от внимания, расширить круг наблюдений, возбудить много важных вопросов. Вот несколько примеров.

Французские и английские экономисты вдоволь насмеялись над ateliers nationaux (национальными мастерскими, созданными во Франции в 1848 году буржуазным временным правительством в целях предотвращения восстания безработных. – *М.А.*) и прочими затеями социалистов. Им возражали обыкновенно тем, что человек трудится по нужде и по охоте. Нужда предполагает необходимость собственными средствами обеспечить себя и свое семейство; охота предполагает свободное распоряжение своими силами и обеспечение права собственности на результаты труда. Наше общество восхищалось дельностью этих возражений. Но кому же пришло в голову, что они одинаково подрывают ateliers nationaux и крепостное состояние у нас, что наш крестьянин обеспечен со стороны нужды обязанностью помещика кормить его, а сильной охоты к труду ощущать не может, когда трудом его распоряжается другой, нередко простирающий руку и на плоды его трудов. От этого происходит, что сельская промышленность у нас не может развиться. В ней нет поприща для вольного труда. Мысль о свободе нераздельна с мыслью об оставлении земледелия. Всякий, обладающий капиталом умственным, или успевший зашибить капитал денежный, рвется из деревни в город, так что земледелие, жизненная, самая важная отрасль нашей промышленности, составляет как бы низшую, приготовительную степень. Всякий прогресс происходит не в ней, знаменуется оставлением ее».

Здесь Самарин впервые отмечает удивительный, на первый взгляд, факт: Россия – страна земледельческая, крестьянская, а деревня уже становится некоей второстепенной сферой по сравнению с городом. А далее он продолжает свою мысль о западной экономической науке: «Современная политическая экономия полагает, как desideratum, как желанную, но недостижимую цель, с одной стороны, la participation du plus grand nombre possible aux bienfaits de la proprieté territoriale (участие как можно большего числа людей в производстве национального богатства), с другой l'employ des procedes de la culture en grand (в полном виде использовать достижения культуры). Действительно, на Западе, где развилась так исключительно идея личной собственности, не было середины между дроблением земли до бесконечности и пролетариатством. Желанное примирение не заключается ли в общинном владении?

Все писатели, изучавшие развитие финансов, полагают личный кредит как высшую ступень развития кредита, предполагающую непременное изобилие денежных капиталов. Отчего же у нас, при очевидной, чрезвычайной скудости денежных капиталов, так высоко развит между купечеством, личный кредит? Я думаю, что разрешение этого вопроса повело бы к важным результатам».

Из этих соображений делается вывод об отношении к политической экономии: «Изучение ее с этой точки зрения, по крайней мере, безвредно».

Особенно большое внимание Самарин уделял анализу влияния крепостного права на народное хозяйство, преимущественно в экономическом отношении. В частности, он доказывал, что «производительность труда находится в прямом отношении к свободе трудящегося. Это общий закон, давно признанный за одно из немногих бесспорных положений политической экономии, вполне применимый к современной системе земледелия в России».

Самарин выступал против широко распространенных в России идей фритредерства. По его словам, «англичане придумали теорию свободной торговли для континентального употребления». Вообще слепое подражание Западу было, по его мнению, причиной многих наших неудач, в том числе и в области сельского хозяйства. Зато эти неудачи «навели на исследование отличительных особенностей нашего сельского хозяйства, препятствующих применению иностранных теорий. Наука сельского хозяйства прочно водворилась на нашей почве и вступила в период самостоятельного своего развития».

Экономические воззрения В.Ф. Одоевского и особенно критика им Запада отличались наибольшей радикальностью. Одоевский, будучи соредактором пушкинского «Современника» и издателем журнала (точнее, переиздававшегося альманаха) для крестьян «Сельское чтение», глубоко интересовался экономическими проблемами. Критикуя Запад и предсказывая его гибель, он отмечал и кризис западной экономической мысли, тупиковый характер тех теорий, которые получили широкое распространение в Западной Европе. Но писатель выражал свои мысли не в научных или публицистических статьях, а в художественных произведениях, особенно в жанре фантастики. Наиболее показательны в этом отношении научно-фантастические рассказы «Город без имени» и «Последнее самоубийство», вошедшие в состав главного труда писателя «Русские ночи». «Город без имени» – это редчайший в мире пример глубокого проникновения в возможные ближайшие и отдаленные последствия односторонней экономической теории (к сожалению, некритически принятой в России).

В 30–50-е годы XIX века в Западной Европе получила широкое распространение философия утилитаризма, основоположником которой был английский философ (точнее, моралист), социолог и юрист Иеремия Бентам (1748 – 1832). Он разработал этическую теорию, в которой сводил мотивы поведения людей к удовольствию и страданию, а моральность – к полезности поступка. Баланс удовольствий и страданий можно исчислить математически, и в итоге бу-

дет создана «моральная арифметика», позволяющая дать строго научную оценку любого поступка человека. Главным трудом Бентама стала «Деонтология, или наука о морали», вышедшая через два года после смерти автора.

Конечно, эта теория грешила метафизическим и механистическим подходом к пониманию нравственности, зато казалась простой, доступной и логически обоснованной. А главное, она отвечала коренным представлениям англосаксов-индивидуалистов о мире и человеческих взаимоотношениях, оправдывала конкуренцию и погоню за собственной выгодой, и предложение считать пользу вообще критерием истины им, вероятно, должно было бы понравиться.

Продолжая линию Гоббса и Локка, Бентам объявил удовлетворение частного интереса («принцип эгоизма») средством обеспечения «наибольшего счастья для наибольшего числа людей» («принцип альтруизма»). Но «пользу» можно свести к «выгоде», а «выгоду» – к денежной выгоде, к прибыли. Это было прямой апологией капиталистического строя, где погоня за максимальной прибылью стала основным экономическим законом.

В России первой четверти XIX века, в экономике которой уже начинался переход к всеобъемлющей системе товарно-денежных отношений, Бентама хорошо знали, его теория получила распространение в высших кругах общества. Ее высоко ценил Александр I и рекомендовал своим министрам и другим приближенным учитывать ее в повседневной работе. Сочинения Бентама издавались с посвящением русскому императору. Ими зачитывались и будущие декабристы. По свидетельству Пушкина, в светских гостиных была нередкой картина, когда «иная дама толкует Сея и Бентама». Позднее многие находили, что идеи Бентама лежали в основании теории «разумного эгоизма» Чернышевского.

Одоевский не поддался главенствующему в обществе настроению и резко выступил против популярной, но ошибочной и вредной экономической и философской теории.

В рассказе Одоевского действие происходит на острове, якобы когда-то заселенном колонистами – последователями Бентама. Сам Бентам вроде бы свою теорию излагал в таких выражениях: «Нас окружают тысячи мнений; все они имеют цель – благоденствие общества, и все противоречат друг другу. Посмотрим, нет ли чего-нибудь общего всем этим мнениям? Говорят о правах человека, о должностях: но что может заставить человека не переступать границ своего права? что может заставить человека свято хранить свою должность? одно – собственная его польза! Тщетно вы будете ослаблять права человека, когда к сохранению их влечет его собственная

польза; тщетно вы будете доказывать ему святость его долга, когда он в противоречии с его пользою. Да, польза есть существенный двигатель всех действий человека! Что бесполезно – то вредно, что полезно – то позволено. Вот единственное твердое основание общества! Польза и одна польза – да будет вашим и первым и последним законом! Пусть из нее происходить будут все ваши постановления, ваши занятия, ваши нравы; пусть польза заменит шаткие основания так называемой совести, так называемого врожденного чувства, все поэтические бредни, все вымыслы филантропов – общество достигнет прочного благоденствия».

У Бентама, говорится в рассказе, нашлись горячие последователи, решившие воплотить идеи своего учителя в жизнь. Но они сочли, что сделать это в обществе, где большинство составляют люди, придерживающиеся других, якобы устаревших взглядов на жизнь, и потому решили устроить свой быт по-новому, «с нуля», высадившись на необитаемом острове, на котором, однако, нашлись все условия для создания процветающего хозяйства. Новую страну они назвали, естественно, Бентамией.

Вот как, по словам единственного оставшегося в живых жителя нового государства, протекала повседневная жизнь этих бентамитов: «С раннего утра жители всех сословий поднимались с постели, боясь потерять понапрасну и малейшую частицу времени, – и всякий принимался за свое дело: один трудился над машиной, другой взрывал новую землю, третий пускал в рост деньги – едва успевал обедать. В обществах был один разговор – о том, из чего можно извлечь себе пользу? Появилось множество книг по сему предмету – что я говорю? одни такого рода книги и выходили. Девушка вместо романа читала трактат о прядильной фабрике; мальчик лет двенадцати уже начинал откладывать деньги на составление капитала для торговых оборотов. В семействах не было ни бесполезных шуток, ни бесполезных рассеяний, – каждая минута дня была разочтена, каждый поступок взвешен, и ничто даром не терялось. У нас не было минуты спокойствия, не было минуты того, что другие называли самонаслаждением, – жизнь беспрестанно двигалась, вертелась, трещала».

Вскоре бентамиты вышли за пределы своей страны и обнаружили невдалеке от своего острова другую колонию, живущую по старым правилам. «Эта соседняя колония показалась нам весьма удобным местом для так называемой эксплуатации; мы завели с нею торговые сношения, но, руководствуясь словом польза, мы не считали за нужное щадить наших соседей; мы задерживали разными хитростями провоз к ним необходимых вещей и потом продавали им свои втридорога; многие из нас, оградясь всеми законными формами, пред-

приняли против соседей весьма удачные банкротства, от которых у них упали фабрики, что послужило в пользу нашим; мы ссорили наших соседей с другими колониями, помогали им в этих случаях деньгами, которые, разумеется, возвращались нам сторицею; мы завлекали их в биржевую игру и посредством искусственных оборотов были в постоянном выигрыше; наши агенты жили у соседей безвыходно и всеми средствами: лестию, коварством, деньгами, угрозами – постоянно распространяли нашу монополию. Все наши богатели – колония процветала. Когда соседи вполне разорились благодаря нашей мудрой, основательной политике, правители наши, собравши выборных людей, предложили им на разрешение вопрос: не будет ли полезно для нашей колонии уже совсем приобрести землю наших ослабевших соседей? Все ответили утвердительно. За сим следовали другие вопросы: как приобрести эту землю, деньгами или силою? На этот вопрос отвечали, что сначала надобно испытать деньгами: а если это средство не удастся, то употребить силу.

…Тогда, приведя в торговый баланс издержки на войну с выгодами, которые можно было извлечь из земли наших соседей, мы напали на них вооруженною рукою, уничтожили все, что противопоставляло нам какое-либо сопротивление; остальных принудили откочевать в дальние страны, а сами вступили в обладание островом.

Так, по мере надобности, поступали мы и в других случаях. Несчастные обитатели окружных земель, казалось, разрабатывали их для того только, чтоб сделаться нашими жертвами. Имея беспрестанно в виду одну собственную пользу, мы почитали против наших соседей все средства дозволенными: и политические хитрости, и обман, и подкупы».

Здесь Одоевский, разумеется, описывает не только способы удушения соперников властями Бентамии, но и вскрывает корни процветания Англии, высасывающей соки из своих колоний и вообще преуспевшей во всевозможных интригах и прочих подлостях.

Но этот период относительно спокойного развития Бентамии скоро закончился: «Вскоре за покоренными соседями мы встретили других, которых покорение было не столь удобно. Тогда возникли у нас споры. Пограничные города нашего государства, получившие важные выгоды от торговли с иноземцами, находили полезным быть с ними в мире. Напротив, жители внутренних городов, стесненные в малом пространстве, жаждали расширения пределов государства и находили весьма полезным затеять ссору с соседями, – хоть для того, чтобы избавиться от излишка своего народонаселения. Голоса разделились. Обе стороны говорили об одном и том же: об общей пользе, не замечая того, что каждая сторона под этим словом понимала лишь

свою собственную. Были еще другие, которые, желая предупредить эту распрю, заводили речь о самоотвержении, о взаимных уступках, о необходимости пожертвовать чем-либо в настоящем для блага будущих поколений. Этих людей обе стороны засыпали неопровержимыми математическими выкладками; этих людей обе стороны называли вредными мечтателями, идеологами; и государство распалось на две части: одна из них объявила войну иноземцам, другая заключила с ними торговый трактат.

Это раздробление государства сильно подействовало на его благоденствие. Нужда оказалась во всех классах; должно было отказать себе в некоторых удобствах жизни, обратившихся в привычку».

С этого времени жизнь в Бентамии покатилась под откос: «Противоположные выгоды встречались; один не хотел уступить другому; для одного города нужен был канал, для другого железная дорога; для одного в одном направлении, для другого в другом. Между тем банкирские операции продолжались, но, сжатые в тесном пространстве, они необходимо, по естественному ходу вещей, должны были обратиться уже не на соседей, а на самих бентамитов; и торговцы, следуя нашему высокому началу – польза, принялись спокойно наживаться банкротствами, благоразумно задерживать предметы, на которые было требование, чтобы потом продавать их дорогою ценою; с основательностью заниматься биржевою игрою; под видом неограниченной, так называемой священной свободы торговли учреждать монополию. Одни разбогатели – другие разорились. Между тем никто не хотел пожертвовать частию своих выгод для общих, когда эти последние не доставляли ему непосредственной пользы; и каналы засорялись; дороги не оканчивались по недостатку общего содействия; фабрики, заводы упадали; библиотеки были распроданы; театры закрылись. Нужда увеличивалась и поражала равно всех, богатых и бедных. Она раздражала сердца; от упреков доходили до распрей; обнажались мечи, кровь лилась, восставала страна на страну, одно поселение на другое; земля оставалась незасеянною; богатая жатва истреблялась врагом; отец семейства, ремесленник, купец отрывались от своих мирных занятий; с тем вместе общие страдания увеличились».

Излагать дальнейшее – значит пересказать весь рассказ Одоевского. Достаточно сказать: Бентамия погибала. Бентамиты не послушали последнего своего пророка, который пытался образумить их такой речью: «Горе, горе тебе, страна нечестия; ты избила своих пророков, и твои пророки замолкли! Горе тебе! Смотри, на высоком небе уже собираются грозные тучи; или ты не боишься, что огонь небесный ниспадет на тебя и пожжет твои веси и нивы? Или спасут

тебя твои мраморные чертоги, роскошная одежда, груды злата, толпы рабов, твое лицемерие и коварство? Ты растлила свою душу, ты отдала свое сердце в куплю и забыла все великое и святое; ты смешала значение слов и назвала златом добро, добро – златом, коварство – умом и ум – коварством; ты презрела любовь, ты презрела науку ума и науку сердца. Падут твои чертоги, порвется твоя одежда, травою порастут твои стогны, и имя твое будет забыто. Я, последний из твоих пророков, взываю к тебе: брось куплю и злато, ложь и нечестие, оживи мысли ума и чувства сердца, преклони колени не пред алтарями кумиров, но пред алтарем бескорыстной любви… Но я слышу голос твоего огрубелого сердца; слова мои тщетно ударяют в слух твой: ты не покаешься – проклинаю тебя!».

И вот закономерный конец общества, основанного на прибыли, на пользе: «Голод, со всеми его ужасами, бурной рекою разлился по стране нашей. Брат убивал брата остатком плуга и из окровавленных рук вырывал скудную пищу. Великолепные здания в нашем городе давно уже опустели; бесполезные корабли сгнивали в пристани. И странно и страшно было видеть возле мраморных чертогов, говоривших о прежнем величии, необузданную, грубую толпу, в буйном разврате спорившую или о власти, или о дневном пропитании!».

Одоевский понимал, что нельзя строить жизнь на принципе индивидуальной выгоды. Ведь выгода одного может оборачиваться (и чаще всего оборачивается) убытком для другого. Жизнь по принципу частной выгоды раскалывает общество, развязывает «войну всех против всех», а потому, в конечном счете, и неэффективна, и аморальна. Его повесть вылилась в обличение всей капиталистической системы, что тогда было большой редкостью в мире.

Белинский посчитал рассказ Одоевского карикатурой на образ жизни в США. В действительности же Одоевский мыслил гораздо шире, он осуждал торгашеский подход к жизни вообще. И в своих реалистических произведениях, и в публицистических статьях он рисовал картины того, как разрушительно действовали в России и отжившее крепостное право, и нарождающаяся буржуазия, биржевая игра, власть олигархов и весь «этот мрачно-промышленный дух». Впоследствии критику теории Бентама в художественной форме повторил Достоевский, изобразив такого «русского бентамита» в романе «Преступление и наказание» в образе Петра Петровича Лужина.

Одоевский нашел четкую формулу для показа эгоистической природы учения Бентама: «Со времени Бентама фразы мало-помалу все сжимались и наконец обратились в одну гласную букву: я. Что может быть короче? но едва ли фраза в этом виде сделалась яснее десятка бентамовых томов, где она выражена на каждой странице

длинными периодами». Рассказ «Последнее самоубийство», по свидетельству самого Одоевского, «есть не что иное, как развитие одной главы из Мальтуса», и доказывает, «что мальтусова теория есть полная нелепость».

Английский священник и экономист либерального направления Томас Роберт Мальтус (1766 – 1834) якобы вывел «естественный закон народонаселения», согласно которому рост численности населения происходит в геометрической, тогда как рост средств существования – лишь в арифметической прогрессии. А значит, безработица и бедственное положение трудящихся в обществе процветающего капитализма – следствие «вечных» законов природы, результат «абсолютного избытка людей», который сам собой образуется в условиях неконтролируемой рождаемости. Мальтус считал, что бедность – универсальное свойство самого человеческого существования, и когда в обществе стали господствовать рыночные отношения, это стало предельно ясно. Он был противником государственной помощи бедным, поскольку именно голод и эпидемии, наряду с войнами и непосильным трудом, являются необходимым стихийным регулятором численности бедных – и этому регулятору нельзя мешать.

По Мальтусу, «человек, пришедший в занятый уже мир, если общество не в состоянии воспользоваться его трудом, не имеет ни малейшего права требовать какого бы то ни было пропитания, и в действительности он лишний на земле. Природа повелевает ему удалиться и не замедлит сама привести в исполнение свой приговор». Следовательно, бедным нужно воздерживаться от рождения детей, в этих целях необходимо регламентировать браки и принимать меры по ограничению рождаемости у тех, чьи доходы недостаточны для обеспеченной жизни потомства. Идеи Мальтуса оказались настолько востребованными правящими кругами английского общества, что он стал заведующим первой в мире кафедры политической экономии. Они получали распространение и за пределами Англии, в том числе и в России, так как позволяли «верхам» объяснять бедность в своих странах естественными причинами.

Одоевский и в этом случае пошел против господствующих в обществе взглядов. Вот как он представил суть теории Мальтуса: «Стране, погрязшей в нравственную бухгалтерию прошедшего столетия, суждено было произвести человека, который сосредоточил все преступления, все заблуждения своей эпохи и выжал из них законы для общества, строгие, одетые в математическую форму. Этот человек, которого имя должно сохранить для потомства, сделал важное открытие: он догадался, что природа ошиблась, разлив

в человечестве способность размножаться, и что она никак не умела согласить бытие людей с их жилищем. Глубокомысленный муж решил, что должно поправить ошибку природы и принести ее законы в жертву фантому общества.

«Правители! – восклицал он в философском восторге. – Мои слова не пустая теория; моя система не следствие умозрений; я кладу ей в основание две аксиомы – первая: человек должен есть; вторая: люди множатся. Вы... думаете о благоденствии ваших подданных; вы думаете о соблюдении между ними законов провидения, об умножении сил вашего государства, о возвышении человеческой силы? Вы ошибаетесь, как ошиблась природа… Смотрите, вот мои счеты: если ваше государство будет благоденствовать, если оно будет наслаждаться миром и счастьем, в двадцать пять лет число его жителей удвоится; через двадцать пять еще удвоится; потом еще, еще... Где же найдете вы в природе средства доставить им пропитание?..

Народонаселение может увеличиваться в геометрической пропорции, как 1, 2, 4, 8; произведения же природы в арифметической, как 1, 2, 3, 4 и проч. Не обольщайтесь же мечтами о мудрости провидения, о добродетели, о любви к человечеству, о благотворительности; вникните в мои выкладки: кто опоздал родиться, для того нет места на пиру природы; его жизнь есть преступление. Спешите же препятствовать бракам; пусть разврат истребит целые поколения в их зародыше; не заботьтесь о счастье людей и о мире; пусть войны, мор, холод, мятежи уничтожат ошибочное распоряжение природы, – тогда только обе прогрессии могут слиться, и из преступлений и бедствий каждого члена общества составится возможность существования для самого общества».

И эти мысли никого не удивили... мысли Мальтуса, основанные на грубом материализме Адама Смита, на простой арифметической ошибке в расчете, – с высоты парламентских кафедр, как растопленный свинец, катятся в общество, пожигают его благороднейшие стихии и застывают в нижних слоях его. Может быть, есть одно утешительное в этом явлении: Мальтус есть последняя нелепость в человечестве. По этому пути дальше идти невозможно».

Рассказ Одоевского начинается с картины, когда осуществилось то, против чего якобы предостерегал Мальтус, – население возросло настолько, что людские поселения заняли всю нашу планету: «Наступило время, предсказанное философами XIX века: род человеческий размножился, потерялась соразмерность между произведениями природы и потребностями человечества. …Давно уже аравийские песчаные степи обратились в плодоносные пажити; давно уже льды севера покрылись туком земли; неимоверными усилиями хи-

мии искусственная теплота живила царство вечного хлада… но все тщетно: протекли века, и животная жизнь вытеснила растительную, слились границы городов, и весь земной шар от полюса до полюса обратился в один обширный, заселенный город, в который переселились вся роскошь, все болезни, вся утонченность, весь разврат, вся деятельность прежних городов; но над роскошным градом вселенной тяготела страшная нищета, и усовершенствованные способы сообщения разносили во все концы шара лишь вести об ужасных явлениях голода и болезней…».

Люди в таких условиях теряли человеческий облик, и вся их жизнь становилась беспрерывной войной всех против всех: «Давно уже исчезло все, что прежде составляло счастье и гордость человека. Давно уже погас божественный огонь искусства, давно уже и философия, и религия отнесены были к разряду алхимических знаний; с тем вместе разорвались все узы, соединявшие людей между собою, и чем более нужда теснила их друг к другу, тем более чувства их разлучались. Каждый в собрате своем видел врага, готового отнять у него последнее средство для бедственной жизни…».

Естественно, тут сами собой вступили в силу рекомендации Мальтуса об ограничении численности населения: «… отец с рыданием узнавал о рождении сына... мать удушала дитя свое при его рождении, и отец рукоплескал ей. Самоубийцы внесены были в число героев… Вся утонченность законоискусства была обращена на то, чтобы воспрепятствовать совершению браков».

Осуществление мечты мальтузианцев могло привести людей лишь к одной идее: выхода нет, и лучше коллективное самоубийство, чем такое подобие жизни. Когда отчаяние овладело всем человечеством, явился и мессия отчаяния. По его призыву «призваны были все усилия древнего искусства… и своды пресеклись под легким слоем земли, и искусством утонченная селитра, сера и уголь наполнили их от конца экватора до другого. В уреченный, торжественный час люди исполнили, наконец, мечтанья древних философов об общей семье и общем согласии человечества, с дикой радостью взялись за руки… в одно мгновение блеснул огонь; треск распадавшегося шара потряс солнечную систему… пепел возвратился на землю… И все утихло…».

Одоевский вновь вернулся к критике теорий Бентама и Мальтуса: «Бентаму, например, ничего не стоило перескочить от частной пользы к пользе общественной, не заметив, что в его системе между ними бездна; добрые люди XIX века перескочили с ним вместе и по его же системе доказали, что общественная польза не иное что, как их собственная выгода; нелепость сделалась очевидною. Но это бы

не беда, а вот что худо – во время этой прогулки может пройти полстолетия; так логика Адама Смита споткнулась только в Мальтусе; и ею жил наш век до сей минуты, да и теперь многих ли уверишь, что Мальтусова теория есть полная нелепость…»

Некоторые современники Одоевского, ознакомившись с его сочинением, бросились читать Мальтуса и стали говорить, что писатель возводит на английского экономиста напраслину: они не нашли в сочинениях Мальтуса места, где бы он рекомендовал разврат как лекарство против увеличения народонаселения... Герой Одоевского напоминает, что нужно «читать первое издание Мальтуса, который в первом жару, при блеске ясной логической последовательности своих мыслей проговорился и высказал откровенно все чудные выводы из своей теории. Как обыкновенно бывает, большая часть благовоспитанных людей, не обратив внимания на безнравственность самого начала теории, соблазнились некоторыми второстепенными выводами, которые, однако ж, необходимо вытекали из самого этого начала; чтоб успокоить этих так называемых нравственных людей, а равно из английского благоприличия Мальтус в следующих изданиях своей книги, оставя теорию вполне, вычеркнул все слишком ясные выводы; книга его сделалась непонятнее, нелепость осталась та же, а нравственные люди успокоились. Попробуй теперь кто-нибудь в Англии сказать, что Мальтус гораздо нелепее алхимиков, отыскивающих универсальное лекарство! А между тем, если теория Мальтуса справедлива, то действительно скоро человеческому роду не останется ничего другого, как подложить под себя пороху и взлететь на воздух, или приискать другое, столь же действительное средство для оправдания Мальтусовой системы».

Одоевский не только критикует и высмеивает Мальтуса, но и показывает корни этого людоедского учения, которые в зародыше содержались уже в теории основоположника политической экономии Адама Смита. Те, кто готов был признать справедливой критику Мальтуса, ужасались: неужели подлежит критике и сам «Адам Смит, великий Адам Смит, отец всей политической экономии нашего времени, образовавший школу, прославленную именами Сэя, Рикардо, Сисмонди! Не слишком ли резко обвинить его в явной нелепости, а с ним и целые два поколения? Неужели на род человеческий нашло такое ослепление, что в продолжение полустолетия никто не заметил этой нелепости?»

Герой Одоевского отвечает: «В начале нашего века жил человек по имени Мельхиор Жиойа, о котором английские и французские экономисты упоминают в истории науки, для очистки совести, хотя, верно, никто из них не имел терпения прочесть около дюжины

томов, написанных смиренным Мельхиором, – этот чудный подвиг глубокомыслия и учености. В 1816 году он приложил к своей книге таблицу, которую, не без иронии, назвал: «Настоящее состояние науки». В этой таблице он свел разные так называемые аксиомы политической экономии Адама Смита и его последователей; из таблицы явствует, что эти господа просто самих себя не понимали, несмотря на обманчивую ясность, за которою они гонялись. Так, например, Адам Смит, великий Адам Смит доказывает, что труд есть первоначальный и не первоначальный источник народного богатства; что усовершенствование промышленности зависит вполне и не зависит от разделения работ; что разделение работ есть и не есть главнейшая причина народного богатства; что разделением работ возбуждается и не возбуждается дух изобретательности; что сельская промышленность зависит и не зависит от других отраслей промышленности; что земледелием доставляется и не доставляется наибольшая выгода для капиталов; что умственный труд есть и не есть сила производящая, то есть умножающая народное богатство; что частный интерес лучше и хуже видит общественную пользу, нежели какое-либо правительственное лицо; что частные выгоды купцов тесно связаны и вовсе не связаны с выгодами других членов общества». И таких противоречивых суждений в книге Смита много.

Герой Одоевского опровергает все важнейшие аксиомы науки, созданной Смитом, в том числе и учение о благотворности конкуренции (а это, по сути, основа основ капитализма): «Я не вижу нужды в этом так называемом соревновании... Люди алчные к выгоде стараются всеми силами потопить один другого, чтобы сбыть свое изделье, и для того жертвуют всеми человеческими чувствами, счастьем, нравственностью, здоровьем целых поколений, – и потому только, что Адаму Смиту вздумалось назвать эту проделку соревнованием, свободою промышленности – люди не смеют и прикоснуться к этой святыне? О, ложь бесстыдная, позорная!»

И далее Одоевский раскрывает главную тайну популярности учения Смита: «Успех Адама Смита весьма понятен; главная цель его была доказать, что никто не должен вмешиваться в купеческие дела, а что должно их предоставить так называемому естественному ходу и благородному соревнованию.

Можно себе представить восхищение английских торговцев, когда они узнали, что с профессорской кафедры им предоставляется право барышничать, откупать, по произволу возвышать и понижать цены и хитрой уловкой, без дальнего труда, выигрывать сто на один, – что во всем этом «они не только правы, чуть не святы»...

(И.А. Крылов). С того времени вошли в моду звонкие слова «обширность торговли», «важность торговли», «свобода торговли».

При помощи последней клички теория Адама Смита пробралась во Францию и единственно по созвучию слов самый смысл их (если он есть) сделался там аксиомой: Адам Смит признан и глубоким философом, и благодетелем рода человеческого; за сим немногие читали его, и никто не понял, что он хотел сказать; но, несмотря на то, из темного запутанного лабиринта его мыслей вытекли многие поверья, ни на чем не основанные, ни к чему не годные, но которые льстили самым низким страстям человека и потому распространились в толпе с неимоверною быстротою. Так, благодаря Адаму Смиту и его последователям, ныне основательностью, делом – называется лишь то, что может способствовать купеческим оборотам; человеком основательным, дельным называется лишь тот, кто умеет увеличивать свои барыши, а под непонятным выражением естественное течение дел, – которого отнюдь не должно нарушать, – разумеются банкирские операции, денежный феодализм, ажиотерство, биржевая игра и прочие тому подобные вещи».

Одоевский нашел для этого строя еще более меткое название: «банкирский феодализм». Так вот, этот «банкирский феодализм на Западе не попал прямо на дорогу бентамитов; а на другом полушарии есть страна, которая, кажется, пошла и дальше по этой дороге». Ясно, что речь шла о Соединенных Штатах. Там господство банкиров и прочих капиталистов обосновывают тем, что они приносят обществу наибольшую пользу. Герой Одоевского опровергает этот тезис следующим примером: «Те люди, которые вывозят всякий сор и нечистоту из города, приносят ему важную пользу: они спасают город от неприятного запаха, от заразительных болезней, – без их пособия город не мог бы существовать; вот, без сомнения, люди в высшей степени полезные, – не так ли?.. Что, если бы эти люди, гордые своими смрадными подвигами, потребовали первого места в обществе и сочли бы себя в праве назначить ему цель и управлять его действиями?.. Господа экономисты-утилитарии, возясь единственно над вещественными рычагами, также роются лишь в том соре, который застилает для них настоящую цель и природу человечества, и ради своих смрадных подвигов, вместе с банкирами, откупщиками, ажиотерами, торговцами и проч., почитают себя в праве занимать первое место в человеческом роде, предписывать ему законы и указывать цель его. – В их руках и земля, и море, и золото, и корабли со всех сторон света; кажется, они все могут доставить человеку, – а человек недоволен, существование его неполно, потребности его не удовлетворены, и он ищет чего-то, что не вносится в бухгалтерскую

книгу». Одоевский вспоминает речи одного английского оратора «о благоденствии Индии под управлением торговой компании», которая «чеканила деньги из человеческого мяса».

А прикрывалась эта людоедская деятельность словами о миссии белого человека нести свет цивилизации отсталым африканцам и азиатам. Одоевский высмеивает этих «просветителей дикарей»: «Куда идут эти почтенные мужи? в далекие страны, для просвещения полудиких. Какой подвиг самоотвержения! ничего не бывало; дело в том, чтобы сбыть бумажные чулки несколькими дюжинами больше, – это все знают, и сами миссионеры».

В образованном обществе России в это время было немало поклонников американской демократии и вообще американского образа жизни. Одоевский цитирует французского автора Мишеля Шевалье, который делился своими впечатлениями об Америке. По его мнению, «для жителя этой страны нет ничего нового, любопытного, нет ничего привлекательного; он везде дома – и, проехав из конца в конец свою отчизну, он встречает лишь то, что он каждый день видел; оттого цель путешествия американца всегда какая-либо личная польза и никогда наслаждение. Кажется, что может быть лучше такого состояния? Но умный Шевалье с похвальной откровенностью признается, что полное следствие такой полезной, удобной и расчетливой жизни – есть тоска неодолимая, невыносимая! – Явление в высшей степени замечательное!»

Из этого впечатления Одоевский делает важный мировоззренческий вывод: «Откуда же взялась эта тоска?.. Вот, господа, следствие односторонности и специальности, которая нынче почитается целью жизни; вот что значит полное погружение в вещественные выгоды и полное забвение других, так называемых бесполезных порывов души. Человек думал закопать их в землю, законопатить хлопчатой бумагой, залить дегтем и салом, – а они являются к нему в виде привидения: тоски непонятной!»

Большой популярностью у русских поклонников Америки пользовались тамошние филантропы, например, Бенджамин Франклин (1706–1790). Герой Одоевского об этом американском образце добродетели отзывается крайне отрицательно: «Франклину так удалось разыграть свою роль, что до сих пор ее трудно отличить от сущности хитрого дипломата. Прочти его сочинения, и ты ужаснешься этого ложного, гордого смирения, этого постоянного лицемерия и этого эгоизма, скрытого под нравственными апофегмами. От Франклина, по прямой линии, происходит филантроп-мануфактурист; я удивляюсь, как это психологическое явление до сих пор не подало мысли комикам. В настоящее время существует уже много коме-

дий на этот предмет. Это настоящий Тартюф нашего века, ибо деревяшка может быть во всех образах, даже в образе филантропа; эта личина для него всего тягостнее: ему душно под нею; одна наверно рассчитанная выгода может заставить его разыгрывать роль филантропа. Мануфактурист-философ, в этом странном занятии, делает лишь необходимое; далее этой черты он не переходит; он не проникает в существо бедствий, но старается только как-нибудь замазать его, чтоб оно не так бросалось в глаза; он заботится о довольстве и нравственности, даже о религии своих работников, но единственно столько, сколько нужно для безостановочной работы на фабрике. Такая насмешка над самым возвышенным чувством, над христианскою любовью, не остается без наказания, и доказательства тому – совсем не филантропические явления, которые вы найдете в донесениях английскому парламенту о состоянии детей на фабриках…» А эти отчеты, действительно, страшно читать. Даже у нас, видевших в XX веке немало страшного, нельзя без ужаса и сострадания читать сцены, когда дети от шести до десяти лет от роду вынуждены прислуживать у машин по одиннадцать часов в сутки, порой и в ночную смену.

Жестокая эксплуатация рабов на американских плантациях прикрывалась призывами к терпимости (tolerance). Одоевский высмеивает этот трюк: «К чему относилось это прекрасное слово: терпимость? вы подумаете – к вероисповеданиям или к чему-нибудь подобному. Нет! просто к возмутительному рабству негров и беспощадному самоуправству южных американских плантаторов! – Терпимость в этом смысле! образец изобретательности!»

Подводя итог своего анализа экономических воззрений Запада, Одоевский с иронией писал: «Успехи в политической экономии и общественном благоустройстве мы уже видели и видим каждый день; дело дошло до того, что один добрый чудак предложил перевернуть весь общественный быт и испытать, не лучше ли будет, вместо обуздания страстей, дать им полный разгул и еще подстрекать их; а этот чудак был человек неглупый: нелепость, до которой дошел он, доказывает, что уже нет выхода из того круга, в который забрела западная наука».

Но резкая критика Одоевским экономической науки его времени не означает, что политическая экономия не существует. «Она существует, она первая из наук, в ней, может быть, все науки некогда должны найти свою осязаемую опору», но только – говоря словами Гоголя: она существует – с другой стороны. (В «Ревизоре» городничий говорит Хлестакову: «Ведь вот относительно дороги: говорят, с одной стороны неприятности насчет задержки лошадей, а ведь с другой стороны развлеченье для ума».

Одоевский не мог ставить перед собой задачи создания новой экономической науки. Он не был экономистом, да и состояние общества и общественного производства первой половины XIX века не давало нужного материала для такого подвига. На предложение одного из персонажей «Русских ночей» «выдумать» новые законы для политической экономии главный герой отвечает, что это невозможно. Не было еще такого существа, которое кто-нибудь отправил бы в мир на житье с поручением изобрести для того мира и для самого себя законы; ибо из сего должно было бы заключить, что у того мира нет никаких законов для существования, то есть что он существует, не существуя. Во всяком мире законы должны быть совсем готовые – стоит лишь отыскать их. Зато этот герой знает главное: положительная экономическая наука непременно должна в основе своей иметь духовную составляющую: «Но сохрани нас Бог сосредоточить все умственные, нравственные и физические силы на одно материальное направление, как бы полезно оно ни было: будут ли то железные дороги, бумажные прядильни, сукновальни или ситцевые фабрики. Односторонность есть яд нынешних обществ и тайная причина всех жалоб, смут и недоумений; когда одна ветвь живет на счет целого дерева, дерево иссыхает».

Как и другие славянофилы, Одоевский был противником крепостного права и после отмены этого позорного института активно включился в работу по проведению либеральных реформ, проявляя всегда присущее ему чувство справедливости. Можно сказать, что он подвел итог деятельности первого поколения славянофилов в области экономики. Одоевский был убежден, что XIX век будет принадлежать России. Он оказался прав, но лишь частично. В XIX веке Россия стала лидером мира в области культуры. В XX столетии она наложила свою неизгладимую печать на все общественные взгляды и политические события в мире. Прозрения Одоевского будут способствовать тому, что Россия в XXI веке станет мировым лидером и в экономическом, и в духовно-нравственном отношении.

Одним из самых важных вопросов развития экономики России в 50–60-е годы стал вопрос о строительстве железных дорог. Сам Николай I относился к этому нововведению настороженно, в его правительстве преобладали противники железных дорог. Министр финансов граф Е.Ф. Канкрин даже доказывал, что от чугунок будет один вред: лишатся заработков извозопромышленники, участятся лесные пожары, усилится бродяжничество и пр. Даже многие военные считали, что непроезжие дороги России – это своего рода линия обороны. Но перевесили военные соображения другого порядка: быстрота перевозок позволит обходиться меньшей численностью

армии, при необходимости крупные воинские соединения могут быть переброшены в тот регион, где в них окажется нужда. Поэтому сначала в качестве эксперимента была построена иностранцами Царскосельская железная дорога, а перед самым началом Крымской войны исключительно силами русских инженеров и строителей (но на иностранные займы) сооружена Николаевская дорога, соединившая Петербург и Москву.

И вот в первом номере «Русской Беседы» Кошелев высказал свои «Соображения касательно устройства железных дорог в России», а в последующих номерах развил их, настаивая на необходимости иметь заранее обдуманную сеть железных дорог с центром в Москве.

Почти все статьи номера носили полемический характер и содержали критику взглядов, господствовавших тогда в российском образованном обществе. Журнал был тепло принят в узком кругу патриотически настроенных образованных людей и сразу же вызвал к себе неприязнь российских западников, которые, даже еще не понимая вполне его позицию, уже почувствовали ее враждебность к иноземному идейному господству в нашей стране. Надо напомнить (а об этом, к сожалению, часто забывают): отличительной чертой западного миросозерцания является убежденность в том, что оно единственно правильное на свете и взгляды, ему не соответствующие, должны быть искоренены.

«Русская Беседа» последовательно выступала с доказательством неэффективности труда крепостных крестьян и преимуществах труда вольнонаемного.

Порой славянофилов упрекали в излишней преданности защите кустарной — иногда говорилось сельской — промышленности. Дескать, они не были врагами насаждения промышленности в России, но предпочитали крупной фабрике кустарную избу, находя, что она ближе подходит к условиям русского быта. Само собою разумеется, западники держались иного мнения и были сторонниками индустриализации России. Например, Огарев много писал о благодетельности фабрик для сельского населения. Правда, у него в имении была писчебумажная фабрика.

Это отчасти правда. В то время нужно было думать о судьбе крестьянства, которое после освобождения от крепостной зависимости могло оказаться вообще без средств к существованию (такие проекты предлагались и всерьез обсуждались). Поэтому некоторые славянофилы предполагали, что развитие сельской промышленности может стать подспорьем для крестьян. Кроме того, крупные капиталы тогда могли быть только у иностранцев, и потому для раз-

вития отечественной промышленности на собственные средства нужно было найти способы привлечения небольших капиталов, которые могли быть вложены только в малый бизнес, выражаясь по-современному. Западники – те да, выступали за индустриализацию, только, как и во всем остальном, не выработали никаких конкретных предложений, ограничившись пожеланием «устроить все, как в Европе». Их не смущало, что государственная казна пуста, и многие проекты осуществлялись на иностранные займы, а российское купечество еще только входило в силу и предпочитало вкладывать средства в легкую промышленность, где оборот капитала и окупаемость капиталовложений были быстрыми. На тяжелую промышленность ни государственный, ни частный капитал в широком масштабе пока не замахивался.

Идеологической основой славянофильства служило Православие. В то же время славянофилы выступали против попыток некоторых деятелей прикрыть религиозными соображениями свое нежелание способствовать улучшению условий жизни народа. Так, некто И.Кульжинский из Петербурга написал статью «О преобразованиях и улучшениях в духе Святого Православия», в которой говорилось: «В основание благоденствия России должны быть положены православная вера и добродетель, то есть жизнь по вере… А отсюда выходит, что улучшать всякое дело общественное, быт крестьян, как и упрочить благо каждого лица в частности, есть дело Божие, а не человеческое. Благословит Господь – и все, богатые и бедные, будут счастливы».

Славянофильский журнал спрашивал: «Православно ли заботиться об улучшении вещественного блага человека, или неправославно?» И сам же отвечал: «По нашему мнению, весьма православно».

Вот с таким мировоззренческим багажом, с такими духовно-нравственными ценностями и такими экономическими воззрениями славянофилы (те, кто дожил до этого времени) вступили в новую эпоху развития России, когда в ней, после смерти Николая I и признания поражения в Крымской войне, правительство Александра II начало проводить либеральные реформы.

Глава 3.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ СЛАВЯНОФИЛОВ В ПЕРИОД ЛИБЕРАЛЬНЫХ РЕФОРМ (1856 – 1881 ГОДЫ)

Положение страны накануне реформ

Смерть Николая I и вступление на престол его сына Александра II 18 февраля (2 марта) 1855 года действительно открыли новую эпоху в истории России. Царствование Александра II ознаменовалось глубокими реформами, охватившими все стороны жизни страны. Правление Александра II началось в труднейшей обстановке.

Неприятельская коалиция, начиная Крымскую войну, ставила перед собой три основные цели. Во-первых, унизить Россию и тем самым деморализовать русских. Во-вторых, добиться открытия России и ее рынка для западного капитала. В третьих, насадить в России либеральные идеи и ценности и вызвать революционное брожение в стране, которую Николай I превратил в несокрушимый монолит. Страны Запада прекрасно понимали, что сокрушить Россию, завоевать ее, оккупировать ее территорию никому не по силам, даже занятый силами коалиции небольшой пятачок в Крыму им не удастся. Становилось очевидным, что с занятием Севастополя коалиция развалится. Англия отказывалась поставить целью войны восстановление независимости Польши, на чем настаивала Франция. Французскому императору важно было унизить Россию и тем отомстить за поражение Наполеона I. Воевать же ради интересов Англии и Австрии он не желал. Поэтому его представители первыми заговорили о мире.

Получив предлагаемые коалицией условия мира, царь созвал совет. Почти все высшие сановники говорили о необходимости за-

ключения мира, мотивируя это, в частности, полным расстройством государственных финансов. После долгих переговоров в Париже был подписан мирный договор – в годовщину сдачи Парижа союзным войскам в 1814 году, что должно было символизировать унижение России. Главная цель России в этой войне – улучшение положения восточных христиан в Османской империи – была достигнута ценой унижения России, которой было запрещено иметь военный флот на Черном море. Возможность новой блистательной победы над объединенной Европой была упущена. В манифесте о заключении мира царь объявлял свою политическую программу: внутреннее благоустройство страны, правда и милость в судах, просвещение и пр. Все это предвещало коренные реформы в стране.

Отмена крепостного права

«Великим общественным злом представлялось молодому государю крепостное право, об упразднении которого уже неоднократно помышляли предшественники его, давно мечтали все лучшие русские умы» Но приступить к решению этой задачи Александр II полагал «не иначе, как с согласия и при деятельном участии дворянства, не сомневаясь в готовности его поступиться правом владения душами и добровольно принести эту жертву пользам и достоинству Отечества». Впрочем, решающим аргументом послужило предостережение царя: «Лучше начать уничтожение крепостного права сверху, нежели дождаться того времени, когда оно начнет само собой уничтожаться снизу». Необходимым условием успеха, считал император, «чтобы нигде не был нарушен законный порядок и чтобы впредь до издания новых законоположений, помещичьи крестьяне не выражали нетерпения и оставались в полном повиновении у своих господ». При этом Татищев отмечает, например, Александр советовался с графом Киселевым, «одним из немногих высших государственных сановников, искренне сочувствовавших предпринятому им делу», то есть признает, что подавляющее большинство в окружении царя было против отмены крепостного права, считая ее «преждевременной и обильной опасными последствиями». Но скоро из рескриптов царя «вся Россия узнала, что упразднение крепостного состояния – вопрос бесповоротно решенный самодержавной волей. Русское образованное общество с восторгом встретило радостную весть». После долгих обсуждений был принят компромиссный вариант реформы. Царь выступил на заседании Государственного со-

вета с речью, которая «поставила государя бесконечно выше всех его министров и членов Совета. Он вырос безмерно, а они опустились». Изданный царем манифест «останется в русской истории вечным, незыблемым памятником его царственной мудрости и попечительной заботе о благе Богом вверенного ему народа»[8].

Крепостной крестьянин становился лично свободным и получал земельный надел, которым владел и прежде, но в урезанном виде. Отрезаемые у него земли («отрезки») помещики впоследствии разместили так, чтобы крестьянин шагу не мог ступить, не вступая на господскую землю. И этот урезанный надел он еще должен был выкупить, с рассрочкой платежа. Как впоследствии показал известный славянофил С.Ф. Шарапов, реформа так и была задумана, чтобы крестьянин, получивший малый надел, вынужден был наниматься к барину и работать на него в самое горячее время года – на уборке урожая, оставляя без надлежащего ухода собственное поле. Во многих случаях плата за землю превышала доходность крестьянского хозяйства. С тех пор выколачивание недоимок с крестьян (часто с применением телесных наказаний) стала одной из главных забот администрации.

«Распалась цепь великая, – писал о реформе Некрасов, – распалась и ударила одним концом по барину, другим по мужику».

Не удивительно, что многие крестьяне остались крайне недовольны условиями своего освобождения. В ряде мест произошли беспорядки, которые пришлось подавлять войскам с применением оружия, с убитыми и ранеными. Это, конечно, несколько омрачило торжества по случаю освобождения крестьянства.

Л.Г. Захарова на основании изучения переписки и выступлений Александра II делает следующий принципиально важный вывод: «Не «улучшение быта» бывших крепостных, как официально провозглашалось, а дальнейшее расширение и усиление империи было целью политики Александра II. Иначе нельзя объяснить тот факт, что государство не вложило в крестьянскую реформу ни одного рубля, что при этом более 1/3 бюджета шло на военные расходы, что выкупная операция, разорительная для крестьян, была выгодна для государства. Кажется, старания Николая I воспитать в сыне человека «военного в душе» дали свои плоды. Характерна реакция Александра II на недовольство крестьян экономическими условиями реформы — уменьшение наделов и высокие повинности и выкупные платежи за них. Выступая 15 августа 1861 г. в Полтаве перед крестьянскими старостами, он категорично высказал свое отношение: «Ко мне доходят

8 Татищев С. Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006. С. 236–238, 241, 249, 297.

слухи, что вы ожидаете другой воли. Никакой другой воли не будет, как та, которую я вам дал. Исполняйте, чего требуют закон и Положение. Трудитесь и работайте. Будьте послушны властям и помещикам». 15 месяцев спустя самодержец произнес похожую речь на собрании крестьянских представителей, которая затем была прочитана во всех уездах и, по сообщению главы Третьего отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, «положила конец ложным надеждам». Не насторожило Александра II и беспокойство министра финансов М. Х. Рейтерна, который неоднократно докладывал «о тяжести выкупных платежей для крестьян и о том, каким бременем для бюджета являются непроизводительные расходы, в первую очередь военные».

Так, во всеподданнейшем докладе 16 сентября 1866 г. Рейтерн отмечал: «Затруднение, с которым поступают выкупные платежи в некоторых, по крайней мере, случаях, происходит оттого, что эти платежи превышают средства крестьян...».

Никакой реакции не последовало, меры приняты не были. Жесткость позиции монарха уживалась с патриархально-сентиментальным отношением к народу: «Вы мои дети, а я вам отец и молю Бога за вас, так же как и за всех, которые, как и вы, близки моему сердцу», – говорил он 17 апреля 1863 г. в речи перед депутацией старообрядцев, обратившихся с адресом к царю-освободителю». Захарова совершенно права, нужно бы только добавить, что Александр II стремился не только к укреплению империи, но и к ее всесторонней европеизации. Совершенно прав Геннадий Федоров, утверждавший, что «вся либеральная «реформация», проведенная в царствование Александра II, есть не что иное, как ограбление крестьянства, и без того живущего впроголодь. Вот цифры: в виде «отрезков» мужики (а это большинство народа) потеряли свыше 20 процентов своих лучших земель. В губерниях черноземных у крестьян отрезали до 30–40 процентов площади наделов».

Один из главных персонажей «Отцов и детей» И. С. Тургенева «Николай Петрович Кирсанов… не дожидаясь царского «рескрипта», поспешил отпустить своих мужиков на свободу, одновременно отобрав гарантированное крепостной зависимостью право на труд. На их полях у Кирсанова уже трудятся наемные работники. А крепостному мужику предоставлено право жить, как ему хочется. Вот он и шляется по кабакам в те дни, когда следует пахать… При крепостном праве, согласно традиции, идущей еще от системы пожизненного найма, известного как холопство, дворовый человек не владел личной собственностью. В том числе и собственным домом. Он жил на всем господском и находился до самой смерти под крышей помещичьей усадьбы.

А что сделал Николай Петрович Кирсанов, отпустив дворовых на волю? По сути, он выгнал людей на улицу, где они оказались без работы, без куска хлеба, без крыши над головой. Но свободными. Ура! Хвала царю-освободителю! Кстати, именно после реформы 1861 года в России бродяжничество стало массовым явлением…Выгоду от освобождения крестьян либералы Кирсановы все же получили. Они освободили себя, говоря по-современному, от «социалки». И даже успели с выгодой для себя распродать кое-что из общинной собственности» (например, лес, который должен был отойти мужикам). Не случайно его мужики «все обтерханные, на плохих клячонках, как нищие в лохмотьях».

А другой представитель дворянства помещик-ростовщик Калломейцев, лицемерно демонстрирующий православие, ставит мужика перед выбором: либо добровольно лезть в петлю (потому что не в силах расплатиться с долгами), либо браться за топор (писатель не исключал и последнего варианта разрешения социального конфликта в России).

Тургенев с своем романе напомнил, что царь поручил начать «освобождение» крестьян остзейским дворянам, которые, основываясь на западноевропейских идеях, предложили, чтобы освобождаемые от крепостной зависимости мужики выкупали у помещиков, как выражался В.О. Ключевский, «свою усадебную оседлость». То есть чтобы мужики оплатили помещикам ту землю, которую они из века в век возделывали.

Тургенев с тревогой отмечал кровное родство русских либералов с либералами западными. Чрево, рождающее либеральные воззрения и, как следствие, террор, – Запад. Нравственно нездоровая атмосфера, в которой живут люди на Западе, не в состоянии породить ничего иного, кроме гнилых и враждебных христианству идей. А ведь Тургенев, проживший на Западе много лет, знал жизнь западную не по чужим рассказам.

Введение земского самоуправления

В 1864 году была проведена либеральная земская реформа, призванная обеспечить «по возможности полное и последовательное развитие местного самоуправления», а заодно и уменьшить расходы государства, переложив финансирование местной хозяйственно-культурной деятельности на население.

Земство и его задачи. До этой реформы управление местными делами в России было чрезвычайно запутанным. Царская администрация была представлена, с одной стороны, министерствами и их органами на местах, а с другой – губернаторами. Интересы господствующего сословия представляли губернские и уездные дворянские собрания, избиравшие предводителей дворянства. Весьма ограниченный круг вопросов жизни крестьян, обремененных налогами и различными повинностями, находился в ведении сельской общины. К этому надо добавить полицию, суды, духовное ведомство… При наличии стольких органов местного управления трудно было понять, кто за что отвечает, и насущнейшие вопросы народной жизни долгое время не находили решения.

В соответствии с Положением от 1 января 1864 года в 34 губерниях России создавались избираемые населением земские учреждения – губернские и уездные земские собрания и городские думы (к 1914 году число земских губерний возросло до 43 из 78, на которые делилась империя).

Земские учреждения не были встроены в систему государственного управления, а существовали как бы рядом с ней, что неминуемо порождало их конфликты с администрацией. И возникали они не по злой воле земцев, а потому, что, как отмечал еще С.Ю. Витте, самодержавие вообще несовместимо с представительными учреждениями. И любое начинание, хотя бы устройство школ, немедленно упиралось в нерешенность важнейших вопросов жизни государства, в устарелость общественных отношений. Уже скоро наверх полетели сигналы: «Оппозиция правительству свила себе прочное гнездо в земстве».

На земства возлагались обязательные повинности – поддержание в проезжем состоянии важнейших местных дорог и мостов на них, обеспечение помещений для проведения рекрутских наборов и т.д. Необязательными делами были образование, медицинская помощь населению, развитие кустарных промыслов и пр. По мере нарастания конфликтов земств с администрацией власть вынуждена была осуществлять строгий надзор за их деятельностью и ограничивать круг решаемых ими задач.

В принципе земские учреждения считались всесословными (так сказать, общенародными), однако выборы депутатов уездных земских собраний («гласных») проводились на трех раздельных съездах по куриям – уездных землевладельцев, владельцев городской недвижимости и выборных от сельских обществ. Избирательное право было обусловлено имущественным цензом, возрастной ценз был установлен в 25 лет. Гласные выполняли свою работу на общественных началах и денег за нее не получали.

Очередное уездное земское собрание проходило раз год. Раз в три года оно избирало исполнительный орган – земскую управу (из председателя и двух членов), а также гласных в губернскую управу. При необходимости могло созываться чрезвычайное собрание. Председатель и члены управы получали более или менее приличные оклады (очень разные в различных губерниях).

Родовитое и богатое дворянство стремилось сделать карьеру на государственной службе, а не в земстве. Представительство крестьян в земстве было ограниченным.

Радикально настроенная молодежь демократических и революционных убеждений в 1873–1877 годах была поглощена идеей «хождения в народ», а позднее – практикой революционного террора. Поэтому ведущее положение в земских учреждениях заняли помещики средней руки, классовые интересы которых первоначально и определяли направление деятельности земства. Так, при установлении размера поземельного налога почти повсеместно он для крестьян был намного выше, чем для помещиков (не случайно художник в рассказе Чехова «Дом с мезонином» говорит земской учительнице, что крестьяне «за мушки и книжки должны платить земству и, значит, сильнее гнуть спину»).

Бюджет земства, основные доходы и расходы. При учреждении земств им были переданы казенные лечебные и богоугодные заведения вместе с соответствующими капиталами (9 миллионов рублей), школы и училища министерства государственных имуществ и ряд других объектов. Все их полагалось содержать на проценты с капитала, ибо ассигнования из казны были мизерными. Этих денег не хватало. Но земствам было предоставлено право вводить дополнительные местные налоги (губернские и уездные) – на землю и городское недвижимое имущество, торгово-промышленную деятельность и др. Они и составили основу земского бюджета, который рос в основном за счет усиления налогообложения. Так, земельный налог за время существования земства вырос в среднем с 7 до 20 копеек на десятину.

Бюджет земств в 1865 году составлял всего 6 миллионов рублей (для сравнения – в 1903 году он вырос до 105 миллионов рублей в текущих ценах, без учета инфляции), расходы на душу населения – 40 копеек в год. Примерно четверть средств тратили губернские земства, остальное – уездные.

В первые годы существования земства почти весь их бюджет поглощали обязательные расходы. Поэтому земцы считали, что подъем школы – дело самих крестьян, а земства должны лишь поощрять активность сельских обществ. Крестьяне, недовольные обучением в церковно-приходских школах, поначалу не поверили в земскую шко-

лу и тоже не хотели нести дополнительные расходы. Однако спрос на грамотность по мере развития товарно-денежных отношений в стране рос столь стремительно, правительство же не находило для этого средств, и земствам пришлось взять дело образования крестьянских детей в свои руки. Вскоре почти по всей России земские школы были переполнены.

По мере роста земских бюджетов необязательные расходы, в особенности расходы на школы и медицинское обслуживание, возрастали, а долю обязательных расходов удалось сократить до 40 процентов. Доля расходов на образование в 1890 году составляла уже 13 процентов.

Земские деятели: миф и реальность. Либеральная печать была склонна восхвалять деятельность земств и идеализировать их зачинателей, представляя их бескорыстными подвижниками. Эти мифы были развеяны еще в начале XX века в трудах Б.Б. Веселовского. Он показал, что земцы 60–70-х годов в массе своей были обычными чиновниками, а подлинным подвижникам – врачам, учителям, агрономам, находившимся в исключительно трудном материальном положении и под сильнейшим моральным гнетом, приходилось с трудом добывать деньги на проведение самых неотложных мер по улучшению народного быта.

До самого своего конца земские учреждения «страшно далеки были от народа». В глазах народа они оставались «барскими», потому что на население, на народ земство смотрело больше как на объект культурного и прочего воздействия, чем на сотрудника в работе (глазами народа взглянул на это новое учреждение художник Г.Г. Мясоедов, написавший картину «Земство обедает»). Находясь под неусыпным надзором власти и боясь нареканий с ее стороны, если крестьяне станут проявлять слишком много инициативы, «большинство либеральных земцев смотрело на народ как на татарскую орду, которая может погубить земское дело, если будет оказывать влияние на земскую работу». Повышение эффективности работы земства было невозможно без его демократизации, а ей противились и власть, и сами земцы.

Осталось много воспоминаний современников о земстве и земцах, в том числе писателей и публицистов, либо работавших в земских школах и больницах, либо близко соприкасавшихся с земскими учреждениями, – Гл. Успенского, А.Н. Энгельгардта, А.П. Чехова, И.А. Бунина, Л.Н. Толстого и др. Наряду с земскими бюрократами на страницах произведений тех лет выступают настоящие герои, самоотверженно служившие народу. Впрочем, в любой области человеческой деятельности мы встречаем все людские типы. Мало святых

и благородных людей, но мало и отъявленных мерзавцев и неисправимых злодеев, большинство составляют средние люди, также делящиеся на различные категории. Самоотверженно служившее своему делу меньшинство земских деятелей и совершило коллективные подвиги на поприще служения народу, в частности, создало земскую начальную школу.

Развитие экономики

Оправившись от первого шока, вызванного либеральными реформами, промышленность стала развиваться сравнительно быстрыми темпами. Число предприятий выросло с 5 261 в 1855 году до 31 173 в 1881 году, число рабочих – с 459 637 до 770 842. «Освобождение крестьян, заменившее на фабриках подневольный труд вольнонаемным, пустило в обращение громадные капиталы от выкупных платежей, нашедшие себе выгодное помещение прежде всего в промышленности и торговле страны. Некоторые крупные отрасли промышленности были освобождены от откупов, монополий и привилегий, удержавшихся еще с конца прошлого столетия. Живая рабочая сила, которая прежде одна выносила на своих плечах всю тяжесть добывающей и обрабатывающей промышленности, значительно поднялась в цене… и потому пришлось обратиться к механическим двигателям, машинам и усовершенствованным орудиям. При наличности свободных капиталов и недостатке необходимых знаний русская промышленность, в особенности земледельческая, была в первое время переполнена массой ценных машин, которые вскоре оказались несоответствующими условиям нашего хозяйства».

Европейский кризис 1870-х годов больно ударил и по России, «тем более, что он нашел подготовленную почву в тогдашнем непомерном увлечении постройкой фабрик и сооружением новых дорог. Война с Турцией доставила России, между прочим, превосходный Батумский порт в Черном море», что дало сильный толчок развитию внешней торговли, в том числе и с Востоком» (Брокгауз).

В сельском хозяйстве частыми были неурожаи, и при массовом голоде царю приходилось создавать комитеты помощи голодающим. Однако, несмотря на частые неурожаи, вывоз зерна за границу возрос с 7 356 000 четвертей в 1856 году до 20 000 000 четвертей к концу царствования Александра II[9].

9 Татищев С. Указ. соч. С. 566.

В целях развития внутренней торговли в 1863 году введен новый Торговый устав, по которому купцы были разделены на два разряда не по величине капитала, как то было прежде, а по роду торговли – оптовой или розничной.

«Иностранцы в правах и обязанностях совершенно сравнены с русскими подданными как по владению недвижимым имуществом, так и во всех отношениях промышленных и торговых. Оживлению внешней торговли несомненно способствовал свободный доступ за границу, открытый русским подданным… а также заключение целого ряда договоров с главнейшими государствами в Европе и вне ее. Наконец, отменены вовсе таможенные пошлины, за некоторыми незначительными исключениями, со всех товаров, вывозимых за границу из империи и Царства Польского по европейской торговле. Тариф на привозные товары пересмотрен дважды: в 1857 году в смысле учения о свободе торговли, что вызвало в нем понижение многих пошлин, охранявших отечественную промышленность, и в 1868 году, когда под влиянием опыта интересы последней снова приняты во внимание и ограждены даже в большей степени, чем прежде… в 1855 году вывезено товаров из России на сумму 39 517 000 рублей, а привезено на сумму 72 690 000 рублей; в 1880 году вывоз был на 498 672 000 рублей, а привоз на 622 811 000 рублей»[10].

«Могучим средством к оживлению промышленности и торговли внутренней и внешней послужили железные дороги… Печальное состояние государственных финансов столько же, сколько и предубеждение общественного мнения против казенного хозяйства, побудило правительство на первых же порах обратиться к частной предприимчивости и частному строительству поручить удовлетворение этой насущной потребности государства». Для этого было образовано Главное общество российских железных дорог. «Во главе учредителей этого общества стояли крупнейшие заграничные банкирские дома…» Так как российская металлургия практически отсутствовала, все необходимое для строительства, изготавливаемое из металла, завозилось из-за границы. «Компании разрешалось выписывать беспошлинно из-за границы все необходимые к постройке металлические принадлежности и пользоваться при сооружении дорог правами, присвоенными предприятиям казны, как, например, правом принудительного отчуждения земель и т. п… Главный комитет по заведованию делами Общества имел пребывание в Париже, вне всякого правительственного надзора и контроля… Несмотря на крайне льготные условия концессии, Главное общество российских железных дорог не оправдало возложен-

10 Татищев С. Указ. соч. С. 566–567.

ных на него надежд; из предоставленных ему четырех линий оно выстроило только две… и то благодаря обильным ссудам и другим пособиям от русской казны, не предусмотренным уставом. Злоупотребления при реализации капитала компании, крайне неудовлетворительное состояние ее денежных счетов, несовершенство постройки и неисполнение многих обязательств перед казною побудили правительство приступить к пересмотру условий концессии… английской компании для постройки линии от Москвы до Севастополя предоставлены были льготы, превысившие даже те, которые были первоначально дарованы Главному обществу… До 1865 года железнодорожные концессии выдавались исключительно иностранным компаниям…»[11].

Нетрудно представить, какой золотой дождь пролился на промышленников и банкиров Европы и как поживились тамошние дельцы на стройках, проходивших по тем же правилам, по которым западные колонизаторы хозяйничали в своих колониях.

Затем к дележу казенного пирога подключились и российские деловые люди: «…концессия на линию от Рязани до Козлова выдана с правительственною 5%-ю гарантиею русскому предпринимателю фон Дервизу с предоставлением ему права составить капитал на две трети из облигаций, которые и были полностью скоро и успешно размещены им в Германии. На сумму, вырученную за облигации, и произведена постройка всей этой линии, так что акций вовсе не пришлось оплачивать, и они остались все за Дервизом, как чистый барыш от предприятия. Пример этот не остался без подражаний»[12].

Здесь нет возможности рассмотреть все перипетии афер, которыми сопровождалось строительство железных дорог в России при Александре II. Но в итоге протяженность их сети выросла с 979 верст в 1857 году до 17 658 верст в 1876 году. Россия стала совсем другой страной, чем была при вступлении Александра на престол.

Пароходные общества учредились во всех наших внутренних морях и на судоходных реках – от Западной Двины до Амура включительно. Расширилась сеть почты и телеграфа.

Либерализация экономических отношений без соответствующего изменения законодательства (которого и нельзя было произвести в короткое время и без учета практического опыта) создала условия для всякого рода мошенничества в беспрецедентном масштабе. Наиболее частым экономическим преступлением стало «грюндерство» – учреждение фирм-однодневок и иных ложных предприятий и банков. «Грюндер» (основатель) собирал средства доверчивых

11 Там же. С. 567–569.

12 Там же. С. 572.

клиентов, устраивал фиктивное банкротство предприятия и исчезал вместе с «праведно нажитыми» капиталами. Изображению афер такого рода посвящены многие произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина и Н.А. Некрасова. «Хищник» – вот истинный представитель нашего времени, вот высшее выражение типа нового ветхого человека»[13], – писал Щедрин. Другой выведенный сатириком, еще более мерзкий, тип – «пенкосниматель». Общая картина «делового мира» России того времени выписана Щедриным кратко и выразительно: «Дальше рубля взор ничего не видит. Ни общего смысла жизни, ни смысла общечеловеческих поступков, ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. Все сосредоточилось, замкнулось, заклепалось в одном слове: жрать!»[14].

Собирательным образом дельца той эпохи можно считать «финансового гения», автора проекта «О предоставлении коллежскому советнику Порфирию Менандрову Велентьеву в товариществе с вильманстрандским купцом Васильевым Вонифатьевым Поротоуховым в беспошлинную двадцатилетнюю эксплуатацию все принадлежащих казне лесов для непременного оных, в течение двадцати лет, истребления…». Это было «время золотое» для всякого «реформатора, который придет, старый храм разрушит, нового не возведет и, насоривши, исчезнет, чтоб дать место другому реформатору, который также придет, насорит и уйдет…».

Давление мирового финансового капитала на Россию усиливалось: «В 1867 году на очередном Международном монетарном конгрессе в Париже перед Россией был уже открыто поставлен вопрос о привязке ее денежного обращения к единой золотой монетарной единице. В условиях, когда банковская система в стране (с апреля 1859 года) была практически разрушена собственными руками, а экономика нуждалась в значительных финансовых средствах, у правительства М.Х. Рейтерна все же хватило мужества не согласиться на развитие денежного обращения страны на принципах монетарного единства. Однако уже с 1880-х годов страна постепенно стала готовиться к реформированию своего денежного обращения: накоплению разменного фонда в золоте и переходу к системе золотого монометаллизма». Сам переход на золотую валюту произошел позже, уже в конце XIX века, и о его порядке и последствиях будет рассказано в своем месте.

Снова обратимся к словарю Брокгауза и Ефрона. Трудами комиссии, душою которой был В.А. Татаринов, была осуществлена коренная реформа в формальном строе нашего государственного

13 Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 5. М., 1951. С. 531.

14 Там же. С. 174.

хозяйства. В дореформенное время, как уже отмечалось в главе 1, каждое ведомство было государством в государстве, имея не только свою смету расходов, но и свои источники доходов. Реформа устанавливала введение государственной росписи и финансовых смет ведомств, порядок поступления государственных доходов, новый порядок отчетности и ревизии на основании документов, оправдывающих каждую статью расходов, открытие новых местных учреждений государственного контроля – контрольных палат. Это создало единство бюджета, направление кредитов на их прямое назначение (специальность кредита), а неизрасходованных остатков – в общие государственные средства. Все расходы оформлялись теперь через министерство финансов. С 1862 года введена публичность государственных росписей, а с 1866 года – также и отчетов государственного контроля.

«С ликвидацией казенных кредитных учреждений исчез главный источник, из которого прежде черпались негласно средства для покрытия дефицитов, и обнаружилась крайняя необходимость в правильном кредите, а между тем неуспешность займов, падение курса наших фондов, печатные суждения в нашей и иностранно прессе свидетельствовали о глубоком недоверии общественного мнения к нашему финансовому положению; опубликование росписи было результатом решения правительства восстановить доверие общества полной откровенностью относительно положения финансов. Наоборот, мало плодотворными оказались занятия другой учрежденной в 1859 году комиссии – по пересмотру податей и сборов… Податная система теснейшим образом связана со всеми сторонами общественной и государственной жизни, а они все находились в переходном состоянии… Между тем податная система страдала весьма тяжкими недостатками, и в общественном сознании выяснились основные черты важнейших, насущнейших ее преобразований. Целью их ставилось облегчение податной тяжести для низших, беднейших классов населения, выносивших на себе почти весь государственный бюджет, а средствами – отмена подушных податей, соляного налога и откупов, преобразование паспортной системы, привлечение к обложению высших неподатных классов…. В царствование Александра II была осуществлена часть этой программы… С 1 января 1863 года была прекращена и заменена питейным акцизом отдача на откуп питейного сбора, составлявшая страшную язву дореформенного строя, развращавшая одинаково как население, так и администрацию. В том же году, в видах улучшения быта многочисленного и наименее обеспеченного городского сословия, была отменена подушная подать с мещан, взамен которой был введен налог на недвижи-

мые имущества в городах. В 1880 году, под влиянием общественного мнения, отменен один из самых тягостных для населения налогов – налог на соль…»

Впрочем, и эти благие намерения правительства обернулись для большинства народа не облегчением, а еще большим гнетом: «Вследствие произведенного в первую половину царствования повышения подушной и оброчной податей и происходившего, время от времени, увеличения питейного налога, податное бремя, лежавшее на крестьянском населении, не только, однако, не уменьшилось, но значительно возросло…» (Брокгауз).

«Несмотря на введение новых налогов, на увеличение гербового сбора и поземельной подати, несмотря на ряд займов, заключенных внутри и вне России на самых тяжких условиях… крупный дефицит стал постоянным явлением, повторявшимся из года в год»[15].

«Кроме того, крестьянская реформа вызвала возникновение выкупных платежей, которые очень скоро, ввиду обнаружившегося несоответствия между ними и доходностью наделов, оказались новой тягостью для крестьянского населения. Возрастающие, несмотря на строгость взысканий, недоимки в крестьянских платежах делали все более и более очевидным, что эти платежи, не соответствуя не только доходности земли, но и общей совокупности средств крестьян, являются для них разорительными. В конце царствования Александра II факт истощения платежных сил и всеобщего понижения благосостояния крестьянского населения был признан самим правительством и поставлен на очередь вопрос о понижении выкупных платежей, но разрешение он получил только в следующее царствование... Необходимость… сооружения железнодорожной сети и невозможность осуществить ее исключительно на частые средства вынудили правительство к большим затратам на этот предмет… С 1759 миллионов рублей в 1858 году государственный долг к 1880 году увеличился до 4698,5 миллионов рублей… Размен кредитных билетов был прекращен в 1857 году. С этого момента в течение почти 40 последующих лет государственное хозяйство велось при неразменных бумажных деньгах, с беспрерывно колеблющимся курсом… В последние годы перед турецкой войной 1877 года наблюдались… повышение курса рубля до 87 копеек золотом, накопление значительного запаса золота в Государственном банке, но наступившая война потребовала новых выпусков бумажных денег, вновь повлекших за собой сильное падение курса бумажного рубля…» (Брокгауз).

15 Татищев С. Указ. соч. С. 556..

«Экономический кризис, прокатившийся по всей Европе в течение 1876 года и не замедливший отразиться на России, поколебал равновесие, с таким трудом восстановленное в нашем бюджете. Окончательный улар нанесли ему вооружения, вызванные решимостью русского правительства вести войну с Турциею. Роспись 1876 года была исчислена с излишком доходов над расходами… Исполнение ее заключилось огромным дефицитом…»[16].

Выражение «решимость правительства» здесь употреблено Татищевым из деликатности. Как раз почти все члены правительства, в особенности министр финансов Рейтерн, были против войны. Министр доказывал, что война разорит и владельцев русских ценных бумаг, и банки, «и таким образом подточит в корне источники, необходимые для оживления сельского хозяйства, торговли и промышленности… Россия… поставит себя в необходимость заключать внешние займы на условиях крайне тяжелых не только для покрытия военных расходов, но и уплаты процентов и погашения по своим долгам, то есть на долгие годы удручит свои финансы тяжким и совершенно непроизводительным бременем. Вследствие войны Россия сразу потеряет все результаты, достигнутые ею благодаря благодетельным реформам, введенным в последние 20 лет, и ей потребуется еще 20 лет. Чтобы вернуться только к экономическому положению 1876 года, тем более что успешное окончание войны с Турцией еще не обеспечит заключения мира и может вызвать новую общеевропейскую войну… обычные последствия войны: всеобщее обеднение, застой в промышленности и торговле, послужат лишь удобной почвой для социально-революционной пропаганды, и без того получившей у нас широкое развитие, и набросит мрачную тень на конец столь блестяще начатого царствования»[17]. Министр как в воду смотрел. Решение о вступлении в эту позорную войну принял сам царь, желавший этим, как и его покойный родитель, подчеркнуть «европейскость» России. Но Европа не признала ни отца, ни сына благородными рыцарями, стоящими на страже форпоста европейской цивилизации и готовыми выступить в защиту преследуемых турками христиан. Европейские державы увидели в этом новую попытку России овладеть проливами и водрузить крест над Святой Софией.

Покрывать расходы на войну пришлось новыми выпусками кредитных билетов, хотя власть понимала: от этого «должно ожидать последствий еще более тяжких, чем от чрезмерного их умножения во время Крымской войны, как потому, что в 1853 году наше денежное обращение не было поколеблено как в 1877 году, так и

16 Татищев С. Указ. соч. С. 558.

17 Там же. С. 558–559.

вследствие того, что платежи кредитными билетами производились тогда преимущественно внутри государства». Понадобилось также заключать новые внешние и внутренние займы. На ведение войны было затрачено более миллиарда рублей.

По Брокгаузу, общие финансовые результаты 20-летнего царствования Александра II сводятся к следующему. Государственные обыкновенные доходы… увеличились почти в 2,5 раза, опираясь на получившее значительное развитие народное хозяйство. Расходы государства (обыкновенные, то есть без учета чрезвычайных – на войну и на строительство железных дорог. – *М.А.*) увеличились почти в той же мере… Податная система, в общем, сохранила свой прежний характер, но в ней уже начал проводиться принцип равенства всех перед налогом, с привлечением к обложению прежних неподатных классов.

Государственный долг увеличился почти в три раза, но до миллиарда было затрачено на создание сети железных дорог и около полумиллиарда на проведение крестьянской реформы, то есть на цели наиболее производительные и достойные траты государственных средств. Даже многие сотни миллионов, употребленные на покрытие дефицитов, могут считаться производительной затратой, так как благодаря им щадились податные силы населения, переживавшего острый фазис перехода к новому хозяйственному строю. Важным и благотворным нововведением была также передача части общественных потребностей в заведование местных органов самоуправления, получивших и самостоятельные источники доходов. Наконец, формальная сторона государственного хозяйства приобрела, благодаря произведенным реформам, вполне благоустроенный вид».

Состояние экономической науки

Среди экономистов продолжала господствовать тенденция не только, что Россия страна земледельческая, но что она и не может стать страной промышленной. Так это говорится, например, в известной книге Тенгоборского «О производительных силах России»: «Так как Россия не в состоянии сравниться или превзойти другие страны на поприще мануфактурной промышленности и не имеет всех условий, необходимых для того, чтобы сделаться страною мануфактурною, то мы должны преимущественно стараться о распространении тех отраслей промышленности, которые наиболее соответствуют положению нашей страны, в высшей степени земледельческой, и

наилучше могут быть соединены с нашей сельской промышленностью. Вообще должно поощрять те отрасли промышленности, для которых наша почва производит в изобилии сырой материал».

По-прежнему существует глубокая вера в полную осуществимость в России артельной организации производства. «Мы вполне согласны, — пишет Корсак в книге «О формах промышленности в Западной Европе и России» (М., 1861), что нынешняя фабрика совершеннейшая в экономическом отношении форма производства в настоящее время, но думаем также, что ее всепоглощающее могущество опасно, а за неимением его, сообщать ей это подавляющее влияние посредством внешней помощи еще опаснее. Фабричные отрасли домашнего производства, которые теперь имеют вид самой вредной и невыгодной во всех отношениях, так называемой домашней системы, при помощи ассоциаций домашних работников, при помощи кредита и общественных мастерских, могли бы явиться в виде новой фабричной формы, со средствами, настоящей, и с благодетельными результатами, которых последняя лишена. Эта новая форма могла бы таким образом быть противодействующей силой темным сторонам современного фабричного производства».

Ни один русский экономист, ни раньше, ни после, не оказывал такого влияния на русскую экономическую мысль, как Н. Г. Чернышевский. Значение его в том, что он первый связал в одну законченную общественно-экономическую систему констатированные Гакстгаузеном особенности русского хозяйства с идеалами, выработанными на Западе. Все симпатии Гакстгаузена были позади; защита общины и артели с той точки зрения, на которой стоял Гакстгаузен, могла только скомпрометировать эти русские бытовые особенности в глазах прогрессистов. Чернышевский попытался доказать, что община и артель являются прочным базисом для русского прогресса. Несмотря на свою отсталость, Россия, по мнению Чернышевского, гораздо ближе многих западноевропейских стран к осуществлению идеалов коллективизма, именно в силу особенностей своего хозяйственного строя. С наибольшей ясностью эта точка зрения выражена в статье «Критика философских предубеждений против общинного землевладения». В основание своей аргументации Чернышевский кладет тезис, что «высшая форма развития всегда бывает сходна по форме с началом, от которого развитие отправляется». Так как развитие начинается с коллективных форм владения землей, то и закончится оно должно такими же коллективными формами. Нет, однако, необходимости для каждой страны проходить все фазисы развития: средние фазисы могут выпасть, существовать лишь логически, и в таком случае последний фазис может непосредственно следовать за

первым. Именно в таком положении находится Россия. Как истый последователь философии XVIII века, Чернышевский объяснял недостатки социального устройства несовершенством социальной науки. Самым обширным экономическим произведением Чернышевского являются его «Примечания к «Политической экономии» Милля», но по оригинальности мысли они значительно уступают его статьям об общине.

«Как отмечал митрополит Иоанн (Снычев), эпоха «великих реформ» Александра отличается удивительным благородством замыслов и не менее удивительным отсутствием ожидаемых результатов. Это объясняется тем, что реформаторы, начиная с Петра I, преобразовывали «косную» российскую действительность по «просвещенному» западноевропейскому образцу. В итоге: общественная стабильность безвозвратно потеряна, а полученные «свободы» стали питательной средой для анархизма, коррупции и терроризма. И одной из первых жертв стал сам император»[18].

Славянофилы в условиях «гласности»

Славянофилы, подвергавшиеся особенно сильным притеснениям в конце царствования Николая I, почувствовали некоторое облегчение в начале царствования Александра II, которое они встретили с надеждой, ознакомившись с первым его манифестом. «Весть о неожиданной кончине Императора Николая I и о вступлении на престол Александра Николаевича глубоко потрясла все слои русского общества. В особенности сильно было впечатление, произведенное ею в Москве на представителей опального кружка славянофилов…»[19]

Действительно, Хомяков писал, что вся Русь молится о том, чтобы новый царь в своем великом служении, на которое он призван, был счастлив и крепок в подвиге жизни. «Пусть только верит он России: она никогда не выдавала, никогда не выдаст своего государя». И.С. Аксаков также выражал веру в то, что «возникает новая эра государственного бытия, начинается новая эра и для нравственного общественного существования каждого русского».

Славянофилы не были одинокими в этом уповании, хор добрых пожеланий новому царю не умолкал: «Все молчавшие, все

18 Сергеев А. Г. Правители государств и отцы Церкви Европы за 2000 лет. Владимир. 1997. С. 556.

19 Татищев С. Указ. соч. С. 119.

рабствовавшие в то время, как мы одни смели небезопасно для себя просить свободы и протестовать против официального одурения, — все встрепенулись и кричат и поют про свободу мысли, — писал Хомяков И. Аксакову. — Если мы теперь не выступим с силою, наш нравственный авторитет (хоть и небольшой, но все-таки приобретенный) пропадет вмиг. Теперь дело идет завоевать Россию, овладеть обществом».

Хомяков понимал, конечно, что это не так легко для такого направления, как славянофильство. Он замечал даже по этому поводу, что для них Николай Павлович умер слишком рано: общество не готово к восприятию славянофильства. Он признавал, однако, задачу «не невозможной».

Но выразителями общих настроений стали не славянофилы. «Искуснее всех, – писал Милюков, – устроился Погодин, доведший тогда же начатые им «Исторические письма» до сведения государя и получивший высочайшее благоволение. В письмах этих подвергалась резкой критике наша внешняя и внутренняя политика; автор делал правительство ответственным за отсутствие людей в нужный момент, видя в этом последствие систематического подавления всякого общественного мнения. Написанные кстати и громко высказавшие то, что у всех было на душе, «Письма» Погодина прогремели, как своего рода гражданский подвиг. Они были предвестником бурного подъема общественного настроения с началом нового царствования…

Благодаря энергичным хлопотам Кошелева и содействию московского попечителя Назимова, рекомендовавшего славянофилов как «людей весьма мирных, благочестивых отцов семейства, помещиков, вовсе не помышляющих о нарушении законного порядка вещей», цензурный запрет с них был снят, и они получили разрешение издавать с 1856 г. журнал «Русская беседа».

Так что отчасти эти надежды славянофилов оправдались. Впервые им было разрешено издавать свой журнал. Он выходил в 1856–1860 годах, один раз в три (впоследствии в два) месяца. Кошелев был пайщиком, издателем, редактором и активнейшим автором журнала, который без него просто не мог бы появиться на свет (разрешение на его издание было получено после четырех отказов). Затем, передав это издание под руководство И.С. Аксакова, он сосредоточился на издании журнала «Сельское благоустройство», на страницах которого обсуждались конкретные вопросы подготавливавшейся отмены крепостного права (вышло 14 номеров), причем редакция придерживалась радикальной точки зрения, требуя отмены крепостного права.

Пайщиками (а также и активными авторами) «Русской беседы» кроме Кошелева были Ю.Ф. Самарин, А.С. Хомяков и князь В.А. Черкасский. Хомяков был фактическим идейным руководителем и частым автором журнала.

Историк С. Татищев утверждал: «Император Александр не был противником гласности, признавая пользу ее в обнаружении злоупотреблений всякого рода, и с первых дней своего царствования дозволил обсуждение в органах печати вопросов государственных и общественных, и самих правительственных мероприятий, повелев пересмотреть в особой комиссии старый и составить новый цензурный устав. Но дело это замедлилось, а между тем в литературе с каждым днем все сильнее и резче сказывалось так называемое «обличительное направление», все более и более враждебное правительству».

К числу органов этого направления Татищев относит «петербургские ежемесячные журналы: «Современник», «Отечественные записки», «Русское Слово». В Москве органом умеренного либерализма по западному образцу был издаваемый Катковым «Русский Вестник»; славянофилы же проводили свои мысли и излагали свои взгляды в журнале «Русская беседа» и в еженедельных газетах, сначала в «Молве», потом в «Парусе». Замечательно, что издания последнего направления, отстаивавшие исконные исторические начала русской государственной и народной жизни, более всех прочих подвергались цензурным строгостям. Под гнетом их «Молва» просуществовала недолго, издаваемый же И.С. Аксаковым «Парус» был запрещен по второму выпуску»[20]. Вот и журнал «Русская беседа» прекратил свое существование перед самой крестьянской реформой.

Направление журнала было определено вводной статьей первого номера, написанной А.С. Хомяковым (идейным руководителем журнала), которая начиналась такими словами: «Обыкновенно народ-просветитель (хотя бы он был действительно просветителем только в отношении к положительному знанию) поражает таким блеском глаза своих учеников, что все явления его умственной и нравственной жизни, все даже внешние особенности его вещественного быта делаются предметом суеверного поклонения или безрассудного подражания. Таково было отчасти влияние народов Романских на племена Германские. Самолюбивая Англия обезьянничала перед Италиею, а в Германии еще Фридрих II презирал немецкий язык. То же явление повторилось и у нас, только в размерах гораздо больших, потому что Запад уже развил все свои умственные силы, а мы были в совершеннейшем младенчестве в отношении к знаниям, которые мы получили от своих европейских братий.

20 Татищев С. Указ. соч. С. 305.

Соблазн был неизбежен. Но время течет; но мысль, ознакомившаяся с просвещением, избавляется от суеверного поклонения чужому авторитету по мере того, как получает большее уважение к своей собственной деятельности. Наступает время критики… Дальнейшее самоунижение перед мыслью иноземной делается уже невозможным…».

Таким образом, вводная статья первого же номера нового журнала стала манифестом, провозглашавшим становление самостоятельной Русской общественной и научной мысли.

Далее Хомяков конкретизировал это общее положение применительно к научной и духовной жизни России: «Когда Русское общество стало лицом к лицу с Западною наукою, изумленное, ослепленное новооткрытыми сокровищами, оно бросилось к ним со всею страстью, к какой только была способна его несколько ленивая природа. Ему показалось, что только теперь началась умственная и духовная жизнь для Русской земли, что прежде того она или вовсе не жила, или, по крайней мере, ничего такого не делала, что стоило памяти в роде человеческом».

Хомяков опровергает это ложное понимание действительности русским образованным обществом: «Но действительно было совсем не то. Русский дух создал самую Русскую землю в бесконечном ее объеме, ибо то дело не плоти, а духа. Русский дух утвердил навсегда мирскую общину, лучшую форму общежительности в тесных пределах. Русский дух понял святость семьи и поставил ее, как чистейшую и незыблемую основу всего общественного здания. Он выработал в народе все его нравственные силы, веру в святую истину, терпение несокрушимое и полное смирение. Таковы были его дела, плоды милости Божией, озарившей его полным светом Православия».

И Хомяков формулирует современные задачи, решению которых будет служить журнал, с перспективой на мировое лидерство России: «Теперь, когда мысль окрепла в знании, когда самый ход Истории, раскрывший тайные начала общественных явлений, обличил во многом ложь Западного мира и когда наше сознание оценило (хотя, может быть, еще не вполне) силу и красоту наших исконных начал, нам предлежит снова пересмотреть все те положения, все те выводы, сделанные Западною наукою, которым мы верили так безусловно. Нам предлежит подвергнуть все шаткое здание нашего просвещения бесстрастной критике наших собственных духовных начал и тем самым дать ему несокрушимую прочность. В то же время на нас лежит обязанность разумно усвоить себе всякий новый плод мысли Западной, еще столь богатой и достойной изучения, дабы не оказаться отсталыми в то время, когда богатство наших данных воз-

лагает на нас обязанность стремиться к первому месту в рядах просвещенного человечества».

«Имя Белинского, — писал в другом письме по этому поводу И. Аксаков, — известно каждому сколько-нибудь мыслящему юноше, всякому жаждущему свежего воздуха среди вонючего болота провинциальной жизни. Если вам нужно честного доктора, честного следователя — ищите таковых в провинции среди последователей Белинского. О славянофильстве здесь в провинции и слыхом не слыхать — а если и слыхать, так от людей, враждебных направлению. Требования эмансипации, железных путей и проч. и проч., сливающиеся теперь в один общий гул по всей России, первоначально возникли не от нас, а от западников; и я помню время, когда, к сожалению, славянофилы, хотя и не все, противились железным дорогам и эмансипации: последней — потому только, что она формулирована была под влиянием западных идей. Вот в Екатеринославской губернии во всей нет ни одного экземпляра «Русской беседы», а получается «Русский вестник» и другие журналы. В них слышится направление новое, требование просвещения, жизни, простора; ему сочувствуют с жаром».

Идею Хомякова поддерживал Самарин в статье «Два слова о народности в науке».

И. Беляев выступил с «Обзором исторического развития сельской общины в России», в котором показал самобытный характер нашего крестьянского «мира».

Не все в обществе и даже не все славянофилы приняли такую программу нового журнала.

За три дня до кончины Грановский писал по этому поводу: «Я до смерти рад, что славянофилы затеяли журнал. Этому воззрению надо высказаться до конца, выступить наружу во всей красоте своей. Придется поневоле снять с себя либеральные украшения.... надобно будет сказать последнее слово системы, а это слово — православная патриархальность, несовместная ни с каким движением вперед».

Скептически относился к новому журналу И. Аксаков, писавший тогда отцу: «Программа «Русской беседы» мне с самого начала не нравилась и не нравится. Она написана так, что, возбуждая недоумение, отвращает от нас сочувствие молодого поколения и приобретает сочувствие, которого я не желаю, архиереев, монахов, Святейшего Синода. Да и сотрудники таковы: братья Беляевы с неистовым поклонением древней Руси, Филиппов (Тертий)... Как хотите, а в этой компании душно».

Близкий к славянофилам Аполлон Григорьев, член «молодой редакции» «Москвитянина», ожидал, что «Русская беседа» «едва ли

не будет журналом Троицкой Лавры» и «сойдется с блаженной памяти «Маяком». Несмотря на ряд дельных статей, «Русская беседа» журнального успеха в те годы иметь не могла. Но по крайней мере одна ее публикация была исторической важности.

В 1856 году в журнале была напечатана последняя статья Киреевского «О необходимости и возможности новых начал для философии». Она начиналась с констатации того факта, что еще недавно стремление к философии было господствующим в Европе, а ныне там увлекаются только политикой. И это справедливо, потому что европейская философия зашла в тупик в силу тех причин, о которых говорилось в предыдущей статье Киреевского.

Свой анализ Киреевский начинает с разбора философии Аристотеля, который полагал, что «добродетель… не требовала высшей сферы бытия, но состояла в отыскании золотой середины между порочными крайностями… Очевидно, что такой образ мыслей мог произвести очень умных зрителей среди разнообразных явлений человечества, но совершенно ничтожных деятелей… философия Аристотеля действовала разрушительно на нравственное достоинство человека». Восточные православные мыслители, близкие русским, в философии ориентировались больше на Платона, а не на Аристотеля. Проследив дальнейшее развитие философии, Киреевский перешел к разбору вершины европейского любомудрия – системы Гегеля. Он показывает, что «основные убеждения Аристотеля… совершенно тождественны с убеждениями Гегеля… Кажется, ум западного человека имеет особое сродство с Аристотелем».

И вот как звучал общий вывод Киреевского: «Философия немецкая… может служить у нас самою удобною ступенью мышления от заимствованных систем к любомудрию самостоятельному, соответствующему основным началам древнерусской образованности и могущему подчинить раздвоенную образованность Запада цельному сознанию верующего разума».

Это была первая часть статьи, которая, как писал в некрологе Хомяков, «содержит в себе критику исторического движения философской науки, следующая же часть должна была заключать в себе догматическое построение новых для нее начал». Киреевский предполагал построить самостоятельную русскую систему философии, но смерть, последовавшая в том же 1856 году, помешала ему осуществить этот замысел. Оставшиеся после него наброски второй части были опубликованы Хомяковым.

Хомякова крестьянский вопрос не переставал занимать до последних дней жизни: много свидетельств этому представляет его переписка. В 1858 году он отослал свой проект об отмене крепостного

права Я. И. Ростовцеву. Требуя освобождения с землей путем однообразного, одновременного и обязательного выкупа, Хомяков проектировал чрезвычайно мелкий надел. Умер он в 1860 году от холеры.

Из старшего поколения славянофилов в этот новый период истории России продолжал активную деятельность А.И. Кошелев, переживший, пожалуй, пору расцвета своего дарования.

На А.И. Кошелева царем было возложено управление финансами в 1861—1863 годах в Царстве Польском. На этом посту он не оскорблял национального чувства поляков, уважал их национальную самостоятельность и настоял, с большим трудом, на призвании представителей польского населения к участию в комиссии по вопросу о налогах в Царстве. Разойдясь с ближайшим своим товарищем, князем Черкасским, во взглядах на отношения русских к полякам и недовольный мерами министра финансов Рейтерна, Кошелев сложил с себя звание, оставив у поляков самые теплые воспоминания. О результатах его деятельности можно судить по тому, что русское правительство, начиная с 1815 года, всегда должно было приплачивать известные суммы для сведения баланса в бюджете Польши, со времен же Кошелева эта приплата оказалась излишней и край мог содержаться на собственные средства. Затем Кошелев посвятил себя исключительно служению земству и городскому самоуправлению. Он был неутомимым земским деятелем в Рязанской губернии, президентом Императорского общества сельского хозяйства в Москве и энергичным гласным московской городской думы. Некоторое время он состоял также председателем общества любителей российской словесности в Москве. В 1871—1872 годах Кошелев издавал журнал «Беседа», а в 1880—1882 годах газету «Земство». Оба эти издания, несмотря на разницу в направлении, зависевшую от редакторов (С. А. Юрьева и В. Ю. Скалона), ратовали за просвещение и любовь к народу, прославляли «власть земли» и защищали общину — то есть выражали основные взгляды Кошелева. Кошелев был председателем сапожковского уездного училищного совета. По примеру московского земства, он организовал статистические исследования в Рязанской губернии и горячо защищал рязанских статистиков от взведенных на них несправедливых нареканий.

Кошелев принимал горячее участие в трудах губернского рязанского комитета по освобождению крестьян. Его взгляды на необходимость освобождения крестьян не иначе как с землей характеризуются его словами: «Скорее вода пойдет против обычного своего течения, чем русский поселянин может быть оторван от земли, упитанной его потом». В 1859 году он был в числе вызванных в Петербург депутатов от губернских комитетов. Здесь он принадлежал к

числу тех 18 депутатов, которые, не удовлетворенные ходом дела, всеподданнейше просили государя разрешить им представить свои соображения на окончательные труды редакционных комиссий до поступления их в главный комитет по крестьянскому делу. По постановлению последнего, подписавшие адрес подвергнуты административным внушениям и легким взысканиям, с отдачей некоторых под особый надзор местного начальства. Не избежал этой участи и Кошелев. В 1859—1860 годах он был членом комиссии для устройства земских банков.

Кошелев встречался со многими знаменитостями своего времени и оставил интересные записки о своей жизни, изданные его вдовой.

Велик вклад Кошелева в дело увековечения памяти основоположников славянофильства. Он издал «Полное собрание сочинений И. В. Киреевского» (М., 1861), а также книгу «О князе В. Ф. Одоевском» (М., 1869), тепло написал об А.С. Хомякове.

В.Ф. Одоевский до пятидесятых годов разделял взгляды других славянофилов на отношение России к Западу. Но уже и в это время он высоко ставил Петра, а личное знакомство с «гнилым Западом» во время поездок за границу, начиная с 1856 года (в 1859 году он был депутатом Императорской публичной библиотеки на юбилее Шиллера в Веймаре), заставило его изменить свой взгляд на смысл европейской цивилизации. Это выразилось с особой силой в записках и бумагах его, составляющих интереснейшее собрание замечаний по поводу всевозможных вопросов, хранящееся в публичной библиотеке и отчасти напечатанное в «Русском Архиве» 1872 и 1874 гг. Не закрывая глаз на «нашу прирожденную болезнь» и сходясь в этом с Кавелиным («Задачи этики»), Одоевский указывает на ее признаки — «общенародную лень ума, непоследовательность и недостаток выдержки», и негодует на то наше свойство, которое он называет «рукавоспустием». Идеализм в народе, пишет он, является большей частью в виде терпимости к другим народам и понимания их. Просвещением вырабатывается достоинство человека вообще, полупросвещением — лишь национализм, то есть отрицание общечеловеческих прав. Народность — великое слово, но смысл его, доведенный до крайности, приводит к бессмысленному и рабскому подражанию прошлому; народность — одна из наследственных болезней, которой умирает народ, если не подновит своей крови духовным и физическим сближением с другими народами...

Возражая против нападок на переворот Петра I, Одоевский пишет: «Те, что толкуют о каком-то допотопном славяно-татарском у нас просвещении, то пусть она при них и остается, пока они не по-

кажут нам русской науки, русской живописи, русской архитектуры в допетровское время; а так как, по их мнению, вся эта допотопная суть сохранилась лишь у крестьян — то есть у крестьян, неиспорченных так называемыми балуй-городами, как например Петербург, Москва, Ярославль и др., — то мы можем легко увидать сущность этого допотопного просвещения в той безобразной кривуле, которой наш крестьянин царапает землю на его едва взбороненной ниве, в его посевах кустами, в неумении содержать домашний скот, на который ни с того, ни с сего находит чума, так — с потолка, а не от дурного ухода; в его курной избе, в его потасовке жене и детям, в особой привязанности свекров к молодым невесткам, неосторожном обращении с огнем и, наконец, в безграмотности» («Русский Архив», 1874, №2). Вместе с тем, он до конца верил в русского человека и его богатые задатки. «А все-таки русский человек — первый в Европе не только по способностям, которые дала ему природа даровала, но и по чувству любви, которое чудным образом в нем сохранилось, несмотря на недостаток просвещения, несмотря на превратное преподавание религиозных начал, обращенное лишь на обрядность, а не на внутреннее улучшение. Уж если русский человек прошел сквозь такую переделку и не забыл христианской любви, то, стало быть, в нем будет прок — но это еще впереди, а не назади» (там же, выделено мной. – *М.А.*). Преобразования Александра II, обновившие русскую жизнь, встретили в Одоевском восторженное сочувствие. Он предлагал считать в России новый год с 19 февраля и всегда, в кругу друзей, торжественно праздновал «великий первый день свободного труда», как он сам выразился в стихотворении, написанном после чтения манифеста об упразднении крепостного права. Когда в 1865 г. в известной газете «Весть» была помещена статья, в которой проводился, под предлогом упорядочения нашего государственного устройства, проект дарования дворянству таких особых преимуществ, которые, в сущности, были бы восстановлением крепостного права, только в другой форме, — князь Одоевский написал горячий протест. В нем от имени многих его подписавших говорил, что задача дворянства состоит в следующем: 1) приложить все силы ума и души к устранению остальных последствий крепостного состояния, ныне с Божией помощью уничтоженного, но бывшего постоянным источником бедствий для России и позором для всего ее дворянства; 2) принять добросовестное и ревностное участие в деятельности новых земских учреждений и нового судопроизводства и в деятельности этой почерпать ту опытность и знание дел земских и судебных, без которых всякое учреждение осталось бы бесплодным, за недостатком исполнителей; 3) не поставлять себе целью себялюбивое охранение одних

своих сословных интересов, не искать розни с другими сословиями перед судом и законом, но дружно и совокупно со всеми верноподданными трудиться для славы Государя и пользы всего отечества и 4) пользуясь высшим образованием и большим достатком, употреблять имеющиеся средства для распространения полезных знаний во всех слоях народа, с целью усвоить ему успехи наук и искусств, насколько это возможно для дворянства».

Протест этот возбудил в некоторых кругах Москвы ожесточенное негодование против Одоевского: его обвиняли в измене своему имени, в предательстве дворянских интересов, в содействии прекращению «Вести». В заключительных строках письма, опубликованного А. П. Пятковским, князь Одоевский, с негодованием опровергнув эти обвинения, говорит: «Мои убеждения — не со вчерашнего дня; с ранних лет я выражал их всеми доступными для меня способами: пером — насколько то позволялось тогда в печати, а равно и в правительственных сношениях, изустной речью не только в частных беседах, но и в официальных комитетах, — везде и всегда я утверждал необходимость уничтожения крепостничества и указывал на гибельное влияние олигархии в России; более 30 лет моей публичной жизни доставили мне лишь новые аргументы в подкрепление моих убеждений. Учившись смолоду логике и постарев, я не считаю нужным изменять моих убеждений в угоду какой бы то ни было партии. Никогда я не ходил ни под чьей вывеской, никому не навязывал моих мнений, но зато выговаривал их всегда во всеуслышание весьма определительно и речисто, а теперь уже поздно мне переучиваться. Звание русского дворянина, моя долгая, честная, чернорабочая жизнь, не запятнанная ни происками, ни интригами, ни даже честолюбивыми замыслами, наконец, если угодно, и мое историческое имя — не только дают мне право, но налагают на меня обязанность не оставаться в робком безмолвии, которое могло бы быть принято за знак согласия, в деле, которое я считаю высшим человеческим началом и которое ежедневно применяю на практике в моей судейской должности, а именно: безусловное равенство перед судом и законом, без различия звания и состояний!». С чрезвычайным вниманием следил Одоевский за начатой в 1866 году тюремной реформой и за введением работ в местах заключения, еще в «Русских ночах» указав на вредную сторону исправительно-карательных систем, основанных на безусловном уединении и молчании.

Обновленный суд нашел в нем горячего поборника. «Суд присяжных, — писал он, — не тем хорош, что судит справедливее и независимее судей чиновников. Очень может статься, что умный чиновник рассудит дело толковее и решит справедливее, нежели

присяжный неюрист... Суд присяжных важен тем, что наводит на осуществление идеи правосудия таких людей, которые и не подозревали необходимости такого осуществления; он воспитывает совесть. Все, что есть прекрасного и высокого в английских законах, судах, полиции, нравах — все это выработалось судом присяжных, то есть возможностью для каждого быть когда-нибудь бесконтрольным судией своего ближнего, но судьей во всеуслышание, под критикой общественного мнения. Никогда общественная правдивость не выработается там, где судья — чиновник, могущий ожидать за решение награды или наказания от министерской канцелярии»[21]. Смущенный слухами о возможности под влиянием признаков политического брожения изменения коренных начал, вложенных в преобразования Александра II, князь Одоевский незадолго до своей смерти решил начать историческое исследование «о России во второй половине XIX века» и в то же время составил всеподданнейшую записку для Государя, в которой, указывая вредное влияние на нравственное развитие молодежи того, что ей пришлось видеть и слышать в частной и общественной жизни в дореформенное время, при господстве крепостного права и бессудия, умолял о сохранении и укреплении начал, положенных в основу реформ. Записка была представлена Государю уже после кончины Одоевского, и Александр II написал на ней: «Прошу благодарить от меня вдову за сообщение письма мужа, которого я душевно любил и уважал».

Одоевскому принадлежит почин в устройстве детских приютов. По его мысли основана в Петербурге больница для приходящих, получившая впоследствии наименование Максимилиановской; он же был учредителем Елисаветинской детской больницы в Петербурге. В осуществлении задуманных им способов придти на помощь страждущим и «малым сим» Одоевский встречал поддержку со стороны великой княгини Елены Павловны, к тесному кружку которой он принадлежал. Главная его работа и заслуга в этом отношении состояла в образовании в 1846 году «Общества посещения бедных» в Петербурге. Широкая и разумно поставленная задача этого общества, организация его деятельности на живых, практических началах, обширный круг его членов, привлеченных Одоевским — сразу выдвинули это общество из ряда других благотворительных учреждений и создали ему небывалую популярность среди всех слоев населения столицы. Посещение бедных, обязательное для каждого члена общества не менее раза в месяц, три женские рукодельни, детский «ночлег» и школа при нем, общие квартиры для престарелых женщин, семейные квартиры для неимущих, лечебница для прихо-

21 «Русский Архив», 1874, № 7.

дящих, дешевый магазин предметов потребления, своевременная, разумная личная помощь деньгами и вещами — таковы средства, которыми действовало общество, помогая, в разгар своей деятельности, не менее как 15 тысячам бедных семейств. Благодаря неутомимой и энергической деятельности своего председателя Одоевского, совершенно отказавшегося на все время существования общества от всяких литературных занятий, средства общества росли и дошли до 60 тысяч рублей ежегодного дохода. Одоевский отдавал все свое время и все свои силы этому обществу, умеряя кротостью и добротою все неизбежные и иногда очень острые столкновения в распорядительном собрании общества и заботясь, прежде всего, о том, чтобы в его деятельность не закрались бюрократическая рутина и формальное отношение к делу. Необычная деятельность общества, приходившего в непосредственные сношения с массой бедных, стала, однако, под влиянием событий 1848 года возбуждать подозрения. И оно было присоединено к Императорскому человеколюбивому обществу, что значительно стеснило его действия, лишив их свободы от канцелярской переписки, а отчеты общества, составлявшиеся самим Одоевским, — необходимой и своевременной гласности, поддерживавшей интерес и сочувствие к обществу. Кончина в 1852 году почетного попечителя общества, герцога Максимилиана Лейхтенбергского, нанесла новый удар обществу, а последовавшее затем воспрещение военным участвовать в нем лишило его множества деятельных членов. Мало-помалу общество стало распадаться и, несмотря на усилия Одоевского спасти свое любимое детище от гибели, должно было в 1855 году прекратить свои действия, обеспечив по возможности своих дряхлых пенсионеров и воспитанников. Новый почетный попечитель, великий князь Константин Николаевич, желая почтить «самоотверженную деятельность Одоевского», вступил в переписку об исходатайствовании ему видной награды. Но вовремя узнавший о том Одоевский отклонил ее письмом, исполненным достоинства. В нем, между прочим, говорил: «Я не могу избавить себя от мысли, что, при особой мне награде, в моем лице будет соблазнительный пример человека, который принялся за дело под видом бескорыстия и сродного всякому христианину милосердия, а потом, тем или другим путем, все-таки достиг награды... Быть таким примером противно тем правилам, которых я держался в течение всей моей жизни; дозвольте мне, Ваше Императорское Высочество, вступив на шестой десяток, не изменять им...». Отдал, подобно своему другу Заблоцкому-Десятовскому, Одоевский свою долю участия и городским делам, исполняя обязанности гласного общей думы в Петербурге и живо интересуясь ходом городского хозяйства. Когда дума,

снабжая домовладельцев обывательскими грамотами, получила такую обратно от одного из них, с надменным заявлением, что, происходя из старинного московского дворянского рода и «не причисляя себя к среднему роду людей» он не считает возможным принять присланный думой документ, Одоевский — прямой потомок первого варяжского князя — немедленно обратился в думу с письменной просьбой о выдаче ему обывательской грамоты. Последние годы его в Москве протекли среди внимательных и усидчивых занятий новым для него делом. Он изучал с крайней тщательностью и добросовестным терпением запутанные гражданские дела, восходившие на разрешение 8-го департамента сената, производя лично сложные вычисления по спорам об убытках, о подтопах и т. п. У него собирались старые друзья — Погодин, Соболевский, Кошелев; часто бывал Н. А. Милютин. Человек небольшого роста, с проницательными и добрыми глазами на бледном, продолговатом лице, с тихим голосом и приветливыми манерами, часто одетый в оригинальный широкий бархатный костюм и черную шапочку, вооруженный старомодными очками, Одоевский принимал своих посетителей в кабинете, заставленном музыкальными и физическими инструментами, ретортами, химическими приборами («у нашего немца на все свой струмент есть», говаривал он с улыбкой), книгами в старинных переплетах. Средства у него были очень скромные, да и теми он делился щедрой рукой с кем только мог. Женатый на сестре С. С. Ланского, заботившейся о нем с материнской нежностью, он не оставил ни детей, ни какого-либо состояния. За три года до смерти старческой рукой снова взялся он за перо, чтобы в горячих строках статьи: «Недовольно!», полных непоколебимой веры в науку и нравственное развитие человечества и широкого взгляда на задачи поэзии, ответить на проникнутое скорбным унынием «Довольно» Тургенева.

Ю.Ф. Самарин принимал деятельное участие в реформах, проведенных Н. А. Милютиным в 1864 году в Царстве Польском. Это был, впрочем, мимолетный эпизод в жизни Самарина, которая со времени великих реформ главным образом была посвящена деятельности общественной. Вот как оценивали его личность и деятельность еще в конце позапрошлого века: «Первые три года по освобождении крестьян Самарин был членом губернского присутствия по крестьянским делам в Самаре. С введением земского и городского самоуправления труды Самарина разделились между народными школами, которыми он усердно занимался у себя в деревне, и занятиями по земским и городским делам в Москве. Не будучи реформатором, который желал бы подчинить течение жизни какому-либо отвлеченному принципу, Самарин был «человеком реформы», то есть

горячим защитником того, что приобретено русским обществом с 1861 года. Требуя для России самобытного развития, он боялся ломки народного быта, преждевременного искажения его коренных начал, но в то же время всеми силами защищал те нововведения, которые вносили свет в русское общество, хотя бы основная их мысль и была заимствована из-за границы. «Неисправимый славянофил» (по его собственным словам), Самарин высоко ценил западную цивилизацию. В земском самоуправлении, в зачатках свободного печатного слова, в новом суде он видел условия, способные поднять наш народный дух, сообщить нашей государственной и общественной жизни более национальный характер. Вот почему он восставал против наших «охранителей», поставивших себе целью запугать правительство и подвигнуть его на ломку всего, созданного в эпоху великих реформ. С уничтожающею иронией осмеял он этих «охранителей» в своем ответе (изданном за границей в 1875 году) генералу Фадееву, автору книги «Чем нам быть», доказывая, что мнимое «охранение» желает идти путем чисто революционной ломки во имя отвлеченного принципа. Этот ответ является одним из замечательнейших полемических сочинений в русской литературе. С еще большим блеском полемический талант Самарина сказался в письмах о иезуитах, появившихся в 1865 году сначала в «Дне», потом отдельной книгой и выдержавших два издания («Иезуиты и их отношения к России, 2 изд., СПб., 1868). По глубине анализа и силе негодующего чувства письма Самарина могут быть сравниваемы с «Провинциальными письмами» Паскаля. С. разбирает систему авторитетного иезуита-казуиста Бузенбаума, сравнительно умеренного в своих выводах, и на частных правилах иезуитской нравственности выясняет всю ее безнравственность. Вызван был этот трактат Самарина письмом русского иезуита Мартынова, который по поводу приезда в Петербург иезуита-проповедника выступил с защитою своего ордена и вызывал на полемику. Когда перчатку поднял Самарин, иезуиты предпочли воздержаться от дальнейшей полемики. По словам К. Д. Кавелина, «ни огромные знания, ни замечательный ум, ни заслуги, ни великий писательский талант не выдвинули бы так вперед замечательную личность Самарина, если бы к ним не присоединились два несравненных и у нас, к сожалению, очень редких качества: непреклонное убеждение и цельный нравственный характер, не допускавший никаких сделок с совестью, чего бы это ни стоило и чем бы это ни грозило». Чуждый властолюбия и честолюбия, Самарин отличался широкою терпимостью к чужим мнениям: чувства дружбы соединяли этого бойца славянофильской идеи с К. Д. Кавелиным, ветераном западничества, с которым он расходился и по вопросам чисто теоре-

тическим (возражения Самарина на «Задачи психологии» Кавелина). Возвышенным характером Самарина объясняется и громадный авторитет, каким он пользовался во всех слоях общества, что особенно ярко сказалось в начале 1870-х годов, при обсуждении в земских собраниях податной реформы: земства многих губерний обращались по этому вопросу за советами к Самарину. В качестве председателя комиссии, избранной московским земством для обсуждения податного вопроса, Самарин составил подробный, тщательно разработанный проект податной реформы в смысле уравнения всех сословий. В связи с этой работой Самарина стоит его статья о финансовых реформах в Пруссии в начале XIX в.

Вокруг «Русской беседы» группировалось и новое поколение славянофилов, из которых наиболее заметными были И.С. Аксаков, князь Черкасский и Ф.В. Чижов, начавший издание другого славянофильского журнала «Вестник промышленности» (о нем см. ниже). В конце рассматриваемого периода развернулась деятельность и самого видного представителя поколения «неославянофилов» С.Ф. Шарапова.

На долю И. Аксакова выпала труднейшая задача – привести учение «старших славянофилов» (которые не дожили до отмены крепостного права) в соответствие с новыми общественно-политическими условиями, возникшими в пореформенной России.

В отличие от большинства образованных людей того времени, которые видели в отмене крепостного права главным образом изменение отношений собственности на землю, И. Аксаков понимал, что речь идет о коренном изменении всех судеб России. «Только теперь начинает вполне сказываться наша социальная революция помещичьему и всему общественному быту, – писал он А. Кошелеву. – С уничтожением крепостного права разрушается не только быт помещичий, но и все здание нашего общества».

В 1840–1850-е годы И. Аксаков стоял особняком в кружке славянофилов. Он считал, что его старшие товарищи оторваны от действительности, идеализируют допетровскую Русь, в которой царило пренебрежение развитием личности, а это было помехой естественному развитию народной жизни. Надо говорить не только о замечательных русских началах, но и о великорусской мерзости.

Не открещивался И. Аксаков и от культурных и технических достижений Запада: «И мы сами, поборники народности, не знаем других орудий для исцеления зла, кроме указываемых европейской цивилизацией: железные дороги, изменение крепостного права, журналы, газеты, гласность». Это очень огорчало его старшего брата Константина и впоследствии смущало редактора «Русской беседы»

А.И. Кошелева. Однако после отмены крепостного права, предвидя опасность крушения государства из-за классовых противоречий, которые могут стать антагонистическими, И. Аксаков ищет учение, которое могло бы работать на примирение классов российского общества и находит его в работах отцов славянофильства, осмысленных с позиций новой эпохи. Ему приходится заново рассмотреть идеи своих предшественников.

Если основатели славянофильства И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, К.С. Аксаков заложили философскую и культурную основу славянофильства, то И.С. Аксаков может считаться создателем его политической теории.

К.С. Аксаков построил свою общественную теорию на взаимодействии «Земли» («Народа») и «Государства». Для условий, сложившихся в России после 1861 года, этих двух категорий было уже недостаточно. И.С. Аксаков ввел в построения своего старшего брата третий элемент – «Общество», под которым понимал мыслящую часть народа.

По мнению И. Аксакова, Русское самодержавие – «не немецкий абсолютизм и не азиатский деспотизм». Однако русское образованное общество плохо понимает свою собственную страну, ее историю и принципы политического устройства. В умах господствуют «подобия» того, что видели на Западе. Поэтому общину отождествляют с коммуной, дворянство – с аристократией, артель – с ассоциацией и пр., и эти уподобления только сбивают с толку.

Российский политический строй – монархия: «Лучше власть человека, чем бездушного парламентского большинства». Но государство должно обеспечить своим гражданам личные свободы, в том числе свободу слова. И. Аксаков особенно подчеркивает: «Свобода слова не относится к политическим свободам, бессловесны только скоты. Посягательство на жизненный разум и слово в человеке – значит не только совершать святотатство в отношении Божественных даров, но и посягать на божественную сторону человека, на самый Дух Божий, пребывающий в человеке, на то, чем человек – человек и без чего человек – не человек».

И. Аксакова называли идеальным воплощением человека 40-х годов. Это был идеалист, самоотверженно работавший, понимавший службу как служение народу и государству. По собственной инициативе он выбрал службу в провинции, где он нашел и то, что вызывало уверенность в великом будущем России, и то, что порождало ужас. И хотя к концу 1840-х годов И. Аксаков прочно встал на позиции славянофильства, он все же, в силу более глубокого знания народной жизни, в том числе и ее изнанки, по-прежнему не разделял

преклонения «старших славянофилов» перед идеализированным народом и более терпимо относился к Западу.

Когда началась Крымская война, «старшие славянофилы», как и большинство русских людей, были уверены в победе России. В отличие от них И.Аксаков понимал, что Россия технически отстала от наиболее экономически развитых стран Запада, не верил в успех защиты Севастополя. Но, как патриот, он вступил в ополчение. Однако его часть была оставлена в тылу.

Когда славянофилы начали издавать журнал «Русская беседа», И. Аксаков принял самое активное участие в деятельности журнала, хотя считал, что он, с одной стороны, слишком серьезен (или скучен) для российской читающей публики и мало связан со «злобой дня», а с другой – чересчур ограничен в своей тематике, так как не имеет ни политического, ни экономического отделов. В августе 1858 года он стал редактором журнала (поскольку прежний редактор А. Кошелев счел более важным для себя издавать новый журнал «Сельское благоустройство», почти целиком посвященный подготовке крестьянской реформы) и добился некоторых успехов: тираж журнала вырос, тематика была расширена. Отбор публикуемых статей стал более строгим, архаические материалы в нем уже не публиковались. Но сам И. Аксаков не был удовлетворен этими итогами, он, более чутко улавливавший требования времени, считал, что славянофилы должны иметь не журнал, выходящий раз в три (потом – в два) месяца, а хотя бы еженедельную газету, да и по своему складу он был скорее журналистом, газетчиком, чем кабинетным теоретиком. И в этом отношении он не находил понимания у других славянофилов. Так, Ю. Самарин утверждал, что газета кружку не нужна, она будет только отвлекать силы от журнала.

У И. Аксакова уже был опыт журналистской деятельности. Его старший брат К. Аксаков с апреля 1857 года издавал газету «Молва». Увлеченный другими планами, К. Аксаков намеревался передать ее редактирование И. Аксакову. Опыт оказался неудачным: цензура запретила половину материалов, намеченных новым редактором к помещению в первом же номере, и от издания этой газеты ему пришлось отказаться.

Но к этому времени у И. Аксакова уже сложились тесные связи с ведущими деятелями делового мира Москвы. Рассчитывая на их поддержку, в 1959 году И. Аксаков получил разрешение на издание еженедельной газеты «Парус», в первом же номере которой он заявил свою программу, и суть ее можно было выразить ключевой фразой: «Наше знамя – РУССКАЯ НАРОДНОСТЬ». Однако вышли только два номера газеты, после чего она за критику внешней политики пра-

вительства была запрещена. Пришлось И. Аксакову отказаться и от издания «Русской беседы», которую, как писал А. Хомяков, «подрезало» равнодушие публики.

Как и все славянофилы, И. Аксаков был противником крепостного права. Но он хотел видеть в крестьянской реформе «одну из громаднейших социальных революций всего мира, которая восстановила бы целостность народного организма». Поэтому Манифест об освобождении крестьян И. Аксакова не удовлетворил, и он назвал его «дурацким», хотя и понимал, что более радикальное решение земельного вопроса привело бы к разорению всего дворянского сословия. Положительное значение этого акта он видел в том, что было положено начало разрушению отживших общественных отношений, но предлагаемые способы созидания новой жизни народа заимствовались из-за рубежа, а не из концепции славянофилов. Не желая сопротивления крестьян, И. Аксаков в то же время выступал против крепостников, тянувших страну назад.

И. Аксаков принял активное участие в последовавших других реформах, особенно в работе земства, в котором, по его мнению, должны были сочетаться порядки общины и условия для развития личности, что обеспечило бы гармонизацию общественных отношений. Им была сформулирована идея нового вида общественного служения российского дворянства, понятая на основании анализа развития России после реформ Петра I.

По его мнению, реформы Петра I были вызваны исторической необходимостью. Но взбудораженная, перековерканная, взбаламученная Петром, Россия пришла после него, при его преемниках, в истинно хаотическое состояние, из которого несколько вывела ее Екатерина II. Она упорядочила и облагообразила хаос, умерила жестокость правительственной опеки, но зато водворила в России начало сословное в смысле иностранном, одновременно с некоторой децентрализацией. Все эти преобразования проводились при народном бесправии и на подкладке крепостного права. В итоге пришли не к самоуправлению, а к самоуправству в безгласной стране. Александр I учредил министерства, взяв за образец французскую систему управления.

Сущность петровского переворота – в том, что земский тип государства был заменен полицейским, союз Земли и Государства сменился игом. Ликвидировать это иго можно, сознательно отрекаясь от иностранного пути, в противном случае, «двигаясь по пути, который открылся при Александре II, Россия придет к господству западноевропейского либерализма».

Опора русского самодержавия – земская Россия, а Петр I возродил опричнину. С отменой крепостного права уничтожена (де-

факто) искусственная, екатерининская, дворянская корпорация, которою обособился от народа самый просвещенный его класс.

В Европейской России 68 миллионов человек сельского населения и только 8 миллионов городского. У нас село преобладает над городом, а потому селом по преимуществу и должен определяться наш государственный строй, отличный от западноевропейского.

Русская земля – достояние всего народа. Земельный вопрос – вопрос общенародный. В России крестьянское дело – это также и дворянское дело.

Русские дворяне – служилый класс, он получал землю и крестьян за службу, а не по наследству, не по праву рождения, как западноевропейские аристократы. Теперь у дворян привилегий не будет. И И. Аксаков уже в 1862 году призывает «к самоуничтожению дворянства как сословия». Пусть дворяне идут в земские учреждения в качестве технических их руководителей, становятся просветителями народа, противостоят давлению Государства на органы местного самоуправления.

Он выступает также против преобладания в земстве крупных земельных собственников, за то, чтобы это новое учреждение приобрело общенародный характер. И. Аксаков – противник имущественного ценза при выборах в земство: «Почему меньшинство «имущих» имеет право решать участь громадного большинства «неимущих?», – спрашивал он. А А. Кошелев, например, полагал, что ценз необходим, без него дворянство перестанет существовать.

Аксаков остается защитником крестьянской общины, тогда как петербургские правящие круги стремятся ее разрушить или хотя бы поставить под полный административный контроль: она им представляется чем-то вроде зародыша социализма.

Аксаков пишет о чудовищности современных притязаний правительствующего Петербурга, который пытается навязать народу французский гражданский кодекс. Для столичных чиновников русские начала – признак «неразвитости». Но кроме Петербурга есть еще и Россия. Он показывает противоположность бытовой (крестьянской) и юридической точек зрения.

Действительное развитие событий приносит Аксакову много разочарования. Земские учреждения превращаются в часть государственной машины, это совсем не те земство, какое было в допетровской Руси. Не таким его хотели бы видеть и славянофилы.

И все же первые шаги нового Царя внушили ему надежду на цензурные послабления, и он в 1859 году добивается разрешения на издание еженедельной газеты «Парус». В программе новой газеты прямо говорилось: «Наше знамя – РУССКАЯ НАРОДНОСТЬ». Одна-

ко гнев цензуры вызвала статья М. Погодина, критикующая русских дипломатов за то, что они служат не России, а Европе, и «Парус» был закрыт после выхода двух номеров.

В 1861 году И. Аксаков начал издавать еженедельную газету «День». В первом же ее номере он заявлял: «Знамя нашей газеты есть знамя «Русской Беседы», знамя Русской народности, понятой и определенной Киреевским, Константином Аксаковым и всей так называемой славянофильской школой».

Ему приходилось самому писать статьи на самые разные темы, в том числе и экономические, особенно часто о финансах. Помещал он и статьи С.Ф. Шарапова, резко критиковавшего экономическую политику правительства. В качестве приложения к «Дню» выходила и редактировавшаяся Ф.В. Чижовым газета «Акционер», прежде выходившая при «Вестнике промышленности».

В 1860-е годы крупнейшие российские газеты превращались в предприятия капиталистического типа. В погоне за прибылью их издатели стремились к возможно большим тиражам, для этого газету нужно было делать интересной для широкого круга читателей, помещать в ней материалы развлекательного характера. А газеты И. Аксакова были серьезными изданиями, к тому же в них большое место занимала славянская тематика, которая тогда мало занимала русскую публику. Издавал газеты он на свои скудные средства, поэтому не мог платить своим авторам таких гонораров, какими привлекали сотрудников издания, располагавшие большими капиталами. К тому же частые запрещения и приостановки цензурой его газет (происходившие как из-за несогласия цензоров с помещаемыми материалами, так и из-за слишком резкого подчас тона статей редактора) приносили ему большие денежные убытки. Когда в конце 1865 года И. Аксаков прекратил издания «Дня», он оказался в больших долгах. Он даже просил Чижова устроить его директором в какую-нибудь железнодорожную компанию.

В этот период у И. Аксакова возникли существенные разногласия с другими славянофилами. А. Кошелев, Ю. Самарин и В. Черкасский еще продолжали считать самодержавие социальной силой, которая может возглавить движение страны по пути преобразований, а также защитить Россию от влияния западных идей. А И. Аксаков говорил, что существующее «немецкое» самодержавие не имеет ничего общего с идеалами славянофильства и не способно к созиданию, а правительственный аппарат проводит политику, враждебную интересам России.

Однако уже начинали давать о себе знать революционные демократы и народники, идеи которых Аксаков считал разрушитель-

ными. В этих условиях он пересмотрел отношение к самодержавию, считая его меньшим злом. «Русский политический идеал» уже представляется ему как местное земское самоуправление с самодержавным Царем во главе. «День» оказался в изоляции от всех.

Но И. Аксаков не оставил журналистики. У него уже был авторитет крупного публициста, а в Москве большой вес приобрело крупное купечество. Купцы и промышленники нуждались в печатном органе, который защищал бы их интересы. Инициаторами новой газеты были Чижов и Бабст, которые от имени группы крупных предпринимателей предложили И. Аксакову стать редактором ежедневной газеты «Москва». Издание было вполне обеспечено финансами, и редактору предлагалось весьма приличное жалование.

Чижов специально просил Аксакова, чтобы новая газета носила положительный характер, а не увлекалась критикой. Но это не повлияло на ее редактора, и он превратил газету, издающуюся на средства купцов, в свой личный орган. Здесь особенно ярко проявились экономические взгляды И.Аксакова, о которых речь пойдет ниже.

От самого Аксакова издание «Москвы» требовало огромных усилий. Ему пришлось осваивать капиталистические методы ведения дела и переходить на «фабричное производство чувств и мыслей». Газета превращалась в механизм, а редактор «обращался в механика» – писать не менее четырех передовиц в неделю.

За резкие выступления И. Аксакова издание «Москвы» трижды приостанавливалось цензурой. Аксаков в эти перерывы выступал в газете «Москвич». В 1868 году «Москва» была закрыта «за вредное направление».

Многие статьи Аксаков посвятил роли «материальных сил» в жизни нации. При этом он не только теоретизировал. В 1869 году он стал одним из основателей Московского купеческого общества взаимного кредита, а уже в 1874 году возглавил его. Честность и безупречная деловая репутация Аксакова вместе с его организаторскими способностями привели к процветанию этого банка. Аксаков стал также обладателем солидного пакета акций ряда железнодорожных компаний. В своем имении выгодно сдавал крестьянам в аренду богатые заливные луга.

Аксаков ясно понимал необходимость развития промышленности и писал, что «фабричное производство и торговля внутренняя растут исполински, и поколения через два Россия будет иная».

Во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов Аксаков направлял деятельность славянских комитетов, направленную на оказание всесторонней помощи балканским славянам. За свою речь в Московском славянском комитете 22 июня 1878 года, в которой он

подверг острой критике российскую дипломатию, «проигравшую мир» после победоносной войны с Турцией, Аксаков был выслан из Москвы. Некоторое время ему пришлось прожить в имении жены в селе Варварино Владимирской губернии.

Осенью 1880 года И. Аксаков стал издавать газету «Русь», выходившую два раза в месяц.

Когда-то И. Аксаков, как и А. Кошелев, увлекался идеями христианского социализма. «Почему, собственно, социализм стал на почву антирелигиозную и материалистическую?» – спрашивал он, ведь он совместим с христианством, о чем свидетельствуют первохристианские общины и религиозные братства. Но в связи с участившимися актами народнического террора, один из которых привел к гибели Царя-Освободителя Александра II, Аксаков становится ярым врагом социализма и вступает в борьбу за молодежь, стремясь отвратить ее от революции. В статье «Христианство и социальный прогресс» он разбирает революционные лозунги «свободы, равенства и братства» и показывает, что их корни лежат в учении Христа, но в атеистическом прочтении они приобретают античеловеческий характер.

Основываясь на словах Господа о вере как закваске, И. Аксаков пишет, что Новый Завет – это «дрожжи, на которых Христос заквасил всю дальнейшую судьбу человечества». Любовь и нравственное совершенство, уподобление Богу останутся вечным, хотя и в полной мере и недостижимым идеалом, и смысл жизни заключается именно в процессе «достигания» этого идеала. «Любовь к человечеству», «гуманность», которыми идеологи революции завлекают молодежь, вовсе не равнозначны христианской «любви к ближнему», которая неразрывно связана с любовью к Богу. Отрицание Бога превращает человека в животное. Свобода без Бога, без любви к ближнему вырождается в разнузданность; равенство – в протест против природы, которая не производит ничего одинакового, в нивелировку до скотства; братство немыслимо без сыновства (люди – братья потому, что они – дети одного Отца Небесного) и невозможно при отрицании семьи. И общий вывод статьи таков: «Прогресс, отрицающий Бога и Христа, в конце концов становится регрессом; цивилизация завершается одичанием; свобода – деспотизмом и рабством. Совлекши с себя образ Божий, человек неминуемо совлечет – уже совлекает с себя и образ человеческий, и возревнует об образе зверином».

Особенно яро И. Аксаков, сам в молодости отдавший дань критике «казенного Православия», предостерегает молодежь от этой ошибки и от увлечения материализмом. Он критикует материалистическое учение Бюхнера, считая, что оно заводит молодежь в духовное рабство.

В. А. Черкасский — князь, известный государственный деятель. Родился он в 1824 году в Чернском уезде Тульской губернии; 16-ти лет поступил на юридический факультет Московского университета; ревностно занимался юридическими науками, главным образом, историей русского права. Уже в студенческие годы сказался в нем интерес к крестьянскому вопросу: в 1844 году он получил от университета серебряную медаль за сочинение на тему: «Очерк истории сельского сословия в России». Изложив историю политического развития русской волости, Черкасский указывает на единственный нормальный выход из крепостного состояния — «общинный политический быт волости, основанный на твердой поземельной собственности». По окончании курса он готовил себя к ученой деятельности, собирал материалы для диссертации о «целовальниках», но занятия сельским хозяйством отвлекли его от ученых работ и заставили ближе ознакомиться с положением крестьян. Живя в деревне, Черкасский чутко следил за всеми изменениями во взглядах правительства на крестьянский вопрос и старался возбудить местную инициативу, организуя кружки из помещиков для обсуждения этого вопроса. К этому времени относится один из первых составленных Черкасским проектов освобождения; в нем он отмечает недостатки указа об обязанных крестьянах и осуждает безземельное освобождение крестьян, допуская его, впрочем, для дворовых и мастеровых. В своих имениях Черкасский сделал опыт такого освобождения. Выкупная цена за душу была установлена в 60–100 рублей, с рассрочкой на 2–3 года. Черкасский впоследствии подвергался нареканиям: говорили, что он, заранее предвидя освобождение, постарался отпустить крестьян без земли; но он фактически не мог отчуждать ни одной десятины из имения, так как оно было заложено. В 1847 году, по почину тульского губернатора Н. Н. Муравьева, образовался кружок тульских помещиков для составления проекта освобождения крестьян в их собственных имениях. Черкасский принял деятельнейшее участие в разработке проекта, но все работы и рассуждения в 1848 году были прекращены и неизвестно, был ли даже представлен проект кружка губернатору. До смерти Николая I прекращается всякое движение в крестьянском вопросе; этот период является эпохой затишья для Черкасского. В 1850 году он женился на княжне Васильчиковой и начал жить по зимам в Москве. В эти годы Черкасский сближается со славянофилами; славянофильские взгляды, не чуждые Черкасскому и в студенческие годы, теперь оказывают решительное влияние на склад его мировоззрения. Совершенно чуждый религиозным основам славянофильской теории, Черкасский не может быть всецело причислен к славянофилам: он сходился с ними только в практических вопро-

сах. Крестьянский вопрос был в 1850–1851 годы постоянным предметом обсуждений в славянофильском кружке, и Черкасский принимал в них деятельное участие. Во втором, не пропущенном цензурой томе «Московского Сборника» должна была появиться статья Черкасского: «Юрьев день» — переработка его студенческой работы. Особенно вредной была признана именно эта статья, и Черкасский, подобно другим участникам, подвергся ограничению в правах печатания и полицейскому надзору. Эти ограничения были сняты только в новое царствование.

С основанием «Русской Беседы» Черкасский принял живое участие в ее редакции. Для первой книжки он дал «Обозрение политических событий в Европе за 1855 год»; во второй появились его статьи: «О сочинениях Монталамбера и Токвиля» и «Тройственный союз». В начале 1857 года Черкасский представил правительству свой труд: «О лучших средствах к постепенному исходу из крепостного состояния». По странной случайности, до самого последнего времени Черкасскому приписывался проект другого лица, выставляющий автора в неблагоприятном освещении. Труд, действительно принадлежащий Черкасскому, напечатан в 1901 году и представляет замечательный трактат по крестьянскому вопросу. Интересен, между прочим, следующий вывод: «Правительство отнюдь не должно увлекаться односторонним воззрением на дело и страшиться отпущения на волю двух или трех миллионов жителей без земли, так как крепостной труд, в свое время достаточный, недостаточен для быстро развивающегося общества, и современный ход русской промышленности, не только фабричной, но и земледельческой, настоятельно начинает требовать образования массы свободного труда, способного по зову нужд частных и общественных свободно передвигаться с места на место, как ясно доказала это и настоящая война».

В 1857 году Черкасский уехал за границу; в Риме он был представлен великой княгине Елене Павловне, для которой написал две обширные записки «О главных и существеннейших условиях успеха нового положения». Когда в конце 1857 года крестьянское дело вступило в новый фазис, Черкасский поспешил в Россию. С этого времени возникает энергичная и напряженная деятельность его по разрешению крестьянского вопроса, снискавшая ему всеобщую известность. Началась она в тульском губернском комитете. Стоя во главе меньшинства, защищавшего наделение крестьян землей, Черкасский вынес упорную борьбу со своими консервативными противниками. Своими резкими и язвительными речами он возбудил против себя ретроградное большинство, поставившее даже вопрос об исключении его из числа тульских дворян. В эту пору в «Сельском благоустройстве»

появилась его статья: «Некоторые черты будущего сельского управления», наделавшая много шуму и вызвавшая враждебное отношение к Черкасскому в либеральной печати: Черкасский в будущей сельской общине освобожденных оставлял за дворянином-владельцем право телесного наказания крестьян (до 18 розог). Вообще нужно иметь в виду, что Черкасский во многом оставался верен воззрениям, сложившимся у него на почве административно-помещичьей практики. В своем проекте сельской общины Черкасский предоставляет дворянству преимущественное право местного наблюдения за интересами сельского сословия и местного суда над ним, право опеки и надзора. По окончании работы в губернском комитете Черкасский был вместе с Ю. Ф. Самариным приглашен в качестве члена-эксперта в комиссию для составления положений о крестьянах (1858–1861 годы). Здесь вместе с Самариным и Н. Милютиным он защищал прогрессивное проведение крестьянской реформы. После объявления воли Черкасский уехал из Петербурга и в Веневском уезде занял должность мирового посредника (1861–1863 годы). Когда император Александр II поручил Н. Милютину дело внутреннего устройства Польского края после мятежа, Милютин с Высочайшего разрешения пригласил к себе в помощники как частных, неофициальных лиц Черкасского и Самарина. Результатом их совместных трудов было Положение 19 февраля 1864 года, наделявшее землей польских крестьян. По настоянию Милютина Черкасский вступил на службу и был назначен главным директором правительственной комиссии внутренних дел. В этой должности Черкасский проявил способности искусного администратора: вместе с Милютиным он проводил новую систему отношений правительства к Польше, состоявшую в освобождении крестьянства из-под власти шляхты и в ослаблении политического значения римско-католического духовенства. С удалением Н. Милютина от дел Черкасский не пожелал оставаться в Варшаве и прекратил свою деятельность (в 1866 году). Два года спустя он принял звание московского городского головы. Он был одним из главнейших деятелей при составлении и обсуждении Высочайше дарованного в 1870 году Городового положения. По его инициативе московская дума по случаю объявления самостоятельности действий России на Черном море (ограниченной Парижским трактатом) и введения всеобщей воинской повинности подала всеподданнейший адрес, который министр внутренних дел не нашел возможным представить Государю и о котором министр императорского двора отозвался как о составленном «в неуместной и неприличной форме». В этом адресе было следующее обращение: «Никто не стяжал таких прав на благодарность народа, как вы, государь, и никому не платит народ такой

горячей привязанностью. От вас принял он дар и в вас же самих продолжает он видеть надежнейшего стража усвоенных им вольностей, ставших для него отныне хлебом насущным. От вас одних ожидает он завершения ваших благих начинаний и первее всего — простора мнению и печатному слову, без которого никнет дух народный и нет места искренности и правде в его отношениях к власти; свободы церковной, без которой недействительна и сама проповедь; наконец, свободы верующей совести — этого драгоценнейшего из сокровищ души человеческой. Государь, дела внешние и внутренние связуются неразрывно. Залог успеха в области внешней лежит в той силе народного самосознания и самоуважения, которую вносит государство во все отправления своей жизни. Только неуклонным служением началу народности укрепляется государственный организм, стягиваются с ним его окраины и создается то единство, которое было неизменным историческим заветом ваших и наших предков и постоянным знаменем Москвы от начала ее существования». Вскоре Черкасский сложил с себя звание головы и надолго закрыл себе путь к высшим административным должностям. В бездействии провел он несколько лет; путешествовал по Европе, где завязал знакомства с выдающимися государственными людьми. Русско-турецкая война снова призвала его к деятельности. Он взял на себя обязанности уполномоченного при действующей армии от центрального управления общества Красного Креста. Затем на его долю выпало устройство гражданской части в Болгарии. Черкасский весьма искусно справился с этой задачей: он дал широкий простор самоуправлению сельскому, городскому и земскому. Особенность введенного им гражданского управления — та, что оно не связано с определенной политической формой быта. Деятельность Черкасского в Болгарии еще ждет своей оценки. Переутомленный чрезмерной деятельностью, Черкасский скончался в день подписания Сан-Стефанского трактата, в годовщину освобождения крестьян — 19 февраля 1878 года.

Чижов Федор Васильевич (1811–1877) – писатель, общественный деятель и предприниматель. Один из разработчиков учения славянофилов. Родился в семье дворянина, преподавателя Костромской губернской гимназии. Отец воспитал его как истинного христианина, вложил в него твердые нравственные устои, научил его строго логически мыслить и любить все доброе и прекрасное, обогатил его ум философскими идеями.

Хотя Чижов и принадлежал к дворянству, он из-за ухудшения материального положения семьи прошел в детстве и юности суровую школу нужды и лишений. Тем не менее он окончил Петербургский университет, показав особые способности к математике. Написал

первое русское сочинение о паровых машинах. Одновременно глубоко изучал историю искусства, которую считал «одним из самых прямых путей к истории человечества». Бывал за границей – в Германии, Богемии, Италии, южнославянских странах, во Франции. В Париже, произведшем на него отвратное впечатление, изучал идеи Фурье и Сен-Симона, но они его не удовлетворили в силу чрезмерной приземленности и учета только материальной стороны жизни.

По отзывам современников Чижов отличался аккуратностью, бережливостью до мелочей, чистосердечностью, искренностью, исключительной правдивостью и нелицеприятностью, так что его считали образцом нравственной красоты. Он гнушался малейшей ложью, клеймил позором носителей неправды. Поэтому его любили, уважали – но и боялись.

Впервые Чижов услышал о славянофилах зимой 1842 года в Риме, где встретился с Н.М. Языковым. В 1846 году в Москве он лично познакомился с виднейшими славянофилами и стал глубоко привержен вере в великую спасительную для всего человечества будущность славян. Но, как он считал, для осуществления своей грядущей мессианской роли современное славянство должно очиститься в своей жизни от чужеродных элементов, опутавших и исказивших ее.

Крымскую войну, когда она началась, Чижов рассматривал как войну между Россией и всей Европой за освобождения славянства, что должно стать началом новой эры в развитии человеческой цивилизации. Авангард славянства – Россия, она должна развиваться по гегелевской триаде: «Допетровская Русь – настоящее (с господством западной образованности) – будущий синтез». В критике современного ему царского самодержавия Чижов, сторонник либерализации экономической жизни России, пошел дальше других славянофилов.

Еще в 1846 году на деньги Н. Языкова славянофилы купили журнал «Русский вестник», поручив его редактирование Чижову, но этот опыт не увенчался успехом. В 1847 году Чижов был арестован за несанкционированное посещение южнославянских стран и выслан из столиц на Украину. Арендовав имение в Киевской губернии, он занялся шелководством, которое стало для него свидетельством «мудрости мироустройства». Чижов никогда не преследовал личных интересов, и в шелководстве он увидел возможность быстрого подъема благосостояния населения ряда сельских местностей России. Он написал «Письма о шелководстве».

В 1856 году Александр II разрешил Чижову вернуться в Москву. В этом крупнейшем промышленном и торговом центре страны возникло движение, окрашенное в националистический цвет, нередко новые предприятия основывались по патриотическим сооб-

ражениям. Здесь Чижов свои занятия ради самоусовершенствования сочетает с интенсивной патриотической деятельностью. Сердце его, как русского человека, болело, когда он видел, что хозяевами многих отраслей экономики России являются иностранцы. И его заветной целью становится просвещение народа и содействие всестороннему развитию промышленности и торговли в России. Славянофильский идеал «свободы земской жизни» он распространил на область свободного частного предпринимательства.

Чижов подал анонимную записку на имя Александра II о необходимости реорганизации системы управления промышленностью России. Если бы его предложения были приняты, в стране возникло бы самоуправление в частной промышленности, какого не знали ни Россия, ни Западная Европа. Однако финансовое ведомство с этим не согласилось.

По-иному приняли идеи Чижова богатые заводчики А.П. и Д.П. Шиповы. Они организовали журнал «Вестник промышленности» и приложение к нему – газету «Акционер», редактировать которые поручили Чижову (впоследствии совместно с проф. И.К. Бабстом).

Чижов стремился применить идеи основоположников славянофильства в жизни, прежде всего в области конкретной экономики, и весьма преуспел в этом. Всю свою жизнь он посвятил делу приложения достижений научно-технической мысли к нуждам торгово-промышленного развития России в целях обеспечения ее экономической независимости и величия. Эта сторона деятельности Чижова доказывает несостоятельность широко распространенных в советский период утверждений о реакционном, ретроградном характере славянофильского учения.

В 1864 году Чижов возглавил экономический отдел в газете И.С. Аксакова «День», где выступал за пересмотр разорительного для России таможенного тарифа 1857 года, ослабившего заградительный таможенный барьер. В 1867 году он в газете «Москва» участвует в обсуждении, которое привело к принятию более покровительственного таможенного тарифа. Чижов неизменно выступает за расширение прав земства.

Сам Чижов, наживший крупное состояние, деньгами мало интересовался. «Деньги портят человека, – говорил он, – а потому я отстраняю их от себя». Прожил он жизнь холостяком, на себя тратил лишь самое необходимое, а деньги употреблял на покупку книг и помощь нуждающимся. В частности, он много помогал учреждениям народного образования, лично содержал стипендиатов. Весь свой огромный по тем временам капитал (6 миллионов рублей) Чижов завещал на благотворительные цели (на строительство родильного

дома и устройство в Костромской губернии технического училища). Как образованный православный человек, читал духовную литературу и сам написал житие преподобных Антония и Феодосия Печерских.

Шарапов Сергей Федорович (1855–1911) – легендарная личность, мыслитель, идеи которого возвращаются в общественную жизнь России после почти ста лет забвения. В начале XX века в России мало нашлось бы образованных людей или хотя бы регулярно читающих газеты, которые не знали бы, кто такой Шарапов. И не удивительно: Сергей Федорович писал книги, брошюры, статьи в газетах и журналах, выступал на съездах хозяев и на собраниях ученых, обращался с записками к высшим чиновникам государства и к самому императору, и всегда по самым острым вопросам жизни страны. Зато после Октябрьской революции о нем и о его трудах более восьмидесяти лет, по сути, никто не вспоминал. Впервые после десятилетий замалчиваний он был издан в 2005 году[22].

Шарапов принадлежал к тому поколению, детство и юность которого пришлись на время, когда едва ли не вся Россия переживала чувство позора в связи с поражением в Крымской войне. Кого-то это оттолкнуло от военной службы, а лучшая часть дворянской молодежи, напротив, горела желанием овладеть военными знаниями и, если к тому представится возможность, принять участие в войне против унизивших Россию недругов. Шарапов поступил в военную гимназию, а по окончании ее – в Николаевское инженерное училище. У нас мало знают об этом уникальном учебном заведении, дававшем самое лучшее в Европе общее образование и воспитание. Воспитанники училища получали основательнейшую подготовку по математическим дисциплинам, изучали военное дело, в особенности фортификацию, и иностранные языки, но в то же время проходили обширный курс русской словесности, начиная с древнейших ее памятников. Им давали уроки танцев и верховой езды, их наставляли в правилах этикета. Можно сказать, что выпускники училища были в подлинном смысле слова всесторонне образованными и всесторонне развитыми людьми, что в недавнее время у нас считалось идеальным состоянием человека будущего. Из стен Николаевского училища, находившегося в Михайловском замке, вышли ставший впоследствии епископом Игнатий (Дмитрий Брянчанинов), уже в наши дни причисленный Церковью к лику святых, и знаменитый писатель Федор Михайлович Достоевский.

Не посрамил славы училища и Шарапов. В 1875 году он добровольцем участвовал в народно-освободительной войне в Боснии

22 См. Шарапов С. Ф. После победы славянофилов. Под ред. и с предисл. О. Платонова. М., Алгоритм, 2005.

и Герцеговине против османского гнета, чем, вероятно, удовлетворил, хотя бы отчасти, обуревавшее его чувство реванша за поражение в Крымской войне. По возвращении в Россию занялся сельским хозяйством в своем имении Сосновка в Смоленской губернии, которое было совершенно разорено его опекуном.

То, что он увидел в своем селе и в окрестных поместьях, убедило его: сельское хозяйство России переживает глубокий кризис. Шарапов вскоре убедился в том, что это был не какой-то стихийно возникший кризис, а кризис умышленно созданный ради того, чтобы на костях российского крестьянства и на руинах «дворянских гнезд» могли наживать бешеные деньги земельные и биржевые спекулянты. Земледельцы – крестьяне и помещики – составляли девять десятых населения страны, это – основа всей государственности. И Шарапова удивляло и возмущало то, что правительство палец о палец не ударило для того, чтобы облегчить их положение, напротив, год от года все усиливает возлагаемые на них тяготы.

Одним из соседей Шарапова оказался знаменитый русский химик, публицист и агроном Александр Николаевич Энгельгардт (о нем пойдет речь ниже). Шарапов и Энгельгардт стали друзьями-оппонентами, авторами разных систем организации сельскохозяйственного производства. После смерти Энгельгардта в 1893 году Шарапов написал прекрасную работу, в которой показал роль этого выдающегося деятеля и пламенного патриота России в истории русской науки и общественной мысли.

Очень скоро Шарапов стал известен как публицист. Он начал сотрудничать в газете И.С. Аксакова «Русь», публикуя там серьезные статьи, посвященные судьбам крестьянского хозяйства. В качестве корреспондента газеты «Новое время» выезжал в Сербию и Болгарию. А затем он сам издавал газеты «Русское дело» и «Русский труд», которые из-за содержавшихся в них резких нападок на политику правительства, особенно финансового ведомства, без конца приостанавливались, штрафовались и запрещались.

Экономические взгляды славянофилов в к. 50-х – 60-е годы

Когда освобождение крестьян от крепостной зависимости стало неизбежным, в стране развернулась острая идейная борьба по вопросу о путях и способах решения земельного вопроса.

Революционные демократы (Чернышевский и др.) призывали передать всю землю крестьянам без выкупа. Они, конечно, понимали, что их проекты (если призывы можно назвать проектами) не имеют никаких шансов на осуществление, и придерживались принципа «чем хуже, тем лучше», потому что ухудшение положения крестьян создаст в стране социальную напряженность, без чего невозможна революция. С другой стороны, сторонники фактического сохранения крепостного права, замаскированного под свободу для крестьянина, стояли за «освобождение» без земли или с предоставлением ему минимума земли за выкуп по непомерно дорогой цене. Позиция славянофилов в главном вопросе эпохи была наиболее разумной, а главное – осуществимой без революционных потрясений.

Император Александр II и его правительство не могли пойти на поводу у «революционных демократов», требовавших конфискации всей помещичьей земли и передачи ее крестьянам, то есть мгновенной «ликвидации помещиков, дворянства как класса», ибо это вызвало бы такое потрясение основ государства, масштаб которого невозможно себе представить. Ведь даже революция, которая произошла почти 60 лет спустя, когда устои царского режима были основательно подточены, сопровождалась многолетней кровавой и разрушительной Гражданской войной. А что произошло бы в 1860-е годы?

Тогда речь могла идти только о наделении крестьян землей за выкуп. А из всех проектов такого рода наиболее радикальным был проект именно славянофила А.С. Хомякова, предлагавшего государству выкупить сразу всю землю у помещиков и раздать ее крестьянским общинам, с тем чтобы крестьяне в течение нескольких лет вернули ее стоимость казне. Правительство Александра II не приняло этот вариант реформы. Хомяков писал по этому поводу: «Прекрасный план отброшен: у правительства нет ни денег, чтобы совершить выкуп единовременно будущей крестьянской собственности, ни кредита, чтобы пополнить денежный недостаток».

А.И. Кошелев, основываясь на опыте своего более чем 20-летнего хозяйствования, доказывал, с одной стороны, выгодность применения вольнонаемного труда, а с другой – охранения крестьянской общины. Он был решительным противником развития России по тому же пути, по которому прошла Западная Европа, пришедшая к расколу общества на антагонистические классы – имущую буржуазию и неимущий пролетариат.

Земля – главное богатство; кто ею владеет, тот и хозяин в стране. А потому весьма важно то, как она в обществе распределена. Кошелев решительно выступает против тех, кто проповедует опыт

остзейских баронов, разделивших общество на хозяев (Wirthe) и батраков (Knechte), которые даже не живут в своих домах и не обедают с семьей.

Еще в 1862 г. Кошелев написал брошюру «Что такое дворянство и чем оно должно быть?». Цензура ее запретила. Кошелев напечатал ее в Лейпциге под названием «Какой исход для России из ее нынешнего положения?».

В брошюре отмечалось, что во всех слоях российского общества царит недовольство сложившимся в стране положением. Дворянство утратило владение землей и крепостными людьми, причем это произошло для него неожиданно, и как оно будет жить дальше, на что существовать, какое место займет в жизни страны – неизвестно. Крестьяне получили свободу, но со столь заметным уменьшением земельных наделов, что не смогут обеспечить даже собственный прокорм, не говоря уж об уплате податей. К тому же для них оставлены телесные наказания, и розга стала главным средством их вразумления. Среди них широко распространено убеждение в том, что «Царь хотел нам дать волю, да бары его обманули и нас себе вновь закабалили». Они не верят, что Царь мог оставить их бесприютными сиротами. Недовольны новыми порядками купцы и мещане.

Это не значит, что в стране стало хуже, чем было. Нет, стало лучше, но прежде все было определенно, а теперь везде царит путаница, впрочем, естественная для любого переходного периода.

Далее в брошюре рассматривается состояние крестьянского, дворянского, финансового дела, бюрократии и т.д. Особый интерес представляет следующее место из характеристики состояния экономики России: «(внешняя) торговля наша идет так, что мы постоянно приплачиваем деньги за излишки привоза против вывоза. Мы мало тратим на улучшение путей сообщения, на распространение просвещения и на другие производительные расходы, а между тем наш бюджет представляет всегда дефициты, которые должны покрывать или займами, или новыми выпусками ассигнаций. Мы добываем ежегодно значительное количество серебра и золота, а ни одной звонкой полноценной монеты нет у нас в народном обращении. Отчего все это?».

То, что наш бумажный рубль не подлежал размену на золото, Кошелев считал проявлением государственного банкротства. «Частного человека за это сажают в тюрьму, а бюрократия его совершает и еще требует, чтобы продолжали ей верить… Возвращение рублю его настоящего достоинства есть дело неотложное и необходимое в отношениях нравственном, политическом и экономическом. Как частный человек, так и государство, сперва исполняет свой долг и уже

потом свободно распоряжается своими деньгами… Самый тяжкий заем выгоднее несостоятельности, ибо она подрывает, уничтожает кредит, а в наше время без кредита, как без воздуха, жить нельзя».

Возвращаясь к положению дворянства в России, Кошелев задается вопросом: «Как же нам соединиться с народом?». И приходит к выводу: в России предстоит подвиг всем. Дворяне должны отказаться от своей исключительности, открыть доступ в свой круг лучшим людям всех сословий. Землевладельцам следует образовать свои уездные общества, не землевладельцы станут горожанами.

Прошло 13 лет. Кошелев снова вынужден печатать за границей, в Берлине, свою новую книгу «Наше положение». И опять он характеризует состояние российских финансов, которое за прошедшие годы только ухудшилось. Да, в России быстро строятся железные дороги, открываются банки и биржи, а бедность в народе идет не на убыль, а на прибыль; земледелие не улучшается, а скорее ухудшается; промышленность и торговля скорее разоряются, чем наживают капитал. Возникло множество акционерных обществ, но от этого не получают пользы ни акционеры, которым не платят дивиденды, ни партнеры, убедившиеся в том, что новым предприятиям нельзя доверять. Обеспечена выгода только членам правлений и высшим служащим этих компаний. Ценность нашего рубля не приходит в нормальное положение, налоги увеличиваются, и государственные займы растут постоянно и довольно быстро. И во всем видно какое-то «неможение», служащее признаком надвигающегося страшного кризиса.

Цены на все быстро растут, рабочие все больше пьют, их зарплата растет и уже становится неподъемной для фабрикантов и землевладельцев, но все-таки не покрывает потребностей, возросших по сравнению с временами крепостного права. Сельское хозяйство часто страдает от неурожаев: распахиваются луга и площади, освобожденные от леса, но почвы мало удобряются, эксплуатируются хищнически. Купцы, покупающие имения дворян, стремятся поскорее вернуть затраченный капитал. Помещики живут в городах, оставив имения на управляющих. Земства стеснены в своей деятельности, суды зависимы от власти. Правительство стоит особняком и, видимо, думает лишь о том, как стричь нас, и мы смотрим на него как на нечто чужое.

«Правительство имеет в виду только империю, а не разнообразные части, ее составляющие, и даже империя часто исчезает в кипах бумаг, в водовороте личных выгод и искательств тьмы тем сановников и чиновников. Финансовое управление имеет в виду облагать что под руку попадется и извлекать деньги откуда легче и

спорее, поощряет всякого рода спекуляции и вовсе не заботится о развитии действительных богатств России, на что нужно и больше времени, и более тщательное изучение страны, ее местных обстоятельств и свойств ее жителей. Вообще у нас – и в частном, и в общественном, и в государственном быту преимущественно строится на песчаной поверхности маловедения и легкомыслия, а не на твердом материале знания, труда и заботливости. Промышленность и торговля у нас развиваются, но не так, как бы им следовало развиваться, и как они развивались и развиваются в других странах. Эти две отрасли человеческой деятельности долго были на Руси почти в застое, они остаются, во многих видах, и поныне в таком же положении; но в некоторых частях – по постройке железных дорог, по учреждению банков, промышленных и торговых обществ и пр. – мы быстротою и дерзостью своих предприятий чуть-чуть не перещеголяли Париж и даже Вену. Без гроша в кармане и только с отвагою в душе и голове мы составляем компании, стараемся извлечь из них, что можем, и затем покидаем их на произвол судьбы. Состоятельность и честность в денежных делах у нас почти не существуют и ими мало дорожат. Обанкротиться можно и раз, и два, и десять раз – считается нипочем. Банкрот может продолжать деятельность от имени жены… У нас менее доверяют состоятельности и честности человека, чем его дерзости; громадные прибыли на словах и большие проценты, вперед уплаченные, имеют у нас чарующее действие. Вследствие этого промышленность и торговля развиваются не постепенно, а скачками и часто вопреки здравому смыслу».

В чем же причины такого ненормального положения в нашей экономике? Кошелев подробно разбирает одну из них, видимо, с его точки зрения – главную: «Министерство финансов покровительствует учреждению банков, но мало гарантирует публику (права вкладчиков). Оно меньше думает о сокращении расходов, чем об увеличении доходов… и вообще не хозяйственно распоряжается государственными сборами».

И далее как бы мимоходом Кошелев делает важное открытие. Он установил важнейшую причину отсталости российской системы управления государством и его экономикой: «Наше государственное хозяйство еще сохранило много сходства с прежним нашим помещичьим хозяйством». Недавние крепостники, оставшиеся вблизи верховной власти, смотрели на Россию как на свою вотчину и управляли страной и разными отраслями ее экономики так же, как помещик своими крепостными.

Высшие сановники и чиновники государства были дворяне, они приходили на службу, имея лишь опыт управления своими име-

ниями, и на новом месте вели себя, как хозяева вверенных им участков государственной службы. Кошелев проводит такую аналогию.

Помещики содержали большую дворню, устраивали балы, покупали роскошные туалеты. Не хватало денег – требовали оброк с крестьян вперед. «Но на улучшения по хозяйству, на покупки машин и орудий и пр. у нас никогда не было денег; эти расходы мы всегда откладывали до иных, более благоприятных времен, которые почти никогда не наступали. Таким образом мы сводили кое-как концы с концами и слыли людьми достаточными, даже богатыми. Никто нас не учитывал; ни перед кем мы не были ответственны; одним словом, мы жили спустя рукава полными барами».

И вот как ведется государственное хозяйство: «Чиновникам и сановникам разного рода и звания, как звездам на небе, и числа нет; оклады им, по большей части, хотя и умеренные, однако со включением в счет разных добавочных и чрезвычайных назначений, они становятся и весьма значительными и крайне тяжелыми для народа; прямые налоги, правда, мало и медленно увеличиваются, но зато косвенные сборы растут не по дням, а по часам; при недостатке обыкновенных доходов, наше финансовое управление не затрудняется обложением будущих поколений, то есть заключает займы, несмотря на то, что мы находимся в мире со всем миром, и что мы тратим на улучшение путей сообщения не более того, что и впоследствии будем и должны тратить ежегодно на разные производственные расходы. Одним словом, бережливость и хозяйственность не составляют отличительных свойств нашего финансового управления».

Царь в этом, конечно, не виноват. Намерения Государя прекрасны, но исполнение их, по милости бюрократии, таково, что эти благие предначертания остаются тщетными. Вот как осуществляется распоряжение государственными финансами: «Сметы составляются каждым министерством особо, не в смысле общего государственного хозяйства, а как будто каждое министерство было совершенно отдельною единицею («status in statu», «государство в государстве»). Эти сметы сообщаются в министерство финансов и в государственный контроль, которые пишут на них свои замечания; затем все вносится в департамент государственной экономии, где заняты два моряка, один инженер, один военный и два гражданских сановника, ни один из них никогда не занимался финансовым делом. В завершение всего, общая государственная смета вносится в общее собрание государственного совета, где, в одном или двух заседаниях, все заканчивается и представляется на Высочайшее утверждение. При таком ходе дела, может ли быть настоящее рассмотрение государственной росписи? Внимательного, обстоятельного, собственным интересом

руководимого и с ответственностью сопряженного разбора и обсуждения росписи необходимых расходов и доходов – у нас нет, и при нынешних обстоятельствах, не может и быть. Государственный контроль… превратился в учреждение pro forma».

Такая система управления могла более или менее функционировать в условиях крепостного права, но она оказалась совершенно не соответствующей новым условиям развития России: «В прежние времена заведовать финансами, как и всякой другой частью государственного управления, было нетрудно: дела были несложные, крепостная зависимость сковала всех и все; даже сомнение в ее законности и мысль об ее отмене считались проступками и подвергали ответственности тех, которые их себе позволяли. Под сенью общего молчания и всякого рода злоупотреблений, которыми каждый старался пользоваться сколько мог, дела шли, так сказать, сами собой, оставалось только их не задерживать и не изменять их хода внесением в него каких-либо реформаторских затей. Помещикам, чиновникам и в особенности сановникам житье было привольное; а о крестьянах, мещанах и других подлых людях кто же думал? Тогда в администрации почти никто не предъявлял никаких требований; а если какие-либо просьбы и жалобы подавались, то старались по ним удовлетворить на основании любимого русского правила: «грех пополам».

Теперь обстоятельства совершенно изменились. Дела вообще чрезвычайно усложнились, запутались и приняли совсем иной оборот; финансовые же дела в особенности, как для людей самые близкие и самые чувствительные и по существу своему самые разнообразные, подверглись особенно значительному изменению. Кредит, громадные спекуляции, сближение не только людей, но и народов между собой, вздорожание почти всего, требование уравнительности при обложении податями и пр., – вот предметы, на которое прежде финансовое управление почти не обращало внимания и которые теперь требуют, с их стороны, самого обстоятельного изучения и самой бдительной заботливости. Теперь каждый вопрос должен быть рассматриваем, обсуждаем и решаем не односторонне – в видах пользы казны, а и с соблюдением интересов частных лиц. Теперь люди не расположены молчать и все переносить в виде насланий свыше; но они требуют от правителей не только мудрого распорядка государственными делами, но и такого распорядка, который соответствовал бы желаниям народа. Кто же теперь, не говорю один, но и окруженный сотнями советников и помощников, поставленных, как и он сам, в одностороннее положение распорядителей, не испытующих на себе действия этих распорядков, в состоянии вести общие

финансовые дела с успехом и с обращением надлежащего внимания на потребности страны и ее многочисленных и разнообразных деятелей? Теперь дела вообще так устроились, что нет возможности не только ими руководить, но даже их настоящим образом понимать без помощи и содействия людей, прямо в них заинтересованных. Теперь участие страны в производстве ее общих дел, через избранных ею представителей, стало совершенно настоятельной необходимостью. И недобросовестно поступают те, которые взваливают на себя и на чиновников, ими же назначаемых, ведение общих дел, без содействия самого общества…

При нынешних обстоятельствах, при крайне критическом состоянии частных, общественных и государственных финансовых дел, одностороннее бюрократическое их ведение не соответствует более потребностям нашего времени и нашей страны. С отменою крепостной зависимости людей от их владельцев, неминуемо раскрепощение их и в других отношениях. Содействие всего общества к высвобождению из пучины, в которой мы обретаемся, совершенно необходимо. Тягости, налагаемые теперь на граждан, могут быть переносимы только при собственном убеждении в их неизбежности. Ум и совесть всей интеллигенции страны непременно должны быть вызваны. Гласность действительная, а не официальная и не официозная, которой плохо верят, имеет быть положена в основу ведения нашего государственного хозяйства». Иначе, предупреждает Кошелев, страна провалится в «бездну, на обманчивой поверхности которой мы теперь беззаботно дремлем».

Уже в первом своем печатном органе – в журнале «Русская беседа» (хотя специально экономического отдела в нем не было) появился ряд статей экономического характера и по другим, кроме земельного, вопросам.

Одним из самых важных вопросов развития экономики России в 50–60-е годы стал вопрос о строительстве железных дорог. Сам Николай I относился к этому нововведению настороженно, в его правительстве преобладали противники железных дорог. Министр финансов граф Е.Ф. Канкрин даже доказывал, что от чугунок будет один вред: лишатся заработков извозопромышленники, участятся лесные пожары, усилится бродяжничество и пр. Даже многие военные считали, что непроезжие дороги России – это своего рода линия обороны. Но перевесили военные соображения другого порядка: быстрота перевозок позволит обходиться меньшей численностью армии, при необходимости крупные воинские соединения могут быть переброшены в тот регион, где в них окажется нужда. Поэтому сначала в качестве эксперимента была построена иностранцами Царскосельская

железная дорога, а перед самым началом Крымской войны исключительно силами русских инженеров и строителей сооружена Николаевская дорога, соединившая Петербург и Москву.

В первом номере «Русской Беседы» А.И. Кошелев высказал свои «Соображения касательно устройства железных дорог в России», а в последующих номерах развил их, настаивая на необходимости иметь заранее обдуманную сеть железных дорог с центром в Москве.

Почти все статьи номера носили полемический характер и содержали критику взглядов, господствовавших тогда в российском образованном обществе. Журнал был тепло принят в узком кругу патриотически настроенных образованных людей и сразу же вызвал к себе неприязнь российских западников, которые, даже еще не понимая вполне его позицию, уже почувствовали ее враждебность к иноземному идейному господству в нашей стране. Надо напомнить (а об этом, к сожалению, часто забывают): отличительной чертой западного миросозерцания является убежденность в том, что оно единственно правильное на свете и взгляды, ему не соответствующие, должны быть искоренены.

«Русская Беседа» последовательно выступала с доказательством неэффективности труда крепостных крестьян и преимуществах труда вольнонаемного.

Другим печатным органом славянофилов стал ежемесячный журнал «Вестник промышленности», выходивший в 1858–1860 под редакцией Ф.В. Чижова (а затем также и И.К. Бабста) и посвященный проблемам экономики России накануне крестьянской реформы. В качестве приложения к журналу выходила еженедельная газета «Акционер», содержавшая сведения о последних правительственных документах, касающихся экономики, объявления правлений акционерных обществ, курсах акций и т.п., а также статьи на экономические темы (например, о торговле хлебом в Москве зимой).

Журнал последовательно выступал за проведение реформ, направленных на ускорение промышленного развития России. Его редакция и авторы считали необходимыми ликвидацию крепостного права; отмену феодальных сословных институтов; непосредственное участие представителей торговли и промышленности в управлении экономикой; введение прогрессивного налога; созыв купеческих съездов; покровительство отечественному предпринимательству, в том числе установление протекционистских таможенных тарифов; широкое железнодорожное строительство; создание частных кредитных учреждений; развитие отечественной металлургии и машиностроения; более интенсивное освоение природных богатств стра-

ны; расширение внутреннего рынка за счет освоения национальных окраин; создание широкой сети учебных заведений.

Каждый номер журнала, выходившего с 1858 по 1861 год, открывался обозрением состояния промышленности и торговли в России, а также в Западной Европе и в США. Далее сообщалось о технических новинках и о новых идеях и трудах в области экономики и финансов, помещались очерки о русских самоучках (например, о механике Ползунове) и об отдельных регионах и населенных пунктах России (в частности, о селе Иванове, ставшем одним из крупнейших центров хлопчатобумажной промышленности в России). Чижов печатал в журнале и свои статьи (например, «Каким путем должно идти образование низших слоев общества?»).

Авторы журнала, выступая за быстрое развитие промышленности в России, доказывали необходимость уничтожения крепостного права именно с этих позиций. Они подчеркивали, что «свободный труд – непременное условие каждого промышленного дела», и ратовали за замену подневольного труда крепостных вольнонаемным.

Уже в первом же номере журнала отмечалось, что строительство заводов и фабрик ведется часто совершенно невежественными людьми. У кого завелись деньги, тот и строит фабрику, «но из двадцати заводчиков едва ли хоть один понимает и изучает дело». Обычно строят предприятия потому, что, по слухам, у других дело идет хорошо.

«Вестник» стремился представить все точки зрения на пути развития промышленности и торговли, отвергая лишь те мнения «представителей науки», которые доказывали, «что у нас не место промышленности, мы навеки веков должны оставаться пахарями».

В первое время становления промышленности в России заводчики и фабриканты стремились получить наибольшую прибыль и ради этого жестоко эксплуатировали рабочих, сводя их заработок к минимуму. А славянофилы настаивали на том, что заработная плата рабочего должна не только полностью удовлетворять все его потребности, но и содержать некоторый излишек против этого, чтобы обеспечить развитие рабочего как человека. Без этого у рабочего будет не жизнь, а унылое существование.

Промышленникам, стремящимся к высшим достижениям, нужен высококвалифицированный рабочий. Чижов помещает статью «Каким путем должно идти образование низших сословий общества?», в которой говорил, что сдерживать образование – это преступление перед обществом и Богом. Помещаемые в «Вестнике» очерки об отдельных промышленных центрах (например, очерк «Село Ива-

ново» – о средоточии российской хлопчатобумажной промышленности) показывали беспробудное пьянство, вообще неразумность жизни рабочих, лишенных образования и духовного просвещения.

В журнале впервые в России был поставлен и всесторонне обоснован вопрос о создании у нас частных банков. Главная мысль статей об этом сводилась к тому, что в Англии капитал накапливался постепенно, и там частные банки существуют давно. В США обосновались переселенцы, не имевшие больших средств, а потому получили распространение акционерные банки. В России нет доверия к акционерным обществам, потому что там нет единого хозяина, и случаи банкротства таких обществ нередки, учредители банков, забрав деньги вкладчиков, исчезали в неизвестном направлении. Поэтому к частным банкам доверия будет больше.

Многие статьи даже своим названием говорили о проблемах, нерешенных в России до наших дней, например: «О лесных продуктах, как о богатстве, которым мы не умеем еще пользоваться».

В своей статье «Современные нужды нашего народного хозяйства» (1860, № 7) И.К. Бабст, близкий к славянофилам, рисует довольно мрачную картину расстройства экономического организма России. Отовсюду слышится: не хватает денег, исчезла звонкая монета, в обращении преобладают ассигнации, выпущенные в большом количестве в связи с необходимостью покрывать расходы на армию во время Крымской войны. Капиталы уходят из банков в неведомые и шаткие акционерные общества. Неясны поземельные отношения, нарушена связь между помещиками и крестьянами. Таможенные послабления странам Запада препятствуют росту отечественной экономики. В общем, страна больна, и паллиативами тут ничего не сделать. Ведь ни одна сторона народной жизни не может изменяться изолированно от других ее сторон.

Бабст доказывал, что важнейшая причина бедности России – в нехватке капиталов. «Чего не хватает – денег? Нет, капитала». Для устранения этого дефицита нужно развязать руки предпринимателям и не посягать на частные капиталы. Народное хозяйство нельзя считать только средством для государственных финансов, частное и государственное хозяйства тесно связаны между собой. Бабст осуждал воцарившиеся в предреформенной России страсть к спекуляции, к роскоши и к скорой наживе без труда, акционерную горячку. Новые компании обратили оборотный капитал в основной, следствием чего стал застой. Ввозя из-за границы предметы роскоши, Россия расплачивается за них золотом, а не продукцией своей промышленности (почти отсутствующей еще). Такими способами могут разбогатеть отдельные лица, а народ не разбогатеет никогда.

Бабст стоял за привлечение в Россию иностранного капитала. Он предлагал программу ликвидации экономической безграмотности российских предпринимателей, сам читал публичные лекции по политической экономии.

В рассматриваемой статье Бабст ссылается на изданную в 1857 году свою брошюру «О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала». А в 1860 году вышла его же книга «Мысли о современных нуждах нашего народного хозяйства»[23]. В них Бабст, рассмотрев условия умножения материального благосостояния, капитала вещественного, обратил внимание читателей еще и на другую сторону проблемы: «…Есть еще одна отрасль народного капитала – это капитал нравственный». Этот капитал заключается «в народной честности, в народной предприимчивости и степени трудолюбия, в живом и ревностном участии к общему благу, в привычке не полагаться на внешнюю помощь, не искать себе в силах, лежащих извне, но в самом себе, в привычке к самостоятельности. Не одинаково и не ровно распределены сии высокие качества нравственного достояния народного, этого неоценимого запаса нравственного капитала. Подобно вещественному богатству, проявляющемуся в разных степенях, встречаем мы и нравственный капитал не в одном и том же количестве. Мы найдем многочисленные здесь ступени, начиная от жидовского торгашества и барышничества, врожденного восточным народам, до непоколебимой честности квакеров, известной всему миру, от лени неаполитанского лазарони до трудолюбия английского работника и от совершенной апатии, от совершенного отсутствия потребности к улучшению своего быта земледельческого населения на востоке до неутомимого духа к спекуляции североамериканца. Вглядитесь в весь общественный организм восточных государств, и вы увидите, что там, где дети от своих родителей заимствуют с самых молодых лет презрение к честному труду, презрение к честности и образованию, где все управление основывается на продажности и на подкупе, где господствует полный произвол везде и всюду, где уголовное законодательство существует почти единственно для потачки преступлению, а не для того, чтобы карать его, – там, конечно, не может быть честности, а где нет честности, там не может развиваться и умножаться народное богатство. И действительно, где более бедности и нищеты, как не в самых благословенных странах Азии и Европы, но страдающих от дурного управления? Развитие про-

23 Отрывки из этих двух работ приведены в книге О. Платонова «Экономика русской цивилизации», М., 1995, с. 185 – 186, по которой они здесь цитируются.

мышленности может быть только там, где господствует честность в народе и где развит кредит. Английские векселя принимаются охотнее всего на биржах; богатейшие и известнейшие во всемирной торговле дома, самые зажиточные торговцы встречаются только в тех местах, где существует продажа без запроса, где даже не знают, что значит торговаться. Запрос, барышничанье, страсть торговаться – это явный признак мало развитого народного хозяйства, а вместе с тем и народной честности, потому что здесь каждый думает нажиться скорее и быстрее всякими непозволительными средствами… Оглядимся же беспристрастнее на все наши в течение последних лет затеянные предприятия. Откуда взяты на них средства? Где нашлись капиталы? Бумажные деньги – это не капитал. Не бумажные рубли, не даже серебряные не в состоянии вызвать к жизни необходимых для предприятий средств, не они капитал, а настоящий капитал состоит в средствах для прокормления рабочих, в материалах, и этот-то действительный капитал у на не велик, и далеко не представляется теми вновь созданными и брошенными в народное обращение искусственными капиталами в форме кредитных билетов. В такое критическое время проявляется самым ясным образом все различие между частным и народным богатством. Умножением денег частные лица могут разбогатеть, народ никогда. Отчаянные спекуляции могут обогатить одних, разоряя других; народ от спекуляций никогда не будет в выигрыше. Народ благоденствует и богатеет от действительного производства, от предприятий призрачных никогда».

Вообще-то подобные рассуждения о связи развития экономики с честностью не вполне подтверждаются практикой, тем более в отношении североамериканцев. Америка тогда еще оставалась по преимуществу страной эмигрантов, среди которых было немало авантюристов разного рода, но встречались и самые настоящие люмпены. Не всем был присущ «неутомимый дух спекуляции», и не все квакеры были воплощением честности. Об этом свидетельствовала и американская литература, и воспоминания современников, и пресса, сообщавшая о бесчисленных махинациях разных мошенников. Да и приведенные характеристики целых народов кажутся не совсем справедливыми. И все же работы Бабста в свое время играли положительную роль. Особенно важно то, что он подчеркивал различие реального производства и спекуляций с точки зрения последствий для благосостояния страны и народа.

Именно славянофилы вскрыли механизм закабаления России Западом и показали пути освобождения ее от иноземного ига. Весьма показательна в этом отношении статья А. Шипова «О значении

внутренней и внешней торговли вообще и особенно в России», суть которой сводится к следующему.

Экономисты в России привыкли говорить о торговле вообще, тогда как в действительности внешняя и внутренняя торговля находятся между собой не в гармонии, а подчас как бы в состоянии войны. Английские экономисты прямо пишут: «Наши огромные капиталы, принадлежащие немногим, – это мощное орудие против других стран и для поддержания нашего мануфактурного производства».

Американский автор так оценивал сущность и цели внешней торговли Англии: «Это война с целью удешевления предметов нашей продажи… война с целью принудить жителей других стран ограничиваться одним хлебопашеством, отклонить от них разнообразные промыслы, замедлить умственное развитие, парализовать всякое движение в разработке металлических сокровищ земли, затруднить добывание железа, уменьшить спрос на труд, захватить всю эту деятельность дома и за границей в свои руки, и таким образом поработить фермеров и плантаторов всех стран мануфактурному превосходству Англии».

Английский предприниматель, посетивший американский штат Орегон, писал: «Сейчас Орегон – пустыня, но когда Америка будет развита, мы без боя навяжем ей принцип свободной торговли, а она «подчинит нам не только Орегон, но и Соединенные Штаты, и они будут платить дань нашим промышленникам».

Другой англичанин добавляет: «Спекулянту, ввозящему товары в чужую страну, не нужно просвещать ее народ и развивать ее промышленность». Известно, как настойчиво, с использованием пушек, навязывала Англия Китаю ввоз опиума.

И вот эта страшная сила иностранного капитала навалилась на Россию и завоевала ее. «Завоевание, может быть, для нас, русских, потому только и страшно, что мы сами перед ним преклонились и не хотим вникнуть в действительное его влияние на степень благоденствия нашего Отечества, а судим по словам других народов, поставленных совершенно в иные обстоятельства и историею, и географическим положением…».

Автор утверждает: «В истинном понимании торговля – ключ к нашим экономическим проблемам… У нас внутренняя торговля – самый существенный источник благосостояния, который нельзя даже и сравнивать с внешней торговлей», хотя правительство не обращает на нее никакого внимания.

Шипов высмеивает «либрэшанжистов» (сторонников «либр эшанж» – свободного торгового обмена между государствами): да,

англичане нас похваливают: «Вы нас кормите, мы от вас зависим». А мы слушаем – и довольны. Но почему же англичане живут припеваючи, а крестьяне во многих частях России подчас не имеют даже хлеба в количестве, достаточном для прокормления? «Когда бы могли усвоить себе эту самостоятельность взгляда и нравственный смысл англичан, – мы ушли бы вперед в своем развитии». Для Англии принцип «свободной торговли» совершенно естественный. Приморские страны издавна пользовались выгодами своего географического положения и становились торговыми государствами. Генуя, Венеция, Голландия, Англия – вот как переходила в истории эстафета торгового лидера мира.

«Но полезное для одной страны, на известной степени ее развития, может быть вредным для другой, не дошедшей до этой степени ни гражданской, ни научной высоты». Нам надо развивать свою страну и тем обогащаться, а мы все думаем, что найдем богатство за морем, продавая наши скудные произведения.

Взять, например, село Иваново, еще совсем недавно захудалое, а теперь превратившееся в центр хлопчатобумажной промышленности и процветающее, хотя и климат, и почвы там остались те же, что и прежде.

«Немногие местности России могут сбывать свою продукцию за границу. Остальное пространство России должно искать внутреннего сбыта сырых продуктов». Поэтому нужно развивать внутреннюю торговлю, наладить сбыт наших товаров в Азию. «Не должно ли нам при таких обстоятельствах подумать о средствах оберегать наши рынки для собственной внутренней торговли?».

Но для этого, а также для увеличения сбыта наших товаров за границу надо понижать цены на наши товары.

«Пока государство не развито, внешняя торговля может вливать в него иностранные капиталы. Но за это ему приходится дорого платить». На деньги, вырученные помещиками и другими состоятельными людьми от вывоза сырья, приобретаются предметы роскоши. Представители высших классов покупают дорогие заграничные наряды и вина (это диктуют мода, тщеславие, каприз, подражание) и благоденствуют. А народ они держат в невежестве. Народ осужден на прикрепление к земле – уже не крепостным правом, а нуждой. И вывозят из России хлеб не всегда излишний, ведь в Белоруссии в иные годы крестьяне едят хлеб с мякиной. Россия вывозит кожи – а большая часть населения не имеет сапог.

Когда баланс внешней торговли пассивен, производится она на иностранных судах и вообще находится в руках иностранцев, то она обогащает чужие страны.

В международной торговле бедные страны оказываются в положении мелкого торговца, а богатые – в роли крупного капиталиста. И итог торговли всегда один: бедные становятся еще беднее, богатые – еще богаче.

У России огромные природные богатства, а мы не можем их освоить из-за неразвитости внутренней торговли.

Далее Шипов, отмечая, что в экономической жизни России наблюдается некая враждебность между экономистами-теоретиками, претендовавшими на непогрешимость законов своей науки, и представителями делового мира, пытался дать этому объяснение: «Наука политической экономии… явилась чуть-чуть не на наших глазах. Не ее вина, что она не успела еще усвоить всех главных явлений экономической жизни. По одному уже этому притязание на непогрешимость ее законов может ввести в заблуждение, особенно в приложении их к жизни, и породить несогласие между теоретиками и теми, которые по своему положению, да и трудом, и капиталом, и всеми своими способностями исключительно посвятили себя экономическому быту своей страны… Политико-экономическая наука, так сказать, чистая, отвлеченная, не отделена резко от прикладной, практической. Поэтому законы первой прямо являются законами последней, и логическое правило – что верно и непреложно в частности, прилагается во всей силе там, где приложение прямо противологично, ибо общее положение остается в области идей, а частное приложение переходит в область частных явлений действительной жизни»

Теоретики еще и потому не знают всех обстоятельств действительной жизни, что идеи они почерпнули из опыта других стран, а не России. Но и практики тоже виноваты в воцарившемся в обществе взаимном непонимании: они тоже подчас пытаются свои частные наблюдения возвести в закон. И вот общий вывод А. Шипова: «Наука политической экономии, выросшая на иноземной почве, вместе с экономической жизнью, из нее почерпала свои данные, из них выводила общие законы того общества. У нас наука пошла жизнью организированною, ибо иначе она не могла бы существовать, но организированною иначе… Она вышла из исторического развития всей нашей жизни и исторической ее обстановки, в отличие от обстановки тех стран, в которых политическая экономия явилась как наука и возмужала. У нас совершенно иное: экономический быт общества шел своим путем, незнакомым с наукою, и составил свои, так сказать, местные законы, вышедшие и из исторических обстоятельств, и из местных. И те и другие оставили нас позади европейских государств в экономическом развитии. Явилась к нам наука во всеоружии, за-

стает нас врасплох, и представители ее… нападают на нас за то, что мы просим снисхождения к нашей промышленности, до сих пор лишенной помощи науки и еще и по сие время не имеющей никакой защиты, везде прямо даруемой ей полным общественным развитием и общественным устройством…» (развитием сети дорог, банковских учреждений и пр.). Если и соглашаются с необходимостью покровительства – идут на предоставление субсидий отдельным предприятиям, а это проявления произвола, к тому же мера, не ограждающая от конкуренции со стороны иностранного капитала. Предприятия, в том числе и с иностранным капиталом, получившие такие привилегии, будут подрывать благополучие остальных. А субсидии из государственных средств ложатся опять на плечи бедных, тогда как введение таможенных пошлин заставит раскошелиться богатых. Потому что в России 96 процентов семей не покупают импортных товаров.

В статье В. Ососова (1861, № 12) показано, что даже тогда, когда сальдо торгового баланса России оказывается положительным, правительство довольно (дескать, мы не данники чужеземцев), хотя оно лишь повторяет ошибку меркантилистов. На самом деле происходил отток капиталов из России, в особенности за счет покупок русской знати за границей: «Богатое дворянство ничего не сберегало, не вкладывало никогда деньги в банк, а только занимало у него, ничего не производило, но на основе, видимо, правила «noblesse oblige» («положение благородного сословия обязывает») запасалось предметами роскоши за границею и, благодаря услужливости банкиров, пользовавшихся за свои труды оттерками проходивших через их руки денег, переводили свои капиталы на Запад, на пагубу России и радость «царей биржи», русской и иностранных».

А вывозимое сырье обменивалось на предметы роскоши, и «русское богатство покидало свою отчизну, обогащая только наших заграничных кредиторов и, в особенности, тех, через кого эти деньги переходили в их руки».

Особое значение имели материалы журнала, в которых освещался положительный зарубежный опыт развития промышленности и торговли.

В то же время журнал сообщал о кризисе, переживаемом экономикой Англии, предупреждая начинающих российских промышленников об опасностях, какие таятся в стихийном развитии производства, освещал новейшие достижения экономической науки, делая особый упор на необходимость ее тесной связи с практикой.

Удивляет проницательность редактора «Вестника». Хотя американская промышленность конца 1850–60-х годов по сравнению с промышленностью Англии и других ведущих стран Европы находи-

лась еще в колыбели, журнал, освещая зарубежный опыт развития промышленности, особое внимание обращал на достижения США, потому что России, как и Америке, приходилось создавать промышленность заново. Корреспондент журнала в США граф Адам Гуровский писал: «В Америке ничего не создано исторически, человек нашел одну нетронутую природу, ему нужно было все создавать». Американцам присущи «жажда деятельности» и предприимчивость, обусловленная тем, что «каждый видит личные выгоды». Там «для поощрения изобретательности не нужно внешних или правительственных мер». И, например, секрет успеха американских промышленников – в том, что там «всему придавали характер частного дела и в то же время соглашали с духом общества и все направляли к общественным целям».

Но Америка, как страна, отстающая в развитии промышленности, попадает на мировом рынке в условия неэквивалентного обмена, недополучая деньги за свое вывозимое сырье и переплачивая за ввозимые мануфактурные изделия. «Это непременный закон экономический», – подчеркивал он. И прямо заявлял: «На великом всемирном рынке Соединенные Штаты и Россия до этих пор, повидимому, занимают почти одно и то же место». Таким образом, журнал славянофилов обоснованно, со ссылкой на принципы экономической науки (хотя в связи с суровыми цензурными ограничениями и высказал это эзоповым языком) отметил грабительский характер экономической политики Запада в отношении России, которая будет оставаться такой до тех пор, пока наша страна остается экспортером хлеба и сырья.

Доказывая на американском опыте необходимость развития собственной промышленности и государственного покровительства ей, журнал в то же время отмечал, что господствовавшие в южных штатах «владельцы земель и невольников – враги свободного труда, источника всякой промышленной деятельности». Нетрудно догадаться, какие аналогии возникали у читателей, знавших о позиции российских «плантаторов».

Гуровский выступал против фритредерства (политики «свободной торговли»). «У поборников свободы торговли, – писал он, – постоянно перед глазами одна только внешняя торговля»; они забывают, что внутренняя торговля – основа всякой промышленности, и, пока она еще слаба государство должно защищать ее от иностранной конкуренции».

Гуровский отмечал: «В самом широком значении слова, население США по преимуществу торговое». С первых шагов своего пребывания на земле нового континента поселившиеся там колонисты

из Европы вступали в операции обмена с местным населением, причем все делалось «частными лицами, без помощи матери-родины».

В журнале, опять-таки со ссылкой на иностранные источники, говорилось о том, как плохо отражается на экономике страны вывоз хлеба в ущерб продовольствию собственного населения (что тогда широко практиковалось в России). Так, в нем цитировали письма известного американского публициста Кэрэя президенту США, где, в частности, говорилось: «Желая улучшить состояние человека, нужно начать с земледельца, потому что земледельческая плата есть норма для всех других. А она тем выше, чем ближе цены на сырье и продукты его обработки. Учреждение домашнего рынка для хлеба, ныне высылаемого за границу, даст толчок вещественным и духовным силам народа, давши каждому полную возможность покупать и продавать труд по своему произволу». Автор письма протестовал против «низведения земледельца на степень простого орудия для торговца», то есть на степень рабства.

В другом письме президенту Кэрэй писал о падении нравов в США, обусловленном торгашеским характером складывавшейся американской цивилизации. По его словам, еще недавно США воспринимались в мире как идеал свободы. А теперь мир видит только наши недостатки, потому что нас представляют за границей «пронырливые, невежественные торгаши, носящие в себе всю порчу Старого Света, без его достоинств, и в грубости, наглости и безмерном деспотизме могущие соперничать с любым варварским народом».

Чижов не только редактировал журнал, но и занимался предпринимательской деятельностью, целиком посвященной благу России.

В 1860–1870-е годы Россию охватила предпринимательская горячка, которую поощряло и правительство. Одной из главных задач тогда было железнодорожное строительство, которое требовало очень крупных капиталов, превосходящих возможности отдельных состоятельных людей. Нужно было создавать акционерные общества.

Все железные дороги в России до 1860 года строились или французскими компаниями, или казной. Решив вырвать русские железные дороги из рук иностранцев, Чижов стал зачинателем движения среди русских купцов и промышленников за строительство железных дорог на частные отечественные капиталы. Он разработал необходимые учредительные документы и технико-экономическое обоснование железной дороги от Москвы до Троице-Сергиевой Лавры (движение открыто в 1863 году), продленной впоследствии до Ярославля и Вологды. Затем он разработал комбинацию, позво-

лившую выкупить у правительства Московско-Курскую железную дорогу. По просьбе правительства Чижов организовал акционерное общество Донецкой каменноугольной железной дороги. Он также способствовал проведению окружной железной дороги в Москве.

Правительство уделяло основное внимание развитию промышленности на юге России, а Чижов был сторонником индустриализации всей страны. Петербург – окно в Европу, но одного окна для России мало. Ей нужен мощный торговый флот. Чижов писал: «Если какая-либо страна при развитии у себя железных дорог пренебрежет развитием торгового флота, то она непременно самые железные дороги сделает сборщиком податей со своих жителей в пользу иноземцев». И он становится основным пайщиком Архангельско-Мурманского пароходства, которое должно помочь освоению Севера России. Он знал, что этот проект может оказаться убыточным, однако участие в нем считал актом служения Отечеству.

Чижов с торжеством говорил, что прошло время, когда Россию эксплуатировали иностранцы. Наступает новая эпоха полного господства русских капиталистов и капиталов.

Однако Чижов скоро разочаровался в русских купцах, которые по большей части не в состоянии были подняться до осмысления общегосударственных задач и склонны были участвовать только в тех проектах, которые сулили им «осязательную личную выгоду».

Огромный вклад внес Чижов в развитие банковского дела в России. Подчас русские купцы обладали громадными состояниями, но не имели кредита, в котором в условиях изменяющейся рыночной конъюнктуры часто нуждались и очень богатые предприниматели. Государственный банк, искусственно поставленный в условия, когда он был лишен возможности действенно содействовать развитию отечественной экономики, выдавал кредиты не всем частным предпринимателям и в небольших размерах. По инициативе Чижова ряд предпринимателей (Кокорев и др.) в 1867 году основали Московский купеческий банк. Чижов стал его фактическим руководителем. Затем Чижов организовал купеческое общество взаимного кредита. О Чижове говорили, что он создал «прочный фундамент частного банковского кредита в Москве и, можно сказать, по всей России».

Чижова возмущала необязательность купцов и предпринимателей, которые подолгу задерживали денежные взносы на издание журнала. Когда задолженность превысила критический размер, он отказался от должности редактора. Несмотря на то, что предприниматели собрали необходимую сумму, Чижов остался непреклонным, и журнал прекратил свое существование. А «Акционер» продолжал выходить, но уже как приложение к газете И.С. Аксакова «День».

Но и после прекращения выхода «Русской беседы» и «Вестника промышленности» славянофилы продолжали выступать по экономическим вопросам. Кошелев оказался самым плодовитым (в творческом отношении) из старших славянофилов. Достаточно привести лишь названия его произведений, вышедших отдельными изданиями: «Наше положение» (Берлин, 1875), «Общая земская дума в России» (Берлин, 1875); «О мерах к восстановлению ценности рубля» (СПб., 1878); «Что теперь делать?» (Берлин, 1879); «О кредите землевладельцам при покупке ими земли» (М., 1880); «О сословиях и состояниях России» (М., 1881); «О мерах к сокращению пьянства» (М., 1881); «Memoiren» (Берлин, 1883). Следует назвать также несколько крупных его журнальных статей (кроме уже упоминавшихся «Соображения касательно устройства железных дорог в России» – «Русская Беседа», 1856, т. I и III): «О способах заготовления провианта для фуража и армии»; «По поводу журнальных статей о замене обязанной работы — наемной и об общинной поземельной собственности»; «Нечто о грамотности»; «О цензе»; «О процентных денежных знаках»; «О главных препятствиях к устройству и успехам наших сельских хозяйств»; «Неотчуждаемость крестьянских участков и круговая порука»; «О нашем денежном кризисе»; «О подушных податях»; «О государственном земском сборе»; «О прусских податях, классной и подоходной, и о том, желательно ли и можно ли ввести их у нас?»; «Ответ на заметки г. Колюпанова о переложении подушной подати»; «О военной повинности с земской точки зрения»; «В чем мы более всего нуждаемся?»; «О всесословной волости».

Но не все славянофилы считали общину непременным атрибутом русской жизни «ныне, и присно, и во веки веков». Ю.Ф. Самарин допускал, что при необходимости она может быть упразднена и земля станет частной собственностью. Такая возможность предусматривалась и положением о земельной реформе.

Кошелев и Самарин вынуждены были издавать свои книги за границей и нелегально, ввоз этих книг в Россию был запрещен. Зато их внимательно изучал Маркс, почерпнувший из них много сведений о состоянии экономики России и земельного вопроса в стране.

Настаивая на отмене крепостного права, славянофилы в то же время выступали противниками утвердившегося в Западной Европе капиталистического строя, царства мещанской бездуховности, состояния, по выражению И. Киреевского, «полускотского равнодушия ко всему, что выше чувственных интересов и торговых расчетов». Особенно опасной казалась им перспектива разделения общества на буржуазию и пролетариат, готовые вступить в смертельную борьбу между собой.

Широко распространенные в советский период утверждения о реакционном, ретроградном характере учения славянофилов опровергаются фактами. Славянофилы приняли активнейшее участие и в проведении крестьянской реформы, и в работе новых земских учреждений, и в пропаганде новейших научно-технических достижений. Одни славянофилы занимались преимущественно теоретическими разработками, другие практически участвовали в выработке новых форм развития экономики. Славянофил Ф.В. Чижов и его сподвижники, можно сказать, стояли у истоков выработки теории и практически закладывали развитие современной им промышленности России буквально с нуля.

Славянофилы боролись против господствовавшей тогда точки зрения, будто Россия – страна земледельческая и ее роль в мировой экономике – поставка хлеба в Западную Европу. Они утверждали, что нашей стране нужно всестороннее развитие производительных сил, в том числе современные промышленность и транспорт, доказывали необходимость государственного покровительства отечественному производителю, и потому выступали против фритредерства (политики «свободной торговли»). Славянофилы внимательно изучали зарубежный опыт развития промышленности, обращая особое внимание на достижения США, потому что России, как и Америке, приходилось создавать промышленность заново. На примере Америки они показывали, что страна, отстающая в развитии промышленности, попадает на мировом рынке в условия неэквивалентного обмена, недополучая деньги за свое вывозимое сырье и переплачивая за ввозимые мануфактурные изделия. При этом подчеркивалось: «Это непременный закон экономический». Таким образом, славянофилы первыми обоснованно, со ссылкой на принципы экономической науки (хотя в связи с суровыми цензурными ограничениями и высказали это эзоповым языком), отметили грабительский характер экономической политики Запада в отношении России, которая будет оставаться такой до тех пор, пока наша страна остается экспортером хлеба и сырья.

У славянофилов уже можно встретить сообщения о кризисе, переживаемом экономикой Англии, и как бы предупреждение начинающим российским промышленникам об опасностях, какие таятся в стихийном развитии производства. Указывалось и на порочность практики, при которой российские заводчики и фабриканты стремились получить наибольшую прибыль и ради этого жестоко эксплуатировали рабочих, сводя их заработок к минимуму. Хотя понятие «человеческого капитала» тогда еще не было сформулировано, славянофилы настаивали на том, что заработная плата рабочего должна обеспечить его развитие как человека, боролись (не только статья-

ми в журналах, но и практически в своих имениях) за просвещение и охрану здоровья народа. Они доказывали, что промышленникам, стремящимся к высшим достижениям, нужен высококвалифицированный рабочий.

Чижов, И.С. Аксаков и другие славянофилы участвовали в учреждении акционерных обществ, банков, обществ по строительству железных дорог и морских пароходств и пр.

Славянофилы не мирились с отставанием России от наиболее развитых стран Западной Европы в экономическом и технологическом отношении. В частности, они были сторонниками широкого железнодорожного строительства в России. При этом они рассматривали железные дороги и как инструмент для решения стратегических задач, и как мощное средство подъема экономики. Славянофилы считали, что России нельзя ориентироваться не только на экспорт зерна, необходимо расширение внутреннего рынка, в частности, и зерно следует направлять в промышленные центры страны. Они полагали необходимым сначала выработать план железнодорожной сети страны на перспективу с центром в Москве и осуществлять этот план поэтапно. Это, по их мнению, позволит полностью удовлетворить потребности страны в перевозках и при этом избежать неоправданных затрат на сооружение случайных линий, которые служат лишь интересам отдельных кланов.

После отмены крепостного права и проведения других либеральных реформ в российской экономике быстро укреплял свои позиции иностранный капитал. Славянофилы первыми выдвинули лозунг превращения России во всесторонне развитое государство, обеспечения ее экономической и технологической независимости, развития экономики силами отечественного капитала.

В частности, славянофилы не мирились с господством в Главном обществе российских железных дорог французского капитала, которому доставалась и львиная доля прибыли от их строительства и эксплуатации. Именно в их среде зародилась идея вытеснить иностранный капитал из этого важнейшего сектора отечественной экономики и строить дороги на средства частных компаний, чтобы не обременять государственный бюджет.

По инициативе Чижова на русские деньги и русскими инженерами была построена первая частная железная дорога Москва–Троице-Сергиева Лавра, впоследствии была продолжена до Ярославля, а затем и до Вологды и оказалась экономически очень эффективной. Славянофилы участвовали и в строительстве ряда других железных дорог. Чтобы не закупать и подвижной состав, и рельсы за границей, славянофилы поставили вопрос о развитии соответствующих от-

раслей промышленности, включая металлургию, машиностроение и добычу каменного угля, и положили начало ряду других отраслей экономики, чтобы избавить Россию от импорта некоторых видов продукции. Так, Чижов занимался шелководством.

Полного господства российского капитала дореволюционная Россия так и не добилась, но сдвиги в этом направлении, в том числе и благодаря усилиям славянофилов, были ощутимыми.

Строительство железных дорог – дело настолько дорогостоящее, что оно оказывалось не по силам даже самым богатым предпринимателям. Чижов создает Московский купеческий банк и Московское общество взаимного кредита.

Славянофилы были единственным в России идейным течением, которое понимало необходимость комплексного развития транспортной системы страны, включающей железнодорожный, шоссейный, морской и речной транспорт. Ф.В. Чижов учредил Архангельско-Мурманское срочное пароходство для освоения Русского Севера. Он совместно с Кошелевым выступил в Московской городской думе с идеей учреждения двух предприятий – общества водопроводов и общества газового освещения улиц.

Таким образом, именно славянофилы выражали коренные, долговременные интересы страны и отстаивали необходимость планового начала в развитии экономики, что является одним из устоев русского понимания проблем развития общества и государства.

Неоспоримо принадлежит славянофилам первенствующая роль в пропаганде экономических и технических знаний в России. Особенно большую работу в этом отношении проводил уже упоминавшийся журнал «Вестник промышленности».

Самым главным в экономическом учении славянофилов стало утверждение о невозможности политической экономии как самостоятельной науки, поскольку она рассматривает экономику как нечто самодовлеющее, оторванное от других сторон жизни людей, в особенности от духовных основ и от нравственности. А подход к экономическим проблемам как к части общего, более широкого понимания хозяйства был, как показано выше, заложен еще «отцами-основателями» славянофильства, в первую очередь И.В. Киреевским.

Чтобы по достоинству оценить вклад, внесенный основателями славянофильства в мировую экономическую науку, надо напомнить, что еще с глубокой древности существовали рядом одна с другой две коренным образом различающиеся науки о богатстве. Одна, в соответствии с достижениями научной мысли и религии, учила, как вести хозяйство, живя достойно высокого человеческого призвания, именно она в Древней Греции и получила название «экономики» (сам этот

термин введен Ксенофонтом и означает «умение вести дом»). А другая наука о богатстве, которую Аристотель назвал «хрематистика» (от «хрема» – имущество), учила, как обогащаться любыми путями, презирая мораль и даже закон, если это сулит большие барыши и позволяет надеяться на избежание суровой кары. Такую науку своекорыстия с давних пор бичевали лучшие умы человечества, но она дошла до наших дней под благородным названием политической экономии, то есть как бы науки о всем народном хозяйстве, хотя в действительности ее назначение – оправдывать несправедливости в общественной жизни, представляя их как некие незыблемые законы природы. Она основана на индивидуализме и конкуренции, на преклонении перед капиталом и в пределе вырождается в социал-дарвинизм, перенося на человеческое общество законы животного мира. Можно сказать, вся история человечества – это борьба двух способов хозяйствования: жажды богатства любой ценой, с одной стороны, и стремления очеловечить, облагородить хозяйственные отношения – с другой.

К чести русской теории хозяйствования (прежде называвшейся «домостроительством») надо заметить, что она в лучших трудах в главном всегда тяготела к экономике в ксенофонтовско-аристотелевом духе, чем к хрематистике, и не принимала голого экономического подхода к процессам развития общества. И.В. Киреевский объяснял: политическая экономия не могла бы зародиться в России из-за того, что «русский человек… не мог бы согласить с цельностию своего воззрения на жизнь особой науки о богатстве… Он знал, что развитие богатства есть одно из второстепенных условий жизни общественной и должно поэтому находиться не только в тесной связи с другими высшими условиями бытия, но и в совершенной им подчиненности».

Русская экономическая мысль не сводила хозяйственную деятельность только к деньгам, к подсчету прибылей и убытков, не отделяла финансовые итоги от духовно-нравственных ценностей, а также от государственных интересов, от судеб своего Отечества, всегда имела перед собой высокий идеал. Такой подход абсолютно чужд западной политической экономии.

«Младшие славянофилы» изучали западную политическую экономию, но она служила им больше для расширения кругозора, чем для практического применения. Уже упоминавшийся А. Шипов, отмечая, что в России наблюдается некая враждебность между экономистами-теоретиками, претендовавшими на непогрешимость законов своей науки, и представителями делового мира, объяснял это незрелостью науки политической экономии и некритическим заимствованием у нас ее постулатов.

К.С. Аксаков на поприще экономики выступал главным образом по вопросам земельных отношений и в связи с готовившейся отменой крепостного права (до самого этого акта он не дожил всего два месяца с небольшим). «Крепостное состояние» есть «внутренняя язва России», – говорилось в его записке, поданной осенью 1856 года новому императору Александру II.

В распоряжении К. Аксакова оказались некоторые первоначальные правительственные проекты реформы, и он расценивал их как несознательное, а иногда и умышленное насилие «Петербургской Бюрократии» над «коренными началами русской народной жизни». По его мнению, надо не просто решить вопрос об освобождении крестьян, а четко определить, на каких условиях это произойдет. Согласно рассматриваемым проектам «дворянство будет отставлено от должности тюремщика… но крестьянин не будет выведен из тюрьмы. Из одной тюрьмы он попадет в другую; но лучше ли она будет, по крайней мере? Хорошо разве одно, что это будет тюрьма общая. Но едва ли житье в ней не будет хуже. Для многих семей, собственно для оброчных, власть помещика служила стеклянным колпаком, под которым крестьянин мог жить самобытно, свободно, даже не боясь вмешательства становых, а в особенности спасаясь от попечительности правительства, которую так хорошо знают казенные, да и удельные крестьяне». Необходимо сохранить Русское общественное устройство, которое во всей силе проявляется «во многих оброчных помещичьих имениях, часто по сто лет не видавших помещика» (здесь он приводит в пример вологодское имение Хомякова).

А что ждет крестьянина после намечаемой реформы?

«Теперь все эти стеклянные колпаки будут сняты, и гнет государственных учреждений и государственной заботливости ляжет всей тягостью на крестьянах».

К.С. Аксаков утверждал: «Правомерность помещичьей власти никогда крестьянином не признавалась», эта власть воспринималась так же, как туча с градом или налет разбойников. «Крестьянин верит в мир, в свое общественное устройство, не сомневается, что земля принадлежит ему по праву. Ему нужно не уничтожение названия крепостного, – ибо крепостным, в помещичьем смысле, он никогда себя и не считал». Ему нужно не возвращение только его личной свободы – ему нужен быт свободный, самостоятельный, и земля, которая этот быт обеспечит (и которую он считает своею). «А реформа объявляет землю собственностью помещика».

Когда-то, рассказывая о декабристах, было модно приводить высказывания вроде того, что на Западе «низы», борясь за свои

права, выступали против «верхов», а в России сами представители «верхов» выступили в защиту «низов». В гораздо большей степени это можно сказать о славянофилах, которые, будучи помещиками, владельцами крепостных, выступали за отмену крепостного права.

Общее впечатление К. Аксакова от правительственных проектов – «ужас». В них «дух жизни преследуется в последнем его убежище от Государства». Это – «совершенное нарушение всей сущности мира, уничтожение всей самобытной общественной свободы Русского Народа и предоставление ему, на чужой образец составленного, подобия гражданских общественных прав. Самостоятельность, жизнь, принцип – все выкидывается вон – и что же остается? Чисто механическое, совершенно бесполезное существование» уже не общества, а известного собрания людей».

Особенно возмущало К. Аксакова то, что правительственные чиновники пытались предписать крестьянам, когда решение мира считать законным, было ли оно поддержано, на привычный европейски мыслящим людям манер, большинством участников схода, может ли вместо схода мнение крестьян выразить староста: «Когда мир признает себя миром, тогда он и мир… Вы вводите большинство, ту дикую, материальную силу», которая предписывается только из чувства рабского подобострастия перед Европою. «Большинство столь противно духу Русской Земли».

К. Аксаков с гневом обращался к правительственным кругам, готовившим эту реформу: «Вы уничтожаете, убиваете самые начала нашей жизни, нашу русскую свободу, нашу общину, наш мир, обращая его в какое-то жалкое подобие Дворянских выборов… Вы распинаете так Русский Народ!». С его точки зрения, это было обыкновенное «душегубство».

В соответствии со своей теорией общественного устройства на Руси (взаимоотношений «Земли» и «Государства») К. Аксаков не ограничивал «мир» рамками только одной деревни, сельской общины. По его представлениям соседние сельские «миры» могли объединяться в уездный «мир», уездные – в губернский. Более того, «мир – может быть и вся Русь – народ, как одно мыслящее, говорящее и действующее целое».

К. Аксаков был убежден в том, что при устройстве жизни народа необходимо принимать во внимание народную самобытность, тем более это относится к России, имеющей тысячелетний опыт общинной жизни, какого нет больше ни у кого на нашей планете. «Надобно было кроить платье по народу, – писал он, – а не народ по платью, хотя для него, но от него вдали и не по нему шитому».

По К. Аксакову, Русский Народ – не политический, он никогда не претендовал и не претендует на власть, оставляя ее самодержавному Царю. Но народ должен пользоваться полной свободой в устройстве своей внутренней жизни, ему надо предоставить самоуправление. Нужно полнейшее невмешательство правительства в устройство народа. Государство призвано создавать благоприятные условия для развития народной жизни, администрация должна служить лишь передаточным звеном между Царем и Народом. Пусть правительство определяет: «Что надо сделать». А уж «мир» решит: «Как этого добиться». Аксаков требовал, в частности, отмены телесных наказаний крестьян – этого позора России.

И прежде, начиная с реформ Петра I, Государство вмешивалось в народную жизнь, вследствие чего поставило себя в положение завоевателя, под игом которого оказались Народ и Земля. Теперь же по правительственным проектам крестьянской реформы уничтожались последние остатки самобытного Русского строя жизни.

Вину за это посягательство на коренные начала русской жизни К. Аксаков возлагал не только на «петербургскую бюрократию», но также и на образованный класс российского общества вообще, «на публику»: «Разве может Петербург – наш правительствующий град – сделать что-нибудь доброе, пока он управляет?.. Вопрос поставлен между Государством и Землей, между чуждым и народным духом, между насильственно навязанной Западной системою и между Русскими началами, другими словами, между публикою и народом». И этот вопрос «должен решиться историей». И ведь «наша публика – не норманны, пришедшие к англосаксам, а свои собственные отщепенцы… Для нас, составляющих ее, – возможен и нужен путь покаяния, нравственного пробуждения Русской народности, а поэтому и возвращения к народу».

В 1857 году К. Аксаков в своих передовых статьях в газету «Молва» затрагивал разные темы, в основном общественно-политического и нравственного характера, – свободы слова, народности, просвещения, места России в современном и будущем мире, о Москве и ее значении для России и пр. Интересно его суждение о Европе, которая для большинства российской правящей элиты была безусловным образцом. А по Аксакову, «Европа – самая маленькая из пяти частей света. И в то же время она повелительница всего остального земного шара». Показав абсурдность такого положения, Аксаков напоминает: «Есть нечто высшее Европы – это весь род человеческий». В то же время он отдавал должное несомненным достижениям ведущих западноевропейских стран, утверждая, например, что Англия – это лучший плод западной гражданственности.

Некоторые высказывания Аксакова воспринимаются сегодня как пророческие, например, такое: «Россия, в понятиях европейского Запада, это варварская страна, это страшная, только материальная сила, грозящая подавить свободу, мысль, просвещение, преуспеяние народов. Для азиатского Востока Россия – это символ грозного величия, возбуждающего благоговение и невольно привлекающего к себе азиатские народы. Для Америки имя России знаменует крайнюю ее противоположность, но в то же время самобытное, юное государство, которому, вместе с нею, принадлежит будущность мира». Аксаков оказался единственным среди старших славянофилов, который не просто противопоставлял Европу и Россию, но и указал на пренебрежительное отношение европейцев к нашей стране, могущее перейти во враждебность.

А вот что писал он об общине как идеале человеческого общежития: «Община – это высший нравственный образ человечества, являющийся в несовершенном виде на земле. Христианство освятило и просветило общину… И община стала идеалом недосягаемым, к которому предстоит вечно стремиться». В особенности она дорога русским, недаром другое, народное ее название «мир». Вообще все русское – это не просто родное, но и самое лучшее на свете. Аксаков выступал как пророк и глашатай правды, как он ее понимал.

Особенную известность принесла Аксакову статья, в которой он противопоставлял «публику», то есть образованную часть общества, и народ. В статье содержались такие перлы.

Публика выписывает из-за моря мысли и чувства, мазурки и польки; – народ черпает жизнь из родного источника. Публика спит, народ давно встал и работает. Публика едет на бал, народ идет ко всенощной. Публика танцует – народ молится. Публика презирает народ – народ прощает публике. И в публике есть золото и грязь, и в народе есть золото и грязь. Но в публике грязь в золоте, в народе золото в грязи. Публика и народ имеют эпитеты: публика у нас – «почтеннейшая, а народ – «православный».

Из статей в «Молве» собственно экономической теме посвящена, пожалуй, только одна – о железнодорожном строительстве. По мнению Аксакова, если бы уже была построена железная дорога от Москвы до Севастополя, высадка войск противников России в Крыму во время недавно закончившейся войны была бы невозможной. Аксаков выступает за то, чтобы в России не просто строились железные дороги, а чтобы они образовали единую сеть с центром в Москве. Другие славянофилы, особенно Кошелев, высказывали подобные мысли несколько позже, когда у славянофилов появился свой журнал «Русская Беседа».

В других произведениях К. Аксакова нет глубоких высказываний собственно по вопросам экономической теории. Но известно, что он критически относился к Западу, включая и только еще выходившие на мировую арену США, считая, что Запад пошел по неправильному пути. Там образовалась государственная машина из людей, отношения стали политическими, мир и спокойствие основаны там не на любви, а на взаимной выгоде. Аксаков подвергал критике западные идеи «свободы, равенства, братства», которые без Бога оказываются пустыми декларациями и мертвыми догмами. Его любимый лозунг звучал: «Долой все заемное, да здравствует все Русское!» Поэтому можно полагать, что он разделял отношение И. Киреевского к западной экономической теории вообще и в особенности к политической экономии как к лженауке. Аксаков был другом и единомышленником А.С. Хомякова (хотя не разделял его увлечение славянами и мессианских настроений), который тоже не принимал западные экономические теории всерьез.

То, что К. Аксаков почти не касался общих вопросов экономики, можно считать для него естественным. Он в отличие от своего младшего брата И.С. Аксакова, прошедшего большую школу чиновничьей службы и вынужденного заниматься коммерцией, оставался кабинетным ученым. Ю.Ф. Самарин сравнивал визит к К. Аксакову с посещением храма: «За оградою церковной практика, суета, временные нужды, злоба исторического мира, а здесь в церкви – все тот же неизменный, безвременный идеал, то же высшее требование правды, несмотря на все видимое противоречие с окружающей его жизнью, на кажущуюся несообразность и неприменимость. А как хорошо, как нужно, чтобы не умолкал этот призыв, будил совесть, направлял нашу деятельность, очищал чувство!».

И этот призыв не умолк: казавшийся когда-то несообразным, он ныне привлекает все большее внимание в разных слоях российского общества.

Самому Ю.Ф. Самарину излагать свои экономические воззрения было особенно трудно.

Не имея возможности открыто критиковать действия правительства, Самарин написал рецензию на книгу о порядках в Пруссии, воспринимавшуюся читателями как обличение политики российской бюрократии. По его словам, «теория, господствовавшая в Пруссии, проповедовала, что задача финансовой науки главнейшим образом заключается в наполнении государевой казны и в изыскании способов незаметным образом перелить в нее возможно большую долю народного богатства; она приучала к мысли, что правитель-

ство должно обходиться без сочувствия и совета подданных… что вернейшие слуги и самые надежные опоры престолов – люди, ничем не связанные с народом и служащие не земле, а личности Государя; наконец, она видела в армии не землю, вооруженную для своей защиты, а какое-то бездушное и мертвое орудие».

Еще в конце 40-х гг. Самарин пришел к убеждению, что необходимы всеобъемлющие реформы общественного строя как единственное условие его сохранения. Главную роль в этом должны были сыграть правящие круги страны.

«Правительство, – писал Самарин, – не творит жизнь, но оно может подавлять ее сознательно и бессознательно, может также содействовать ее развитию».

Сущность экономической политики Николая I Самарин видел в том, чтобы «не давать простору ни частному кредиту, ни самостоятельным промышленным предприятиям, но стараться, чтобы все капиталисты сделались заимодавцами или подрядчиками казны и через это поступили в прямую от нее зависимость; ибо капитал такая же сила, как и знание, а всякая сила, при известных условиях, может сделаться страшною».

Поражение России в Крымской войне, по мнению Самарина, было естественным следствием такой политики. «Мы сдались не перед внешними силами западного союза, а перед нашим внутренним бессилием». Виновными в этом были не только правящие «верхи», но и все дворянство, которое «разлучило народ с царем».

Не часто и правительство, и первенствующее сословие государства подвергались такой критике – и со стороны кого? Со стороны представителя высших кругов дворянства: «Триста тысяч помещиков в тревоге, одиннадцать миллионов крепостных, твердо уверенных в существовании глухого, давнишнего заговора дворянства против Царя и народа, и в то же время считающих себя заодно с Царем в оборонительном заговоре против их общего врага; заключения, в которых не признает подлинного выражения царской воли; правительство, заподозренное народом в предательстве и не внушающее ему никакого доверия, – вот чем мы обязаны крепостному праву в отношении политическом».

В 1853–1856 годах Самарин написал и пустил в обращение в списках записку «О крепостном состоянии и о переходе от него к гражданской свободе» – проект отмены крепостного права в России. Он активно работал в Редакционных комиссиях по выработке крестьянской реформы 1861 года и в Самарском губернском комитете по устройству быта крестьян. Свою задачу он видел в том, чтобы предотвратить реформы в России по западноевропейскому

пути. При этом ему приходилось выступать как против тех, кто хотел полностью игнорировать интересы помещиков, так и против тех, кто желал бы сохранить почти все привилегии, которыми этот класс пользовался при крепостном праве. Он считал, что политика России и в целом, и в частностях «должна быть не консервативной и не революционной, а русской». Самарин тяжело пережил расправу с крестьянами, протестовавшими против кабальных условий земельной реформы.

Самарин был сторонником сохранения общинного землевладения крестьян, однако подчеркивал, что «в нем таится внутреннее противоречие, свидетельствующее, что эта форма не может быть вековечной, а должна изменяться путем свободного развития». Общинное землевладение стесняет развитие промышленности, переделы земли создают неудобства и пр. Самарин напоминал, что положением о реформе «общине дано право, при отсутствии долгов, разделить земли по дворам» и, таким образом, перейти «к подворному наследственному землевладению».

Свой самый глубокий труд по крестьянскому вопросу Самарин вынужден был издать нелегально, за границей, без указания авторства.

Работая на поприще осуществления крестьянской реформы, Самарин противился планам превращения земства в учреждение по охране привилегий дворянства и отстаивал его всесословный характер. Это вполне соответствовало его идеалу «народного самодержавия», когда монарх выступает как олицетворение народной силы.

В отличие от «старших славянофилов» (со стороны которых он в этом не находил понимания) И. С. Аксаков всегда проявлял большой интерес к общественным наукам, в том числе и к экономической теории, которую он всегда связывал с хозяйственной практикой. Строго говоря, его научная и публицистическая деятельность и началась с «Исследования о торговле на украинских ярмарках», которое по праву считается одним из первых социологических исследований в России. Эта работа выполнена им по заданию Императорского Русского географического общества.

В этом солидном труде основное внимание уделяется экономическим проблемам, подчас в связи с психологией (например, разбираются отличия в менталитете украинских и русских торговцев, влияющие и на методы осуществления торговых операций).

В начале этого своего капитального, в наши дни во многом недооцениваемого труда И. Аксаков напоминает читателям историю Украины и развития в ней общественных отношений, приведших к

исследуемому им строю жизни. В частности, он отмечает такую особенность украинской экономической жизни, как наличие сети одиннадцати крупных (и сотен мелких) «гуртовых или оптовых ярмарок, сменяющих одна другую в течение целого года» и посещаемых в основном одними и теми же лицами. Затем дается характеристика каждой из основных ярмарок и всего ассортимента товаров, которые на них фигурируют.

На основе своего труда И. Аксаков делает вывод о необходимости досконального и по-новому поставленного изучения России.

Другие славянофилы «второго поколения» увлекались теорией национальной экономики, разрабатывавшейся немецким экономистом Фридрихом Листом. Это был сторонник протекционизма и государственного вмешательства в экономическую жизнь, а также идеолог господства Германии в Европе. И. Аксаков с увлечением читал труды французского экономиста Фредерика Бастиа, проповедовавшего гармонию труда и капитала, и находил его «тысячу раз умнее Листа».

И. Аксаков уже понял, что после 1861 года развитие России пошло не по тому пути, какой предлагали славянофилы. Быстро развивались товарно-денежные отношения, страну охватила горячка грюндерства, «из воздуха» возникали миллионные состояния, обратным полюсом которых был рост нищеты обездоленных. Учреждались и лопались акционерные общества и банки, шла острая борьба за концессии на постройку железных дорог. В этих условиях потеряли остроту идеи Аксакова о самоупразднении дворянства и о создании «Общества», которое все более раскалывалось на враждующие составляющие. Оказалось, что реальный Русский Народ не такой, каким рисовали идеальный народ славянофилы, в том числе и сам И. Аксаков.

И. Аксаков одним из первых оценил значение нового социального типа – купца, ворочающего миллионами рублей. И он умело приспособил славянофильство к взглядам патриархального в быту, косного в политике московского купечества.

На страницах «Москвы» И. Аксаков выступил от имени этой новой общественной силы: «Промышленная и торговая среда, стоящая к народу ближе прочих образованных классов, проявляет в последнее время много задатков такой самодеятельности, для которой нужно только поболее благоприятных условий, чтобы стать совсем на ноги и сделаться могучим рычагом общественного развития». И. Аксаков безоговорочно поддерживал развитие национальной промышленности и торговли. Он выступал с требованием предоставить больше свободы частному капиталу и защитить отечествен-

ную промышленность от иностранной конкуренции: «В вопросах торговой политики мы прямо и открыто говорим, что стоим за разумное ограждение нашей промышленности». В основном «Москва» продолжала линию «Дня». Но в ней появились новые рубрики, посвященные разным сторонам экономической жизни страны и отражавшие факт быстрого промышленного развития России: «экономический отдел», «торговый и денежный рынок» и пр.

«Неославянофилы»

Из представителей этого направления славянофильской мысли особого внимания заслуживают экономические труды С.Ф. Шарапова которые уже были рассмотрены выше.

В 1886 году отмечала свой 25-летний юбилей «новая финансовая школа». Эти либералы, наиболее полным выразителем взглядом которых был министр финансов С.Ю. Витте, руководствовались теориями, заимствованными на Западе. Они полагали, что государство не должно вмешиваться в экономику, ибо рынок все расставит по своим местам, чего и тогда уже не было даже в самых либеральных государствах. Поэтому критику капитализма Шарапов начинает с разоблачения теоретических основ политики либеральных реформ.

«Каждый раз, когда доктрина занимала совершенно неподходящее для нее место и забирала в руки руководство какой-нибудь отраслью государственной жизни, возникал ряд болезненных недоразумений. Кончаются они тем, что или представитель известной «научной» школы отступает от своих предвзятых убеждений и следует указаниям жизненного опыта, или, при известном теоретическом упорстве, очень быстро сходят со сцены и он, и отвергнутая жизнью доктрина. Но только там, где государственные мужи являются отрезанными от родной почвы, где жизнь отделена глубокой пропастью от правящих сфер, где чувство исторического понимания общественных явлений утрачено, там совершается нечто иное. Там доктрина, иногда совершенно нелепая, не имеющая даже никаких разумных теоретических оснований, представляющая собой попросту ложь, укореняется необыкновенно прочно, переходит в хроническую болезнь, разъедает целое государственное тело, властно угнетает и уродует жизнь и справляет свои юбилеи!»

Россия резко разделилась на Россию официальную, отвлеченную, и на Россию подлинную, народную, представляющую собой

фундамент державы. И нет между этими двумя Россиями связи и взаимопонимания.

В России государство как будто вовсе не служит народу и его интересам. Народ жил и работал как хотел, государство жило своей жизнью. Но народ платил государству, платил все больше и больше, недоумевая при виде массы чуждых ему ведомств и начальств, заботящихся только о внешнем благообразии отношений.

Между царем и народом возрос официальный государственный строй, обширная, разветвленная бюрократия, работавшие лишь для отвлеченной идеи государства и почти не имевшие в виду живого народа. Тогда жила во всем своем блеске, а также и во всем своем уродстве официальная Россия, – Россия живая только прозябала.

Реформы Александра II, отменившего крепостное право, ударили и по помещикам, и по крестьянам. Помещики, лишившись бесплатных рабочих рук, превращались в предпринимателей-капиталистов, а крестьяне – в самостоятельных хозяев. Ни те, ни другие были совершенно не готовы к хозяйствованию в новую эпоху переворота в области техники и промышленности. Появились железные дороги, телеграф, газеты, погоня передовых в промышленном отношении наций за новыми рынками. Все это обрушилось сразу на русский народ и застигло его буквально врасплох. Власть, отказавшаяся от всякого вмешательства в народное хозяйство, бросила крестьян, помещиков, горожан, промышленников, торговцев на произвол судьбы. Они должны были бороться и приспосабливаться, как умели.

Крестьянин ранее ничего не видал, кроме убогого трехполья. Теперь он должен был создать себе такую форму хозяйства, которая дала бы ему возможность прожить, заплатить значительные налоги, прежде ему неизвестные, устроить и самоуправление, и свой суд, и свой кредит, и свою систему обеспечения на случай несчастья: государство от всего этого отрекалось.

Помещик, ничего иного не знавший, кроме военной или канцелярской службы, превращался вдруг в агронома и экономиста, лишившись и помощи от государства в виде кредита, власти, пособий и т.п.

Промышленник, владевший примитивным станком, должен был превратиться в конкурента с сильнейшими в тысячу раз западными собратьями, произведениям которых широко распахнули двери в Россию. Но те опирались на свое знание и на свое государство; этот не имел от государства ничего, не мог даже требовать от него русского образованного техника.

Торговцу оставалось только торговать иностранным товаром, собирать русское сырье и отсылать за границу, словом – делать то, что требовала минута: торговец подчиняется только ей.

В то время как либералы восхваляли реформы «царя-освободителя» Александра II, Шарапов показывал, что эти реформы не были должным образом продуманы и подготовлены, бросили «освобожденного» крестьянина из-под гнета помещика под иго еще более жесткого эксплуататора-кулака, а господствующие позиции в экономике отдали в руки западных банков, инородцев и иноверцев. Там, где апологеты реформ видели процветание, Шарапов рисует совсем иную картину. «Леса истреблены огромными полосами вдоль всех рек и линий железных дорог, истребляются и сейчас в силу принципа невмешательства. Железные дороги находятся в чужих руках и своими международными конвенциями губят русскую промышленность. Ископаемые лежат без разработки, а в Москву и Одессу везут английский уголь, железо, даже глину!.. Сотни тысяч чужеземцев, как паразиты, заползли и укрепились на русской земле, наживаясь в эпоху общего разорения… Инородчина грозит залить Россию и уже незримо ворочает всем государством».

Но этого бюрократическая Россия видеть не хотела. Она дивилась искренне тому, что все, даже самые лучшие начинания, например, земское и городское самоуправление, могучее развитие железнодорожных путей, целая сеть общественных кредитных учреждений, дают сплошь одни дурные, уродливые результаты.

И вот, всего через 25 лет после разрушения старого строя, Россия уже не та. Крестьянство, прежде сытое и здоровое, несмотря на крепостное право, теперь развратилось, обнищало, спилось; община разрушается; хозяйство почти невозможно на огромных пространствах превосходной земли, ибо не дает средств ни для податей, ни для прокорма. Помещики превращаются в чиновников или разоряются. Фабрично-заводская промышленность переживает кризис, ибо она тесно связана с народным благосостоянием. Железные дороги, при их нынешнем управлении и тарифах, служат единственно к разорению страны и жестоко истощают государственную казну. Целые углы территории захвачены чужеземцами, так что могут считаться почти пропавшими для России… «Просвещенные» и «дружественные» соседи громко выражают презрение к русскому племени, указывают на его полную неспособность к самостоятельному ведению народного хозяйства и рекомендуют нам уходить в Азию и не мешать другим.

Наша финансовая политика, имеющая единственной задачей – отыскивать во что бы то ни стало средства для удовлетворения потребностей официальной России, становится в тупик.

Средства истощены, плательщики разорены, долгов накопилось столько, что делать новые уже не имеет смысла. Русскому государству грозит то же истощение сил, которым страдает и русский народ. Правительство пришло наконец к сознанию, что заботу о народном хозяйстве сложить с себя нельзя, что волей-неволей нужно сделать что-нибудь для народного труда и хозяйства. Но оно не способно ни на что, и из всякого его вмешательства в народную жизнь ничего иного не выходило, кроме боли и страданий.

В государственном механизме нет органа, которого прямой задачей являлись бы забота о народном хозяйстве, руководство народным трудом, защита национальных экономических интересов! Вести народное хозяйство, иметь ясный план русской промышленной деятельности, поднимать голос за русский национальный интерес – попросту оказывается некому, даже при том непомерном изобилии ведомств и начальств, которыми поистине болеет Россия.

Либералы, славя политику Александра II, противопоставляли ее курсу Николая I. Они утверждали, что при Николае производительные силы России были скованы бюрократическим режимом, тогда как при Александре была проведена подлинная индустриализация страны. Шарапов развеивает эти мифы. По его мнению, Николай I проводил национальную политику, покровительствовал народному труду, пусть и в ограниченном масштабе – установил высокие ввозные таможенные пошлины, вел умную и бережливую финансовую политику. Каков бы ни был тогда нравственный и политический гнет, – промышленность развивалась. Заводили фабрики и открывали производство и землевладельцы-дворяне, и их крепостные, и мещане, и государственные крестьяне.

А при Александре II началось огульное и беспощадное отрицание всего прошлого, воцарился политический и экономический либерализм. Увлеченное бурным потоком «прогресса» правительство делало лишь противоположное идеалам и задачам тяжелого, но экономически мудрого царствования Николая I.

В своих экономических воззрениях Шарапов исходит из того, что «для России уже наступил момент перехода от роли хлебного поставщика Европы к совершеннейшей экономической независимости», тогда как доктринеры в правящих сферах проводили политику в интересах Запада. С болью и гневом публицист обличал тогдашних государственных мужей в отрыве от родной почвы и в следовании чуждым, не подходящим к условиям России западным теориям, в особенности либеральным учениям о невмешательстве государства в хозяйственную жизнь, показывая, что на деле это выливается в превращение страны в колонию Запада.

Славянофилы-почвенники

Достоевский Федор Михайлович (1821–1881), великий русский писатель, один из высших выразителей духовно-нравственных ценностей русской цивилизации. Творчеству Достоевского посвящена огромная литература едва ли не на всех языках мира, но среди этого моря книг и статей практически нет работ о его экономических воззрениях. Да он и сам писал, что никогда не был экономистом, финансистом. И тут же добавлял: «… и вот туда же за всеми выступаю с статьей экономической». И в названии этой статьи из «Дневника писателя» за 1881 год первым словом стоит: «Финансы».

В действительности Достоевский всегда интересовался экономическими вопросами, знал состояние экономики России и глубоко понимал ее проблемы, в своих художественных и публицистических произведениях высказывался на этот счет. Он имел свою концепцию экономического развития России и места нашей страны в мировой экономике, однако не привел собственные суждения в систему. Это еще предстоит сделать исследователям его творчества. Сегодня можно лишь заложить основы этой большой работы.

Достоевского вместе с узким кругом близким ему по взглядам деятелей принято относить к «почвенникам», однако его вполне можно рассматривать (и по воззрениям в целом, так и по взглядам на экономику) и как славянофила. Он сам писал о себе: «Я во многом убеждений чисто славянофильских, хотя, может быть, и не вполне славянофил». И корни славянофильства он видел гораздо более глубокими, чем это принято считать. В частности, ему принадлежит выражение: «Пушкин – этот главный славянофил России».

Достоевский ощущал себя не просто славянофилом, а чуть ли не единственным продолжателем дела этого направления русской мысли. Он с горечью отмечал «банкротство консервативной партии, бойцы были Катков и Леонтьев – устарели. Н. Данилевский, написав правильную книгу «Россия и Европа», уехал наслаждаться ботаникой, вместо того чтоб стать за правду. Славянофилы в Москве исчезли». Тем большую ответственность за их наследие ощущал писатель.

Именно поэтому Достоевский критикует славянофилов за идеализацию допетровской Руси и за нежелание увидеть новые явления русской жизни в пореформенную эпоху. Он не одобряет яростного неприятия славянофилами западников. По мнению Достоевского, западники – тоже русские люди, только получившие европейское

образование, им нужно лишь стряхнуть с себя вековой сон и приобщиться к народным ценностям. России нужно примирение этих двух лагерей и выработка синтеза традиционных русских воззрений с достижениями европейской мысли.

Способы решения экономических проблем России зависели в первую очередь от того, по какому пути она пойдет после отмены крепостного права – станет ли она капиталистической страной, как ведущие страны Западной Европы, или найдет собственный путь развития, основанный на ее традиционных ценностях. Определенного ответа на этот вопрос жизнь еще не дала, и Достоевский спрашивал самого себя: «Мы перенесли татарское нашествие, потом двухвековое рабство. Теперь надо свободу перенести. Сумеем ли, не споткнемся ли?».

Состояние экономики пореформенной России удручало Достоевского. В самом начале упомянутой статьи из «Дневника писателя» он писал: «Рухнуло крепостное право, мешавшее всему, даже правильному развитию земледелия, – и вот тут-то бы, кажется, и зацвести мужику, тут-то бы, кажется, и разбогатеть ему. Ничуть не бывало: в земледелии мужик съехал прямо на минимум того, что может ему дать земля. И, главное, в том беда, что еще неизвестно: найдется ли даже и впредь такая сила (и в чем именно она заключается), чтоб мужик решился возвыситься над минимумом, который дает ему теперь земля, и попросить у ней максимума… Все прежнее барское землевладение упало и понизилось до жалкого уровня, а вместе с тем видимо началось перерождение всего бывшего владельческого сословия в нечто иное, чем прежде…».

Неудовлетворительное положение выявляется и в других областях жизни страны: «… бедность нарастает всеобщая. Вон купцы повсеместно жалуются, что никто ничего не покупает. Фабрики сокращают производство до минимума…».

По мнению Достоевского, такое развитие событий было следствием нравственного падения экономических деятелей России: «Теперь безлесят Россию, истощают в ней почву, обращают в степь и приготовляют ее для калмыков. Кто это делает? Купечество, скупающее землю, и старинное дворянство – помещики, прежние бойцы за землю, пока их не лишили крепостного права… Идея о детях, идея об отечестве, о будущем идеале – все эти идеи не существуют, разбиты, подкопаны, осмеяны… Но человек, истощающий почву с тем, чтоб «с меня только стало», потерял духовность и высшую идею свою. Может быть, даже просто не существует». И вывод – уже чисто экономический: «А без лесов ведь и финансы понизятся в страшном размере…».

Такие явления свидетельствовали о забвении судеб страны ради сиюминутной выгоды, о несовместимости частной собственности с интересами нации и государства, об угрозе нового рабства для народа России, прежде всего для ее крестьянства: «Вот Россию безлесят, помещики и мужики сводят лес с каким-то остервенением. Положительно можно сказать, что он идет за десятую долю цены, ибо – долго ли потянется предложение? Дети наши не успеют подрасти, как на рынке будет уже в десять раз меньше леса. Что же выйдет, – может быть, гибель. А между тем, подите, попробуйте сказать что-нибудь о сокращении прав на истребление леса и что услышите? С одной стороны, государственная и национальная необходимость, а с другой – нарушение прав собственности. Две идеи противуположные... Вон жиды становятся помещиками, – и вот, повсеместно, кричат и пишут, что они умерщвляют почву России, что жид, затратив капитал на покупку поместья, тотчас же, чтобы воротить капитал и проценты, иссушает все силы и средства купленной земли. Но попробуйте сказать что-нибудь против этого – и тотчас же вам возопят о нарушении принципа экономической вольности и гражданской равноправности. Но какая же тут равноправность, если тут явный и талмудный Status in statu прежде всего и на первом плане, если тут не только истощение почвы, но и грядущее истощение мужика нашего, который, освободясь от помещиков, несомненно и очень скоро попадет теперь, всей своей общиной, в гораздо худшее рабство и к гораздо худшим помещикам – к тем самым новым помещикам, которые уже высосали соки из западнорусского мужика, к тем самым, которые не только поместья и мужиков теперь закупают, но и мнение либеральное…».

И далее: «Уничтожается природа. Уничтожается впечатление гармонии целого в природе».

Таких заметок и в произведениях Достоевского, и в подготовительных материалах к ним очень много.

В чем же причины неблагополучного хода жизни России? Достоевский называет две главные причины. Во-первых, торгашество (термина «рыночная экономика» тогда еще не существовало) и его синоним «жидовство», и, во-вторых, низкопоклонство высших слоев российского общества перед Западом.

Достоевский пояснял, что выражения «жид», «жидовство» не относились им только к евреям, а лишь обозначали известную идею, понятие, направление, характеристику века, когда «чуть-чуть не весь нынешний мир полагает свободу в денежном обеспечении и в законах, гарантирующих денежное обеспечение…» (об отношении писателя к «еврейскому вопросу» см. том «Русская литература»). Этому

греху подвержены и иудеи, и православные, и Достоевский писал о «жидах, христианских и нехристианских…»

Но Достоевский не стеснялся говорить и о том, что именно евреи наиболее активно способствовали распространению в мире этой идеологии и практики торгашества, что они, неизменно жалуясь на мученическую судьбу свою, на деле царят в Европе, управляют там биржами, а стало быть, политикой, внутренними делами, нравственностью государств. В условиях, когда в России утверждались только еще начатки капитализма, русские деловые люди и публицисты оказались не готовы к наступлению нового строя. («Да мы и капиталистами-то, не умели быть: мы знали только один ломбард».) И как раз в это время евреи вышли из черты оседлости и принялись активно осваивать российские богатства.

Достоевского возмущало то, что корпорации разных инородцев богатеют за счет России, а главный, государствообразующий народ страны оказался в неравноправном, приниженном положении по сравнению с другими народами империи: «Все права русского человека – отрицательные».

А ведь русский человек обладает многими замечательными качествами: «Посмотрите на великоруса: он господствует, но похож ли он на господина? Какому немцу, поляку не принужден он был уступать. Он слуга. А между тем, тем-то – переносливостью, широкостью, чутьем своим он и господин. Идеал его, тип великоруса – Илья Муромец».

И он записал для себя лозунг: «Да здравствует великорус, но пусть он больше думает о себе». И высказал свою мечту: «Я не хочу мыслить и жить иначе как с верою, что все наши девяносто миллионов русских, или сколько их тогда будет, будут образованны и развиты, очеловечены и счастливы… С условием 10-й лишь части счастливцев я не хочу даже и цивилизации. Я верую в полное царство Христа… И пребудет всеобщее царство мысли и света, и будет у нас в России. Может, скорее, чем где-нибудь».

Писатель хотел, чтобы развитие производительных сил «направить в новую сторону, государственную, общественную, православную, «а не лично-жидовскую... А государство поддерживает жида (православного или еврейского – все равно) всеми повинностями, тарифами, узаконениями, армиями… Не такова мысль русская, мысль православия. Будь свободен, но неси тяготы всех. Люби всех, и тебя любить будут (не из-под палки)… Земледелие надо поддерживать… Земледелие есть враг жидов».

На деле же распространение торгашества в «верхах» вызывало и удручавшие писателя неблагоприятные сдвиги в нравственном состоянии общества, в том числе и в «низах»: «В народе началось какое-

то неслыханное извращение идей с повсеместным поклонением материализму… преклонение народа перед деньгами, пред властью золотого мешка. В народ как бы вдруг прорвалась мысль, что мешок теперь все, заключает в себе всякую силу, а что все, о чем говорили ему и чему учили его доселе отцы, – все вздор». И еще об этом: «Положение мужика. Есть, от чего в отчаяние прийти. Нет, говорит он, сам пойду в кулаки. И только разве святой останется непоколебимым».

Складывается общество «недоконченных людей», в котором «нет ничего святого», где «экономический принцип прежде всего».

А ведь богатство и в нравственном отношении – категория весьма сомнительная: «Богатство – усиление личности, механическое и духовное удовлетворение, стало быть, отъединение личности от целого».

Этому царству денежного мешка Достоевский противопоставляет православный взгляд на истинное богатство: «А между тем это, в сущности, не свобода, а опять-таки рабство, рабство от денег. Напротив, самая высшая свобода – не копить и не обеспечивать себя деньгами, а «разделить всем, что имеешь, и пойти всем служить». Если способен на то человек, если способен одолеть себя до такой степени, – то он ли после того не свободен? Это уже высочайшее проявление воли!».

Такое развитие событий, когда торгашество пронизывало бы все сферы народной жизни, казалось Достоевскому опасным и с экономической, и с нравственной, и с религиозной точек зрения, более того – угрозой для будущего человечества, вызовом христианству.

А российские «верхи» проводили политику, разрушительную для страны, вели себя «точно варяги, пришедшие по приглашению». И делали они это не по злому умыслу, а потому, что были воспитаны на западноевропейских ценностях и представлениях и потому старались «подтянуть» «отсталую» Россию к нормам «передовой» Европы: «Вся наша западническая партия говорит… не миновать, дескать, общего пути, ибо все народы… одинаковы… Нет, дескать, самостоятельности России». Это проявлялось не только на уровне правительства, но и в рядовых дворянских поместьях: «… отдельное землевладение стоит отдельным элементом – опричником от народа, от земли». «Но главная причина, почему помещики не могут сойтись с народом и достать рабочих, – это потому, что они не русские, а оторванные от почвы европейцы». «Тут главное – давнишний, старинный, старческий и исторический уже испуг наш перед дерзкой мыслью о возможности русской самостоятельности». А в итоге – «русскому, ставшему в действительности европейцем, нельзя не сделаться в то же время естественным врагом России».

Как же могла удовлетворительно развиваться страна, на всех ступенях управленческой иерархии которой находились такие «без вины виноватые» «естественные враги России»?

Достоевский призывал образованное общество России слиться с народом, с почвой, чтобы поднять образованность народной массы и одновременно самим дворянам и интеллигентам проникнуться народным миропониманием. Время после крестьянской реформы, в которое ему пришлось творить, казалось ему самым подходящим для осуществления такого поворота. Но он видел, что жизнь поворачивает на совсем иной путь, и его охватывало сомнение в готовности образованного общества на слияние с народом: «Захочет ли сословие и прежний помещик стать интеллигентным народом?... Не захочет ли, напротив, сословие… стать опять над народом властию силы, уж конечно, не прежним крепостным путем, но не захочет ли, например, оно, вместо единения с народом, из самого образования своего создать новую властную и разъединительную силу и стать над народом аристократией интеллигенции, его опекающей». И может стать популярным лозунг: «А народ опять скуем!»

Но других сановников, чиновников и помещиков в России не было, это не удивительно: «У нас ведь редчайший человек знает нашу Россию». Тогда кто же мог ответить на новые вопросы, поставленные жизнью?

«Ну кто всего ближе стоит к народу? Духовенство? Но духовенство наше не отвечает на вопросы народа уже давно. Кроме иных, еще горящих огнем ревности о Христе священников, часто незаметных, никому не известных, именно потому что ничего не ищут для себя, а живут лишь для паствы, – кроме этих и, увы, весьма, кажется, немногих, остальные, если уж очень потребуются от них ответы, – ответят на вопросы, пожалуй, еще доносом на них…».

Вообще Достоевский, будучи православным русским человеком, был огорчен позицией Церкви, не проявлявшей себя в общественной жизни страны и часто даже поддерживавшей самые ретроградные силы. По его мнению, со времен Петра I Церковь находится «как бы в параличе».

Писатель перебирает другие общественные силы, которые по идее могли бы высказать подлинно народную точку зрения на происходящее в стране: «Затем, одни из ближайших к народу – это сельские учителя. Но к чему годятся и к чему готовы наши сельские учителя?..».

Кое-кто из окружения Достоевского возлагал надежды на набиравшее силу российское купечество, но он этих иллюзий не разделял: «Купец есть лишь развратный мужик. Он всегда готов соеди-

ниться с жидом, чтоб продать всю Россию». Достоевский видел, как купец в пореформенные годы превращался в биржевика и хищника-спекулянта новой, европейской складки.

Вот и получалось, что народ остался один на один с вновь возникшими острейшими вопросами: «Остаются, стало быть, ответы случайные… В результате хаос…». Деревня, в которой быстро шло имущественное расслоение, оказалась бесправной, отданной на разграбление не только помещику, но и кабатчику, и кулаку.

А это было крайне опасным: «Доведет до отчаяния, до бунта… Недоделанная крестьянская реформа. Войдут в отчаяние, подымут вопрос о наделах. Также кулаки начнут агитировать. Сбивать и волновать народ насчет новых царских и золотых грамот и начнут это делать, чтоб отвлечь внимание народа от своих же провинностей. А что делается в судах?».

Достоевский как бы провидел будущие «аграрные беспорядки», покушение крестьян на помещичьи усадьбы: «Я именно знаю случай: покупали крестьяне у соседнего помещика землю и сошлись было в цене, а после этого чтения отступились: «И без денег возьмем». Посмеиваются и ждут». Вот почему надо было бы правительству спросить мнение «серых зипунов», крестьян – и они скажут правду, «и мы все, в первый раз, может быть, услышим настоящую правду». Достоевский до конца дней своих оставался защитником бедных, униженных и оскорбленных.

И все же в сложнейшем переплетении острых проблем современной ему России Достоевский на первое место ставит правильную постановку земледелия и землевладения. На то у него была важная причина: «Это уж какой-то закон природы, не только в России, но и во всем свете: кто в стране владеют землей, те и хозяева этой страны во всех отношениях… если в стране владение землей серьезное, то и все в этой стране будет серьезно…»; «… все: и порядки, и законы, и нравственность, и даже самый ум наций, и все, наконец, всякое правильное отправление национального организма организуется лишь тогда, когда в стране утвердится прочное землевладение. То же самое можно сказать и о характере землевладения: будь характер аристократический, будь демократический, но каков характер землевладения, таков и весь характер нации». Вот почему «земледелие надо поддерживать, ибо промышленность рождается из земледелия, а у нас мимо земледелия, началась спекуляция».

Земля – основа жизни народа, человек должен жить на земле, это как бы земное подобие утраченного им рая: «У всех должна быть земля, и дети должны родиться на земле, а не на мостовой. Пока там негде родить детей. По-моему, работай на фабрике: фабрика тоже

дело законное и родится всегда подле возделанной уже земли: в том ее и закон. Но пусть каждый фабричный работник знает, что у него где-то там есть Сад, под золотым солнцем и виноградниками, собственный, или, вернее, общинный Сад… что его дети с землей растут, с деревьями, с перепелками… и фабрика-то середи Сада устроится… Человечество обновится в Саду и Садом выправится – вот формула… кончится буржуазия и настанет Обновленное Человечество. Оно поделит землю по общинам и начнет жить в Саду… у нас есть и до сих пор уцелел в народе один принцип и именно тот, что земля для него все, и что он все выводит из земли и от земли… это-то и есть нормальный закон человеческий».

И вывод чисто экономический из этого нравственного закона: «А между тем – не будет земледелия, не будет и финансов».

Не был решен не только вопрос о судьбах помещичьего землевладения, но и о будущем быте крестьян: «Вопрос об общине разве из решенных у нас окончательно?». А сохранение и развитие общины, по мнению Достоевского, – залог мирного, не революционного пути решения накопившихся острых социальных проблем.

И Достоевский высказывает свое понимание решения экономических проблем страны: «Я, например, верю как в экономическую аксиому, что не железнодорожники, не промышленники, не миллионеры, не банки, не жиды обладают землею, а прежде всего лишь одни земледельцы; что кто обрабатывает землю, тот и ведет все за собою, и что земледельцы и суть государство, ядро его, сердцевина. А так ли у нас, не навыворот ли в настоящую минуту, где наше ядро и в ком? Не железнодорожник ли и жид владеют экономическими силами нашими? Вот у нас строятся железные дороги и, опять факт, как ни у кого: Европа чуть не полвека покрывалась своей сетью железных дорог, да еще при своем-то богатстве. А у нас последние пятнадцать – шестнадцать тысяч верст железных дорог в десять лет выстроились, да еще при нашей-то нищете и в такое потрясенное экономически время, сейчас после уничтожения крепостного права! И, уже конечно, все капиталы перетянули к себе именно тогда, когда земля их жаждала наиболее. На разрушенное землевладение и создались железные дороги. А разрешен ли у нас до сих пор вопрос о единичном, частном землевладении? Уживется ли впредь оно рядом с мужичьим, с определенной рабочей силой, но здоровой и твердой, а не на пролетарьяте и кабаке основанной? А ведь без здравого разрешения такого вопроса что же здравого выйдет?»

Это не означало, что Достоевский был против строительства железных дорог, против индустриализации России. Но его беспокоило, что в условиях засилья иностранного капитала железные дороги,

выстроенные на налоги с русского крестьянина, послужат не благу родной страны, а интересам западных банкиров, которым легче будет прибрать к рукам наши природные богатства: «Железные дороги, может быть, более повредили России, чем пользы принесли. А впрочем, у нас все так было так, все с Петра Великого, все залпом и неестественно». «Железные дороги в Азию – …если только не пустим, прежде нас, немцев, англичан и американцев, чтоб они взяли все да еще с монополией, а нам не оставили ничего».

Его возмущало то, что «верхи» мало думали о развитии окраин России, а иностранный капитал уже запускал туда свои лапы, да и соседние страны поглядывали на бесхозные русские земли. Он так рисовал позицию высшего российского чиновничества в этом вопросе: «Окраины все это вздор… Россия до Урала, а дальше мы ничего и знать не хотим. Сибирь мы отдадим китайцам и американцам, Среднеазиатские владения подарим Англии. А там какую-нибудь киргизскую землю это просто забудем. Россия-де в Европе, и мы европейцы… Всего лучше разбить по участкам и отдавать на откуп… Все жертвы будут принесены, только б нам избавиться от этого хлама».

Нельзя не поразиться дальновидности Достоевского, который связывал эти два вопроса – строительство железных дорог и освоение окраин – с судьбами России и сохранением ее территориальной целостности в виду растущего населения Китая: «Страшный толчок ожидает общество: дорога в Сибирь, соединение с Сибирью, торговлю можно вызвать в 10 раз. А в бесплодных степях земледелие, усиленное скотоводство и даже фабрики. Россия, соединенная дорогами с Азией. Скажет новое слово, совсем новое слово. Теперь лишь начинается… Южная линия Сибирской железной дороги, будущность Китая… кругом пустые и богатые земли, Сибирь не Средняя Азия, а их, китайцев, бесконечно много, чтоб не помыслить захватить эти земли… все это может быть не сейчас, но, конечно, лет через 50; надо иметь в виду».

Российская бюрократия была убеждена: «Запад нам поможет». Она строила всю политику страны на принципе всемерного привлечения в Россию иностранного капитала, не думая о последствиях этого «тихого захвата России иностранцами». Достоевский в рассказе «Крокодил. Необыкновенное событие, или Пассаж в Пассаже» высмеивает эту политику, вкладывая изложение ее основ в уста Ивана Прокофьевича, «капиталиста, при делах-с»: «Нам нужна… промышленность, промышленности у нас мало. Надо ее родить. Надо капиталы родить, значит, среднее сословие, так называемую буржуазию надо родить. А так как нет у нас капиталов, значит, надо

их из-за границы привлечь. Надо, во-первых, дать ход иностранным компаниям для скупки по участкам наших земель, как везде утверждено теперь за границей. Общинная собственность – яд… гибель! С общиной… ни промышленность, ни земледелие не возвысятся. Надо,.. чтоб иностранные компании скупили по возможности всю нашу землю по частям, а потом дробить, дробить, дробить как можно в мелкие участки… а потом и продавать в личную собственность. Да и не продавать, а просто арендовать. Когда… вся земля будет у привлеченных иностранных компаний в руках, тогда, значит, можно какую угодно цену за аренду назначить. Стало быть, мужик будет работать уже втрое, из одного насущного хлеба, и его можно когда угодно согнать. Значит, он будет чувствовать, будет покорен, прилежен и втрое за ту же цену выработает. А теперь в общине что ему! Знает, что с голоду не помрет, ну и ленится, и пьянствует! А меж тем к нам и деньги привлекутся, и капиталы заведутся, и буржуазия пойдет. Вон и английская политическая и литературная газета «Таймс», разбирая наши финансы, отзывалась намедни, что потому и не растут наши финансы, что среднего сословия нет у нас, кошелей больших нет, пролетариев услужливых нет…».

В условиях равнодушия правящих верхов к назревшим проблемам развития страны писатель возлагает свои надежды на лучших людей России. Но кто эти лучшие люди? Этот вопрос занимал его до последних дней жизни: «Что такое у нас лучшие люди? Дворянство разрушено… У нас Петр Великий, чтоб подавить аристократию бояр, ввел 14 классов («Табель о рангах». – *М.А.*)… Но Петр тоже поступил по западному духу… А между тем без лучших людей нельзя… лучшие пойдут от народа…».

Может быть, представитель «лучших людей» – Влас из произведения Некрасова, после осознания своих прежних неправедных дел пошедший по миру собирать деньги на храм?

Претензии на звание «лучших людей» и «учителей человечества» заявляли многие, и Достоевский призывал таких претендентов доказать справедливость своих притязаний на деле: «Прежде чем проповедовать людям: «как им быть», покажите это на себе. Исполните на себе сами, и все за вами пойдут».

Достоевский верил, что «не могут не определиться лучшие люди, в смысле сознателей правды народной, – не могут. Потому что человеку паче всего нужно то, перед чем преклониться». Конечно, подавляющее большинство людей не подходит под это определение, но речь идет о высшем типе людей: «О, жрать, да спать, да сидеть на мягком – еще слишком долго будет привлекать человека к земле, но не в высших типах его. Между тем высшие типы ведь царят на земле

и всегда царили, и кончалось всегда тем, что за ними шли, когда восполнялся срок, миллионы людей. Что такое высшее слово и высшая мысль? Это слово, эту мысль (без которых не может жить человечество) весьма часто произносят в первый раз бедные, незаметные, не имеющие никакого значения и даже весьма часто гонимые, умирающие в гонении и в неизвестности. Но мысль, но произнесенное ими слово не умирают и никогда не исчезают бесследно… В следующем же поколении или через два-три десятка лет мысль гения уже охватывает все и всех, увлекает все и всех, – и выходит, что торжествуют не миллионы людей и не материальные силы, по-видимому столь страшные и незыблемые, не деньги, не меч, не могущество, а незаметная вначале мысль, и часто какого-нибудь, по-видимому, ничтожнейшего из людей».

Одно время ему показалось, что лучшие люди появились, – это герои прошедшей войны 1877–1878 годов за освобождение балканских славян от турецкого ига. По его словам, это было «движение почти беспримерное в других народах по своему самоотвержению и бескорыстию, по благоговейной религиозной жажде пострадать за правое дело». В этом «заключена вся идея народа русского, в том его служение Христу и жажда подвига за Христа».

Достоевский считал, что «лучшие люди» России должны соединиться, но этого не происходило, потому что в стране не было общего дела, не получалось «пучка» из известной притчи, который никому не сломить, а оставались «разрозненные былинки», которые легко ломал любой враг. И вот в движении за освобождение славян такое «общее дело» вроде бы объявилось: «Россия народная сказала, кого она хочет считать своими лучшими людьми. Не биржевиков, меряющих аршином близорукой выгоды. Крови жалко, но пусть умрем, – скажет русский… Но уж в том великая выгода, что мы узнали, что вас не хочет Россия, не поклонились еще жиду… Выгода России – в том, наконец, что она пошла заодно с народом». Лучшими народ признал «тех, которые идут на подвиг».

И в момент свершения Россией этого подвига на стороне турок встала Западная Европа: «Пусть турки сдирают кожу живьем с балканских славян – Европа не хочет и видеть такую мелочь по сравнению со спокойствием для капитала, который пуглив, боится войны и потому не позволяет осудить турок за их бесчеловечие. «Вот мнение Европы… вот – интересы цивилизации, и – да будут они опять-таки прокляты!».

Эти действия Европы еще раз убедили Достоевского в ее извечной вражде к России, хотя наша страна ничем такого отношения к себе не заслужила: «Россия со времени того, как вошла в состав

Европы, ущербу Европе не нанесла, а лишь вся служила Европе, нередко в страшный ущерб себе… Двести уже лет живет Европа с Россией, насильно заставившей принять себя в европейский союз народов, в цивилизацию; но Европа всегда косилась на нее, предчувствуя недоброе, как на роковую загадку, Бог знает откуда явившуюся и которую надо, однако же, разрешить во что бы то ни стало».

Несмотря на нашу доброжелательность, Европа не пропускала случая, чтобы ущемить интерес России. Достоевскому ясно: «У нас в Европе нет и никогда не будет союзников».

Это писал Достоевский, знавший и любивший лучшие достижения европейской культуры. Более того, он считал: «У нас, русских, две родины: наша Русь и Европа…».

Но далеко не все европейское радовало Достоевского. Его тревожило общественное развитие ведущих европейских стран, в особенности Франции, и в первую очередь ему казалось опасным распространение буржуазной идеологии и, как реакции на это, теорий социализма и коммунизма, отголоски которых уже будоражили общественное мнение и в России (Достоевский сам был приговорен к смертной казни, а затем попал на каторгу именно за увлечение идеями французского утопического социализма, и следы этого увлечения проявлялись в его творчестве и в более поздние годы). Причем, если на Западе в основе социалистических теорий лежал расчет, то в России – совсем другое: «У наших же, у русских бедненьких, беззащитных мальчиков и девочек, есть еще свой, вечно пребывающий основной пункт, на котором еще долго будет зиждиться социализм, а именно, энтузиазм к добру и чистота их сердец».

По страницам произведений писателя разбросано множество мыслей об особенностях жизни в странах Западной Европы, в которых он побывал. В частности, он заметил, что западноевропейское общество – это общество узких профессионалов: «Тут каждый свое дело знает, хотя, впрочем, каждый только свое дело и знает». Но общая картина жизни Запада рисуется им так: «… матерьялизм, слепая, плотоядная жажда личного матерьяльного обеспечения. Жажда личного накопления денег всеми средствами – вот все, что признано за высшую цель, за разумное, за свободу, вместо христианской идеи спасения лишь посредством теснейшего нравственного и братского единения людей».

По наблюдениям Достоевского, во Франции «олигархи имеют в виду лишь пользу богатых, демократия лишь пользу бедных, а об общественной пользе, пользе всех и о будущем всей Франции там уже никто теперь не заботится, кроме мечтателей социалистов и мечтателей позитивистов…», а мечтателями управляют всевозмож-

ные спекулянты. Лозунг тех, кто идет на смену буржуазии, прост: «Прочь с места, я стану вместо тебя!».

И Достоевский формулирует суровый закон развития общества: «…Все те умы, которые по вековечным законам природы обречены на вечное мировое беспокойство, на искание новых формул идеала и нового слова, необходимых для развития человеческого организма, – все те бросились ко всем униженным и обойденным, ко всем не получившим доли в новой формуле человеческого единения, провозглашенной французской революцией 1789 года. Они провозгласили свое уже новое слово, именно необходимость всеединения людей, уже не ввиду распределения равенства и прав жизни для какой-нибудь одной четверти человечества, оставляя остальных лишь сырым материалом и эксплуатируемым средством для счастья этой четверти человечества, а напротив: всеединения людей на основаниях всеобщего уже равенства, при участии всех и каждого в пользовании благами мира сего, какие бы они там ни оказались. Осуществить же это решение положили всякими средствами, то есть отнюдь уже не средствами христианской цивилизации и не останавливаясь ни перед чем».

И еще раз о том же: «У миллионов демоса… на первом месте, во главе всех желаний, стоит грабеж собственников. Но нельзя винить нищих: олигархи сами держали их в этой тьме и до такой степени, что… все эти миллионы несчастных и слепых людей, без сомнения, в самом деле и наивнейшим образом думают, что именно через этот-то грабеж они и разбогатеют и что в том-то и состоит вся социальная идея… Тем не менее они победят несомненно, и если богатые не уступят вовремя, то выйдут страшные дела. Но никто не уступит вовремя, – может быть и от того, впрочем, что уже прошло время уступок. Да нищие и не захотят их сами, не пойдут ни на какое теперь соглашение, даже если б им все отдавали: они все будут думать, что их обманывают и обсчитывают. Они хотят расправиться сами».

Революции происходят от того, что господствующие классы не сознают изменений, происшедших в обществе, не принимают вовремя мер, которые смягчили бы социальную напряженность, и цепляются за свои привилегии, хотя уже давно не имеют на них морального права.

На глазах Достоевского происходило становление объединений социалистов и коммунистов на Западе, знал он и о распространении учения Карла Маркса, о создании Интернационала.

Достоевский выступил противником Маркса и его учения о социализме и коммунизме, заметив самое уязвимое место этой теории, мимо которого прошли почти все другие исследователи. Маркс,

анализируя английский капитализм XIX века, проявил себя не только как глубокий исследователь, но и как страстный обличитель этого бесчеловечного строя. При этом он упрекал вульгарных политико-экономов в том, что они, служа капиталу, отказываются от поисков истины и переходят к апологетике тех сил, которые оплачивают эти их корыстные занятия, выдают свои мечтания за некие экономические законы. Однако он и сам не избежал такого греха перед наукой, как подтасовка фактов ради получения желаемых выводов.

Осудив капитализм и капиталистов, Маркс искал ту общественную силу, которая устранит этот бесчеловечный строй. Логика подсказывала ему, что ненавидеть капитализм должен угнетаемый капиталистами пролетарий. И Маркс именно в нем увидел грядущего могильщика капиталистического строя и будущий господствующий класс переходного (от капитализма к коммунизму) общества.

Никаких объективных предпосылок для такого вывода не было. Ведь, например, в феодальном обществе угнетаемым классом было крестьянство. Однако ведь не крестьянство же стало господствующим классом после свержения феодализма! И Маркс это отлично знал. И тем не менее он пошел на откровенную подтасовку научных выводов и создал свою теорию диктатуры пролетариата как неизбежного инструмента для свержения капитализма и построения социалистического общества. Согласно этой теории пролетариат свергает буржуазию и превращается в господствующий класс, который ведет все общество к светлому социалистическому, а затем и коммунистическому будущему.

Трудно сказать, сознавал ли Маркс последствия этой своей подтасовки. Но получилось так, что он вместо того, чтобы стать пророком нового мира, оказался всего лишь создателем теории «научного анархизма». Ведь государство, по его убеждению, при коммунизме отомрет. Анархисты, не имея никакой теоретической базы, требуют немедленной ликвидации государства, но это невозможно. Вот у Маркса и появляется переходный период диктатуры пролетариата, в течение которого должны быть созданы все предпосылки для уничтожения государства. Невинная на первый взгляд подтасовка привела к таким грандиозным и кровавым последствиям, которые исказили весь ход истории человечества на протяжении полутора веков. И Достоевский это предвидел, предупреждал об опасности непродуманных и скоропалительных выводов из сомнительных теорий общественного развития.

В действительности свергает отживший строй не угнетенный класс, а те общественные силы, которые способны двигать общество дальше по пути прогресса, каким он пока понимается челове-

чеством. Но пролетарий такой общественной силой не стал. И едва ли не первым заметил это Достоевский, который после поездки в Западную Европу написал свои знаменитые «Зимние заметки о летних впечатлениях».

Во Франции, по его наблюдениям, шла «упорная, глухая и уже застарелая борьба, борьба на смерть общезападного личного начала с необходимостью хоть как-нибудь ужиться вместе, хоть как-нибудь составить общину и устроиться в одном муравейнике; хоть в муравейник обратиться, да только устроиться, не поедая друг друга не то обращение в антропофаги!». Но в итоге все равно придется «поклониться Ваалу».

Писатель выставляет во всей его неприглядности главного деятеля французского общества – буржуа, живущего единственным стремлением – «накопить денежки и завести как можно больше вещей, тогда и можно рассчитывать хоть на какое-нибудь уважение… Странный человек этот буржуа: провозглашает прямо, что деньги есть высочайшая добродетель и обязанность человеческая, а между тем ужасно любит поиграть и в высшее благородство.. На театре подавай ему непременно бессребреников». И все же буржуа ужасно боится будущего.

«Кого же бояться? Работников? Да ведь работники все в душе собственники: весь идеал их в том, чтоб быть собственниками и накопить как можно больше вещей; такая уж натура… Земледельцев? Да ведь французские земледельцы архисобственники, самые тупые собственники, то есть самый лучший и самый полный идеал собственника, какой только можно себе представить. Коммунистов? Социалистов, наконец? Но ведь этот народ сильно в свое время профершпилился (от немецкого verspielen – проигрывать. – *М.А.*), и буржуа в душе глубоко его презирает, а между тем все-таки боится. Да, вот этого-то народа он до сих пор и боится».

Боится «этого народа» буржуа потому, что выдвинутые буржуазной революцией лозунги «liberté, egalité, fraternité» («свобода, равенство, братство») оказались нежизненными, а главное – экономически несостоятельными: «Что такое liberté? Свобода. Какая свобода? Одинаковая свобода всем делать все что угодно в пределах закона. Когда можно делать все что угодно? Когда имеешь миллион. Дает ли свобода каждому по миллиону? Нет. Что такое человек без миллиона? Человек без миллиона есть не тот, который делает все что угодно, а тот, с которым делают все что угодно».

Пролетарий, по Достоевскому, в душе такой же собственник, как и буржуа. Просто буржуа «ухватил» собственность, а пролетарию она не досталась, и он этим разъярен. Но пролетарий отнюдь не

прочь стать таким же собственником. Какой же он могильщик буржуазного, капиталистического строя?

Равенство всех перед законом не есть равенство ролей в жизни общества. Богатый и бедный лишь юридически равны, но в реальной жизни богатый – хозяин, а бедный – раб его.

Ну а братство – «это статья самая курьезная и, надо признаться, до сих пор представляет главный камень преткновения на Западе. Западный человек толкует о братстве как о великой движущей силе человечества и не догадывается, что негде взять братства, коли его нет в действительности. Что делать? Надо сделать братство во что бы то ни стало. Но оказывается, что сделать братства нельзя, потому что оно само делается, дается, в природе находится. А в природе французской, да и вообще западной, его в наличности не оказалось, а оказалось начало личное, начало особняка, усиленного самосохранения, самопромышления, самоопределения в своем собственном Я…». В самой природе западного человека неискоренимы индивидуализм и эгоцентризм, и это – почва и для нигилизма, и анархизма.

Противоположностью этому индивидуализму западного человека должна служить не безличность, а такое высшее развитие личности, когда она готова к самовольному, совершенно сознательному и никем не принужденному самопожертвованию всего себя в пользу всех. На Западе этого нет. Поэтому социалисты соблазняют народ разными проектами фаланстеров и прочих коммун, подсчитывая, сколько выгадает каждый – его обещают кормить, поить, работой обеспечить. «Нет, не хочет жить человек и на этих расчетах… Ему все кажется сдуру, что это острог и что самому по себе лучше, потому – полная воля. «Другими словами: хоть и возможен социализм, да только где-нибудь не во Франции». И социалисту остается предъявить обществу ультиматум: «свобода, равенство, братство – или смерть!».

В Лондоне Достоевский увидел повальное субботнее пьянство рабочих: «Точно бал устраивается для этих белых негров». Уж тут-то вообще нечего и думать о социализме, о братстве всех людей.

Общий итог размышлениям на эту тему Достоевский выразил для себя в одной фразе: «Коммунизм! нелепость!.. Учение «скотское». Однако он вкладывает в уста Версилова в «Подростке» мысль о неминуемости коммунизма: «Жизнь людей разделяется на две стороны: историческую и ту, какая бы должна быть (оправданную Христом, явившимся во плоти человеческой). Та и другая сторона имеют неизменные законы. По этим законам коммунизм восторжествует (правы ли, виноваты ли коммунисты). Но их торжество будет самою крайнею

точкою удаления от Царства небесного. Но торжества надо ждать. Его, однако же, никто не ждет из правящих судьбами мира сего. И однако же, высшим благом было бы, если б Россия поняла коммунизм Европы, тогда бы поняла в то же время, как далека от него».

Мысль о невозможности искусственного конструирования социализма Достоевский вложил в уста одного из персонажей своего романа «Преступление и наказание» Разумихина. По словам этого юноши, социалисты полагают, «что если общество устроить нормально, то разом и все преступления исчезнут, так как не для чего будет протестовать, и все в один миг станут праведными. Натура не берется в расчет, натура изгоняется, натуры не полагается! У них не человечество, развившись историческим, живым путем до конца, само собою обратится наконец в нормальное общество, а, напротив, социальная система, выйдя из какой-нибудь математической головы, тотчас же и устроит все человечество и в один миг сделает его праведным и безгрешным, выше всякого живого процесса, без всякого исторического и живого пути!».

Нет, не только идеального (какого на земле просто не может быть), а хоть мало-мальски сносного общества нельзя построить «с не готовыми, с не выделанными к тому людьми никакие правила не удержатся и не осуществятся…». «А без чистого сердца полного, правильного сознания не будет».

Теоретики социализма обещали, что «новый, будущий человек», готовый для социалистического общежития, вот-вот появится. Достоевский возражал: «Таких людей, то есть «Власов», мы уже видели и видим у нас во всех сословиях, и даже довольно часто; тамошнего же (европейского) «будущего человека» мы еще нигде не видели, и сам он обещал прийти, перейдя лишь реки крови».

Вообще эти идеальные схемы общественного устройства были, по мнению Достоевского, не только неосуществимы, но и губительны для людей: «Вдруг бы все знания так и свалились на человечество и, главное, совершенно даром… что бы тогда сталось с людьми? .. сперва все бы пришли в восторг… «… нет уже более беспрерывного труда, чтобы как-нибудь прокормиться, и теперь все займутся высшим, глубокими мыслями, всеобщими явлениями»… Но вряд ли и на одно поколение людей хватило бы этих восторгов! Люди вдруг увидели бы, что жизни уже более нет у них… что исчез человеческий лик, и настал скотский образ раба, образ скотины, с тою разницею, что скотина не знает, что она скотина, а человек узнал бы, что он стал скотиной. И загнило бы человечество…».

В то же время герои произведений Достоевского признают и относительную правду социализма, и ее недостаточность: «… накор-

мить и распределить права на корм человечеству в данный момент есть тоже великая идея… Но идея второстепенная и подчиненная, потому что после корма человек непременно спросит, для чего же мне жить. Так что все эти второстепенные задачи, которые задает себе человечество, кажутся лишь отводом глаз от великой идеи: вот, дескать, дитя малое, займись чем-нибудь на досуге, не думай о великой задаче. И поверьте, если добудут корм для всех людей, тотчас же себе другую второстепенную идею выдумают для временного занятия и отвода, только бы не думать о великой идее. Человечество всю свою жизнь так делало».

Достоевский прослеживает религиозные (точнее, антирелигиозные) корни идей социализма и коммунизма: «Социализм французский есть не что иное, как насильственное единение человечества – идея, еще от древнего Рима идущая и потом всецело в католичестве сохранившаяся». Этот социализм отрицает свободу воли – высший дар Бога человеку. Мечты о «хрустальном дворце» – это та же гегелевская идея о «конце истории».

Достоевский считал, что характеры француза, немца, англичанина в процессе исторического развития этих стран отлились в известную законченную форму. А русский национальный характер находится еще в процессе развития, и русские способны преодолеть узость сложившихся на Западе общественных форм. В этом заключалось историческое призвание России, которая будет в состоянии отыскать более высокие общечеловеческие идеалы: «Русский человек передовой, и мысль его дальше всех. Носитель всемирного идеала».

Достоевский разоблачает не только идеи утопического социализма, но и различные другие экономические теории, распространенные на Западе. В частности, он считает ошибочной теорию Мальтуса, согласно которой население растет в геометрической, а средства существования – лишь в арифметической прогрессии, а потому бедность – это вечный закон природы, и нет другого способа борьбы с ней, кроме ограничения рождаемости для бедняков: «Идея Мальтуса о геометрической прогрессии населения без сомнения неверна; напротив, достигнув известного предела, население может даже совсем останавливаться… Многоземельные государства будут самые огромные и сильные. Это очень интересно для русских».

Другая западная теория – учение Бентама о том, что люди должны в своих поступках руководствоваться принципом пользы, была весьма распространена и в России. В частности, корни этой идеи находили и в теории «разумного эгоизма» Чернышевского. Достоевский высмеял учение Бентама, создав в романе «Преступление

и наказание» образ такого бентамиста Петра Петровича Лужина. Вот образец его рассуждения, так сказать, символа веры: «Если мне, например, до сих пор говорили: «возлюби», то я возлюблял, то что из этого выходило?... выходило то, что я рвал кафтан пополам, делился с ближним, и оба мы оставались наполовину голы, по русской пословице: «Пойдешь за несколькими зайцами разом, и ни одного не достигнешь». Наука же говорит: возлюби, прежде всех, одного себя, ибо все на свете на личном интересе основано. Возлюбишь одного себя, то и дела свои обделаешь как следует, и кафтан твой останется цел. Экономическая же правда прибавляет, что чем более в обществе устроенных частных дел и, так сказать, целых кафтанов, тем более для него твердых оснований и тем более устраивается в нем и общее дело. Стало быть, приобретая единственно и исключительно себе, я именно тем самым приобретаю как бы и всем и веду к тому, чтобы ближний получил несколько более рваного кафтана и уже не от частных, единичных щедрот, а вследствие всеобщего преуспеяния. Мысль простая, но, к несчастию, слишком долго не приходившая, заслоненная восторженностью и мечтательностью…».

Этому коммунистическо-католическому пониманию социализма и вульгарно-экономическим воззрениям Достоевский противопоставляет русско-православное понимание подлинно человеческого общества: «Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа Русского: он верит, что спасется лишь в конце концов всесветным единением во имя Христово. Вот наш русский социализм!».

Свой «символ веры» в национальном вопросе Достоевский уложил тоже в одну фразу: «Идеал красоты человеческой – русский народ». Этот общественный его идеал вытекал из идеала религиозного: «Христос, высочайший положительный идеал человека».

Давно сказано, что легко любить Родину и ее народ в минуты их славы, гораздо труднее проявлять эту любовь во времена упадка страны и народа. Многие российские интеллигенты возражали Достоевскому, указывая на некультурность и пороки русского простонародья. Писатель давал им отповедь: «Пусть народ грязен, невежествен, варварствен… но во всю мою жизнь я вынес убеждение, что народ наш несравненно чище сердцем высших наших сословий…».

И отсюда следовал вывод: «… судите русский народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно вздыхает… Нет, судите наш народ не по тому, чем он есть, а по тому, чем желал бы стать. А идеалы его сильны и святы, и они-то и спасли его в века мучений…».

Один из оппонентов Достоевского написал: «Пусть лучше идеалы будут дурны, да действительность хороша». На это немедленно последовал ответ писателя: «Это желание совершенно невозможное: без идеалов, то есть без определенных хоть сколько-нибудь желаний лучшего, никогда не может получиться никакой хорошей действительности. Даже можно сказать положительно, что ничего не будет, кроме еще пущей мерзости».

Веря в лучшие качества своего народа, Достоевский не закрывал глаза на действительные недостатки своих соотечественников и даже на то, что они подчас поклоняются не тому, перед чем следовало бы благоговеть: «…но все же я хотел бы святынь хоть капельку посвятее; не то стоит ли им поклоняться?»..

Но главное – Достоевский понимал, на чем должна основываться нравственность народа, призванного сыграть мессианскую роль в мировой истории: «Всякий великий народ верит и должен верить, если только хочет быть долго жив, что в нем-то, и только в нем одном, и заключается спасение мира, что живет он на то, чтоб стоять во главе народов, приобщить их всех к себе воедино и вести их, в согласном хоре, к окончательной цели, всем им предназначенной… Вера в то, что хочешь и можешь сказать последнее слово миру, что обновишь наконец его избытком живой силы своей, вера в святость своих идеалов, вера в силу своей любви и жажды служения человечеству, – нет, такая вера есть залог самой высшей жизни наций, и только ею они и принесут всю ту пользу человечеству, которую предназначено им принести, всю ту часть жизненной силы своей и органической идеи своей, которую предназначено им самой природой, при создании их, уделить в наследие грядущему человечеству. Только сильная такой верой нация и имеет право на высшую жизнь».

В отличие от старших славянофилов Достоевский видел положительное значение реформ Петра I: «Через реформу Петра произошло расширение прежней же нашей идеи, русской московской идеи… мы сознали тем самым всемирное назначение наше… там (на Западе. – *М.А.*) каждая народная личность живет единственно для себя и в себя, а мы… станем всем слугами, для всеобщего примирения».

Хотя Достоевский и писал, что «свое цельное управление имеют лишь три нации: Англия, Россия и Америка (?)», по его убеждению, Российское государство еще далеко от того, каким оно должно стать для выполнения своей исторической миссии, и ждет своего великого преобразователя: «Государство создается для средины…. Нет, всегда вели избранные… И тотчас после этих мужей середина… формулировала на идеях высших людей свой серединненький ко-

декс. Но приходил опять великий человек и всегда потрясал кодекс… Мы не только абсолютного, но более или менее даже законченного государства еще не видали. Все эмбрионы». «Все, что взято из Европы, в сущности, не привилось, а держится лишь кое-как соединяясь с народным обычаем, и получило далеко не европейскую форму».

Один из героев романа Достоевского «Подросток» Версилов говорит: «Россия только что собирается жить». Ему возражают: «Это тысячу-то лет?». Он отвечает: «Большому кораблю большие и сборы». Россия еще не обрела той национальной идеи, какая сделала бы ее духовным лидером мира: «Такой высокий организм, как Россия, должен сиять и огромным духовным значением». Смерть застала Достоевского в тот момент, когда он, видимо, уже был готов высказать свое понимание экономики и политики с полным учетом духовно-нравственной стороны жизни человека и общества.

Славянофилы-панслависты

Данилевский Николай Яковлевич (1822–1885), мыслитель, философ, социолог, естествоиспытатель.

Он родился в селе Оберец Ливенского уезда на Орловщине в семье генерала[24]. В 1842 году окончил Царскосельский лицей и поступил в качестве вольного слушателя на физико-математический факультет Петербургского университета. Получил степень магистра ботаники на естественном факультете того же университета. Увлекшись идеями Фурье, примкнул к петрашевцам и за принадлежность к этой группе просидел 100 дней в Петропавловской крепости. Был выслан из Петербурга, работал чиновником в канцелярии вологодского губернатора, а затем при губернаторе Самары. Свою научно-литературную деятельность начал в конце 1850-х годов, опубликовав в журнале «Отечественные записки» статьи об Александре фон Гумбольдте. В 1850-е занимался рыбоводством на Волге, в Каспийском море, на Русском Севере. В 1860-е годы приступил к исследованию проблем цивилизации. В книге «Россия и Европа», вышедшей в 1871 году, развивает теорию культурно-исторических типов человечества. По его учению, общечеловеческой цивилизации нет и быть не может. Существуют лишь ее различные типы, такие как египетский, китайский, ассиро-вавилоно-финикийский, еврейский, греческий, римский, германо-романский, славянский (русский).

24 Сведения о Н. Я. Данилевском приводятся по Большой энциклопедии русского народа «Святая Русь», том «Русское мировоззрение».

Каждая цивилизация имеет самобытный характер и развивается по собственным законам.

В целом выводы Данилевского о природе цивилизации сводятся к следующему:

– всякое племя или семейство народов, характеризуемое отдельным языком или группой языков, близких между собой, составляет самобытный культурно-исторический тип, если оно по своим духовным задаткам способно к историческому развитию;
– чтобы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходима политическая независимость ее народов;
– начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает ее для себя при большем или меньшем влиянии чуждых ему предшествовавших или современных цивилизаций;
– цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, только тогда достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, ее составляющие, когда они, не будучи поглощены одним политическим целым, пользуются независимостью, составляют федерацию или политическую систему государства.

В современной истории Данилевский более всего уделяет внимание германо-романским и славянским типам, последний из которых только начинает оформляться. Основы цивилизационного культурно-исторического типа не передаются цивилизации другого типа. Период роста культурно-исторического типа неопределенен. Период же его цветения и плодоношения краток. Последний период исчерпывает раз и навсегда жизненные силы культурно-исторического типа. «Человечество», по мнению Данилевского, – это абстракция, пустое понятие, а народ – конкретная и существенная действительность. Значение культурно-исторических типов состоит в том, что каждый из них выражает идею человека по-своему, а эти идеи, взятые как целое, составляют нечто всечеловеческое. Господство одного культурно-исторического типа, распространенное на весь мир, означало бы постепенную деградацию. Данилевский подчеркивал враждебный и агрессивный характер западной цивилизации по отношению к формирующемуся самобытному славянскому типу и настаивал на необходимости утверждения на Востоке Всеславянского союза, призванного служить гарантом всемирного равнове-

сия. Этот союз, с точки зрения Данилевского, должен стать «мерою чисто оборонительной», ибо «всемирная ли монархия, всемирная ли республика, всемирное ли господство одной системы государств, одного культурно-исторического типа – одинаково вредны и опасны для прогрессивного хода истории».

Данилевский полагал, что ни один из культурно-исторических типов не может претендовать на то, что он представляет высшую току мирового развития человечества. Вместе с тем он подразделяет культурно-исторические тиры на уединенные, которые не передают плодов своей деятельности, и преемственные, способные подготавливать почву для развития последующих культурно-исторических типов. Воздействие преемственных культурно-исторических типов определяется им как пересадка, прививка и удобрение. Пересадка обычно осуществляется посредством колонизации. Народ, подвергшийся прививке, превращается в средство для чужеродного культурно-исторического типа. Удобрение же, напротив, способствует развитию и того народа, который удобряет, и того, который удобряется. Но, знакомясь с ценностями другого культурно-исторического типа, новый тип может заимствовать только то, что «стоит вне сферы народности». Каждый культурно-исторический тип должен создавать свои собственные основы самостоятельно. «Дух», «природа» народов не заимствуется, ибо в противном случае они усваивают чужую культуру, утрачивая собственную. А это означает обречь себя на подражательность, признать бессмысленным свое историческое прошлое и будущее.

Хотя сам Данилевский может быть причислен к славянофилам, путь, который он прошел, чтобы получить те же самые славянофильские выводы, был совершено самостоятельный, совсем иной, чем у его предшественников Хомякова и Киреевского. Сам Данилевский оценивал славянофилов так: «Учение славянофилов было не чуждо оттенка гуманности, что, впрочем, иначе и не могло быть, потому что оно имело двоякий источник: германскую философию, к которой оно относилось только с большим пониманием и большею свободой, чем его противники, и изучение начал русской и вообще славянской жизни – в религиозном, историческом, поэтическом и бытовом отношениях. Если оно напирало на необходимость самостоятельного национального развития, то отчасти потому, что, сознавая высокое достоинство славянских начал, а также видя успевшую уже высказаться в течение долговременного развития односторонность и непримиримое противоречие начал европейских, считало, будто бы славянам суждено разрешить общечеловеческую задачу, чего не могли сделать их предшественники».

В отличие от большинства славянофилов, веривших в мессианские задачи русского народа, Данилевский, исходя из своей теории культурно-исторических типов, отрицал возможность существенного влияния славяно-русской цивилизации на западную и другие цивилизации. Вместе с тем он считал, что славянской (русской) цивилизации принадлежит будущее. Именно славянская цивилизация должна прийти на смену угасающей западной. Славянская цивилизация в отличие от западной неагрессивна. В ней общественный элемент преобладает над личным, индивидуальным, ибо психология славян сложилась преимущественно под влиянием Православия. России предстоит сделать выбор: либо вместе с другими славянскими народами создать всеславянскую цивилизацию, либо полностью утратить свое культурно-историческое значение и стать этнографическим материалом для других цивилизаций. Данилевский считал необходимым создание Всеславянского союза или федерации – добровольного объединения славянских народов вокруг России. Столица этого союза равноправных славянских народов должна быть установлена в бывшем Константинополе, «пророчески именуемом славянами Царьградом».

Связывая главные понятия бытия – Бога и материи, Данилевский осознавал их через понятие красоты. «Бог пожелал создать красоту, – писал он, – и для этого создал материю». «Красота есть единственная духовная сторона материи – следовательно, красота есть единственная связь этих двух основных начал мира. То есть красота есть единственная сторона, по которой она (материя) имеет цену и значение для духа, – единственное свойство, которому она отвечает, соответствует потребностям духа и которое в то же время совершенно безразлично для материи как материи. И наоборот, требование красоты есть единственная потребность духа, которую может удовлетворить только материя».

Данилевский считал, что гармонию Вселенной, которая явлена человеку в красоте окружающего мира, невозможно объяснить без допущения идеи целеустремленности всего сущего к взаимной согласованности. В основе ее лежит недоступное человеческому разумению божественное целеполагание, проявляющееся также в функционировании каждого организма, в приспособленности растений и животных к окружающей среде, в общей направленности жизненных процессов на Земле. Все сущее, считал Данилевский, развивается по единому закону – закону зарождения, расцвета и увядания. Каждая более или менее целостная система любого уровня сложности есть замкнутый мир, живущий и умирающий в меру отпущенных ему сил и возможностей. В результате исчерпывания внутрен-

них потенций восходящее развитие формы сменяется нисходящим, и она деградирует. Подобный процесс и приводит, по Данилевскому, к вымиранию определенных видов растений и животных. По аналогии с природой, с многообразием видов, которым отведено свое место во времени и пространстве, историю можно считать чередованием (или сосуществованием) самобытных, эквивалентных по своей ценности больших и малых культур. Одни из них преимущественно религиозны (Древний Восток), другие ориентированы на создание художественных ценностей (Греция), третьи основаны на стремлении сформулировать юридические установления и следовать им (Рим) и т.п. В основе каждой культуры в качестве ее энергетического центра лежит национальное начало, способное к развитию благодаря сообщенной ему божественной энергии. Совокупность племен, ощущающих внутренне единство и говорящих на родственных языках, может развиться в культурно-исторический тип.

В 1864 году Данилевский покупает имение на Южном берегу Крыма. Здесь в гостях у Данилевского бывали славянофилы Н.Н. Страхов, И.С. Аксаков, здесь же в 1885 году побывал Л.Н. Толстой, который с глубокой симпатией отнесся к Данилевскому. В Крыму Данилевский ведет научно-исследовательскую работу, является директором Никитского ботанического сада. В последние годы жизни работал над трудом, в котором опровергал дарвинизм. Критикуя дарвиновскую теорию естественного отбора, Данилевский определял свой труд как «естественное богословие». Он стремился рассмотреть природную эволюцию, исходя из единства материи и духа. Данилевский не успел закончить свой труд – он скоропостижно скончался в городе Тифлисе во время очередной научной поездки.

Труды Данилевского оказали большое влияние на развитие русской и мировой философской мысли и, в частности, на формирование взглядов О. Шпенглера и А. Тойнби.

Главная заслуга Данилевского – его учение о цивилизациях, имеющее в науке характер мирового открытия. Данилевский утверждал, что история человечества – это сосуществование или смена цивилизаций (всего Данилевский насчитал их тринадцать), вступающих в борьбу за существование подобно биологическим видам. Если исключить типы, имеющие чисто местное значение, то ведущие характеризуются следующим образом.

Вся культура древних евреев была построена на религиозной основе. Древние греки в основу своей культуры ставили красоту. Римляне подчинили все свое существование достижению политического могущества. Эти три цивилизации можно назвать одноосновными. То, что античные цивилизации основывались на рабстве, исключа-

ло для них возможность развития социально-экономической идеи. А возникшие на месте Римской империи западноевропейские народы создали двухосновную романо-германскую цивилизацию, соединив политическое могущество с культурой, прежде всего промышленного и научного характера. Искажение христианства в католицизме и протестантизме закрыло для этой цивилизации возможность утвердиться на незыблемом религиозном основании, а склонность решать все проблемы насильственным путем, изначально присущая западноевропейцам (особенно немцам), исключает путь социально-экономического прогресса.

Проследив исторический путь развития русского народа и описав основные черты его национального характера, Данилевский выражает «надежду, что славянский культурно-исторический тип в первый раз представит синтезис всех сторон культурной деятельности» и «будет полным четырехосновным культурно-историческим типом». Для этого высшим сословиям России, «привыкшим презрительно смотреть на все русское», надо избавиться от «затемнения своеобразного русского взгляда на вещи европейничаньем».

Если основоположники славянофильства романтически смотрели на Европу, рассчитывая, что со временем Россия, восстановив свою самобытность, поможет своим европейским странам-сестрам подняться в духовном отношении, то Данилевский говорит о «коварстве Европы», об исторически сложившихся агрессивности и эгоизме европейцев. Эти их свойства в политике привели к колониализму, угнетению, а то и поголовному истреблению других народов, нещадной эксплуатации наемных работников, навязыванию своей веры огнем и мечом.

Хотя пионером цивилизационного подхода в науке был именно Данилевский, это открытие чаще всего связывают с именами немецкого философа и историка Освальда Шпенглера (1880–1936) и английского историка и социолога Арнолда Джозефа Тойнби (1889–1975). Зато Шпенглер в своем знаменитом труде «Закат Европы» прямо сказал, что Европа исчерпала свой творческий и жизненный потенциал и после 2000 года мировое лидерство перейдет к России. В наши дни наиболее известным представителем цивилизационного подхода стал, как известно, С. Хантингтон, предсказывающий, что главные события XXI века будут связаны с конфликтами цивилизаций.

Идейная основа главного труда Данилевского определила и направленность других его работ, в том числе и экономических. А Данилевскому принадлежит ряд глубоких работ по экономике, содержавших новые оригинальные идеи и помогающие лучше понять

подлинное состояние народного хозяйства, финансов и внешней торговли России конца XIX века.

Особенно важное значение имели статьи Данилевского «Несколько мыслей по поводу упадка ценности кредитного рубля, торгового баланса и покровительства промышленности» (1867) и «О низком курсе наших денег и новых источниках государственных доходов» (1886), в которых раскрывался механизм закабаления России западным капиталом.

В это время сильно падал курс рубля, и в русской экономической литературе это явление объяснялось тем, что бумажных рублей выпущено в обращение слишком много. Отрицалась сама возможность иметь для России благоприятный торговый баланс, сильны были позиции фритредеров, возражавших против введения протекционистских мер, особенно таможенных тарифов (пошлин). Немногие противники этих взглядов выступали с общими положениями, не подкрепленными количественным анализом экономических процессов, а качественного анализа было недостаточно для убедительного доказательства неправоты господствующей точки зрения.

Данилевский поставил вопрос: падение рубля – это самостоятельная болезнь или только симптом другой болезни? И стал искать ответ на него. Явления, подлежащие исследованию, были сложными, а статистика не давала достоверных данных. Но он нашел выход из этого трудного положения. Он считал, что невозможно точно определить, сколько нужно иметь денег в обращении при данных народонаселении, пространстве, степени напряженности (наверное, сейчас бы говорилось: интенсивности) экономической жизни, средствах сообщения и т. п. Но можно сказать – слишком их много или недостаточно, судя по скорости обращения и по доходам казны, которые, как показывает практика многих лет, составляли не более пятой части суммарных доходов или расходов граждан. Но главное – ему удалось показать, что количество денег зависит не только от внутренней в них потребности, но и от характера внешней торговли страны. И его вывод оказался неожиданным для российской общественности: причина упадка нашего рубля заключалась не в излишке кредитных билетов в обращении, а в невыгодном для России торговом (меновом) балансе.

Итак, подлинная причина падения курса нашей валюты – неблагоприятный для России торговый баланс. И пока Россия будет оставаться обремененной громадным внешним долгом, курс ее валюты будет занижен, и это будет причинять ей колоссальные убытки.

Россия вывозила преимущественно хлеб, а ввозила товары в широком ассортименте. С точки зрения купеческой конторы, – писал Данилевский, – выгодно продать хлеб на мировом рынке, даже

если в стране голод. Но может ли так поступать государство? Нет, государство не должно уподобляться купеческой конторе, выгодно продавать хлеб на мировом рынке, даже если в стране голод. И оно не может долго благоденствовать, предлагая мировому рынку лишь один товар. Ведь это – все равно, что сидеть под дамокловым мечом.

Стоимость ввоза у России намного больше стоимости вывоза. К тому же у нее огромный внешний долг. В стране ежегодно добывается 200 пудов золота, но его не хватает даже на выплату процентов по внешнему долгу. Внешние займы лишь усиливают невыгодность торгового баланса. А большинство экономистов не интересуется состоянием торгового и вообще расчетного баланса страны. Но невыгодный торговый баланс приводит к тому, что товары внутреннего, отечественного производства будут цениться дешевле аналогичных иностранных товаров, обмениваемых при посредстве равноценной денежной единицы. И эта невыгодность отечественного производства будет со временем только усиливаться.

«При невыгодности торгового баланса непременно должна существовать разность в ценности рубля на внутреннем рынке и ценности его на рынках иностранных (так называемая курсовая ценность), и эта последняя всегда будет ниже первой. В этой-то разности и заключается как вся сущность, так и главный экономический вред низких курсов». За наши товары ценой 400 миллионов рублей иностранцы дают своих товаров только на 300 миллионов, то есть наши товары по отношению к заграничным дешевеют. За известное их количество дают нам взамен иностранных товаров меньше, чем следовало бы по действительной стоимости наших товаров.

«Если бы это было не так, если бы не существовало этой разницы в ценности денежной единицы на внутреннем и на иностранных рынках, если бы ценность ее и на внутреннем рынке упала до ее курсовой ценности на иностранных рынках, то иностранцы не получили бы никакой премии при покупке наших товаров, как бы ни был низок денежный курс, и мы получали бы за известное количество наших товаров то самое количество товаров иностранных, какое следовало бы получить по действительной нормальной сравнительной стоимости».

Эти свои тезисы Данилевский подкрепляет числовыми примерами, а затем делает общие выводы:

1) Невыгодный торговый или, общее, расчетный баланс не только может, но и должен произвести падение цены бумажных денежных знаков.
2) Сущность и главный вред такого упадка ценности денег, происшедшего вследствие невыгодности торгового балан-

са, заключается в разнице цены денег на внутреннем и на внешних рынках.

3) Это приводит к удешевлению товаров внутреннего производства по сравнению с товарами иностранными, обмениваемыми при посредстве равноценной денежной единицы, что усиливает невыгодность обмена.
4) Если упадок бумажной денежной единицы происходит от внутренних причин, то есть от излишка денежных знаков, то вредные последствия (перечисленные в пункте 3) проявиться не могут, потому что ценность бумажной единицы на внутреннем рынке не будет стоять выше, чем на внешних.

Правительство Александра II пыталось избежать этих последствий неравноправного положения России на мировом рынке переходом на золотую валюту. Данилевский же утверждал: «Пытаться поднять кредитную денежную единицу разменом на металлические деньги… – все равно что наполнить жидкостью сосуд с открытым краном». Будь у нас даже золотые деньги, при невыгодном балансе их курс будет низким.

Еще хуже при невыгодном балансе торговать хлебом, ибо мы будем обрекать себя на голодную смерть или, по крайней мере, на истощение.

Страны очень обширные, с большим разнообразием климата и почв, не имеют ни надобности, ни возможности вести обширную внешнюю торговлю, особенно продуктами земледелия.

Промышленность обрабатывающая возникает сама собою только в стране с густым народонаселением, с большим запасом концентрированных капиталов и старым просвещением и культурой. Сырые произведения, непосредственно потребляемые, а не служащие материалом для дальнейшей обработки и не составляющие предметов роскоши, имеют строго определенную границу в количестве своего сбыта, тогда как произведения промышленности обрабатывающей и предметы роскоши имеют своею границею только платежные средства покупателей.

Что касается таможенного тарифа, то он преследует три цели: 1) финансовую (наполнение казны), 2) промышленную (покровительство отечественному производителю) и 3) торговую (усиление вывоза за счет снятия пошлин).

Для избавления от экономического ига Запада Россия должна быть страной не только аграрной, но и индустриальной. Ей необходимо уничтожить дефицит внешнеэкономического баланса, и это вполне возможно. «России надо, продавая, что можно, покупать как можно меньше, удовлетворяя сколь возможно большему числу

потребностей внутренним производством. Девизом России должна быть экономическая независимость и самостоятельность, тогда как девиз Англии есть экономическая эксплуатация всех стран света», особенно обращенных в колонии.

Надо развивать производительные силы страны, в частности, осваивать дельту Волги, земли в Крыму и в Средней Азии, строить железные дороги без обременения казны, на специально для этой цели выделяемые кредиты, которые будут погашены доходами от эксплуатации дорог. Особенно интенсивно следует развивать промышленность, которая в состоянии будет выпускать товары, ныне импортируемые из-за границы. Нужно также ввести винную монополию государства.

Средства на развитие промышленности должно выделять правительство, частному капиталу не по силам будет решение этой задачи, поскольку средства понадобятся очень большие, а окупятся затраты только через много лет.

Поскольку решение о переходе на золотую валюту было уже принято, Данилевский не стал вступать в полемику с Царем и его правительством, а ограничился таким замечанием: «Хотя мы и признаем преимущества металлической денежной системы перед бумажной... но беспроцентный кредит есть великое орудие в руках правительства. Недостаток бумажных денег – не в их сущности, а в злоупотреблениях» (например, когда их выпускают больше, чем нужно).

Конечная цель хорошего финансового устройства страны, по Данилевскому, заключается в полной отмене всех прямых податей и в замене их косвенными налогами (кроме налога на процентные бумаги).

Данилевский писал и на другие темы, в частности, о мерах по обеспечению продовольствием населения Севера России. Очень много занимался он вопросами развития рыболовства в разных регионах России, проблемами выращивания и использования винограда и пр.

Продолжая линию «старших славянофилов», Данилевский утверждает, что «политическая экономия смотрит на государства… как на существа исключительно экономические, забывая все прочие». А разве можно забывать о таких «прочих» моментах, как, например, независимость государства?

Законы природы имеют количественную и качественную стороны. А политическая экономия рассматривает только качественную сторону дела и потому в состоянии объяснить лишь характер и направление экономических процессов, но не их меру.

Будучи сторонником протекционизма, Данилевский критикует российских фритредеров, показывая, что большинство их «видит в европейцах своих учителей» (воплощение «современного человечества»). Но не следует верить данайцам, и дары приносящим. «Несправедливо было бы, однако же, упрекать энтузиастов за то, что законы их науки имеют только характер качественный, ибо нельзя открыть того, что не существует. Все дело в том, что напрасно говорят о каких-то особых экономических законах, ибо все экономические законы суть только психические, в применении к мене товаров и услуг. В самом деле, ведь не происходит же никаких движений и явлений в экономических объектах без того, чтобы они не приводились в движение человеком, сообразно с нуждами и потребностями, которыми, ведь, управляет не иное что, как законы психические». В качестве доказательства этого своего тезиса Данилевский приводит, например, влияние паники на бирже на курсы валют и акций.

Данилевский различает законы: материального мира – физические, химические и физиологические, психические – мыслей, чувств и пр., и криптопсихические – строения человеческих обществ, вообще исторические, эстетические и т.д.

«Политико-экономы гордятся тем, что среди всех нравственно-политических и общественных наук только одной их науке удалось установить законы явлений, то есть такие общие формулы, которые объемлют собою обширный круг фактов, представляющихся уже как необходимый из них вывод, совершенно так же, как в области наук физических и отчасти естественно-исторических или биологических».

Важный вклад в мировую науку Данилевский внес своим исследованием общинной организацию жизни уральского казачества. Результаты этого совершенно уникального исследования изложены Данилевским в работе «Краткий очерк Уральского рыбного хозяйства». Если прежние работы об общине и артели касались организации совместного труда в рамках небольшого коллектива, то в исследовании Данилевского освещалась общинная организация жизни в огромном регионе России. Центральная его часть – это описание организации ловли рыбы в реке Урал в зоне ответственности уральского казачества.

Урал был единственной в мире крупной рекой, служившей исключительно для рыболовства. Истоки реки находились в заповедном лесу, на ее берегу ниже города Уральска не было ни единого промышленного предприятия, не разрешался и сплав леса. Вся река находилась в общей собственности всего Уральского казачьего войска. Все казаки имеют равное право на пользование рыбными богатствами реки, но никто не может им злоупотреблять. Казаки были

заинтересованы, с одной стороны, в добыче возможно большего количества осетровых и другой рыбы, а с другой – в том, чтобы этот источник благосостояния был, так сказать, «вечным», чтобы рыбы хватило и им, и их детям и внукам. И потому они выработали такие правила ловли рыбы, которые обеспечивали ей возможность размножения без помех, и регламентировали ее добычу по участкам реки в соответствии с графиком хода рыбы вверх и вниз по реке. Это, наверное, самый совершенный в мире, экологически обоснованный способ эксплуатации возобновляемых природных ресурсов.

Данилевский был подлинным патриотом России и предвидел взлет русского народа в будущем. Примечательно такое его высказывание: «Для всякого продукта непосредственного потребления скоро достигается предел, далее которого в нем не чувствует уже надобности самый расточительный человек. Для денег же предела не существует». Но для русского богатство – не самоцель. «…вообще не интерес составляет главную пружину, главную двигательную силу русского народа, а внутреннее нравственное сознание, медленно подготовляющееся в его духовном организме, но всецело охватывающее его, когда настанет время для его внешнего практического обнаружения и осуществления».

В то же время Данилевский не соглашался со «старшими славянофилами» в том, что Россия покажет пример Западу и подскажет ему выход из тупика, в который он зашел. Каждая цивилизация, считал он, развивается по своим законам, и то, что отмирает (как цивилизация Запада), воскресить воздействием извне невозможно.

Славянофилы вне славянофильского кружка

Центром славянофильства была Москва. «Старшие славянофилы» составляли тесный кружок, члены которого были связаны дружескими, а часто и родственными узами. Поэтому в большинстве исследований к славянофилам относят именно этих славянофилов-москвичей. Однако и вне Москвы были деятели, и подчас очень известные, которые, не имея связи с московскими славянофилами, тем не менее в своих трудах выступали со славянофильских позиций. Конкретно, они отмечали культурную и всякую иную самобытность русского народа, показывали принципиальные отличия русской цивилизации от западноевропейской, подчас даже подчеркивая, что Запад – это враг России, стремящийся превратить нашу страну в колонию. Не мирясь с засильем иностранного капитала в России и с

господством «агентов влияния» Запада в правительственных сферах и в прессе, они поднимали свой голос в защиту наших национальных интересов. Есть и много других моментов, общих у этой когорты деятелей с московскими славянофилами. Из числа таких деятелей следует особо выделить Дмитрия Ивановича Менделеева и Александра Николаевича Энгельгардта.

Менделеев Дмитрий Иванович – великий ученый-энциклопедист, просветитель народа, мыслитель, общественный деятель. Родился он (семнадцатый ребенок в семье) в 1834 году в Тобольске, в семье директора гимназии, который работал там после окончания Петербургского педагогического института. Мать была дочерью именитого купца. В год рождения Менделеева его отец ослеп, и все заботы о семье легли на мать. Семья переехала в село Аремзянское, где мать стала управлять небольшим стекольным заводом для производства аптекарской посуды, принадлежавшим ее брату. Будущий ученый с детства имел возможность приглядываться к заводскому делу, и уже тогда у него зародился интерес к промышленным занятиям.

В 1850 году Менделеев поступает в Петербурге в Главный педагогический институт (на физико-математическое отделение), более всего ему полюбилась химия. Несмотря на обнаружившиеся серьезные нелады со здоровьем, он в 1855 году окончил институт с золотой медалью.

Менделеев написал ряд интересных работ, а в 1862 году уже выпустил в свет свой учебник по органической химии. Примечательно, что уже в это время, увлеченный тайнами «чистой» химии, он уже записывает в дневнике: «Не завести ли завод?» («Научное наследие», т. 2, с. 213–214).

В 1865 году Менделеев стал профессором Петербургского университета. В 1869 году он сделал первый доклад об открытом им периодическом законе химических элементов, что положило начало его всемирной славе. В данном исследовании рассматриваются лишь те его труды, которые имеют отношение к экономике.

Менделеев гордился тем, , что служил России на трех поприщах. Первой службой Родине он считал научную деятельность, второй – педагогическую, а третьей – «служба, по мере сил и возможности, на пользу роста русской промышленности»[25]. Вопросам экономики посвящены работы Менделеева объемом примерно в 200 печатных листов – это десятая часть всех его опубликованных трудов.

Научная деятельность Менделеева в области экономики началась в эпоху «великих реформ» Александра II. Те силы, которые стояли за этими преобразованиями, руководствовались двумя уста-

25 Менделеев Д. И. Соч. Т. 25. С. 663.

новками. В политической сфере они стремились к установлению в нашей стране капиталистического строя по западному образцу, в экономической – к установлению либерального хозяйственного строя в его крайней форме монетаризма, который они приняли за высшее достижение экономической теории на Западе. При этом они широко открыли двери иностранному капиталу, который быстро завоевывал ведущие позиции в экономике России. Менделеев же с самого начала отстаивал национальные интересы России, что шло вразрез с главным направлением экономической мысли и экономической практики того времени. Но чтобы правильно оценить новаторский характер его идей, надо осознать разницу между «экономикой желудка» и «экономикой духа», сразу отметить принципиальные отличия русской экономической мысли от политической экономии Запада.

Строго говоря, все экономические теории можно разделить на две группы по тому, что они считают «первичным». Западные экономисты во главу угла ставят материальные условия жизни общества, производство, производственные отношения, капитал, труд и пр. Если они и принимали во внимание духовный элемент народного хозяйства, то отводили ему подчиненное место. Так, А. Смит понимал, что в человеке сосуществуют и нередко борются между собой эгоистические и альтруистические начала, но чтобы не вникать в их сложное взаимодействие, он их намертво разделил. Нравственные начала человеческой природы он изложил в книге «Теория нравственных чувств», которая прошла незамеченной (полвека назад в Ленинской библиотеке можно было получить экземпляр прошлого века с неразрезанными листами, то есть который никем не был востребован), а свое самое знаменитое сочинение «Исследование о природе и причинах богатства народов» основал на понимании человека как эгоиста, стремящегося лишь к собственной выгоде, и это представление об «экономическом человеке» стало исходным для всей классической политической экономии Запада. Маркс, хотя и много распространялся насчет интеллектуальных и нравственных сторон производства, по сути, вообще отрицал самостоятельное значение духовного фактора, считая, что «идеальное есть материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» (правда, он так и не пояснил, кто пересаживает материальное в голову и как его там преобразовывает).

В отличие от политической экономии Запада русская мысль неизменно исходила из первостепенного значения духовной стороны человека. Это нашло свое выражение и в религии, и в художественной литературе (Л. Толстой в «Войне и мире» определяет силу войска как его численность, помноженную на «коэффициент духа»), и во

всех других сферах отечественной культуры. Отразилось это и в русской экономической науке, причем значение духовно-нравственного фактора хорошо понималось в ней и задолго до Менделеева.

О заслугах Менделеева перед русской и мировой наукой, перед русской промышленностью написано очень много. Его имя навеки вошло в историю науки уже потому, что именно он открыл периодический закон химических элементов, на котором зиждится вся химия наших дней. Однако его перу принадлежат труды (общим числом свыше 500) не только по химии и химической технологии, но и по метрологии, воздухоплаванию, метеорологии, сельскому хозяйству, экономике, народному просвещению и пр. Один из крупнейших ученых современности, создатель «физической экономики» (то есть экономической науки о реальном производстве, а не о финансовых «пузырях») американец Линдон Ларуш считает идеи Менделеева основой всей современной науки (хотя на Западе сейчас они всячески дискредитируются, даже периодический закон Менделеева именуется просто «периодической таблицей», без указания имени ее создателя). Однако до сих пор не сказано главное: Менделеев поднял знамя национально-освободительной борьбы русского народа против положения России как сырьевого придатка Запада, против засилья иностранного капитала, против раболепства властей и интеллектуальной элиты страны перед иноземными идеями и порядками.

Менделеев не мог смириться с тем, что «русский мужик, переставший работать на помещика, стал рабом Западной Европы и находится от нее в крепостной зависимости, доставляя ей хлебные условия жизни... Крепостная, то есть в сущности экономическая зависимость миллионов русского народа от русских помещиков уничтожилась, а вместо нее наступила экономическая зависимость всего русского народа от иностранных капиталистов... Миллиарды рублей, шедшие за иностранные товары... кормили не свой народ, а чужие». И он начинает борьбу за освобождение страны от этих экономических оков.

Надо иметь в виду, в каких условиях Менделеев выступил на экономическом и общественном поприще. «Первенствующим сословием» страны считалось дворянство, то есть помещики. Если в области культуры русское дворянство того времени оказалось на высоте и создало шедевры мирового значения («Пушкинская эпоха»), то в области экономики оно занимало в основном реакционные позиции. Ведь помещики были главными производителями зерна, идущего на экспорт, и в их среде широко было распространено мнение (нашедшее, в частности, выражение в уже упомянутой книге председателя Тарифного комитета Л.В. Тенгоборского), будто «Россия – страна

земледельческая и в развитии промышленности не нуждается» (другие добавляли: да наш земледельческий народ на это и не способен). Они полагали, что нашей стране, располагающей необъятными просторами пахотных земель, самой судьбой предназначено быть кормилицей Европы, где население густое, а земли мало. А потому следует прилагать усилия прежде всего к расширению экспорта сельскохозяйственной продукции, необходимые же промышленные изделия можно будет на полученную валюту закупать за границей (за исключением того, что совершенно необходимо для оснащения вооруженных сил). В силу всех этих обстоятельств идеи Менделеева, выступившего горячим поборником промышленного развития России, причем с опорой на самые широкие слои народа, встречали резкое противодействие со стороны как правящего класса, так и собственно правительства. Круг его идейных противников был на редкость широк: в первую очередь это были иностранные капиталисты, в том числе главы могущественных кланов Нобелей, Ротшильдов и Рокфеллеров, их российские «агенты влияния», отечественные предприниматели, руководствовавшиеся своекорыстными интересами и не желавшие думать о судьбах страны и народа, помещики, заинтересованные в сохранении за Россией роли поставщицы хлеба для Европы, кулаки и различные посредники, наживавшиеся на эксплуатации крестьян и ремесленников, коррумпированное чиновничество, космополитическая прозападная интеллигенция (так и хочется добавить: «и прочая, и прочая, и прочая...»), включая «сливки» ученого мира, завидовавшие титану науки (Менделеев, избранный почетным членом десятков академий и научных обществ многих стран мира, так и не удостоился чести стать академиком в России. Впрочем, он и сам к этому не стремился, говорил, что не променяет свое купеческое достоинство на академическое). Немало крови попортили ему и продажные и русофобствующие журналисты, захватившие к тому времени важнейшую часть российской прессы. А сторонников его можно было пересчитать по пальцам. И в этой обстановке Менделеев неустанно вел свою патриотическую деятельность, выступая одновременно на самых разных поприщах науки и практики.

Дело не только в том, что Менделеев выступил за развитие русской промышленности, – за это выступали и сами промышленники, – а в том, что он связал это развитие с судьбами страны, думая не о становлении того или иного конкретного предприятия или отрасли (о чем и хлопотали заводчики и фабриканты), а всего народнохозяйственного комплекса, необходимого современному могучему государству и состоящего из ряда территориальных комплексов. Не менее важно, что он неустанно подчеркивал: надо говорить не про-

сто о развитии промышленности, а о том, «будет она национальной или иностранной». При этом он понимал промышленность не только в узком смысле, как производство благ и услуг, но и в широком, включая снабжение, сбыт, торговлю, транспорт.

Ему не было еще тридцати, когда известный нефтепромышленник В.А. Кокорев попросил его выехать в Баку для изучения состояния нефтедобычи и нефтепереработки. Менделеев в 1860 году тщательно обследовал все бакинские нефтепромыслы и установки по переработке нефти, но не ограничился этим, а наметил целую программу повышения эффективности отрасли. Он оценил потребности всей России в нефтепродуктах, принял в расчет все тогда известные и предполагаемые им месторождения нефти, предложил нефтеперерабатывающие заводы размещать не в местах добычи нефти, а в центрах ее потребления, где есть необходимые материалы (металл, строительный лес и др.) и рабочие руки. Нефть на заводы нужно направлять водным путем или по трубопроводам. Заводы, располагающиеся возле центров потребления, будут быстрее реагировать на изменение спроса на разные сорта нефтепродуктов со стороны потребителей, а главное – станут перерабатывать нефть полнее, использовать в качестве топлива не нефть (как это делали бакинские заводы), а остатки от ее переработки. Менделеев составил схему размещения новых нефтеперерабатывающих заводов в Центральной России, в особенности вблизи Москвы и в крупнейших городах на Волге (в Царицыне, Саратове, Самаре, Нижнем Новгороде, Ярославле, Рыбинске, Казани). Не остались без его внимания и вопросы соответствующего развития путей сообщения – железных дорог, Волжского водного пути. Мало того, он предложил построить нефтепровод Баку–Батуми и заводы по переработке нефти на Черноморском побережье с тем, чтобы не только избавить Россию от импорта американского керосина, но и самим экспортировать нефтепродукты в Европу. Он считал варварством, что сырая нефть, из которой можно получать столько ценнейших продуктов, используется как топливо.

На весь мир прозвучала его фраза: «Нефть – не топливо, топить можно и ассигнациями». Менделеев выступил против системы откупов, поскольку откупщики более всех противились глубокой переработке нефти. Позднее (в 1876 году) он побывал в США и, познакомившись с практикой нефтедобычи в Пенсильвании, пришел к выводу, что в России ее можно поставить не хуже, а лучше.

Менделеев так определил перспективы развития нефтяной промышленности в России.

В ближайшее время – в районе Баку «вместо 1–2 миллионов пудов можно легко довести добычу до сотен миллионов пудов и вме-

сто ввоза американского керосина – до вывоза огромной массы за границу»; а в более отдаленном будущем – «мы могли бы залить нефтью весь свет…»[26].

Министр финансов М.Х. Рейтерн назвал этот прогноз Менделеева «профессорскими мечтаниями». Однако прав в этом споре оказался Менделеев, а не министр. Именно труды Менделеева дали мощный толчок развитию теории и практики, рациональной постановке всего нефтяного дела в стране.

Менделеев видел пороки тогдашней практики индустриализации страны. Еще Петр I поставил задачу совершенствования сети путей сообщения с целью прежде всего облегчения вывоза русских богатств (особенно хлеба) на Запад. Тот же курс проводился и при Николае I, и при Александре II. Так, широкое строительство железных дорог развернули, не создав предварительно своей металлургии, в итоге рельсы и подвижной состав пришлось за золото покупать на Западе. Ученый, подсчитав, сколько на этом потеряла Россия, с горечью отмечал: «В 20 последних лет Россия переплатила Западной Европе более 1500 миллионов рублей за чугун, железо и сталь в разных видах. Если бы вместе с постройкой железных дорог были приняты для водворения железного производства должные меры… тогда бы экономическое положение России было иным, чем ныне… Россия давно бы продавала за границу массу товаров этого рода и народ пользовался бы дешевейшими металлическими орудиями»[27]. Вывод Менделеева убийственный: промышленность Германии отчасти построена на наши денежки, да и впоследствии более половины российских заводов принадлежали иностранцам, что, по его мнению, было опасным и в мирное, и особенно в военное время.

Выступая за развитие промышленности страны, Менделеев неминуемо должен был ответить тем, кто полагал, будто индустриализация России противоречит интересам ее сельского хозяйства. Он доказывал, что именно индустриализация создаст базу для прогресса сельского хозяйства, которому даст современные орудия производства, увеличит платежеспособный спрос на сельскохозяйственную продукцию внутри страны, расширит ассортимент сельскохозяйственных культур (в том числе технических), даст возможность прейти от экстенсивных методов ведения хозяйства к интенсивным технологиям. Менделеев не уставал повторять: «Промышленные предприятия – не враги, а истинные союзники или родные братья сельскохозяйственной промышленности», в сельском хозяйстве тоже будут широко применяться машины, и получит оно

26 Менделеев Д. И. Соч. Т. 21. С. 454.

27 Менделеев Д. И. Соч. Т. 18. С. 363.

их от заводов. Вопросам развития агропромышленного комплекса посвящены многие работы ученого.

Сельское хозяйство, с его точки зрения, не должно специализироваться на производстве хлеба преимущественно на экспорт, ибо это ведет к истощению земли.

«Земельное истощение замечается в самых богатейших местах чернозема, и с ним, конечно, связано появление всяких червей, жучков и тому подобных египетских казней, которыми Россия карается в последние годы за свое убеждение в том, что она – страна исключительно земледельческая»[28].

Позднее он добавит: «… развитие заводов, обрабатывающих сырье, уничтожит пагубный для России вывоз из нее хлебного сырья, который заменится вывозом продуктов заводских. Это уничтожит быстрое истощение земель, составляющее результат односторонней пшеничной разработки нашего чернозема» («Об условиях развития заводского дела в России», 1882 год).

Сельское хозяйство – это своего рода промышленность для производства растений и животных, и его продукция должна максимально подвергаться переработке на месте. Гораздо выгоднее экспортировать не зерно, а скот, выращенный на зерне, не виноград, а вина и пр. (следует заметить, что сам Менделеев употреблял немного виноградного вина, водки практически не пил и знал вкус спирта только как химического продукта, получаемого при опытах, тем не менее именно ему принадлежит установление оптимальной крепости водки в сорок градусов).

Над вопросом, как наиболее рационально использовать сельскохозяйственные угодья, добиться максимальной отдачи от них, Менделеев задумывался еще с середины 1860-х годов. Тогда он предложил обширнейшую программу сельскохозяйственных экспериментов, которые проводились бы по единому плану и по единой методике в разных местностях России. На этот его призыв мало кто откликнулся. Тогда он решил проводить эти эксперименты сам. Чтобы не разделить участь «теоретиков» сельского хозяйства, составляющих рекомендации для других по книгам предшественников, Менделеев купил в Клинском уезде Московской губернии имение Боблово с 400 десятинами земли, хотя «знатоки» и отговаривали его от этой затеи, предрекая неминуемое разорение. Однако он, не вкладывая больших капиталов (которых у него никогда и не было), в короткий срок добился такого роста урожайности (более чем вдвое) в растениеводстве и продуктивности в животноводстве, что его хозяйство стало местом паломничества земледельцев и объектом, где проходили практику

28 Менделеев Д. И. Т. 20. С. 34.

студенты Петровской (нам более известной как Тимирязевская) сельскохозяйственной академии. Эти практические занятия сельским хозяйством дали ему материал для серии статей о способах обработки почвы, о применении удобрений, о травосеянии.

Во второй половине XIX века на мировой рынок стало поступать в растущих количествах зерно из США и других стран Америки. В связи с этим мировые цены на зерно – главный предмет российского импорта – упали. Производство зерна становилось для многих хозяйств в России убыточным. Западная агрономическая наука рекомендовала для повышения урожайности применять фосфорные удобрения, которые в России были импортными и потому дорогими. Менделеев не отрицал пользы таких удобрений, однако отмечал, что многие почвы у нас истощены как раз не по фосфору. Он вообще рассматривал почву не просто как носитель тех или иных химических элементов, а как сложное «живое» образование. Ее нужно сначала посредством удобрения навозом и другими мерами довести до такого состояния, когда она будет в состоянии воспринимать азотистые удобрения. А чтобы эти удобрения производить в России, надо наладить массовое производство дешевой серной кислоты, что позволит получать недорогой суперфосфат из имеющихся у нас фосфоритов.

Менделеев горячо поддержал почин русского дворянина, морского офицера Николая Васильевича Верещагина, который в 1865 году основал первую в России артельную сыроварню, и этот опыт стал широко распространяться в стране.

Глубоко изучив опыт Верещагина и состояние молочного животноводства в центральных губерниях России, Менделеев разработал рекомендации по организации крестьянского сыроварения и других перерабатывающих производств, которые помогли крестьянам избавиться от гнета кулаков и перекупщиков, а страну избавляли от господства иностранцев – монопольных производителей сыров. Он же наметил пути улучшения кормовой базы животноводства в разных по природным условиям зонах, включая травосеяние, орошение и пр.

Но все эти выдающиеся теоретические и практические достижения стали для Менделеева лишь отправной точкой для подлинного взлета творчества этого гения русской экономической мысли. Его главные достижения пришлись на царствование Александра III (см. главу 4).

Энгельгардт Александр Николаевич (1832–1893), ученый-химик, педагог, агроном, публицист, землевладелец. Происходил из старинного дворянского рода, окончил Михайловское артиллерийское училище, служил в гвардейской конной артиллерии Санкт-

Петербурга, инспектировал пороховые заводы, в Германии знакомился с технологией производства на заводах Круппа, одновременно серьезно занимался естественными науками и особенно химией, печатался в журнале «Рассвет» (впоследствии статьи составили «Сборник общепонятных статей по естествознанию»). Выйдя в отставку, перешел на службу в министерство государственных имуществ. В 1855 году основал первый в России химический журнал, в котором печатал и свои работы и статьи Д.И. Менделеева, Н.Н. Бекетова, А.М. Бутлерова. За его труды Харьковский университет присвоил ему степень доктора химии. Создал первую частную химическую лабораторию, в которой любой желающий за небольшую плату мог производить опыты. В 1866 году избран профессором химии во вновь открытом Петербургском земледельческом институте, изучал месторождения фосфоритов в разных губерниях России.

В 1860-е годы был связан с народниками, стал членом «Земли и воли». Был арестован за участие в студенческих беспорядках, а в 1871 году «за вольнодумство» был сослан в родовое имение Батищево в Смоленской губернии.

Имение он застал совершенно разоренным, из 600 десятин земли под пашней были заняты лишь 80, все остальное было заброшено. Урожайность зерновых при обычном для тогдашней среднерусской деревни трехпольном севообороте составляла сам-три, молочное животноводство велось в убыток. А весь его капитал составлял 500 рублей. Увидев запустение и во всей губернии, Энгельгардт посчитал подъем своего хозяйства не только способом обретения средств к жизни, но и своим патриотическим долгом, чтобы доказать, что вся Россия могла бы быть необыкновенно богатой, если устранить бюрократические узы и устаревшие отношения собственности. И он своей цели добился, его имение стало местом, куда приезжали за передовым опытом со всех концов страны. А появившиеся в печати его письма-очерки, составившие впоследствии книгу «Из деревни», стали подлинным общественным событием, произвели переворот в общественном сознании, в представлениях о путях развития не только российской деревни, но и страны в целом. Энгельгардта называли «Колумбом российского села», которое он открыл нашей интеллигенции, как Колумб Америку. Он воспринимался многими, особенно патриотически настроенной образованной молодежью, не просто как удачливый помещик и замечательный публицист, но и как учитель жизни, к которому потянулись многочисленные паломники.

В теоретическом наследии Энгельгардта по экономической проблематике наиболее важны две составляющие: методы и опыт постановки эффективного отдельного частнособственнического хо-

зяйства и соображения о путях развития России. Энгельгардт неизменно подчеркивал принципиальные различия всех сторон духовной жизни и хозяйственного уклада русских и западноевропейцев.

Главное в экономическом опыте Энгельгардта – то, что он создал систему хозяйствования, «решающим звеном» которой стала установка не просто на человека, крестьянина и работника, а именно на русского человека, живущего своим особым, национальным строем жизни. С первых же шагов своей деятельности в деревне он широко использовал артельную организацию труда, а также такую русскую форму взаимопомощи, как «толока» выполнение работы, нужной одному члену общины, силами всего крестьянского «мира»..

Важнейшими причинами разорения помещичьих хозяйств в Нечерноземье в условиях рыночных отношений, быстро развивавшихся после отмены крепостного права, были отсталость агротехники и конкуренция со стороны малороссийских и новороссийских хозяйств, у которых благодаря лучшим природно-климатическим условиям себестоимость производства зерна была значительно ниже. Помещичьему землевладению пришел конец. Свободный крестьянин не станет обрабатывать помещичье поле, а нанимать его за деньги для помещика разорительно. Помещики, даже если они накупили английских плугов и породистый скот, «разорились по науке», потому что видели в крестьянах только «мужиков» и «баб», то есть существа низшего порядка, и были неспособны стать хозяевами. В отличие от них Энгельгардт понимал, что в хозяйстве главное – не машины, а «хозяин, потому что от него зависит вся система хозяйства, и если система дурна, то никакие машины не помогут».

Убедившись в бесперспективности традиционного зернового и молочного хозяйства в условиях средней России, Энгельгардт сделал ставку на выращивание льна, одна десятина которого давала чистый доход в сто рублей. Он ввел 15-польный севооборот с посевами трав, особенно клевера, создав солидную кормовую базу. В итоге и урожайность зерновых поднялась в 2,5 раза, и молочное животноводство стало прибыльным.

Важным теоретическим достижением Энгельгардта стала выработка понимания хозяйства именно как целого. Здесь необходимы не только правильное соотношение пашни, сенокосов, пастбищ и количества скота, но и соответствие орудий труда цели производства и т.д. Энгельгардт избежал ошибки, в которую впадали многие «новаторы»: он показал, что хозяйство нельзя перестраивать по отдельным элементам. Если изменяется ведущее звено комплекса, то необходимо соответственно менять и остальные звенья. Так, переход

на возделывание льна потребовал замены сохи плугом, использования железной бороны, замены лошадей и пр.

А размышляя о путях развития России, Энгельгардт показывает противоположность интересов помещика, хлеб продающего, и крестьянина, которому своего хлеба не хватает, его приходится покупать. Крестьяне считают, что земля — Божья, частная собственность на нее немыслима, а помещики ее захватили. У крестьян земли мало, у помещика много, хотя он без крепостных не в силах ее обработать. Пустуют земли – бедно и слабо государство.

Причиной такого положения Энгельгардт считал то, что освобождение крестьян проводилось по западным образцам: чтобы крестьяне, получив небольшой земельный надел, с которого невозможно прокормиться, нанимались на работу к помещикам, – так, как произошло в Западной Европе. Там на землевладельцев-капиталистов работал безземельный наемный кнехт. Но в России крестьяне сами хозяева, хотя их земельный надел и недостаточен, и нанимаются на обработку помещичьей земли только по нужде. Поэтому у помещичьих хозяйств нет будущности.

Но, по Энгельгардту, и у хозяйства крестьянина-кулака тоже нет перспектив. Кулак разлагает деревню и подрывает основу всякого хозяйства.

Энгельгардт выступает против распространенного в среде помещиков и либеральной интеллигенции взгляда на крестьян как на ленивое и невежественное «быдло», существа низшего рода, особенно против представления о крестьянине как о лентяе, пьянице и недобросовестном работнике. Наш работник не может, как немец, равномерно работать ежедневно в течение года — он работает порывами, потому что у нас полевые работы вследствие климатических условий должны быть произведены в очень короткий срок. Но когда требуется, он может сделать неимоверную работу, например, в покос. На своем опыте Энгельгардт разоблачал и убеждение помещиков, будто у нас невозможно употреблять улучшенные орудия вследствие «недобросовестности», «невежества» русского крестьянина: его работники освоили пахоту плугами на высшем уровне качества.

Энгельгардт считал несостоятельными представления славянофилов, а затем и народников об общине и артели. Работа у артели общая, но «производится в раздел, причем никто никогда друг другу не помогает, хоть ты убейся на работе… Крестьянская община, крестьянская артель — это не пчелиный улей, в котором каждая пчела, не считаясь с другой, трудолюбиво работает по мере своих сил на пользу общую. Э! если бы крестьяне из своей общины сделали пчелиный улей — разве они тогда ходили бы в лаптях?»

Энгельгардт опровергал миф, будто сельское хозяйство пореформенной России процветало и наша страна, резко увеличив экспорт зерна, стала кормилицей Европы, и считал, что проводилась антинародная политика «недоедим — а вывезем!», потому что русские крестьяне недоедали. Экспорт хлеба – не общегосударственное дело, а выражение интереса помещиков, и доходы от продажи зерна шли им. А то, что причиталось государству, на деле доставалось его кредиторам, банкирам Запада, ибо Россия все больше увязала в путах внешнего долга: «Хлеб нужно продавать немцу для того, чтобы платить проценты по долгам», чтобы поддерживать наш кредитный рубль. Дался же им этот наш кредитный рубль, с гневом пишет Энгельгардт, – «точно он какое божество, которому и человека в жертву следует приносить». Энгельгардт видел в этом наглую распродажу России.

Энгельгардт был убежден, что к русской деревне неприложимо учение Маркса, где в основе всего лежит экономика. У русских стремление «жить по своей воле» неизменно брало верх над соображениями экономики: «Пусть будет и хуже, зато в своем углу». Причиной бедности крестьян служили не только кабальная зависимость бедняков от помещиков и кулаков, но и разобщенность в действиях крестьян и особенно семейные разделы. Крестьянская семья зажиточна, пока она велика и работы производятся сообща. Но каждой бабе хочется быть большухой, и они подзуживают своих мужей на раздел. «Непременным результатом раздела должна быть бедность. Почти все нажитое идет при разделе на постройку новых изб… на покупку новых корыт, горшков… Разделились «богачи», и вот один «богачев» двор обыкновенно превращается в три бедных двора».

Крестьяне считали, что земля может быть только общинной собственностью. И Энгельгардт делает вывод: раз земля должна быть общей, то в идеале и хозяйствование на ней должно стать совместным: «Все дело в союзе… у нас первый и самый важный вопрос есть вопрос об артельном хозяйстве. Каждый, кто любит Россию, для кого дорого ее развитие, могущество, сила, должен работать в этом направлении».

Если крестьяне не перейдут к артельному хозяйству и будут хозяйничать каждый двор в одиночку, то и при обилии земли между земледельцами-крестьянами будут и безземельные, и батраки, а такое расслоение вчера еще единого крестьянского общества может обернуться кровавыми делами. «И посмотрите, где у нас сохраняется хороший скот, — … только в монастырях, где ведется общинное хозяйство».

Энгельгардт считал, что в деле хозяйственного подъема российского села решающую роль призвана сыграть патриотически настроенная часть интеллигенции. Зародышем нового аграрного строя должны были стать «деревни интеллигентных мужиков» – учителей, врачей, агрономов, которые сами обрабатывали бы землю и в то же время выполняли свои профессиональные обязанности.

Но чтобы артель интеллигентных земледельцев процветала, ее должен возглавлять умный руководитель, не только умеющий выполнить любую крестьянскую работу, но и могущий при необходимости во всем идти впереди, воздействовать на других силой личного примера. Это главный признак русского понимания роли руководителя, который должен быть для всех высшим авторитетом не в силу должности, а по праву лучшего специалиста. Выращивание таких артельных хозяев — первая задача и хозяйств, и государства.

В современной России Энгельгардта мало кто знает. А ведь тогда в России, если не считать оптинских старцев и других светочей духовенства и монашества, были наиболее известны два учителя жизни — Лев Толстой и Александр Энгельгардт. И нередко разуверившиеся в своем учителе «толстовцы» приезжали к Энгельгардту и находили там ответ на самые глубокие запросы своей души.

Когда советская власть поставила задачу коллективизации сельского хозяйства, российская интеллигенция уже забыла опыт Энгельгардта. А потому за основу коллективного хозяйства было взято положение о киббуце — поселении еврейских горожан, осевших на землю, что во многом обусловило «перегибы» при проведении коллективизации, надолго скомпрометировавшие саму ее идею. Ведь в киббуцах с их чрезмерным обобществлением и производства, и быта, например, запрещалось обедать дома, а не в общественной столовой. И у нас обобществление всего, вплоть до последней курицы, было ошибкой, исправление которой потребовало огромных усилий. И насколько, думается, легче было бы нам решить эту историческую задачу, если бы на вооружении ученых, практиков и политиков, руководителей страны оказались тогда идеи и хозяйственный опыт Энгельгардта.

Выше уже говорилось, что Энгельгардт знал, как тяжело было в деревне заболевшему, даже небогатому помещику, не говоря уж о крестьянах, которым частный доктор, живущий в городе, был недоступен: «Заболеет мужик — ходит, перемогается, пока есть сила. Свалился — лежит». Повезет – выздоровеет, а нет – умрет. Едва поправившись, мужик начинает работать, простуживается, да еще при плохой пище, – помирает. И Энгельгардт приходит к выводу о необходимости совершенно иного строя всей жизни страны: «Необходимо,

чтобы все лица, живущие в одной волости, — помещики, попы, мещане, арендаторы, крестьяне… составляли одно целое, были связаны общим интересом, лечились бы одним и тем же доктором, судились одним судьей, имели общую кассу для своих местных потребностей, выставляли в земство общего представителя (или представителей) волости… При теперешнем же устройстве, когда лица разных сословий, живущие в одной волости, ничего общего между собою не имеют, подчинены разным начальствам, разным судам, — ничего путного быть не может… А вот если бы: волость — единица… Свой волостной судья, в волости живущий. Свои выборные попы волостные. Своя внутренняя волостная полиция. Свой волостной совет. Тогда бы скорее мог бы явиться свой волостной доктор, своя волостная школа, своя волостная ссудная касса». И чтобы в депутаты волостного Совета избирались бы люди, болеющие за общие интересы, чтобы эти посланцы всех слоев народа получали наказы от своих избирателей и отчитывались о проделанной работе... Таким Энгельгардту виделось наше народное представление о разумной и справедливой власти.

Энгельгардт критикует сложившийся в государстве порядок взимания налогов с крестьянина как раз тогда, когда цена на товар крестьянского хозяйства самая низкая. И чиновники и скупщики набрасываются на крестьянина. Получается, что государство помогает загонять крестьян в кабалу к помещикам и кулакам.

Энгельгардт вынужден был вступить в жаркий спор с неославянофилами, выступавшими за переход сельского хозяйства России от экстенсивной системы земледелия к интенсивной. Он считал, что это не призыв к очередному шагу по пути прогресса, а защита корыстного сословного интереса дворянства.

Энгельгардт утверждал, что у крестьян мало земли, у помещиков же земли оказалось больше, чем до отмены крепостного права, и значительная часть ее оставалась необработанной из-за отсутствия рабочих рук. Такое положение могло со временем привести к социальному взрыву. Энгельгардт считал необходимой передачу всей земли крестьянским общинам. А выразители интересов помещиков утверждали, что никакого малоземелья у российских крестьян нет, просто земля плохо используется, хозяйство крестьяне ведут экстенсивное, а нужно переходить на интенсивную систему с использованием искусственных удобрений и пр., что подтверждалось ссылками на опыт стран Западной Европы.

Энгельгардт высмеивал такой «идеал»: «...мужик, живущий на интенсивно обработанном клочке земли. Мужичок в сером полуфрачке посыпает виллевскими туками свою нивку, баба в соломенной шляпке пасет свою коровку на веревочке по клеверному лужку».

По Энгельгардту выходило, что темный и неграмотный русский мужик в смысле хозяйства оказывается более просвещенным земледельцем, чем патентованные агрономы, начитавшиеся французских книжек. Ведь частные хозяйства рациональны со своей, а не с общегосударственной точки зрения. В хозяйстве с отличным молочным скотом сено заготовляется самого раннего закоса. Но «мужик, оставляющий свою траву подрасти, чтобы было побольше сена, поступает рациональнее, если мы посмотрим с точки зрения общей пользы хозяйства страны… Точно так же и воззрения мужика на общую систему хозяйства страны, его экстенсивная система хозяйствования разумнее интенсивной системы… что за бессмыслица такая! Огромные пространства земель, которые могут дать превосходные урожаи хлеба… мы оставим пустовать... а сами засядем на маленькие кусочки земли и будем их удобрять виллевскими туками… в нечерноземной полосе... мы должны... вести экстенсивное хозяйство, расширяться по поверхности, распахивать пустующие земли. Я утверждаю, что это единственное средство поднять наше упавшее хозяйство, единственное средство извлечь те богатства, которые теперь лежат втуне. И так как сделать все это может только мужик, так как будущность у нас имеет только общинное мужицкое хозяйство, то все старания должны быть употреблены, чтобы эти пустующие земли пришли к мужику. Этого требует благо страны, благо всех».

Расширение обрабатываемых земель позволит, не увеличивая много посевы хлебов, выделить площади под травы — клевер, тимофеевку, и это дало бы громадное увеличение производительности сельского хозяйства.

Не следует думать, что экстенсивное хозяйство — это отсталость, а интенсивное — прогресс. И экстенсивное хозяйство надо вести правильно, не хищнически. Отстаивая ту систему земледелия, которая, по его убеждению, наиболее подходила России, Энгельгардт ратовал и за создание русской агрономической науки: «Нет химии русской, английской или немецкой, есть только общая всему свету химия, но агрономия может быть русская, или английская, или немецкая… Мы должны создать свою, русскую агрономическую науку, и создать ее могут только совместные усилия ученых и практиков…»

На все вопросы ведения хозяйства Энгельгардт смотрел с государственной точки зрения, думая о благе России: «Ну что толку для землевладельца, когда его земля пустует или беспутно выпахивается, что толку для фабриканта, что голодный рабочий дешев, когда фабриканту некому сбыть свой миткаль, кумач, плис?.. А кто

же, как не мужик-потребитель, может поддержать и фабриканта, и купца? На господах далеко не уедешь. Не тот фабрикант живет, который производит господский товар, а тот, который производит мужицкий. Богатеет тот купец, который торгует русским, то есть мужицким товаром». По сути, Энгельгардт здесь говорит о непригодности для России рыночной экономики, о необходимости повышения уровня жизни народа для создания полноценного внутреннего рынка.

Русские мыслители и практики, близкие к славянофилам

Кокорев Василий Александрович (1817–1889), предприниматель, публицист, общественный деятель. Родился в семье торговца солью из города Солигалича Костромской губернии, старообрядец. Систематического образования не получил, но много читал и, по свидетельству образованных современников, «вошел в ряд людей высокой культуры», стал хорошим оратором, обладал литературным талантом. Занимался винными откупами, торговлей с Персией, участвовал в учреждении Русского общества пароходства и торговли, Волжско-Каспийского пароходства «Кавказ и Меркурий», общества Волго-Донской железной дороги, Московского купеческого банка, основал Волжско-Камский банк в Петербурге, построил близ Баку первый нефтеперегонный завод (с 1874 года перешедший к Бакинскому нефтяному обществу). Вместе с другими предпринимателями (Ф.В. Чижов и др.) выкупил у казны Московско-Курскую железную дорогу (надо думать, не без выгоды для них казна впоследствии вернула ее себе). Участвовал в учреждении ряда других предприятий, владел золотыми приисками на Урале. Нажил огромное состояние (8,2 миллиона рублей), но впоследствии обанкротился.

В 1850-х годах сблизился с С.Т. Аксаковым (отцом К.С. и И.С. Аксаковых) и М.П. Погодиным, близко принял идеи славянофильства. Кокорева называли «экономическим славянофилом», потому что он был ярым сторонником сохранения и развития самобытных начал русской экономики. Он разработал проект освобождения крепостных, настаивал на передаче крестьянам всей принадлежавшей им земли за выкуп в 1 миллиард рублей (с рассрочкой на 37 лет) и на сохранении помещичьих хозяйств, переходивших на товарно-рыночную систему земледелия. Предлагал отменить дворянскую монополию на приобретение «населенных мест», призывал купе-

чество приобретать помещичьи имения с обязательством выделять крестьянам их землю, изъявлял готовность купить таких имений на 1 миллион рублей. Проект Кокорева, отрицательно встреченный крупнопоместным дворянством, остался неосуществленным, за автором установлен негласный полицейский надзор (действовавший до 1873 года). Впоследствии Кокорев резко критиковал экономическую политику правительства.

Кокорев оставил после себя ряд трудов, один из которых назывался «Русская правда». Но главным его произведением стала книга «Русские провалы», представляющая собой своеобразное сочетание воспоминаний и ожесточенной критики разных правительственных мероприятий.

Хотя эта книга написана Кокоревым в 1887 году, то есть за пределами рассматриваемого в данной главе исторического периода, ее основные идеи неоднократно высказывались им в устных выступлениях и статьях в царствование Александра II, в которое и произошли описываемые в ней события. Поэтому ее по праву нужно рассматривать именно в связи с событиями этого периода. Вот несколько отрывков из этой книги.

Кокорев показывает губительность для России механического заимствования западноевропейских финансовых и хозяйственных форм и призывает правительство и общественность: «Пора прекратить поиски экономических основ за пределами России и засорять насильственными пересадками их родную почву; пора, давно пора возвратиться домой и познать в своих людях свою силу, без искреннего родства с которой никогда не будет согласования экономических мероприятий с потребностями народной жизни; пора твердо убедиться в том, что только это спасительное согласие есть верный путь к покойному и правильному движению от силы в силу, тогда как путь розни и разлада с жизнью, то есть нынешний путь, тянет в обратную сторону – от бессилия к бессилию, низводя прямо в бездну экономического расстройства. И мы дошли, наконец, до той глубины этой бездны, где уже редеет дыхание, не освежаемое чистым воздухом. Наше экономическое и финансовое обнищание образовывалось целыми десятками лет и дошло до того, что теперь никакие новые системы займов не могут направить нас на путь общего довольства и благосостояния…»

Но отчаиваться не следует. На военном поприще Петр I сначала потерпел поражение. Но затем смог «к удивлению всей Европы заявить такой исполинский рост нашей военной силы, что после… даровали всей Европе мир и освобождение от порабощения Наполеоном I. Мы вырастали в военном деле на почве незыблемого созна-

ния своего будущего великого назначения и на силе духа, верующего в народную мощь; но в деле финансов после каждого поражения мы, наоборот, падали духом и, наконец, до того приубожились, что во всех наших действиях выражалось одно лишь рабоподражательное снятие копий с европейских финансовых систем и порядков. Продолжая идти этим путем, мы утратили уважение к самим себе и веру в самих себя».

Кокорев напоминает серию закончившихся провалами экономических мероприятий, которые «всегда предварялись блестящими надеждами и ожиданиями со стороны изобретателей их и сопровождались самыми горькими последствиями, доставшимися на долю народонаселения».

Наше отечество – «богатейшая страна в мире, не нуждающаяся ни в каких кредитных пособиях со стороны иностранных бирж, Ротщильдов, Мендельсонов, Блейхредеров и т.п.». Но после каждого провала искалечивалась Русская жизнь, надвигались на нее тучи бедности и лишений, несмотря на блестящую внешность официальной России».

Положение России было бы совершенно иным, блистательным,

– если бы мы жили на медную гривну, а не на серебряный рубль, развивший в нас вредную похоть к расходам;
– если бы мы избежали крымской войны, предотвратив ее сооружением в 40–50-х годах железной дороги из Москвы к Черному морю;
– если бы мы не надевали насильно на крестьянское и рабочее население линючей и непрочной ситцевой ткани и вместо платежа денег за хлопок направили бы эти деньги не за границу, а в избу земледельца за домашний лен;
– если бы мы не омертвили Сибирский тракт разрешением ввозить чай по западной границе и продолжали получать этот чай в Кяхте, посредством размена его на произведения наших фабрик, не расходуя на покупку чая монеты;
– если бы мы в 1857 году вместо сооружения Варшавской дороги начали нашу железнодорожную сеть с замосковных дорог и сберегли тем сотни миллионов, потраченных за границей по случаю обесценивания наших бумаг;
– если бы мы, не слушая советов пресловутых они, не уничтожили бы опекунских советов и не разорили бы земледельцев лишением кредита;
– если бы мы, прежде приступа к сооружению железных дорог, образовали бы у себя рельсовые, локомотивные и другие заводы, нужные для железнодорожного дела и не бегали

бы за каждой гайкой за границу; если бы мы однообразием акциза не убили бы сельскохозяйственного винокурения и безграничным открытием кабаков не спаивали бы народа; если бы мы не ослабили в дворянских имениях сельскохозяйственного винокурения посредством данного всем сословиям устраивать спекулятивно-винокуренные заводы и т.д., и т.д.»

Итог этих провалов – убыток «с лишком вдесятеро против той контрибуции, которую взяла Германия с побежденной ею Франции в 1870 году. Вот куда ушло наше богатство, вот от чего образовалось наше обнищание!..»

Особо следует отметить правильность оценки Кокоревым кабальной природы внешних займов. Он справедливо замечает, что эти займы стали средством угнетения России и способом перекачки ее ресурсов в пользу иностранных капиталистов. Вместо внешних займов, ложащихся тяжелым бременем на русскую экономику, Кокорев предлагал идею печатания, по сути, бумажных денег: «Знаменитые они как будто сговорились с нашими западными завистниками и стали соединенными силами… проводить идею… о невозможности Верховной Власти разрешать – без потрясения финансов – печатание беспроцентных денежных бумажных знаков на какие бы то ни было производительные и общеполезные государственные потребности… Мы могли бы на эти деньги построить дома, у себя, все нужные для железнодорожного дела заводы; но мы, неизвестно почему и зачем, не решались отступить от исполнения чужеземного догмата, вовсе не подходящего к образу Всероссийского правления, и всецело подчинились указаниям заграничных экономических сочинений… Теперь… мы взвалили на народную спину такой долг по платежу процентов (по внешним займам), который погашает почти треть из общего итога государственных приходов… Вот вам и теория, вот вам и плоды каких-то иностранных учений и книжек!… извольте-ка теперь тянуть лямку платежей, в которую запряжена Русская жизнь лжемудрою теорией на целые полвека».

Кокорев убежден в том, что такое положение, тягостное для России, было создано умышленно нашими внешними недругами и их внутренними пособниками: «Нет, нельзя допустить такой мысли, чтобы деятели, создавшие означенную кабалу, уже до такой степени непрозорливы, что не сознавали вредных и совершенно очевидных последствий своих действий. Тут лежало другое руководящее воззрение…

Все то, что было отяготительно Русскому правительству и народу, было желательно Европе, потому что всякое наше оскуде-

ние усиливало европейское влияние на Россию. Европа постигала, что верноподданная Россия, преданная в глубине души безусловному исполнению царской воли, всегда готова двинуться всюду, по первому с высоты престола мановению; а дабы положить этой силе преграды и затруднения, надо было сверх других экономических козней связать нам руки, то есть подчинить правилу, что вместо простых денежных знаков можно выпускать только процентные бумаги с продажей их на европейских биржах, дабы этим способом постепенно вовлекать нас в неоплатные долги, а Верховной Русской Власти противопоставить власть Ротшильдов и т.п. заправителей биржевого курса и сделать из этого курса политический и финансовый барометр русской силы, показания же барометра заимствовать из бюллетеней иностранных бирж, находящихся в распоряжении противников нашего преуспеяния… Свершилось! Мы разорились, обеднели и погрязли в неоплатных долгах, а влияние Европы стало нас придавлять самою ужасною тяжестью – тяжестью благоволения. И пошла Русская жизнь, кое-как путаясь с ноги на ногу, с поддержкою ее милостивыми благодеяниями Европейских банкиров, которые до того вошли во вкус порабощения нас денежной силе, от нас же ими заимствованной во все время предыдущих провалов с 1837 года, что при последних займах, как это было слышно, требовали уже обязательств от Русского правительства о невыпуске денежных беспроцентных бумаг…

Следовало бы… определить, сколько для всей Русской жизни нужно вообще денег, чтобы можно было расплачиваться ежедневно за труд рабочих по сельскому хозяйству и фабричному производству и т.д.… У нас никакого исчисления по этому основному вопросу еще никем не сделано… Безусловные поклонники чужеземных правил… вопиют на всякие лады о невозможности выпуска бумажных знаков… и в целой России раздавались только три голоса, желавшие для постройки железных дорог появления беспроцентных железнодорожных бумаг вместо разорительных процентных займов за границею… Историк России будет удивлен тем, что мы растеряли свою финансовую силу на самое… ничтожное дело, отправляясь в течение XIX столетия по два раза в каждое царствование воевать с какими-то турками, как будто эти турки могли когда-нибудь придти к нам, в виде наполеоновского нашествия. Покойное и правильное развитие Русской силы в смысле экономическом и финансовом… произвело бы гораздо большее давление на Порту, чем напряженные военные действия (Кокорев здесь напоминает, что мысль о безвредности турок и необходимости беречь нашу силу для врагов с Запада выражал еще в XVIII веке граф С.Р. Воронцов)… На Русской

земле не образовалась своя финансовая наука, соглашенная с Русской жизнью, и вместо нее действует идолопоклонение теориям и взглядам иностранных политико-экономистов… Кто добудет… понятия из сердечной глубины русского мышления… тот будет в состоянии написать руководящую книгу о Русской экономической науке… Не политико-экономические витийства, не парламентские хитросплетенные речи и не разновидные конституции дадут нам разум для благоустройства и возвеличивания России, а живущее в простых сердцах Слово Божие…»[29]. Пройдет всего 4 года после выхода книги Кокорева, и появится в печати первый фундаментальный труд в области русской экономической науки – статья (а затем и книга) С.Ф. Шарапова, о которой речь пойдет в следующей главе.

Иван Сергеевич (1807–1880) и Сергей Иванович (1810–1893) Мальцовы (двоюродные братья), русские предприниматели, владельцы Мальцовского промышленного района, охватывавшего ряд уездов Орловской и Смоленской губерний, где проживало до 100 тысяч человек рабочего населения. Во время правления этих представителей династии Мальцовых в наибольшей степени проявились их славянофильские и патриотические настроения, а эта «промышленная империя», зародившаяся еще в XVIII веке (и просуществовавшая до 1918 года) достигла вершины своего могущества. Здесь выплавляли сталь, производили рельсы, паровозы, вагоны и др. На территории округа поддерживались средние цены на хлеб путем создания хлебных запасов (эту систему, одобренную Вольным экономическим обществом, предлагалось распространить на всю Россию), поддерживался высокий уровень благосостояния работников благодаря сложившемуся патриархально-помещичьему строю.

И.С. Мальцов в 1820-х годах состоял в кружке «любомудров», был знаком с Пушкиным, участвовал в «Московском вестнике» Погодина и был, так сказать, славянофилом изначально. С.И. Мальцов воплотил многие идеи славянофилов на практике, руководствуясь лозунгом «Все из русского материала!» (если бы на этом же принципе строилась вся хозяйственная жизнь России!).

Жуковский Юлий Галактионович (1833–1907) – экономист, публицист, историк общественной мысли. Из дворян. Родился в 1833 году в семье генерала. Параллельно с обучением в Училище правоведения занимался живописью, играл на виолончели, создал лабораторию, где ставил физические и химические опыты, сам изготавливал сложные приборы. По окончании училища в 1853 году поступил на службу в Министерство юстиции, однако рутинные занятия его

29 Более подробное изложение книги Кокорева см. в: «Экономика русской цивилизации». М.,1995, с.176 – 185.

не удовлетворяли. С юности устремленный к защите угнетаемых и обездоленных, он стремился туда, где решался вопрос об освобождении крестьян. Поэтому Жуковский перешел в Государственную канцелярию, где принимал активное участие в осуществлении реформ 1860-х годов. Работая в Главном комитете об устройстве сельского состояния, горячо отстаивал право крестьян на землю и указывал дворянству на его исторический долг народу.

Занимался литературной деятельностью, печатался с 1859 года (повесть «Петербургские ночи»). Был одним из главных сотрудников «Современника», писал о самых разных сторонах жизни современного ему общества, в основном по экономическим и юридическим вопросам. В статье «Что такое право? Наша ученая простота и немец Блунчли» утверждал, что наука права должна быть реальной; цель общественного порядка – благосостояние нации; нужно отбросить устаревшую, ничего не принесшую схоластику.

Внимание читателей привлекли также его статьи «О народности в политике», «Методы юридической науки», «Затруднения женского дела».

В этот период Жуковский публикует ряд статей теоретического характера, в которых критически рассматривает самые основы политической экономии. Никто другой в России, да и за ее пределами в то время не подверг столь суровой критике либеральную школу в экономической науке.

В статье «Экономические теории Маклеода» он освещает «положение, к которому приходит экономическая наука после долгого застоя внутри своей замкнутой и ошибочной школы». По его словам, Маклеод, самый молодой и самый дельный из представителей экономистов того направления, которое объясняет все явления экономической жизни действием закона неограниченной конкуренции, «служит для нас только свидетелем того логического исхода, к которому должна была придти рано или поздно либеральная экономическая школа», подавившая надолго всякое независимое развитие экономического знания. Еще французский социолог Огюст Конт определил политическую экономию как систематизацию хозяйственного беспорядка. Вот этот хозяйственный беспорядок (вместе с принципом невмешательства государства в экономическую жизнь) экономисты – сторонники конкуренции и приняли за основу своих теоретических построений.

Эти экономисты рассматривают стоимость произведенного продукта как сумму процента, ренты и платы рабочим. Однако, – замечает Жуковский, – это вовсе не некий закон мироздания, бывают и такие отношения, при которых эти категории отсутствуют,

например, если речь идет о семье. Значит, законы, выводимые такой экономической наукой – это всего лишь законы конкуренции, а не хозяйства вообще. «Это не наука о лучшем устройстве экономических отношений в народе, а всего лишь теория накопления капитала, об обмене, о покупке, о продаже, теория коммерческого порядка или лавки… Политическая экономия есть наука об обмене, наука торговли или наука лавки… Таков реальный профиль экономической науки, какою она является у экономистов либеральной школы!». Наряду с ней могут существовать наука капиталиста, наука биржевого игрока, наука карточного или шахматного игрока – с той же степенью «научности».

Порядок распределения производимых благ в обществе выработался исторически, он эмпирический, а политическая экономия пытается возвести его в закон, освятить, представить вечным. Она не признает решающего значения труда, выставляя на первый план капитал. Жуковский пишет, что власть над будущим продуктом принадлежит тем, чья власть над трудом (тогда как Маклеод считает, что она у более ловких и удачливых). По его мнению, если бы установился строй, который был бы не во вред рабочему, то обмен вовсе не стал бы законом хозяйственной жизни, он был бы просто устранен. «Нужно на место отпадающего начала обмена отыскать настоящий закон распределения». Тогда займет положенное ему место закон соответствия спроса и предложения, давно известный, но неправильно понимаемый. Он будет по-настоящему действовать, если будут соблюдены интересы труда, и всякий труд будет вознаграждаться при соответствии предложения спросу. «Такая наука не будет уже более наукой о цене или обмене, а будет заниматься законами такого экономического устройства производства и труда, при котором производство или сумма продукта могло бы вполне соответствовать спросу». Жуковский первым из экономистов (не априори, как у марксистов, а на основе самой теории) пришел к выводу о нетоварном характере системы хозяйства, имеющей целью благо трудящихся, и о новом характере и содержании экономической науки будущего).

В статье «Смитовское направление и позитивизм в экономической науке» Жуковский показал, что либеральная или позитивистская школа политической экономии отошла от принципа строгой научности Адама Смита. «Вместо того, чтобы держаться строго теоретической рамки, они пошли в услужение тем классам, которые самым наглым образом эксплуатируют народ и стали недостойным науки способом направлять козни против него». Вместо научных трудов у них получаются только памфлеты, и это не случайно: в науке должна царить беспристрастность. «Непоследовательным бу-

дет всякий, если его пером водит предвзятая мысль, продиктованная случайными интересами партии, особенно если не на стороне этой партии справедливость».

Жуковский видел корень ошибок либералов и в чисто теоретическом плане. Они встали на путь эмпирики, отказавшись от абстрактного мышления, что равнозначно отказу от теории вообще. Индукция и дедукция – это две стороны одного и того же процесса познания, а либералы искусственно разделили его и приняли только одну его сторону. И читателям предлагается «каша, которую натворили экономисты, цепляясь за формулы Смита и вешая на них свои собственные выдумки».

В отличие от экономистов, которые, вслед за Смитом, восхваляли разделение труда, видя в нем главный источник эффективности производства, Жуковский показал, что «наука до сих пор не исследовала рост успешности от его сочетания. Сочетание же различных производств и, в особенности, сочетание земледельческого производства с мануфактурным почти неизведанно вовсе». И он переходит к излюбленной мысли русских экономистов школы Менделеева: противоположность между городом и деревней можно устранить, если в сельской местности размещать промышленные предприятия, а в городе, наряду с парками и скверами, – фермы и теплицы для выращивания овощей и ягод. В городе рабочему не найти другого места для приложения своих сил в свободное время, а в деревне жители почти половину года, в осенне-зимний сезон, лишены возможности иметь дополнительный заработок. По подсчетам Жуковского, из-за отсутствия сочетания промышленного и сельскохозяйственного труда Россия производит только третью часть продукта, который могла бы производить при данном количестве рабочей силы.

Показательна для гражданской позиции Жуковского статья «Историческое развитие вопроса о развитии рабочих ассоциаций во Франции». И на Западе реакционеры, найдя наемных писак среди ученых-экономистов, стремились подавить в зародыше движение рабочих в защиту своих прав, однако оно нарастало. «Теперь в иностранной литературе по крайней мере давно миновало время резких приговоров против так называемых защитников рабочего дела… Однако наши ученые продолжают относиться к означенным вопросам с тем же пренебрежением, которое подслушали лет пятнадцать назад у заграничной прессы, думая иметь до сих пор единомышленников между представителями этой прессы» .

Рабочие ассоциации завоевывают себе место под солнцем, и это естественно: «… системы эти будут всплывать все-таки в том или другом виде до тех пор, пока не будет уничтожена сама причина,

их вызывающая… пока государство не поставило серьезной задачей решить эти вопросы».

Жуковский по-разному оценивает роль различных деятелей, причастных к этому вопросу: «Мальтус и Бабеф стоят в начале истории новейшего движения работников. Как только Мальтус открыл свой закон (напоминаем: согласно которому якобы народонаселение растет в геометрической прогрессии, тогда как производство продуктов питания – только в арифметической. – *М.А.*), в его душе пробудилась такая ненависть против голодающих и бедных, что в первую минуту он почти требовал их умерщвления. Бабеф, в противоположность Мальтусу, проникся симпатиями к бедствующему классу» и стал критиковать несовершенство существующей организации народного хозяйства». Когда Буше выступил с проектом рабочих ассоциаций, это было так ново для либеральной партии, что она не могла его осмыслить. Король Франции Луи Филипп «не любил народа, он смотрел на него как на дикий элемент, который необходимо сдерживать. Последствия, – напоминал Жуковский, – известны».

Жуковский опубликовал в «Современнике» немало и других интересных статей: «Сами против себя», «Прудон и Луи Блан» (впоследствии вышла отдельным изданием), «Ученые грехи и передовые заблуждения», «Итоги», «Записки современника» (за что журнал получил предостережение от цензуры), «Интересы дворянства или интересы барона Функеля».

Начальство Жуковского косо смотрело на его сотрудничество в «Современнике», а после таких статей потребовало, чтобы он либо отказался от публицистической деятельности, либо ушел со службы. Жуковский, позицию которого можно было определить словами «не могу молчать», вынужден был уйти в отставку.

Роковыми для Жуковского (как и для журнала «Современник») стали его статьи «Где искать средства для поправления наших финансов» и особенно «Вопрос молодого поколения» (в первом номере журнала за 1866 год, впервые выходившем без предварительной цензуры). Жуковский был человеком мягким, но свои убеждения отстаивал страстно, чего бы это ему ни стоило. Он выступал против непомерных налогов, всей тяжестью ложившихся на обездоленных крестьян.

Статья о молодом поколении должна была состоять из трех частей, из которых были опубликованы две первых. Статья написана под грустным впечатлением о скудости дворянства, которое долго жило за счет крестьянства и воспитывалось в убеждении, что трудиться своими руками человеку благородного сословия стыдно. И

теперь оно вместо того, чтобы после отмены крепостного права воспрянуть и энергично взяться за дело, тунеядствовало, проедая выкупные свидетельства.

Жуковский считал надуманным, карикатурным деление общества по идейным причинам на отцов и детей (видимо, под влиянием недавно вышедшего в свет романа Тургенева). Он доказывал, что творцы аграрной реформы должны были предвидеть, что с отменой крепостного права изменится не только экономика, а и все остальные стороны жизни общества, и, значит, надо было подумать о новой системе воспитания молодого поколения. Этого не было сделано, и российская система образования осталась вне связи «с куском хлеба».

При крепостном праве дворянам можно было смотреть на знания как на дилетантизм и дело формы. Доблесть барства видели в умении жить в тратах на широкую ногу. Дворянин жил на чужой счет, и дворянский юноша сам по себе был беспомощным, если его вывести на рынок со всеми его знаниями, за него не дадут и двугривенного. В обществе ценились лоск, ловкость, способность к интриге или к подхалимству. А с падением крепостного права от молодежи потребовались совсем другие качества, иной круг познаний.

А мужик гордится тем, что живет своим трудом. Но он и после освобождения остался беден и нецивилизован. А деньги скапливаются в руках помещиков, капиталистов, спекулянтов, и большая их часть тратится на средства роскоши, что представляет собой непроизводительные расходы, вычет из народного труда. «Разлитие богатств в массу составляет… критериум и признак народного могущества, а вовсе не образование отдельных огромных состояний. Потому-то осуждается с политической точки зрения не только крепостное барство, но и барство промышленное». А между народами идет та же борьба за богатство, и «счастлива та страна, которая раньше других вступит на путь разлива богатств в массу», – в этом состоит закон политического роста и силы нации.

И Жуковский произносит приговор сложившемуся в Европе (видимо, по цензурным соображениям не оговаривая, что это относится и к России) строю: «Как ограниченное развитие богатств, допускаемое крепостными условиями, составляло приговор крепостной системе, точно так же и ограниченное развитие богатств, допускаемое батрачной системой, составит и политический приговор на смерть этой системе».

Пока у нас господствовало крепостное право, «ни пространные владения, ни масса зависимого населения не давали России возможности конкурировать относительно цивилизации и развития богатств с Европой». Наша страна эксплуатировалась в материальном

отношении европейцами почти как колония». После отмены крепостного права, по убеждению Жуковского, выбор только один: «Или помещичья усадьба с вольнонаемным трудом, или крестьянское сельское общество», – рядом они процветать не могут». Если возвысится помещик – крестьяне превратятся в батраков. Но и помещик быстро разорится и сдаст землю за бесценок кулакам-промышленникам. Даже с чисто эгоистической точки зрения, не говоря уж о нравственности и патриотизме, выгодно создать условия для процветания крестьянских и городских общин (помещики будут сдавать землю крестьянам в аренду, и цена ее возрастет).

С этих позиций Жуковский осуждал сложившуюся систему воспитания молодого поколения и предупреждал: если положение не изменится, то скоро все дворянские имения перейдут к кулакам-скупщикам, а их владельцы пойдут к новым хозяевам в прихлебатели. Потому что новым богатеям понадобится своя «салонная сволочь».

В третьей части статьи он предполагал осудить либеральные устремления и революционные настроения молодежи, но выстрел Каракозова в Александра II изменил всю политическую обстановку в России. Этим воспользовался Катков, с которым Жуковский систематически полемизировал. Он представил Жуковского как человека, опасного для общественного порядка. Некрасов, если бы даже и пожертвовал Жуковским, на этот раз не смог спасти журнал. «По высочайшему повелению» «Современник» был закрыт. А Жуковский был отдан под суд, который, правда, его оправдал. И хотя некоторые сравнивали его с Мининым и Пожарским в одном лице, на него все же в административном порядке был наложен крупный денежный штраф.

Жуковский был хороший специалист, но в денежных вопросах – «человек не от мира сего». Он с большой семьей остался буквально без средств к существованию. Землю в Крыму, доставшуюся ему от матери, он отдал крестьянам, которых освободил от крепостной зависимости. А теперь еще ни один журнал не решался печатать его статьи.

Он бедствовал, но, собрав некоторую сумму, начал издавать газету «Народная летопись», где его талант публициста развернулся как никогда прежде. Жуковский писал передовицы в каждый номер. Газета быстро нашла своего читателя.

Жуковский подверг критике проводившийся российской властью курс на европеизацию России: «Вот уже более двух столетий как русский человек, отождествляя понятие о всех своих интересах с понятием об европеизме, приобщается к этой европейской циви-

лизации… Европеизм составлял для него ту верховную цель, в преследовании которой он не считал нужным жалеть природных сил страны… Цивилизация – вот первое и последнее слово, которое не сходило с языка у наших передовых людей; и притом цивилизация европейская. Русский человек без устали хлестал себя и шпорил и вот-вот, казалось, еще последний скачок и он очутится всецело в Европе. Но «бойся дары носящих»… Вследствие ли близорукости наших передовых людей или вследствие нашей собственной умственной неподвижности, нам не приходило в голову спросить себя самих, что это за цивилизация, к которой мы стремимся столь усердно?... Может быть цивилизация двоякого рода: может быть цивилизация, ведущая к устройству народных дел… и может быть, наоборот, – цивилизация, растрачивающая эти силы без всякой расчетливости, без всякого толка, на прихоти…».

Оказывается, в Россию привезли отходы западной цивилизации, от которых сама Европа давно отказалась. Привезли из Европы и науку. Но, во-первых, она нужна не народу – он по-прежнему остается безграмотным. Во-вторых, что это за наука?

Просветительных идей из Европы переняли мало, зато понавезли оттуда шелка, вин и певцов – всего, что нужно для услаждения и комфорта «верхов». А «Европа – существо чисто коммерческое», и мы должны за все платить. «Цивилизация везла к нам всякую ветошь и гниль и увозила наши производительные силы – нашу почву… Народ вырабатывал все, что необходимо для него, чтобы ходить одетым и сытым, а отвозил все это на сторону; сам же ходил неодетый и недоевший и взамен получил европеизм». Россия разорялась…

Прежде всего, Европа дала ему возможность испытать на деле всю силу своего обмена: заманивая Россию прелестями своей цивилизации, она на деле заставляла ее играть роль своей колонии. Льстя ей титулом земледельческой страны, она скрывала под этим названием злую иронию, зная очень хорошо, что исключительно земледельческая страна останется всегда бедной и грубой, вечно проигрывающей в коммерческой игре». Виновными в этом он считал правящие классы России: «Так называемая европеизация, учившая нас убыточным в экономическом отношении прихотям, не могла не оказать некоторого расслабляющего влияния и на самый наш характер», породив в «верхах» «погоню за всякого рода игрушками, которые могли бы оправдать в наших глазах собственную лень и ничтожество… расслабление вследствие чрезмерной сытости, сладость разгула в ущерб другим».

Жуковский видел патриотизм «в бережливости сил народа и в стойкости за эту бережливость». Корень всех партий, по его мнению,

«в борьбе общих интересов с личными прихотями. А «общество, которое решится подчинить личные прихоти власти общих интересов, уничтожит в отдельных лицах тот внутренний разлад между рассудком и похотями… оно не будет более общество изнеженное, неспособное пожертвовать самыми пустыми и вздорными, в сущности, лишениями, которых только от него потребуют».

Столь же резкой критике подверг Жуковский и проведенную земельную реформу 1861 года: «Цель реформы должна была быть – изменить ложную экономическую дорогу на более выгодную. И так как старая дорога состояла в сосредоточении капиталов в ущерб рабочему сословию, то новая должна была состоять в распределении достатка между низшими сословиями, где капиталы скорее избегают растраты и вернее обращаются в сбережения». Ведь правительство заявляло, что цель реформы – улучшить быт крестьян. В действительности же освобождение крестьян с выкупом ими земли оказалось выгодным помещикам.

У крестьян отбирают все, кроме того, что нужно для пропитания. А помещик обращает полученные деньги на покупку предметов роскоши. У него тоже не останется капиталов. И никакие кредиты его не спасут. Происходит упадок всего. Крестьянин остается в той или иной степени батраком, он принужден искать заработков на стороне. Спасти положение может лишь такой порядок, когда крестьяне будут собственниками земли и работать только на себя.

Если помещик будет вести хозяйство с наемной рабочей силой, то его хлеб не сможет конкурировать по стоимости с крестьянским. А крестьяне, нуждаясь в деньгах хотя бы для уплаты податей, вынуждены продавать хлеб в ущерб собственному продовольствию. Следовательно, проигрывают обе стороны.

И Жуковский обращается к своей излюбленной мысли о необходимости соединения в селе земледельческого и фабричного труда.

«Наши фабричная, мануфактурная и торговая системы не были рассчитаны на потребителей массы», потому что народ беден. Процветали только московские фабриканты – владельцы хлопчатобумажных фабрик и производители вина. «Купцы и мануфактуристы богатели на счет сословий привилегированных» – помещиков и чиновников. России необходимо «перемещение самого центра тяжести культуры в крестьянскую среду». Только тогда «цивилизация станет цивилизацией народа – и народное богатство станет на прочное основание».

Жуковский показывает лживость и продажность тех литераторов, которые отстаивали интересы имущих классов. Пока лите-

ратура имеет характер товара – литераторы работают на то, чтобы удовлетворить платежеспособный спрос, даже на ложь и невежество: «Литература пропитана обскурантизмом и умышленными искажениями истины ради личных выгод и прихотей достаточного читателя». Литература оказывается в положении прислужницы богатых. «А деятельная литература – в меньшинстве и заглушается общим хором наиболее распространенных изданий, которые вторят рутине».

Жуковский опровергает тех, кто пугает страну ужасающими последствиями разорения помещиков. Дескать, хлеба на экспорт будут отправлять меньше, следовательно, меньше будут покупать шелка и вин. Жуковский резонно замечает: «Но не всегда то, что может быть выгодным или невыгодным для крупных землевладельцев, представляет одни и те же последствия для общества во всей его совокупности». И он вновь обращается к теме крайне невыгодного положения России, остающейся в основном поставщиком хлеба для Запада: «Торговые спекуляции, основанные на производстве и вывозе сельского продукта на сторону, основаны вместе с тем на истощении почвы и следовательно на затрате вперед производительных сил страны». Залогом «всего нашего будущего хозяйственного благополучия» Жуковский считал развитие крестьянских промыслов, которые вырабатывали бы не лионский бархат, «а то, что, не заменяя импорта, одевает и обувает крестьянина лучше, чем теперь». Лучше бы, по его мнению, обходиться без платков из импортного хлопка, а льняными тканями, зато иметь хорошие сапоги. А пока из России кожу вывозят за границу так же, как сало, лен, пеньку, шерсть. И сапоги оказываются для крестьянина непозволительной роскошью, – они слишком дороги. Странно считать, что импортный товар, изготовленный из кожи нашего производства, будет дешевле произведенного на месте. Но «вещи оказываются дорогими потому, что материал увозится за границу, откуда взамен нам отплатят цветными тряпками». Чем же объяснить такое наше неумение вести хозяйство рационально?

Ясно чем: «Крестьянин принужден был производить вовсе не то, что ему было нужно, а то, что заставляет его производить землевладелец на основе крепостного права… Существующая рабочая сила в земледелии может обработать в два раза большую площадь, чем при крепостном праве».

Крепостное право отменено, но крестьянин не может выйти из своего батрацкого по существу положения. И Жуковский видит выход для крестьянства в развитии артелей и кооперации: «Одно крестьянское тягло или хозяйство не может удовлетворить все по-

требности, а всякое тягло тянет врозь от другого, ищет обогащения за счет другого… Если б крестьянские общества составляли какую-нибудь связь внутри хозяйственной единицы, то дело, которое не под силу отдельному хозяйству, могло бы быть выполнено рядом хозяйственных единиц. Ведь есть уже в деревне и промыслы, и первая степень коллективного фабричного труда с разделением операций. Что же мешает крестьянским обществам развиваться далее в том же смысле?».

Мешает то, что политика власти заставляет крестьян уходить из деревни на отхожие промыслы. Ведь они должны платить налоги. Если бы можно было налог уплатить в натуральной форме, крестьянин с этим бы справился. Но от него требуют денег, а как их заработать в своей деревне? Продавать сырье, те же кожи, скупщику? И пока действует именно такой хозяйственный механизм. «Деньги идут целовальнику и московскому фабриканту, который часть их отсылает за границу, в благодарность за то, вероятно, что Европа сделала милость – взяла сырые продукты, в которых лишила русского крестьянина первых условий комфорта». Лучше было бы производить меньше водки, зато больше орудий для хозяйства.

По убеждению Жуковского, без развития сельской промышленности не будет в деревне ни благосостояния, ни школ, ни больниц, не будет народ жить в действительных домах, одеваться, освещаться и пр.

«Трудно ему этого достичь розничным порядком – он может это выполнить совокупными силами, сообща. Но пока он этого не достигнет, только до тех пор все порождения более утонченной цивилизации будут строиться для него на воздухе и только изобразятся лишней цифрой поборов, которая помешает народу достичь того, что ему именно нужно».

Но почему, – спрашивал Жуковский, – эти, вроде бы простые, вещи непонятны образованному сословию? Ведь чтобы понять это, нужны не образованность или сложные исследования, а просто честность. «Самые запутанные государственные вопросы становятся только тогда запутанными, когда они заранее запутаны и сделаны невозможными для разрешения». После, когда увидим, как просты эти решения, нам же станет стыдно, в том числе и за тот грошовый комфорт, которым мы сейчас пользуемся только под условием недостаточности у простолюдина.

Жуковский не просто высказывал свои идеи, но и яростно спорил с другими публицистами разных направлений. Особенно остро он полемизировал с Катковым, который, по его мнению, извращал смысл реформы 1861 года в интересах помещиков. Катков тоже в

долгу не оставался. Но решающий удар Жуковскому был нанесен с другой стороны. По доносам группы сановников на 12-м номере его газета была запрещена министерством внутренних дел. Жуковский понял, что попал в «черный список» и никакой журнал его статьи печатать не будет. И все-таки, когда ему достались 7 тысяч рублей, он не потратил их «на прожитие», а устроил на них лабораторию, где производил физические и химические опыты, своими руками создавая подчас очень сложную аппаратуру.

В 1868 году Н.А. Некрасов стал фактическим редактором «Отечественных записок» и пригласил Жуковского и некоторых других авторов бывшего «Современника», однако существенно уменьшил оплату их труда. Жуковский, возмущенный «кулачеством» Некрасова, вышел из его команды и совместно с М.А. Антоновичем опубликовал брошюру с критикой своего бывшего редактора. Недолгое время Жуковский издавал журнал «Космос». В дальнейшем он выступал в «Вестнике Европы» со статьями «Вопрос народонаселения», «Пища как предмет экономии», «Железные дороги как предмет экономии», «Прямые налоги в России», «Влияние бумажных денег на лаж и цены», «Наш вексельный курс и товарные цены».

В статье «Карл Маркс и его книга о капитале» Жуковский, с одной стороны, старается изложить суть теории Маркса, а с другой – критикует те ее положения, которые считает ошибочными. С критикой статьи Жуковского выступил главный авторитет народничества Н.К. Михайловский, который приписал Марксу универсальную теорию неизбежности капитализма для любой страны. Маркс, возмущенный этим подлогом со стороны Михайловского, написал письмо в редакцию «Отечественных записок», которое, впрочем, не отправил, и оно стало известным только после его смерти.

Среди славянофилов было немало благородных людей, воспринимавшихся окружающими едва ли не как идеал человека. И все же даже на этом фоне Жуковский выделяется действительно как рыцарь без страха и упрека, как борец, готовый при любых, самых неблагоприятных обстоятельствах сражаться за правду, как он ее понимал, до последнего вздоха.

Дальнейшая его деятельность протекала уже в другую эпоху (см. главу 4).

Гиляров-Платонов Никита Петрович (1824–1887) – мыслитель, писатель, православный богослов и публицист. Родился в Коломне в семье священника, окончил семинарию и Московскую духовную академию, преподавал в ней же, затем служил в Министерстве народного просвещения, а в 1867 году получил возможность издавать газету «Современные известия». Сотрудничал в других славяно-

фильских изданиях, хотя считал свои взгляды «близкими, но не тождественными» славянофильским. В настоящем исследовании рассматриваются лишь его экономические взгляды, предпринятая им в книге «Основные начала экономии» (вышедшей посмертно в 1888 году) попытка полного пересмотра основ политической экономии, причем именно с духовно-нравственных позиций. Критика мировоззренческих основ экономики. К делу пересмотра экономической теории Гиляров-Платонов подошел весьма основательно, начав не с самой политэкономии, а с ее мировоззренческих – философских и религиозных основ (здесь остановимся лишь на тех немногих его положениях, которые имеют прямое отношение к экономическим и социальным проблемам).

Разобрав догматические основы всех ветвей христианства, Гиляров-Платонов пришел к таким выводам: «Католицизм есть высшее освящение личного авторитета в сфере религии: ему в быте вполне соответствует форма феодальных отношений. То, что составляет основную идею теперешнего индивидуализма, – идея личного самоуважения, – возникло, развилось и получило значение именно в эту пору. Протестантизм смягчил личное начало, заменив личный авторитет личною же свободою, по отношению к авторитету абстрактному; ему соответствует теперешнее модное общественное устройство, основанное на так называемом общественном равновесии, – на отвлеченном равновесии взаимно противоположных или даже враждебных элементов».

Для европейской интеллигенции религию заменила философия, прежде всего система Гегеля, в которой, по словам Гилярова-Платонова, «философия перестала быть системой отрешенной мысли. Ее положения обратились в верования... Философия Гегеля понимает мир как систему мышления». Такой абсолютный идеализм «не признает реальности ни в субъекте, ни в объекте», которые сводятся к понятиям. Но «искусственное сознание, коль скоро несогласно с обыкновенным, никогда не может завладеть всецело жизнью человека; оно останется для него парадным, пробавляя всю будничную жизнь обычным воззрением». А знаменитая фраза Гегеля «что разумно, то действительно, и что действительно, то разумно», по мнению Гилярова-Платонова, «есть освящение всякого насилия теории над жизнью, фаталистически-бездушный оптимизм по отношению к каждому ничтожному факту, соединенный с полнейшим нравственным безразличием». Ведь у него получается: «что действительно, то и действительно», и этим «отвергнута вся система Гегеля. Таким образом, признание безграничного владычества логики само собой, совершенно последовательно, перешло

в признание безграничного владычества факта и с тем вместе, следовательно, в самый циничный атеизм в основном начале, в безграничный материализм в своих приложениях, в освящение всякого безумия и всякой безнравственности в сфере мысли и воли, и в полнейшее освящение анархии в сфере жизни общественной» (хотя сам Гегель уверял, что Бог и есть высшая действительность).

На такой философской основе могли возникнуть только индивидуалистические теории общественного развития. Не отрицая успехов европейского просвещения, Гиляров-Платонов задавал вопрос: «Но исчезло ли рабство в Европе?» И сам же отвечал: нет, оно только сменило прежний вид на другой. Насилие со стороны аристократии сменилось насилием богатых. Да и власть общественного мнения при современном господствующем начале – это то же насилие над свободой, только со стороны более ловких, остроумных над более простодушными и честными, более скромными, хотя иногда и более даровитыми». А «насилие соблазна и обольщения» направлено «против самого священного тайника человеческой свободы. И тем оно опаснее, чем тоньше: оно убивает свободу в самом корне, под видом уважения к той же самой свободе». В людях нет равенства, одинаковости, и, давая простор индивидуализму, общество тем самым дает простор преимуществам того или иного лица и свободу угнетения другого. Да, успехи цивилизации несомненны, гнет осознается, и его скидывают, «но скидывают самый факт, не уничтожая его начала», и тем самым открывают дорогу более тонкому виду порабощения. Но в Европе царит умопомешательство, там даже не поймут, что проповедь индивидуализма – это тоже вид насилия.

И Гиляров-Платонов формулирует свое понимание истинной свободы: «Истинная свобода не есть личная свобода, а согласие с Божественным семенем в нас. Истинная личная свобода есть именно личное порабощение, совершенное самоотречение личности, совершенное ее самоотвержение и самопокорение закону Божественному». А вершиной воплощения противоположного понимания жизни Гиляров-Платонов считал государственный и общественный строй США – это «крайнее, неминуемое выражение, которое должно найти себе в быте индивидуалистическое воззрение, зачатое в европейской истории: «Промышляй о себе, насколько хватит сил; эксплуатируй других, насколько они сами тебя допустят. Не пеняй, коли приходится плохо; не упускай, коли выходит случай».

В то время, как многие видели в коммунизме противоположность индивидуализму, Гиляров-Платонов находил, что «коммунизм – последнее слово индивидуализма, неминуемый выход

строго последовательного его развития» (хотя по-видимости они враждебны друг другу). «Индивидуализм столь же несостоятелен, как и противоположный ему коммунизм, – оба построены на эгоистическом начале и равно служат химерической мечте примирить исключительное самоугождение личности с идеей общественности». Это два ложных полюса, «обе стороны и правы, и виноваты; правы в критике и несостоятельны в положительной части». Выход заключается в том, чтобы отвергнуть их общее начало – эгоизм, зависть (которая противна дружности).

«Ошибка коммунистов – не в признании равенства прав, а в принуждении».

И вот основные выводы Гилярова-Платонова, которые стали для него переходом от общих мировоззренческих вопросов к проблемам собственно экономики: «Идеал коммунистического устройства есть механический прибор, правильный, но безжизненный. Идеал индивидуалистов – стая зверей, живых, но диких. Индивидуализм есть эгоизм непосредственный, действующий во всей случайности произвола и жертвующий многими для нескольких. Коммунизм есть эгоизм, возведенный в абстракт, действующий в силу предустановленной необходимости и жертвующий всеми – ни для кого. Но, к счастью для человечества, полное осуществление ни той, ни другой системы невозможно. Люди – не машины и не звери, а существа духовно-нравственные» (и живут они не по теории).

Истина заключается в христианстве, но на Западе его смешивают с католицизмом, что неправильно.

«Нравственная экономика». Разобрав мировоззренческие основы хозяйственной деятельности, Гиляров-Платонов формулирует принципы экономики, вытекающие из учения Христа (они тогда стали афоризмами, но затем были надолго забыты):

«Жизнь есть подвиг, а не наслаждения.

Труд есть долг, а не средство своекорыстия.

Верховный закон междучеловеческих отношений есть всеотдающая любовь, а не зависть.

Люби ближнего, как самого себя: вот в двух словах все начало должных общественных отношений, истинно христианских и истинных во всяком другом значении этого слова.

Лицо, сохрани свою инициативу, владей своей свободой, какою одарено, употребляя всю энергию, к какой способно, но клони все свои действия на благо человечества, на пользу братьев.

Представьте, что это соблюдается всеми, и никакого противоречия, никакого неудобства нет: общество сохраняется, труд увеличивается, счастье всех и каждого достигается».

Но Гиляров-Платонов был бы простым моральным проповедником, если бы ограничился провозглашением норм отношений между людьми, вытекающих из Евангелия. Но он был трезвым мыслителем и глубоким экономистом, а потому задает вопрос: «Можно ли основать политическую экономию на представлении о человеке как о святом?»

Вот ход его дальнейших рассуждений: «Государство – сфера правды чисто отрицательной, начало сберегательное, – организм, возникший именно под условием безнравственности, ни на чем другом основанный, как именно на предположении необходимого нарушения истинных законов общественной жизни. Политическая экономия – тоже наука чисто отрицательная; значение ее не более как оберегательное, – но в сфере экономической. Ее дело – представить общий ход и связь существенных экономических отношений, основанных на ложном, самом по себе, начале личного интереса. Ее назначение – показать общие меры, которыми государство может сколько-нибудь предотвращать постоянные и неизбежные в этой сфере нарушения человеческих прав, искусно пользующихся, без нарушения свободы отдельных лиц, внутренней борьбой самого этого начала личного интереса. И только. Но в таком случае не ее же дело браться за начала положительные, или, что еще хуже, выдавать за положительные начала свои собственные – отрицательные и условные. И тем более, не ее дело придавать значение обязательности и законности тому самому, что, по самому существу своему, есть именно отрицание всяких обязанностей и нарушение истинного закона. В этом-то, собственно, и состоит различие между науками нравственными и экономическими (и политическими вообще)».

Словом, в трактовке экономических процессов неправы и буржуазные экономисты, и коммунисты. Они не учитывают двойственной природы человека как существа эгоистического и духовно-нравственного: «Нет, признайте, что люди врожденно самолюбивы, что в каждом из нас существуют зверские инстинкты; но не говорите, что все это так и должно быть, что эти отношения истинные... Равным образом признайте, что все люди братья... Но не мечтайте, что эти святые и свободные отношения могут быть предметом внешнего принудительного закона, и что всеобщее осуществление их на земле когда-нибудь возможно. Равенство и братство всегда останутся на земле идеалом, только идеалом... Это – дальнейшая мета, общее мерило, верховный закон, с которым должны сообразовываться все социальные науки, – при полной уверенности в его неосуществимости, но именно его иметь в виду, и к нему направляться. Великую заслугу

оказала бы человечеству политическая экономия, если бы хорошенько поняла в этом смысле свою задачу и старалась ее выполнить...»

В свете сказанного, очевидно, станут понятными положения Гилярова-Платонова, неприятные политико-экономам, вроде того, что «материальное богатство не есть самостоятельное благо», труд не только не единственный, но и не главный творец хозяйственных благ, он лишь орудие производящей силы, покоряющей природу (тем не менее мыслитель разобрал все виды труда – активного и пассивного, умственного и физического). Не руки работают над природой, а разум. Труд – сила, а двигатель – ум (стоимость следовало бы определять количеством потребляемого ума, но здесь всякая мера исчезает). Существующим экономическим устройством более всех обижен не рабочий, а интеллигент (а отчасти и распорядитель, предприниматель, изобретатель). Здесь Гиляров-Платонов вплотную подошел к раскрытию проблемы «ноу-хау», приобретшей ныне столь важное значение. Не производитель, а потребитель должен быть владыкой хозяйственной жизни. А саму экономическую цель он рассматривал лишь как средство для другой цели – духовной жизни.

Гиляров-Платонов отметил «односторонность экономического направления в связи с односторонностью философского направления», когда материалистическое направление мысли привело к тому, что «вопрос об общественности объявлен вопросом желудка, а отсюда односторонность в определении понятий о богатстве и ценности...» Он дает определения богатства, бедности, достатка, собственности, капитала, кредита, денег, ренты, стоимости, прибавочной стоимости, цены, товара, разделения труда, заработной платы, монополии, биржи и др., часто существенно расходящиеся с принятыми в западной политической экономии. Главными отличиями экономики Гилярова-Платонова нужно считать, во-первых, равнение не просто на труд, а именно на творческий труд, а во-вторых, устремленность к высшей правде: стремление рассматривать экономический процесс «не сам по себе, а как существующий для людей, – с точки зрения этической (не как есть, а как должно быть и есть ли так, как должно быть)», что предполагает выход за пределы узкоэкономической точки зрения. Наверное, трудно найти другую постановку экономических проблем, в такой мере устремленную в будущее и, следовательно, заслуживающую особого внимания в наши дни. Одновременно Гиляров-Платонов подвергает суровой, но справедливой критике основные идеи А. Смита, Д. Рикардо, Т. Мальтуса, Дж.Ст. Милля, К. Маркса, Лассаля, Родбертуса, Дюринга и др. видных западных экономистов, которые кажутся ему представителями науки давно минувшей эпохи.

Занятия экономической теорией не мешали Гилярову-Платонову живо откликаться на насущные вопросы общественной жизни России его времени. Считая православие наиболее чистым выражением учения Христа, он в то же время резко критиковал те слои русского общества, которые использовали Евангелие для защиты своих корыстных классовых, сословных или корпоративных интересов. Например, те «православные», которые противились отмене крепостного права, признавали необходимость улучшения быта крестьян, но считали, что это должно быть «делом Божьим, а не человеческим» (дескать, «благословит Господь – и все, богатые и бедные, будут счастливы»). Мыслитель бичевал пороки капитализма не только западного, но и нарождавшегося на его глазах российского, отстаивал право каждого русского человека на обеспеченную и достойную жизнь. К сожалению, ранняя смерть не позволила Гилярову-Платонову завершить создание своей системы «нравственной политической экономии». Его идеи при жизни не были оценены по достоинству (С.Ф. Шарапов назвал его «неопознанным гением»). Однако позднее они получили распространение в узком слое патриотически настроенных деятелей мыслящей России, что создало фундамент для становления самобытной русской экономической науки.

Глава 4.

СЛАВЯНОФИЛЫ И ИХ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА III

Александр III был одним из самых набожных русских монархов. Вера Александра III не отягчалась сомнениями: он изначально, как аксиому, принял догматы религии. Вопросы, над разрешением которых бились русские умы,— доказательства бытия Божия, бессмертие души — не занимали его. Однозначные ответы на них он усвоил раз и навсегда вместе с детской молитвой. Считавший себя истинным христианином, император не только не руководствовался в политике христианской моралью, но как раз сами принципы этой морали способен был подчинять государственным целям.

Его вера была выражением естественной тяги к опоре, которая казалась единственно твердой. Усиливать самодержавие без помощи религии в последней четверти XIX века было попросту невозможно. Объяснять целесообразность существования власти давней исторической традицией, самобытностью «русского пути», обращением к отрицательному опыту европейских государств оказывалось уже недостаточным. Для обоснования незыблемости самодержавия в пореформенной России требовалось высшее мистическое подтверждение. Провиденциализм в официальной идеологии при Александре III получает явное преобладание: идея царя, помазанника Божьего на земле, первенствует в провозглашении самодержавия неизменной принадлежностью русской истории и вершиной российской государственности. Русский царь — не только наследник династии, но и преемник кесарей. Убежденный в Божественном происхождении его власти, Александр Ш воспринимал покушения на неограниченную монархию как акты кощунственные и еретические. Сам он строго исполнял церковные обряды, неукоснительно посещал богослужения, отстаивая их до конца, истово молясь и наслаждаясь церковными песнопениями (духовную музыку любил больше, чем светскую).

Главным достижением царствования Александра III стало проведение контрреформ, в ходе которых было пересмотрено либерально-космополитическое законодательство 1860–1870-х годов. Главной целью контрреформ были усиление позиций русской православной монархии.

Проект контрреформ был подготовлен министром внутренних дел Д. А. Толстым. Одной из первых мер контрреформ явились "временные правила" о печати от 27 августа 1882, вводившие цензуру на печатные издания, подрывавшие православное вероучение и духовно-нравственные устои России. Восстанавливались сословные принципы в начальной и средней школе, росло число церковноприходских школ, был принят циркуляр от 18 июня о гимназиях. Коренному переустройству подвергалась высшая школа. По новому уставу 1884 была упразднена университетская автономия. В 1885 году был учрежден Государственный дворянский земельный банк, ограничены семейные разделы для крестьян (1886), введен закон о найме сельскохозяйственных рабочих (1886) и т. д. Все эти акты явились отдельными звеньями контрреформ. В сер. 1880-х был поставлен вопрос об общем пересмотре законодательства 1860–70-х.

Программа контрреформ была отражена в статье предводителя дворянства Алатырского у. Симбирской губ. А. Д. Пазухина "Современное состояние России и сословный вопрос" ("Русский вестник", 1885, т. 175, кн. 1; отд. изд., М., 1886). Пазухин, назначенный правителем Канцелярии министра внутренних дел, возглавил подготовку контрреформ и стал автором первоначальных проектов преобразования земства и крестьянского управления (н. 1886).

В цикле контрреформ особенно важен закон о земских начальниках от 12 июля 1889 года. Земские начальники назначались министром внутренних дел по представлению губернатора и предводителя дворянства из числа местных дворян, обладавших определенным имущественным и должностным цензом. Земский участковый начальник сочетал административную власть наряду с судебной. В административной сфере ему полностью подчинялось крестьянское сельское и волостное самоуправление. Судебные функции земского начальника были очень обширны. Мировые суды в уезде упразднялись. Большая часть рассматривавшихся ими дел перешла непосредственно в ведение земских начальников, другая же часть – в ведение волостного суда, целиком подчиненного земскому начальнику. Ряд решений земских начальников являлся окончательным, другие могли быть обжалованы. Второй инстанцией как в административных, так и в судебных отношениях был уездный съезд земских начальников под председательством уездного предводителя дворянства, ре-

шения которого могли быть пересмотрены губернским присутствием. Закон 1889 года создал в уезде институт, сословный по составу и по функциям. Он возвращал дворянству значительную долю его прежней власти над крестьянством.

Вторым по значению актом в цикле контрреформ было земское положение от 12 июня 1890 года. Новый закон ввел сословные курии для избирателей, усилил представительство дворянства, заменил выборность крестьянской курии назначением губернатором гласных от крестьян из числа избранных крестьянами кандидатов. В целом по 34 губерниям процент дворян в уездных земских собраниях вырос с 42,4% в 1883–86 до 55,2% в 1890, в губернских – с 81,6% в 1883–86 до 89,5% в 1897. Существенно усиливалась государственная опека над земством, создавался новый орган – губернское по земским делам присутствие.

Дальнейшим шагом явилась городская контрреформа 1892 года. Из состава городских избирателей были исключены низшие слои – приказчики и мелкие торговцы. Первенствующее место отводилось владельцам городской недвижимостью (стоимостью от 300 до 3 тыс. руб.). Эти меры увеличили влияние малочисленного в городах дворянства. Контроль администрации над городским самоуправлением усилился.

Изменения вносились и в судебную реформу 1864 года. Так, в 1887 году был изменен ценз для присяжных заседателей с целью усиления дворянских элементов и отстранения представителей наименее состоятельных буржуазных слоев. В 1889 году из ведения суда присяжных была изъята часть дел и в первую очередь все виды дел о «сопротивлении властям».

Либерально-космополитические элементы государственного аппарата и дворянства тормозили проведение контрреформ и не позволили довести их до логического конца. Тем не менее уже проведенные контрреформы усилили традиционные позиции Русского Православного Царства, приостановили введение порядков, России не свойственных[30].

Славянофилы в эпоху Александра III

Царствование Александра III было, пожалуй, наиболее благоприятным для теоретической деятельности славянофилов. Порой их

30 См. Большая энциклопедия русского народа «Святая Русь». Том «Русский патриотизм. М., 2003. С. 376.

идеи и труды были даже востребованы властью, например, разработки Д.И. Менделеева в области тарифной политики (о них пойдет речь дальше).

Но условия для практической деятельности славянофилов, для их изданий оставались весьма трудными. К тому же признанные глашатаи идей славянофильства либо уже умерли, либо приближались к роковой черте, а новых активных бойцов, особенно с самобытными экономическими воззрениями, не объявлялось (едва ли не единственным таким деятелем был П.В. Оль).

Когда вступивший на престол после гибели отца Александр III приехал на коронацию в Москву, И. Аксаков выступил со статьей «Пора домой!»: «Да, в Москву, в Москву призывает теперь Своего Царя вся Россия. Правильное кровообращение нашего государственного тела прекратилось с перемещением центра тягости правительственной власти на границу нашего пространного Царства. Петербург есть отец, верховный жрец и слуга бюрократизма, то есть формального, безжизненного отвлеченного бумажно-чиновничьего механизма управления Русским Народом. Но управление – не механический только снаряд, а дело живое, отправление самой жизни политического организма».

И. Аксаков писал, что сейчас истинно-русский человек ощущает себя в Петербурге, как на чужбине. В России есть только две государственные силы: Царь и Народ, и надо устранить все, что мешает их единению. Государство не может заменить органической жизни. Необходимо единство «Земли» и «Государства» при духовной власти Православной Церкви.

Эти идеи Аксакова, которые он высказывал и раньше, не разделялись Кошелевым и Самариным, которые опасались, что единство Царя и Народа может создать угрозу для дворянства, которое выступало как срединный слой, мешающий этому единению. Союз Царя и Народа идеологов дворянства пугал. Он поставил бы «всю грамотную Россию между двух огней, ее бессилие и изолированность высказались бы самым очевидным образом, и, благодаря ее глупым замашкам, последовало бы неудержимое между властью и массами – сближение на счет серединной России, во имя произвола и невежества». Но Кошелев умер в 1883 году, а Самарин еще раньше – в 1876 году, так что из старых славянофилов Аксаков оставался единственным видным публицистом. Но и ему оставалось действовать недолго, он скончался в 1886 году. Последнюю попытку повлиять на политику нового царя в славянофильском духе он предпринял в 1882 году, обратившись к сочувствовавшему ему министру внутренних дел Н.П. Игнатьеву.

Аксаков предложил план, «способный посрамить все конституции в мире, нечто шире и либеральнее их и в то же время удерживающее Россию на ее исторической, политической и национальной основе». Речь шла о Земском соборе с прямыми выборами от сословий на основе имущественного ценза, обеспечивающего первенство крупных землевладельцев. Из 4 тысяч выборных 1 тысяча предполагалась от крестьян. «Всенародное» подтверждение собором необходимости самодержавия заставило бы «замолкнуть всякие конституционные вожделения». Поводом к его созыву должна была стать предстоящая коронация императора.

Честолюбивый, ищущий популярности Н.П. Игнатьев взялся подготовить манифест о созыве Земского собора, вознамерившись легко получить одобрение императора. Его расчеты подкреплялись воспоминаниями о встречах с наследником в Крыму в 1876 году, когда тот высказывал симпатию к Земскому собору как атрибуту русской старины…

Подготовку манифеста решено было вести конфиденциально». Но «Катков, у которого в министерстве были осведомители, первым поднял тревогу, узнав о готовящейся акции. В дело, разумеется, активно вмешался и Победоносцев». Появились статьи, доказывавшие «гибельность всякого представительства для абсолютной монархии… царь и сам уже понимал, что дело зашло слишком далеко». Идея Земского собора была похоронена, а министр был уволен в отставку.

Наиболее плодотворной была деятельность Д.И. Менделеева, который переживал пору расцвета своего дарования.

После того, как он блестяще проанализировал состояние нефтяной промышленности России и наметил перспективы ее развития, его авторитет в научных и промышленных кругах стал непререкаемым. Поэтому Комитет общества для содействия русской промышленности и торговле весной 1882 года обратился к нему с просьбой сделать на торгово-промышленном съезде доклад о мерах, необходимых для развития химической промышленности в России. Менделеев не только выполнил это поручение, но и, выйдя далеко за рамки химической промышленности, написал доклад «Об условиях развития заводского дела в России», где рассмотрел проблемы и перспективы индустрии вообще.

Вслед за названной работой Менделеева выходят в свет и другие: «О возбуждении промышленного развития в России» (1884) и три статьи под общим названием «Письма о заводах» (1885–1886). Именно в этих пяти работах Менделеев изложил систему своих взглядов по вопросам экономического развития России. Он показал,

что индустриализация России стала исторической неизбежностью. Традиционный для страны экспорт зерна, с одной стороны, и импорт промышленных товаров – с другой, пришли в противоречие с ростом народонаселения и его потребностей. А для развития национальной промышленности имеются благоприятные экономические и географические возможности: мало разработанные ресурсы, в том числе минеральные богатства, трудовые ресурсы, используемые лишь сезонно, на сельскохозяйственных работах. Есть емкий внутренний рынок, а поскольку большая часть территории удалена от морских портов, это ведет к удорожанию импортных товаров и потому к снижению их конкурентоспособности по сравнению с произведенными на месте.

Не удивительно, что именно ему в 1888 году было поручено дать оценку перспектив разработки незадолго до того открытых залежей угля в Донецком бассейне.

Менделеев и к этой проблеме подошел комплексно, проанализировав и технологическую, и организационную, и финансовую ее стороны.

В то время из донецких углей использовался преимущественно антрацит, да и тот – лишь для сжигания в топках паровозов. Менделеев указал на недопустимость такого расточительства. В статье «Будущая сила, покоящаяся на берегах Донца» он указал на разнообразие сортов донецкого угля и определил сферу рационального использования каждого из них.

Местные угледобытчики каждый в одиночку пытались повысить эффективность работы своих крохотных шахт и, естественно, без особого успеха, потому что сделать добычу угля рентабельной можно было лишь при резком увеличении добычи, а его нельзя было добиться без создания рынка сбыта и путей сообщения с большой пропускной способностью. Менделеев просчитал, во что обходится снабжение Петербурга и Москвы польским (из Силезии) и импортным английским углем, и определил, при каких условиях донецкий уголь окажется конкурентоспособным с ними. Он разработал предложения по изменению таможенных тарифов на уголь, обосновал необходимость постройки специальной углевозной железнодорожной магистрали (дорога Москва–Донбасс была построена только в 1930-е годы), проведения шлюзования и дноуглубительных работ на Донце и Дону, развития портов на побережьях Азовского и Черного морей. При проведении намеченных им мероприятий Россия могла бы не только отказаться от импорта угля, но и сама экспортировать его сначала в страны Средиземноморья, а затем и в страны Балтики, причем эта задача рассматривалась им не только как экономическая,

но и как политическая, как вопрос престижа нашей страны. По его мнению, народы средиземноморских и балтийских стран, видя, что Россия вывозит высококачественный уголь, убедились бы в том, что она в состоянии производить и экспортировать и другие товары высокого качества.

Не ограничившись изучением только Донецкого угольного бассейна, Менделеев обратил внимание общественности и промышленных кругов на месторождения угля на востоке, в первую очередь в Кузнецком бассейне и далее, вплоть до Сахалина. Он первым поставил вопрос о принципиально новых методах добычи и использования угля, в частности, на возможность его подземной газификации.

Хотя запасов угля в открытых месторождениях России хватит не на одно столетие, Менделеев считал экономию топлива очень важной задачей: «…бережное отношение к топливу все же нравственно обязательно, ввиду интересов потомства, а потому всякие открытия, сюда относящиеся, заслуживают полного общего внимания не только ради интересов потомства, но и ради прямых целей промышленности, потому что всякое сокращение в расходе топлива должно отозваться на увеличении выгод предпринимателей и на удешевлении товаров».

Уже тогда Менделеев писал о необходимости использования альтернативных источников энергии: гидроэнергии, энергии Солнца, ветра и морских приливов, внутреннего тепла Земли, разности температур разных слоев воды в океане.

Венцом экономических исследований Менделеева в этот период стала работа «Толковый тариф», которую современники назвали «библией русского протекционизма». До него таможенный тариф рассматривался как мера чисто фискальная, то есть как источник пополнения доходов казны за счет таможенных пошлин. Рассуждали при этом так: если установить на ввозимый товар слишком высокую пошлину, то потребление его снизится и доход государства упадет, к тому же это будет способствовать и контрабанде. Если же пошлина будет слишком низкой, то даже при большом спросе на товар казна получит немного. Значит, надо найти такую оптимальную величину пошлины, при которой доход окажется наибольшим. Менделеев решительно выступил против такого узкоторгашеского подхода и предложил устанавливать пошлины на ввозимые и вывозимые товары с учетом их влияния на развитие производительных сил России, содействия росту отечественного производства или противодействия ему. Если, например, из-за высоких пошлин какой-то импортный товар вообще не поступит в Россию, но разовьется его отечественное

производство, то таможенного дохода вообще не будет, зато казна получит гораздо больше в виде налогов от российских производителей. Утвержденные царем Александром III, эти предложения сыграли важную роль в защите молодой российской промышленности от недобросовестной иностранной конкуренции, когда иноземный капитал прибегал к продаже нам товаров по демпинговым ценам для завоевания рынка, а после достижения этой цели взвинчивал цены выше мировых. Не случайно сам Менделеев, понимая значение этого своего труда, шутил: «Какой я химик, я политико-эконом! Что там «Основы химии», вот «Толковый тариф» – это другое дело!»

Работа Менделеева над таможенными тарифами была важна не только с экономической, но и с политической точки зрения. Он считал совершенно необходимым установление протекционистских пошлин, поскольку человечество еще очень далеко от превращения в единую семью, на планете существуют разные государства, и пока дело обстоит так, каждая страна обязана защищать свои национальные интересы. Протекционизм он понимал широко, не только как установление пошлин, ни и как всю систему мер по созданию благоприятной обстановки для развития отечественного производства. Но против протекционизма выступали не одни иностранцы и глядевшие им в рот российские интеллектуалы, а также помещики, которые опасались, что с появлением у нас современной промышленности образуется рынок труда и цена рабочей силы возрастет, а это подорвет основы тогда еще полукрепостнического нашего сельского хозяйства. Противились протекционистским мерам и высокопоставленные государственные чиновники, которые в силу ведомственной заинтересованности представляли состояние России как и без того блестящее, а под промышленностью, как шутил Менделеев, понимали стрижку купонов. Чтобы преодолеть этот самый опасный вид сопротивления, Менделеев проделал огромную работу со статистическими данными и показал, что за общими, валовыми показателями экономического развития страны скрывается сильнейшее отставание России от развитых стран по объему производства на душу населения и по уровню благосостояния народа (от США, например, на порядок). В частности, он показал, что из 17 миллионов российских земледельцев только пять миллионов продают хлеб, а большинство остальных его покупает, дети в крестьянских семьях не имеют достаточно молока и почти не видят мяса. Доходы государственной казны слагаются в основном из податей, таможенных сборов и выручки от продажи водки. «Что, в кабаке должны видеть спасение для экономического быта народа?» – гневно вопрошал он. Словом, после такого разбора экономических показателей «пало облщение», и

общественность смогла составить себе более полное представление о положении страны.

Чтобы легче было одолеть многочисленные препятствия, стоящие на пути индустриализации России, в особенности порожденные несогласованностью интересов казны и частных собственников, Менделеев предложил создать принципиально новый орган государственного управления экономикой – Министерство промышленности, которое представляло бы собой не обычное звено бюрократического государственного аппарата, а сочетало бы правительственные и общественные начала и потому находило бы решения, обеспечивающие, чтобы «промышленное дело велось в общем интересе государства, капиталистов, рабочих и потребителей... чтобы произволу административных лиц не было места... чтобы не могла привиться у нас... (как это сделалось в Западной Европе) язва вражды между интересами знания, капитала и работы...» Министерство должно было состоять как бы из двух частей: министр и его сотрудники назначались бы правительством, а представители народа, общественности выбирались на местах – в губерниях и уездах. Следовало также создать несколько русских банков для поощрения развития наиболее важных для страны отраслей промышленности (поскольку имевшиеся банки возглавлялись нерусскими людьми и не кредитовали реальное производство, а занимались преимущественно валютными и прочими финансовыми спекуляциями, играя с нашим рублем на зарубежных биржах), шире практиковать образование товариществ и пр.

Ученый призывал правительство «к осознанию необходимости стать во главе предстоящего исторического развития... Правительству надо выкинуть новое, у него до сих пор не бывшее в руках знамя». Но и этот его призыв не был услышан.

Труды Менделеева по проблемам других отраслей экономики, а также обобщение полученных результатов в той мере, в какой он успел это сделать, приходятся на царствование императора Николая II, а потому будут рассмотрены в следующей главе.

Наибольшего расцвета в царствование Александра III достигла и научная деятельность С.Ф. Шарапова.

Анализируя провалы экономической политики Александра II, Шарапов особенно яростно обрушивался с критикой именно на финансовое ведомство. Почему? Потому что он видел, как мировой финансовый капитал набросил на Россию финансовую удавку

Разбираясь в причинах быстрого разорения российского сельского хозяйства, Шарапов убедился в том, что после прихода в Министерство финансов «новых финансистов» во главе с С.Ю. Вит-

те была разрушена старая система кредитно-денежного обращения. Не создав ничего нового, Министерство финансов не смогло обеспечить сельское хозяйство достаточными оборотными средствами, которые помогли бы его перестроить на новых принципах взаимоотношений между крестьянами, помещиками и государством. Достаточно было бы удовлетворить денежный голод землевладельцев (помещиков и крестьян) и промышленников путем контролируемого монархом выпуска бумажных денег, имея в виду, что они нуждаются все-таки в определенном металлическом фундаменте, и вся экономика ожила бы.

При этом, считал Шарапов, можно было бы в непродолжительный относительно срок поднять государство без привлечения капиталов извне и не пользуясь внешними займами, а только за счет внутренних ресурсов.

Шарапов считал политику Александра II антинародной. Ведомая этой антинародной властью и подталкиваемая враждебными силами извне, Россия, по его мнению, стремительно неслась к грандиозной катастрофе.

Шарапов был едва ли не единственным деятелем в стране, который не только понимал всю глубину нависшей над страной опасности и предупреждал общество о ней, но и мог сформулировать свою концепцию национального спасения. Главное – он понимал глубинную связь этой смертельной опасности для России с противоположностью русского и западноевропейского миропонимания. Подобные воззрения, неприемлемые для господствующих в российских «верхах» деятелей западной ориентации, и в наши дни мало кому присущи. А тогда таких людей можно было пересчитать по пальцам одной руки.

Не будет преувеличением сказать, что Шарапов первым разгадал механизм финансового и экономического удушения, который впоследствии был применен к России Международным валютным фондом, всемирным Банком, Парижским и Лондонским клубами кредиторов (которые только иначе тогда назывались), за сто лет предвосхитив грозные прогнозы покойного А. Кузьмича (А.К. Цикунова).

Поражает круг интересов Шарапова: он и помещик, в отличие от большинства представителей этого сословия удачно ведущий свое хозяйство, и прозаик, и драматург, и поэт-переводчик, и неутомимый путешественник по родной стране, открывший немало процветающих сельскохозяйственных предприятий и много сделавший для распространения их передового опыта; и конструктор сельскохозяйственных орудий; и ведущий деятель славянских обществ; и

создатель Русской Народной Партии. Но главными его поприщами были теоретическая экономика и публицистика.

В 1893 году в журнале «Русское обозрение» была напечатана статья «Основы русской денежной системы», за странной по тем временам – без имени и даже без инициалов – подписью «Талицкий». Позднее выяснилось, что это псевдоним С.Ф. Шарапова.

Статья, явившаяся ярким проявлением самобытной русской экономической мысли, содержала убийственную критику западной политической экономии и финансовой науки за их бездуховность, за пренебрежение нравственной стороной человеческой природы и хозяйственной деятельности. Автору данного исследования эта критика была очень близка, самая первая его статья на поприще публицистики называлась «Нравственность экономики». И если в 1981 году постановка вопроса о том, что экономика должна соответствовать законам нравственности, была принята многими экономистами и публицистами в штыки, то можно представить, с каким недоверием и недоброжелательством была встречена та же мысль почти сто лет назад. Шарапов доказывал: вследствие того, что финансовая система ведущих стран Западной Европы основана на золоте, они попали в кабалу к международной бирже, к тем, кто от века служит «золотому тельцу» и держит в своих руках управление мировыми денежными потоками. В итоге там наступила эпоха величайшего политического разврата и нравственного разложения, причем выхода из этого тупика нет. А Россия с ее самобытной хозяйственной системой и самодержавной властью оставалась в конце XIX века единственной страной, которая могла бы не только вырваться из этой навязанной ей кабалы, но и показать остальному миру путь к освобождению. Для этого, утверждал Шарапов, нужно было отказаться от навязываемой России золотой валюты и перейти на бумажные деньги, но при соблюдении известных нравственных условий.

В частности, царская власть должна быть основанной на твердых нравственных началах, абсолютно бескорыстной, выражать интерес не господствующего класса, а всего народа, и проводить честную финансовую политику. Выпуская, например, дополнительные бумажные деньги для оживления экономической жизни страны, власть должна была пресекать всякую возможность злоупотребления и строго следить за состоянием деловой активности и денежного обращения в стране, чтобы не допускать инфляции. Значит, при временном спаде экономической активности часть денег должна изыматься из обращения, чтобы объем денежной массы всегда в целом соответствовал величине предлагаемых товаров и услуг. Ведь у власти, которая руководствуется не общенародными,

а своими собственными интересами, всегда возникает соблазн воспользоваться инфляцией, чтобы расплатиться с народом по своим долгам обесценивающимися бумажными деньгами, а этого допускать нельзя.

При соблюдении условий, сформулированных Шараповым, Россия получит абсолютные деньги, покупательная способность которых не зависит от изменений конъюнктуры мирового рынка и которым население так же безусловно доверяло бы, как доверяет оно царю.

Предлагавшаяся Шараповым система сулила России огромные выгоды. «На Западе, – писал он, – при формальной власти президента или короля, правительства и парламента, подлинная власть находится в руках биржи» (точнее, ее хозяев), а государство выполняет лишь роль городового (или «ночного сторожа»), следящего за порядком. А в России самодержавная власть получила бы возможность, удерживая в гармонии капитал, знания и труд, сама иметь такое богатство, что это позволило бы не только избавиться от внешних займов, но и отказаться от взимания налогов с населения.

Надолго запоминалась крылатая фраза Шарапова, выражающая общественно-политическую сущность предлагаемой им системы: «Капитализму, то есть господству капитала, здесь нет места, а потому нет места и его антитезе – социализму». Россия положила бы предел экспансии паразитического спекулятивного и ростовщического капитала, стремящегося к мировому господству.

При условии проведения предлагаемой Шараповым реформы менялся бы «сам характер русского государственного строя, усиливая нравственную сторону бытия и доставляя возможность проведения свободной христианской политики».

Словом, работа Шарапова намечала путь мирного преобразования России из государства дворянско-буржуазной диктатуры в своего рода «народную монархию», как бы завершая поиски славянофилов в области державного строительства. При этом снимался вопрос о революции, о насильственном ниспровержении существующего строя, о разрушении мира насилия «до основанья» и последующего «затем» построения «нашего нового мира» («кто был ничем, тот станет всем»), которые неминуемо потребовали бы большой крови и великих жертв.

Уже в этой работе Шарапов предстал перед понимающими читателями как гениальный мыслитель, горячий патриот России и, может быть, последний перед революцией (приближение которой уже явно ощущалось выразителями настроений интеллигенции) провозвестник самобытного пути ее развития, предлагавший собственную

концепцию построения справедливого русского государства и основанную на русских традициях систему хозяйствования.

Наши современники в своем большинстве плохо представляют себе, что такое золотая валюта и золотое денежное обращение, которых практически не осталось нигде в мире. Многим кажется, что золотая валюта – это очень хорошо. Нередко можно услышать или прочитать, что переход России на золотую валюту при министре финансов С.Ю. Витте – это замечательный шаг, свидетельствовавший о крепости российской экономики, после этого рубль стал желанной денежной единицей повсюду в Европе. Поэтому сегодня мало кому понятно, почему же Шарапов доказывал, что переход России на золотую валюту очень скоро приведет страну к полному краху. Придется нам здесь сделать небольшое отступление в историю российских финансов.

В цивилизованных странах в качестве денег до перехода на бумажные деньги использовались золото и серебро.

С самого начала великороссийской государственности нашей национальной денежной единицей служил серебряный рубль. Правда, цари династии Романовых эту монету часто фальсифицировали, что при Алексее Михайловиче вызвало даже «медный бунт». При Екатерине II в связи с постоянными войнами и резко возросшими расходами на содержание императорского двора образовался колоссальный дефицит государственного бюджета, который был покрыт двумя способами. Во-первых, Екатерина впервые стала практиковать внешние заимствования (причем отдавать долги она не спешила, и рассчитываться по ним пришлось ее прапраправнуку Николаю II). Во-вторых, в ее царствование в России впервые были выпущены бумажные деньги – ассигнации.

Денег в казне всегда не хватало, и выпуск ассигнаций часто становился главным источником дохода государства. Однако если денежная масса в стране растет, а количество товаров и услуг остается неизменным, то это приводит к инфляции, росту цен. При этом, согласно правилу экономики, «плохие деньги вытесняют хорошие». Если серебряные деньги и не исчезают совсем из обращения, то, по крайней мере, становятся значительно дороже, чем бумажные деньги того же достоинства. За рубль ассигнациями на рынке в 1806 году давали 68 копеек серебром, в 1810 – уже 25, а в 1814 году – только 20 копеек.

Как уже отмечалось, что в 1839–1843 годах министр финансов в правительстве Николая I Канкрин провел финансовую реформу: ввел в качестве основы денежного обращения серебряный рубль, установил обязательный курс ассигнаций, добился бездефицитности

государственного бюджета и тем самым временно укрепил финансы России. Продолжая внешнюю политику своего старшего брата Александра I, направленной на укрепление связей с Западом, Николай I во внутренней политике взял курс на обеспечение экономической независимости России, что, по его мнению, требовало относительной изоляции России от складывавшегося мирового рынка. Он оказывал покровительство развитию отечественной промышленности и торговли. Так оно, возможно, и продолжалось бы еще долгое время, если бы в российские дела не вмешались внешние силы.

Природа щедро наделила Россию природными ресурсами, а Западную Европу в этом отношении обидела. С давних пор Европа привыкла смотреть на Россию как на источник ресурсов, как на страну, которую надо подчинить. Многократные попытки Запада установить господство над Россией военной силой не удавались. Но ведь для покорения страны вовсе не обязательно завоевывать ее. Достаточно взять в свои руки ее финансовую систему, и тогда страна, сохраняя внешние признаки независимости, становится послушным орудием в руках ее новых негласных хозяев. А для иностранцев в ней откроются пути быстрого и сказочного обогащения. Именно такой путь установления господства западного капитала над Россией и выбрали правящие круги ведущих западноевропейских держав.

Западный капитал решил любыми способами вовлечь Россию в круг стран, где уже было установлено его экономическое господство. И инструментом экономического закабаления России была выбрана золотая валюта.

Но откуда взялась сама эта система только золотого обращения?

Во всем мире в качестве денег использовалось серебро, а в странах Западной Европы – также и золото. При этом по стоимости количество золотых и серебряных денег было примерно одинаковым – по 10 миллиардов долларов (15,5 весовых единиц серебра приравнивались к одной единице золота). Важную роль в мировых финансах в это время играла Франция, в которой любой обладатель серебра мог сдать свой металл на чеканку монет и получить соответствующее количество серебряных франков.

Но в результате франко-прусской войны 1870–1871 годов проигравшая ее Франция выплатила Германии громадную контрибуцию золотом, которое тогда было просто некуда с прибылью вложить. И немецкий финансист Бамбергер предложил правительству Германии перейти на золотое обращение, а ставшее ненужным серебро продать той же Франции. В 1873 году Германия сделала этот шаг. Серебро было продано, но Франция, опасаясь подвоха с немец-

кой стороны, тоже перешла на золотое обращение. Возникло якобы перепроизводство серебра, приведшее к его обесценению, и в странах западной Европы пошла цепная реакция перехода на золотую валюту.

Примечательно, что все страны, которые ввели у себя золотое денежное обращение, от этого проиграли, – западный мир охватил продолжительный экономический кризис. Однако определенные силы, в интересах которых и была разыграна эта комбинация, очень основательно на ней разбогатели.

Ведь половина денежной массы, представленной серебром, была объявлена не-деньгами. Значит, количество денег сократилось в два раза, а количество товаров осталось тем же. Следовательно, цены на товары, выраженные в новых золотых деньгах, упали вдвое.

Возможно, читатель скажет: «Великолепно, если цены снизились!» Но это не тот случай, когда можно бездумно предаваться ликованию. Это не такое снижение цен, какому радовались советские граждане в последние годы жизни Сталина. Тогда цены уменьшались, а зарплата (во всяком случае, оклады служащих) оставалась прежней. Нет, при переходе на золотую валюту кризис возник не от перепроизводства товаров, а от нехватки денежной массы. Вдвое упали цены не только на продукты труда, но и на сам труд, поскольку зарплата определялась величиной набора товаров и услуг, необходимого для воспроизводства рабочей силы. Подешевел этот набор продуктов, упала и зарплата.

Но зато владельцы золотых денег сразу же увеличили свое богатство вдвое. Предприниматель, взявший в банке кредит в 10 тысяч фунтов стерлингов, чтобы его вернуть, должен теперь продать товаров не на 10 тысяч, а (в старых деньгах) на 20 тысяч. Словом, разбогатели банкиры, а проиграли промышленники, помещики и крестьяне.

Переход на золотую валюту ознаменовал важный этап развития мирового капитализма – установление главенства ростовщического, банковского, финансового капитала над капиталом промышленным, производственным. И хотя позднее стали говорить о «сращивании» промышленного и финансового капитала, на деле это «сращивание» происходило в виде подчинения промышленности, вообще производства банкам.

Шарапов расценил этот процесс с религиозной точки зрения – как победу нового культа Мамоны над старым христианским строем человечества.

Правящие круги стран Запада, бывших колониальными империями, нашли выход из кризиса. Англичане, например, привязали

курс серебряной индийской рупии к своему золотому фунту. В итоге в Индии умерли с голоду миллионы обездоленных, а Англия, выступавшая по отношению к своей колонии как коллективный банкир, получила дополнительную прибыль.

А страны Азии, где оставалось обращение серебряной монеты, кризиса не знали. Напротив, Япония, например, настолько экономически окрепла, что ее продукция стала теснить английскую не только на рынках третьих стран, но и в самой Англии.

Россия не была затронута европейским кризисом, потому что ее валютная система мало зависела от мировой экономической конъюнктуры. Положение коренным образом изменилось, когда наша страна перешла на золотую валюту.

Международные монетные конгрессы 1855 и 1867 годов давили на Россию, потерпевшую поражение в Крымской войне, и Александр II, сторонник интеграции в Европу и необходимых для этого либеральных преобразований в России, взял курс на перевод денежного обращения в нашей стране на мировую (золотую) валюту. Курс национальной валюты попал в сильнейшую зависимость от колебаний котировок мировых валют на бирже и внебиржевых финансовых рынках.

При Александре II, пока министром финансов был М.Х. Рейтерн, у него все же хватило мужества не согласиться на развитие денежного обращения страны на принципах монетного единства. Однако уже с 1880-х годов страна постепенно стала готовиться к реформированию своего денежного обращения: накоплению разменных фондов в золоте и переходу к системе золотого монометаллизма».

А как, за счет чего накапливался необходимый для реформы золотой запас?

В 1887 году, когда министром финансов был И.А. Вышнеградский, в России был небывалый урожай, тогда как Европу поразил сильнейший недород. Вывоз хлеба из России достиг невиданных прежде размеров. В Россию потекло золото из Европы. Торговый баланс стал для России благоприятным. Но это достигалось двумя путями, которые автор обзора истории российских финансов в словаре Брокгауза и Ефрона, скрывшийся под инициалами А.С., назвал «далеко не безопасными». «Во-первых, всевозможным поощрением к усилению хлебного вывоза, для чего правительство воспользовалось, между прочим, правом установления железнодорожных тарифов и чему косвенно способствовало усиленное взыскание недоимок и податей, вынуждавшее крестьян к спешной продаже хлебных запасов. Во-вторых, поставлением препятствий к увеличению ввоза».

Что такое «усиленное взыскание недоимок и податей с крестьян» вряд ли нужно объяснять тем, кто хотя бы читал М.Е. Салтыкова-Щедрина. А.Н. Энгельгардт показал, что власть требует подати с крестьян как раз в то время года, когда хлеб дешев, и они продают его по необходимости, а не потому, что у них его избыток. «И урожай, а все-таки поправиться бедняку вряд ли».

Вообще вся эта эпопея с вывозом хлеба ради накопления золотого запаса и укрепления рубля вызывала не только у А.Н. Энгельгардта, но и у многих русских деятелей чувство негодования: «Точно он (курс рубля) какое божество, которому и человека в жертву следует приносить».

Действительно, недолго власть радовалась успехам своей политики. Как продолжал А.С. в своем обзоре, «достижение такого высокого перевеса вывоза над ввозом дало возможность не только вполне покрывать заграничные платежи по металлическим (золотым – *М.А.*) займам, но и приобретать покупкою золото для увеличения металлического фонда. Блестящая внешняя финансовая сторона деятельности И.А. Вышнеградского далеко, однако, не находилась в соответствии с экономическим состоянием населения; первый сильный неурожай привел всю эту систему к несостоятельности. Быстрое усиление податного бремени и энергичные приемы взыскания как текущих платежей, так и недоимок по уже отмененным сборам, привели к крайнему напряжению податных сил крестьянского населения. Бедственный 1891 год обнаружил глубокое оскудение крестьянства на значительном пространстве России и потребовал экстренных мер со стороны финансового управления в виде затраты 161 миллиона рублей на продовольствие голодающих. Превратив в предшествовавшие годы свободные ресурсы казначейства и государственного банка в запасы золота, не имевшего обращения на внутреннем рынке, правительство оказалось вынужденным прибегнуть к временному выпуску кредитных билетов на 150 миллионов рублей. Истощение запасов хлеба в стране, вызванное как односторонними мероприятиями, клонившимися непосредственно к усилению его вывоза за границу, так и косвенным действием податного гнета, повело к запрещению вывоза хлеба. А соединявшееся с этой мерой опасение за выгодность торгового баланса и целость с таким трудом накопленного золота заставила прибегнуть к внешнему золотому займу (трехпроцентному), окончившемуся неудачей. Расход на продовольствие населения поглотил почти все свободные средства казначейства, а расстройство хозяйственного положения разоренных неурожаем местностей увеличило до громадных размеров недоимки и отразилось значи-

тельным недобором по всем главнейшим статьям государственных доходов» (там же).

Таким образом, политика И.А. Вышнеградского, выраженная в лозунге «недоедим – а вывезем!», потерпела полный крах. Тем не менее его преемник С.Ю. Витте продолжил ее с некоторыми коррективами, которые «дали возможность правительству накопить значительные запасы золота… и подготовить важнейшее условие для проведения денежной реформы». Но сама реформа была осуществлена в царствование Николая II, а потому будет рассмотрена в следующей главе.

Продолжал свою подвижническую деятельность и Ю.Г. Жуковский, которому пришлось вновь поступить на государственную службу, на этот раз в министерство финансов. В 1881–1886 годах министром финансов был Николай Христианович Бунге, который высоко ценил творчество Жуковского. Бунге проводил политику протекционизма, правительственного финансирования промышленности, выступил инициатором отмены подушной подати. Он назначил Жуковского товарищем (заместителем) управляющего Государственным банком России. В 1887 году Бунге стал председателем комитета министров. Вероятно, Бунге, зная исключительную честность Жуковского, содействовал его назначению в 1889 году управляющим Государственным банком России.

В 1892 году министром финансов стал Сергей Юльевич Витте, выразитель интересов российской монополистической буржуазии. Он ввел винную монополию, в 1897 году провел денежную реформу (с введением золотой валюты), выступил инициатором строительства Сибирской железной дороги. У Жуковского возникли серьезные разногласия с Витте. В итоге Жуковский в 1894 году был отправлен в отставку с поста управляющего Государственным банком, затем стал сенатором.

Перу Жуковского принадлежат известные в свое время книги «Политические и общественные теории XVI века» (1866) и «Прудон и Луи Блан» (1867). В первой из них он разобрал обстановку, в которой совершалась протестантская революция, и идеи наиболее выдающихся деятелей эпохи: Макиавелли, Томаса Мора, Лютера, Кальвина и др. Во второй он выразил свое отношение к рабочему движению, приведшему к революции 1848 года, и защищал идею создания продуктовых ассоциаций и системы народного кредита, подвергавшуюся нападкам со стороны ортодоксальных экономистов. По мнению Жуковского, два названных мыслителя лучше, чем профессиональные экономисты понимали сущность борьбы труда с капиталом.

Из новых имен славянофилов, занимавшихся проблемами экономики, особого внимания заслуживает Павел Васильевич Оль, экономист, публицист, общественный деятель, один из крупнейших в России рубежа XIX–XX веков специалистов по вопросам промышленности (особенно топливно-энергетического комплекса), статистики и финансов.

В 1980–1890-х годах прозападное лобби усиленно навязывало нашей стране переход на золотую валюту, когда бумажные деньги (кредитные билеты) должны были свободно обмениваться в Государственном банке на золото, а допустимое количество бумажных денег в обращении определялось размером золотого запаса страны (ныне такая система именуется currency board). Оль был в числе немногих экономистов, которые предсказывали губительные последствия этого шага. Он выступал и самостоятельно, и в соавторстве с Шараповым. Но главные его труды относятся ко времени царствования Николая II, и потому также будут рассмотрены в следующей главе.

Из славянофилов-практиков В.А. Кокорев, разорившийся, умер в 1889 году. Заводы И.С. Мальцова перешли к его племяннику Ю.С. Мальцову и успешно работали до 1917 года, в 1918 они были национализированы. Заводы С.И. Мальцова в 1880-х годах переживали кризис, в 1889 году были переданы под контроль казны как главного кредитора. Но с 1893 года благодаря крупным правительственным заказам на паровозы, вагоны, платформы их положение стало улучшаться, прибыль резко возросла в Первую мировую войну.

В царствование Александра III славянофилы внесли свою лепту и в развитие сельского хозяйства России. Помимо теоретических исследований и практической деятельности А.Н. Энгельгардта и Д.И. Менделеева, большое значение имел подвижнический труд Н.В. Верещагина (1839 – после 1891 года).

В 1892 году на экспорт была отправлена первая партия вологодского масла. Так увенчалась многолетняя деятельность этого выдающегося предпринимателя-патриота. Выпускник Морского корпуса и Петербургского университета, Николай Верещагин видел упадок сельского хозяйства нечерноземных губерний после реформы 1861 года. При товарных отношениях зерновое хозяйство этого региона не выдерживало конкуренции с хлебным югом, и крестьяне вынуждены были искать заработок на стороне. И производство молока не давало прибыли. Но если бы крестьяне производили не молоко, а более дорогие продукты – масло и сыр, они смогли бы заработать те же деньги в своем хозяйстве. При том богатстве пастбищами, каким обладало Нечерноземье, можно производить более

дешевый сыр, чем в традиционных странах-изготовителях этого пользующегося большим спросом продукта.

Монополия на поставку сыров в Россию принадлежала западным компаниям, прежде всего швейцарским, французским, голландским и английским. Эти производители не желали делиться секретами производства с русскими, опасаясь потерять весьма прибыльный рынок сбыта. Преодолев невероятные трудности, Верещагин овладел самой совершенной технологией производства сыров и перенес его в Россию. И, главное, он с порога отмел идею организации частных сыроварен, сделав ставку на кооперирование крестьянских хозяйств на артельных началах. Верещагин организует артели сыроделов, хотя против этой идеи выступил такой авторитет, как А.Н. Энгельгардт (он опасался, что крестьяне, продавая молоко сыроделам, оставят без молока своих детей). Но в защиту Верещагина выступил не меньший авторитет – Д.И. Менделеев. И новое дело победило. Чтобы исключить возможность обогащения посредников-ростовщиков, артельные сыроварни принимают от крестьян молоко только собственного производства, добытое своим трудом, не покупное. Верещагин организует молочную школу, куда едут ищущие нового слова в молочном деле крестьяне из разных мест России. Сыроварение приходит в Сибирь и на Кавказ. Об итогах этого начинания, когда оно стало приобретать общероссийский масштаб, будет сказано в следующей главе.

Верещагин доказал, что российская коровенка, на которую с пренебрежением смотрели помещики, обзаводившиеся коровами лучших западноевропейских пород, в условиях нашей страны имеет большие преимущества перед «иностранками», что в конечном счете вынуждены были признать и западные селекционеры.

Верещагин выступал с многочисленными докладами в различных сельскохозяйственных обществах (часть из них вышла отдельными брошюрами), например: «О мерах к развитию в России молочного хозяйства на артельных началах» (1869), «Об условиях сбыта коровьего масла на заграничных рынках» (1869). Некоторые другие его работы указаны в томе «Русское хозяйство» энциклопедии «Святая Русь».

Сам Верещагин, стоявший у истоков поистине золотого потока, не только не нажился на начатом им деле, но и вложил в него все свои средства и умер в нищете, не оставив семье ни родового угла, ни средств к жизни. Его можно смело причислить, если так можно выразиться, к лику светских святых, подвижников на поприще трудов ради ближних и ради процветания Отечества, ибо он воплощал в себе многие лучшие человеческие качества. А между тем Верещагин незаслуженно забыт, мы даже точно не знаем даты его смерти.

Следует сказать хоть кратко о талантливом ученике Верещагина, основоположнике цельномолочного снабжения городов России Александре Васильевиче Чичкине, создавшем удивительную систему подбора и воспитания кадров, основанную на русских традициях. Поскольку многие теоретические труды и письма самого Верещагина до нас не дошли (они были уничтожены в 1930-е годы, а остатки – при затоплении села, где жил и похоронен этот подвижник), ценно каждое свидетельство о нем его ученика.

По словам Чичкина, Верещагин считал, что любое общество несут вперед три лихих лошадки: компетентность и любовь к профессии – во-первых, деловитость – во-вторых и предприимчивость и инициатива– в третьих. А вопрос о природе общественно-политического строя Верещагин понимал так: в зависимости от того, кто правит страной – купец-одиночка или цивилизованный кооператор, общество идет или к капитализму, или к социализму.

Кадровая система Чичкина охватывает все этапы становления и развития работника – от поступающего в обучение на фирму мальчика до ветерана, часто страдающего от того, что огромный опыт, им накопленный, остается невостребованным. Удивительны принципы стимулирования работников, сформулированные как афоризмы: «Тебя – заметят без тебя! Твое дело – только честно и добросовестно работать. Надбавка к жалованью, повышение в должности будут сделаны без твоих унизительных просьб или подхалимства»; «Управлять надо честью, а не плетью»; «В Москве все пятиалтынные одинаковы, а вы (выпускники его школы) обязаны там блестеть!» и др. Применение и развитие этих принципов обеспечило бы такое наращивание «человеческого капитала», какое и не снилось пресловутой японской системе пожизненного найма[31].

31 О системе Чичкина см. статью А.С.Кишкина в «Русском Вестнике» № 3, 1993.

Глава 5.

СЛАВЯНОФИЛЫ И ИХ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ В ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД СУЩЕСТВОВАНИЯ ИМПЕРИИ (1896–1917 ГОДЫ)

На этот период пришелся заключительный этап жизни и творчества Д.И. Менделеева, С.Ф. Шарапова, Ю.Г. Жуковского.

Менделеев, ратуя за индустриализацию России, уже проанализировал ранее состояние и перспективы развития ее нефтяной и угольной промышленности. Однако для создания могучей индустрии требовалась сталь, и в большом количестве. «Промышленное развитие страны… не может твердо установиться, пока железо не будет в избытке и дешевизне», – это писал он сам. Хотя к этому времени уже формировалась металлургия Донецко-Криворожского района, большое значение еще сохраняли железорудная база и сталелитейные заводы Урала, промышленность которого переживала тогда серьезный кризис. В 1899 году Менделеев в сопровождении нескольких специалистов по разным отраслям горного дела едет на Урал.

Еще до поездки, тщательно изучив имеющиеся в столице материалы, он составляет на имя министра финансов В.Н. Коковцева «Записку по вопросу о перестройке уральских горных заводов». А во время поездки посещает Кизел, Чусовую, Кушву, гору Благодать, Нижний Тагил, гору Высокую, Екатеринбург, Тюмень и родной Тобольск. Что же увидел Менделеев на месте?

Уральские металлургические заводы, создававшиеся трудом крепостных и работавшие на древесном угле, в новых условиях оказались нерентабельными и свертывали производство. Этими их трудностями воспользовался иностранный капитал, в особенности английский, чтобы удушить своего российского конкурента. Ино-

странцы по дешевке скупали уральские заводы. А местные чиновники, которые рассматривали Урал как свою вотчину, не только не обрадовались приезду знаменитого ученого, но подчас и препятствовали его работе.

По возвращении в столицу Менделеев пишет докладную записку новому министру финансов С.Ю. Витте. Но и продолжает собирать материал, направив «Письмо к заводчикам Урала» с просьбой сообщить подробные данные о числе рабочих и служащих, о земле и лесах, приписанных к заводу, объеме производства, техническом оснащении и т.д. По итогам экспедиции ее участники выпустили коллективный труд «Уральская железная промышленность в 1899 году». Причины застоя в этой области – глубокая отсталость всего хозяйства, пережитки крепостничества, устаревшая технология производства, примитивный транспорт («Гужи давят, тянут назад»), бюрократический аппарат, который душит все новые начинания. Вывод же Менделеева вполне оптимистический: «Урал – после выполнения немногих, не особо дорого стоящих и во всяком случае казне выгодных мер – будет снабжать Европу и Азию большим количеством железа и стали и может спустить на них цены так, как в Западной Европе просто немыслимо». Эта поездка не просто помогла решить задачу подъема уральской промышленности, но дала ученому еще один повод увериться в светлом будущем Родины: «Вера в будущее России, всегда жившая во мне, прибыла и окрепла от близкого знакомства с Уралом»[32].

Ближайшие перспективы развития черной металлургии Урала Менделеев определил так: только на древесном угле можно производить 300 миллионов пудов в год. А чтобы снизить себестоимость уральского металла, нужно строить новые заводы, с новой технологией, опирающейся «преимущественно на самостоятельную научную разработку металлургии, а не на подражание образцам». Новые заводы надо обеспечивать новыми кадрами. Отсюда необходимость создания на Урале «специального высшего политехникума» с преподаванием преимущественно металлургических наук. А главное, «…необходимо с особой настойчивостью закончить все остатки помещичьего отношения, еще существующего всюду на Урале в виде крестьян, приписанных к заводам»[33].

А мысли Менделеева о расширении топливной базы для металлургии Урала, в частности, за счет каменных углей востока, в том числе Кизеловского и в перспективе Кузнецкого бассейнов, открывали безграничные перспективы развития этого старейшего промыш-

32 Менделеев Д. И. Указ. соч. Т. 12. С. 1078.

33 Менделеев Д. И. Указ. соч. Т. 12. С. 74.

ленного района, который впоследствии сыграл столь важную роль в экономическом развитии страны.

Обобщая собранный огромный материал по анализу разных отраслей экономики и свои собственные проработки по отдельным территориальным комплексам, Менделеев создал первое в мире учение о промышленности. Фактически это было учением о народном хозяйстве, потому что и сельское хозяйство он рассматривал как отрасль промышленности, причем как наиболее сложную, поскольку она имеет дело не с бездушным металлом или деревом, а с живыми организмами – растениями и животными, а потому и роль человеческого фактора здесь особенно высока. Сельскому хозяйству Менделеев как раз в это время уделяет особенно большое внимание. Изучал он и возможности расширения плантаций винограда, производства хлопка в российской Средней Азии.

Именно Менделееву принадлежит первенство в практической постановке проблем химизации сельского хозяйства и в разработке основ отечественной агрономической науки, в том числе новых приемов обработки почв, лесоразведения, селекционной работы.

Практическая деятельность и дала ему материал для опровержения людоедской теории Мальтуса, утверждавшего необходимость ограничения рождаемости у бедняков на том основании, что якобы рост населения идет в геометрической прогрессии, а производства продуктов питания – только в арифметической.

Менделеев уточняет понятие политико-экономов «земля», включая в него «всю совокупность природных условий, среди которых может развиваться самая жизнь людей и вся их промышленность», свет солнца, окружающее тепло, воздух, вода и т.д. (в его сочинениях встречаются выражения «живая земля», «живая почва»). Он признает нормальным существование частной и государственной собственности на землю и даже допускает возможность выкупа государством всей земли в стране.

Возвратимся к его учению от промышленности (ему нравилось, что само это слово происходит от глагола «мыслить»).

Промышленные предприятия надо создавать и размещать не «штучно», а так, чтобы они образовывали территориальные комплексы.

Примечательно то, что и внутри каждого из этих территориальных комплексов Менделеев наметил как бы микрокомплексы на основе кооперирования и комбинирования предприятий таким образом, чтобы отходы одного производства служили сырьем для другого. В идеале общественное производство должно было бы приближаться к кругообороту веществ в природе, у которой, как известно,

не бывает отходов. Там, где добываются и перерабатываются нефть и уголь, выплавляется металл и пр., из отходов надо извлекать соду, соль, серу, деготь и другие ценные продукты. Это не только повысит рентабельность производства, но и позволит решить уже тогда вставшие перед человечеством экологические проблемы.

В отличие от авторов многих других трудов на эту тему, имевшихся к тому времени на Западе, Менделеев рассматривает промышленную деятельность не только как чисто экономическую, но и как нравственную, исходя из того, что человек един и неделим и потому в труде проявляются все его силы – как физические, так и духовные, «те природные, исторические и вообще вне воли находящиеся Божественные условия и законы...»

Даже из этого краткого перечня исследованных Менделеевым территориальных комплексов видно, насколько он обогнал существовавшую в то время теорию размещения производительных сил, которая основывалась на абстрактных схемах.

Наиболее известным тогда теоретическим построением в этой области знания было «идеальное» замкнутое государство Тюнена. Немецкий экономист Иоган Генрих Тюнен (1783–1850) выпустил в Гамбурге книгу (вышли два издания в 1826 и 1863 годах), которая на русский язык была переведена под названием «Уединенное государство в отношении к общественной экономии» и вышла в свет в 1857 году. Тюнен придумал фиктивное государство в форме круга, с единственным городом в центре, окруженным сельскохозяйственными угодьями. В том государстве нет ни судоходных рек, ни каналов, оно не участвует в международной торговле. Вся земля его одинаково плодородна и равномерно заселена. Город поставляет селу промышленные товары в обмен на продукты земледелия. И вот для такого «государства» Тюнен вывел математические зависимости, определяющие затраты труда и капитала, величину ренты и заработной платы, цены на разные сельскохозяйственные продукты с учетом транспортных расходов и, следовательно, рациональное зонирование территории под разные сельскохозяйственные культуры и пр. Чтобы объяснить происхождение капитала из накопления сбережений, Тюнену пришлось поместить свое «государство» в тропики, где природа поставляет пищу человеку даром. Схема Тюнена была одной из первых попыток примирить интересы труда и капитала на основе признания прав рабочих на «нормальную» зарплату. Тюнен попытался в своем имении внедрить систему участия рабочих в прибылях хозяина.

Вряд ли нужно пояснять, что практическое значение такой «науки» о размещении производительных сил было равно нулю.

А Менделеев оперировал не абстрактными кругами, а конкретной территорией России, и разрабатывал свои предложения, сочетая глубокую теоретическую проработку вопросов с предпроектными изысканиями и расчетами.

Патриотизм Менделеева особенно ярко проявился при рассмотрении путей и приоритетов промышленного развития России. В то время сами промышленники, а ученые-экономисты тем более, считали нормальным такое развитие, когда сначала создается легкая промышленность, не требующая больших капиталовложений. Продукция легкой промышленности – товары широкого потребления – расходятся быстро, следовательно, вложенный капитал скоро окупается. И лишь когда благодаря легкой промышленности будет накоплен солидный капитал, на него можно будет строить металлургические и машиностроительные заводы и пр. Менделеев решительно выступил против такой постановки вопроса, при которой, по его мнению, Россия обрекалась и в далеком будущем на положение сырьевого придатка Запада. Нет, России необходимо начать индустриализацию именно с создания тяжелой индустрии, и притом на основе самой передовой технологии, с задачей (как она была сформулирована уже после революции) «догнать и перегнать», а точнее, «обойти, не догоняя», наиболее развитые в промышленном отношении страны. Менделеев уже предвидел, что соревноваться России придется не с какой-нибудь европейской державой, а с США, чтобы уже через 20 лет она стала самой сильной и богатой страной мира. Именно потому, что он стоял за первоочередное развитие тяжелой индустрии, Менделеев, прежде уделявший много внимания малым предприятиям, в последний период своей деятельности занимается преимущественно теорией организации производства на металлургических и других крупных заводах и комбинатах.

Для того, чтобы выиграть экономическое соревнование с США, России, по подсчетам ученого, нужно было вкладывать в развитие промышленности по 700 миллионов рублей ежегодно – в два раза больше уже достигнутого тогда уровня капиталовложений. При этом нельзя основывать промышленный потенциал страны только на заводах Центра и немногих других очагах индустрии в Европейской части страны, – необходим мощный сдвиг промышленности на Восток, в Сибирь, выход к берегам Тихого океана, на Сахалин. Менделеев, наверное, был первым, кто осознал, что как в древности центром экономической активности тогдашнего мира было Средиземное море, а в конце XIX века – Атлантический океан, так в недалеком будущем промышленность и торговля получат наибольшее развитие у берегов Мирового океана и в первую очередь на тихоокеанском

побережье. Одной из важнейших задач России он считал освоение Северного морского пути, вдоль которого расположены самые богатые природные ресурсы страны. И это не было для него только умозрительными схемами: Менделеев, уже будучи в возрасте 67 лет, добивался своего назначения руководителем полярной экспедиции на ледоколе «Ермак» (для которого он разработал проект перевода на нефтяное отопление и утепления кают, да и сам ледокол вряд ли был бы построен, если бы не одобрение его проекта Менделеевым), причем один из вариантов маршрута предусматривал проход через Северный полюс.

Не космополитическая, а народная экономика. Менделеев категорически отвергает саму возможность существования некоей абстрактной, единой для всего человечества экономической науки – политической экономии. Это и не удивительно: науку он вообще представлял не космополитически-безликой, а национально окрашенной. Она всемирна в уже полученных знаниях, но в способах постижения истины «неизбежно приобретает народный характер». Поэтому русским «надобно скорее приняться за установление твердых начал всей нашей образованности», пока заимствуемой с Запада. Тем более это относится к экономике, к заводскому делу, которое у нас только еще зарождалось: «Одно простое понимание заграничного метода заводской деятельности не может привести нас к развитию заводского дела, как простое подражание сельскохозяйственным приемам Запада, бывшее у нас в моде, не привело к сельскохозяйственному успеху, а только разорило многих людей».

Абстрактной политической экономии не может быть потому, что народное хозяйство (промышленность и торговля) и государственность находятся в тесной взаимосвязи с другими сферами народной жизни – религией, искусством и наукой. Поэтому правильнее было бы принять идею немецкого экономиста XIX века Фридриха Листа и переименовать «политическую экономию» в «национальную (народную) экономию».

Менделеев имел в своей библиотеке и внимательно читал «Капитал» К. Маркса, сделав на полях многочисленные пометки, но «научного социализма» не принял, оставшись верным своему пониманию «народной экономии» – народной сразу в двух отношениях: и потому, что она отвечает условиям России, и потому, что должна прежде всего выражать интересы «русского трудового класса». Он даже особо оговорил, что он – русский и пишет для русских, и цель его – внести вклад в «небывалый расцвет русских сил», чтобы обеспечить независимость России, ибо в противном случае ее ожидала бы судьба народов, сошедших с исторической арены. Он подчеркивал,

что неизменно отстаивает не частные и даже не казенные, а именно народные интересы, и потому борется с неправильным пониманием путей развития России. А чтобы быть при этом действительно независимым от власть предержащих, он принципиально отказывался быть заводчиком или фабрикантом, иметь акции промышленных компаний и пр., – пример не часто встречающийся.

Раз Менделеев признал, что политическая экономия должна быть национальной, то и начал он ее создание с раскрытия понятия «Россия», с выявления особенностей исторического развития и характера русского народа. Россия – страна, лежащая на стыке Европы и Азии, что важно как с геополитической точки зрения, так и в том смысле, что русские (под ними он понимал великороссов, украинцев и белорусов) по складу своего национального характера призваны «сгладить тысячелетнюю рознь Азии и Европы...» Отсутствие у русских склонности к методически размеренному труду, их работу порывами Менделеев связывал с сезонностью сельскохозяйственных работ, с невероятным напряжением всех сил в «страду» и отдыхом после нее.

«Экономика грядущего» Менделеева. Проживая на земле с не очень благоприятными условиями для сельского хозяйства, русские, истощив почву на одном месте, легко переходили на другое, почему и смогли дойти до берегов Тихого океана (и даже на Курильские острова пришли раньше рядом живших японцев). Но к концу XIX века Россия дошла до своих естественных границ, больше расширяться ей стало некуда и незачем. Значит, нужно менять и наш народный характер, очень привлекательный, но со склонностью полагаться на авось да небось, и вековые привычки, развивать промышленность (что для России особенно важно, потому что наш крестьянин был занят интенсивной работой всего четвертую часть года), а промышленное развитие требовало иного ритма трудовой деятельности и само воспитывало его. Развитие России вошло именно в такую стадию, когда требовалось создание мощной промышленности, и упустить этот шанс ей нельзя.

К проблемам национальной экономики Менделеев подходил исторически. Россия стала громадной и могущественной империей не вследствие завоевания других народов, как Англия, а путем мирного распространения. Другие народы (как, например, грузинский) нередко сами просили принять их в состав России (напомнить бы об этом кое-кому сейчас), и, скажем, «монголо-татарские народы очень довольны тем, что могут под державою России вести мирную жизнь...», иначе они подпали бы под такую чужую власть, что само существование их было бы поставлено под вопрос. Россия и впредь

должна вести мирную политику и не стремиться к завоеваниям, так как у нас и без того «довольно дела внутреннего на занятой площади земли».

Когда началась русско-японская война, Менделеев был уверен (как почти все русские люди) в скорой победе России. И для такой уверенности были все основания, если бы не бездарность и корыстные интересы тогдашней правящей «элиты» и не подрывная деятельность вражеских «агентов влияния» внутри страны. Ученый считал, что территориальные приобретения нам не нужны, это противоречило бы всем нашим историческим традициям, образу России – освободительницы Европы от гегемонии Наполеона, балканских стран от османского ига. Поэтому достаточно было бы взять с Японии небольшую контрибуцию, но ни в коем случае не отбирать у нее какую-либо часть ее территории. Менделеев ратовал за дружбу с Китаем, которому предрекал великую будущность. Россия и Китай – это два спящих великана, которым настала пора пробуждаться. Считая исторической задачей России «развитие нашего Дальнего Востока, прилегающего к Великому океану», он полагал, что ей предназначена в Азии роль «освободительная и просветительная».

Воздерживаясь от завоеваний, Россия должна помнить, что сама может оказаться предметом агрессивных поползновений со стороны других государств. Будучи противником войн, Менделеев понимал, что Россия – «лакомый кусок для соседей Запада и Востока, потому именно, что многоземельна, и оберегать ее целость всеми народными средствами необходимо... Мы должны быть еще долго и долго народом, готовым каждую минуту к войне, хотя бы мы сами этого не хотели...» Войны, увы, пока неизбежны, это обусловлено как неравномерностью экономического развития разных стран (вот кто первым заговорил об этом законе!), так и самой природой «падшего» человека. А раз нужно быть готовыми к обороне страны, то, значит, соответствующей должна быть и ее экономика. Ученый не отказывался и от выполнения прямых поручений военного ведомства. Так, получив задание создать бездымный порох, уже имевшийся на вооружении французской армии, он в короткий срок создал порох лучше французского. Работал он и над выявлением причин частого тогда разрыва пушек, и тоже с успехом.

Очень интересный факт приводит в своих произведениях один из самых глубоких ученых современности, создатель «физической экономики» американец Линдон Ларуш. По его словам, Витте, основываясь на идее своего друга Менделеева, вел переговоры с Францией и Германией, чтобы создать общеевразийскую сеть железных

дорог с выходом через Китай к Тихому океану. Это было бы концом Британской империи. Англия натравила на Россию Японию, а потом создала Антанту, и это привело к Первой мировой войне.

Менделеев решительно отвергает распространенные тогда субъективистские взгляды на развитие экономики и утверждает существование объективных законов общественной жизни («обязательной логики вещей и людей»), но эти законы не узко экономические, а охватывающие все стороны народного бытия. Признавая материализм и идеализм двумя крайностями, мало пригодными для объяснения и познания мира, Менделеев придерживается реализма, «стремящегося узнать действительность в ее полноте без одностороннего увлечения и достигать успеха или прогресса путем исключительно эволюционным», что, по его мнению, отвечает и природному свойству русского народа – «народа реального, с реальными представлениями». В отличие от бескрылого материализма и оторванного от земли идеализма реализм учитывает все три составляющие человека – тело, душу и дух, а истинные открытия «делаются работою не одного ума, а всех сил, человеку свойственных...» (это – продолжение той идеи, которую прежде пытались довести до понимания западных европейцев И. Киреевский и Хомяков). Стоя за эволюцию и неизменно подчеркивая свою лояльность самодержавию, Менделеев вкладывал в эти понятия особенное содержание. Он, например, призывал царя и правительство ломать «узкие и своекорыстные» интересы заводчиков, противящихся подлинной рационализации производства, выражал надежду на то, что в недалеком будущем запасы каменного угля и других полезных ископаемых будут переданы в общенародную, государственную собственность, не будет сверхбогатых людей и бедноты, «и все будут трудиться». В то же время он решительно выступал против перехода России на путь буржуазной демократии, считая ее лицемерным прикрытием власти капитала. Важна и такая его мысль: в России рынок должен обязательно сочетаться с активной ролью государства в экономике.

Чтобы создать правильную научную теорию, считал Менделеев, надо опираться на факты, но сами по себе они ничего не решают, тем более, что неизбежно включают и субъективный момент, – нужно определенное миросозерцание, «гармония научного здания», тем более, когда речь идет о создании теории национальной экономики. С этих позиций Менделеев подверг суровой критике «классиков» западной «недозрелой» политической экономии: «Читать их стоит, но, читая, следует уже видеть, сколь много в них ошибочного резонерства... Только в сочетании умозрительного пути с опытным можно найти практическое применение и с Божьей прав-

дой согласное решение задач, представляющихся в экономической науке и в экономической жизни». Менделеев сравнивает современные ему экономические теории, особенно фритредерство (либеральную теорию «свободной торговли»), с бывшей когда-то в ходу в химии теорией флогистона, по-своему тоже логичной, но оказавшейся ошибочной. Логично еще не значит верно, у жизни есть своя логика, часто не совпадающая с выводами из силлогизмов. Пока же политическая экономия находится «в состоянии неполноты и невозможности предвидения», а ее необходимо сделать точной наукой, могущей служить теоретической основой для разумного построения народного хозяйства страны. При этом в разных странах, в зависимости от природных и исторических условий, должна проводиться и разная экономическая политика. Нельзя, например, принять для всех стран теорию фритредерства, на которую молилось тогда большинство образованных русских – современников Менделеева. Ведь это привело бы к тому, что державы, уже преуспевшие на пути капиталистического развития (вроде Англии), навяжут свое господство другим государствам, обладающим огромными природными и другими ресурсами, но не имеющим пока полного набора развитых отраслей экономики. Не поддавался Менделеев и на космополитические уловки ревнителей общечеловеческого блага, ибо нельзя, по его мнению, упускать из вида «сложение людей в государства и только при посредстве государств – в человечество. Слить, уничтожить различие или смешать разделившихся нельзя – будет хаос, новое вавилонское столпотворение...»

Но один из главных недостатков политической экономии Менделеев видел в том, что она ограничивается чисто экономической, чаще всего денежной оценкой явлений хозяйственной жизни, не вдаваясь в их нравственную оценку, а это неправильно: «Деньги и богатство не оправдывают худых дел и обид». Наука должна нацеливать «на развитие производства, а не на спекуляцию». Кроме того, в политической экономии недостаточно учитывались фактор времени, новая роль знаний и пр.

Менделеев различает работу и труд. Удел человека, как творца, – труд, а не работа, прогресс в том и заключается, чтобы ту часть труда, которую человек производит как работу, замещать работой машин. «Труд непременно обусловливается полезностью совершаемого не для одного себя, но и для других... И та же взаимность общей и своей личной пользы выражена во внешности экономическими условиями мены или реальными условиями платы за труд». Нет смысла делить труд на производительный и непроизводительный, раз и тот и другой нужны обществу. И художник,

и священник, и чиновник, и учитель «могут или просто работать, или действительно трудиться, смотря по тому, для чего и что они делают, любят ли дело, дают ли другим нужное». Конечно, для экономистов западной школы все это – лишь эмоции, главное – чтобы было материальное богатство. Но Менделеев думал о том, как создать такое народное хозяйство, которое обеспечит не только благосостояние, но и нравственное здоровье общества: «Труду принадлежит будущее, ему воздадут должное, нетрудящиеся будут отверженными – и печальная, очень крупная ошибка многих новейших учений состоит именно в смешении работы с трудом, рабочего и трудящегося... Работу можно дать, к работе принудить, присудить, труд – свободен был и будет, потому что он по природе своей волен, сознателен, духовен... Работа не творит, она есть только видоизменение единых сил природы...

Небывалое, действительно новое делает лишь труд; его нет в природе, он в вольном, духовном сознании людей, живущих в обществе». Таким образом, Менделеев продолжает характерное именно для русской общественной мысли понимание экономики как одной из сфер единой народной жизни, проникнутой духовным и нравственным началом. Человек – не абстрактный самодовлеющий индивид, но и не «винтик» государственной машины, он – свободное сознательное существо. У него есть долг перед ближними, перед родным народом, клеточкой которого (как исторического организма) он является. Современность – это лишь переход между прошлым и будущим, а человек не может не думать о грядущем. Индивидуалисты ошибочно считают эгоизм первичным и единственным стимулом всех людских действий. Человек не просто стремится к личному материальному благополучию, он заботится и о своих ближних, и о своем потомстве.

Крупнейшим недостатком современного ему обществоведения Менделеев считал именно допотопное понимание человека, не учитывавшее, что человек, представляя собой высшую форму живых существ, «включает в свои потребности требования, неизбежные для низших существ. У него есть чисто минеральные требования (например, пространства), настоящие растительные отправления (например, дыхание, пища) и чисто животные требования (например, движения, полового размножения); но есть и свои, самостоятельные, людские функции, разумом и любовью определяемые», а естественный закон любви – закон истории, людского разума и Божеский. Экономика призвана удовлетворять все потребности человека – не только низшие (чем пока исключительно и занимается политическая экономия), но и высшие.

Как же должно конкретно строиться народное хозяйство?

Прежде всего, оно должно представлять собой комплекс, в котором пропорционально развиты и гармонически сочетаются сельское хозяйство, промышленность, транспорт, наука, культура, образование, церковь, вооруженные силы и пр.

В промышленности также возможно сосуществование государственных и частных заводов – больших, средних и малых, с отечественным и с иностранным капиталом, при условии, что последний не будет играть ведущей роли в стране. Это он особенно подчеркивал. Россия сможет ассимилировать и иностранный люд, и иностранный капитал, однако следует помнить, что «капиталы отечества не имеют, а потому... им нельзя – кроме процентов – давать какие-либо права в стране». Вопреки распространенным тогда иллюзиям о возможности для России оставаться страной чисто земледельческой, Менделеев доказывает неизбежность быстрого развития в ней промышленности и роста городов, находя для этого не только чисто экономические, но и духовно-нравственные обоснования: «Ни Христос, ни Магомет, ни Конфуций, ни Будда не избегали городов, хотя временно и пребывали в пустынях, и ни словом не промолвились против городов, хотя и громили людские пороки, в городах собранные, а потому и более очевидные». При этом он выступал за преодоление отсталости жителей села от горожан в образовании и доступе к благам культуры и видел в будущем в известной мере слияние города и деревни, так как в городах станут насаждать сады и парки, а в деревнях возникнет мелкая и средняя промышленность, так что урбанизированные местности будут перемежаться сельскими.

Менделеев считал неизбежным этап прохождения России через капитализм, но не был ярым сторонником этого строя, он всегда оставался защитником интересов трудового народа (как их понимал). А на капитализм он смотрел как на неизбежное зло, и много думал над тем, как его уменьшить. Он и себя относил к числу тех, кто, «видя и осознавая зло капитализма, не видит возможности обойтись без него и принимает его не как цель, а как необходимое историческое средство». Не считая возможным «перескочить» через капитализм и обойтись совсем без него, то есть прямо попасть «в тот готовящийся период, в котором капитализм не будет иметь своего современного значения», ученый в то же время не принимал теории марксистов о пролетарской революции и диктатуре. Это не означает, что он вообще отрицал возможность применить насилие для принуждения к желаемому порядку. Нет, им признавалась относительная правда социалистов, анархистов и коммунистов, но то, что в марксистско-

ленинской литературе получило название научного социализма, решительно отвергал, уподобляя его квартету из известной басни Крылова и относя к числу весьма распространенных тогда «бредней». Он не соглашался с тезисом об относительном и абсолютном обнищании рабочего класса при капитализме и, думается, оказался в этом вопросе ближе к истине, чем Маркс. Идея о превращении всей страны в единую фабрику или об уподоблении ей (как ее излагал, следуя Марксу и Энгельсу, например, Ленин в «Государстве и революции» и других работах) казалась Менделееву противоестественной и, главное, не отвечавшей характеру русского человека. Ведь на Руси издавна жили рядом и люди, вполне довольные общинными порядками, и другие, более предприимчивые, которых их неукротимая натура толкала на поиск новых земель, открытие рискованных предприятий и пр., причем многих из них оценили уже на Западе.

По этой причине ученый отстаивал и общинное землевладение, и частную собственность (особенно мелкую, например, на крестьянский земельный надел), и конкуренцию.

Думается, Менделееву была бы близкой идея Достоевского о «нашем русском социализме», но он понимал ее более практично. Он неизменно утверждал, что «полное торжество труда над золотом еще не наступило, но уже близко», и верил, что «люди... найдут средства победить современное значение капитала», более того, сам настойчиво искал эти средства.

Так, Менделеев многократно выступал против монополий, подчеркивая, что монополисты стремятся к обогащению за счет взвинчивания цен и противятся прогрессу технологии, что ведет к остановке развития, загниванию всей экономической и общественной жизни, и отстаивал интересы мелких собственников, в том числе и в нефтеперерабатывающей отрасли, где засилье монополистов было особенно заметно. Поэтому он лишь констатировал факт, когда говорил, что служит России, а не капиталу. Поскольку развитие промышленности в России тогда упиралось в отсутствие крупных капиталов, Менделеев специально разработал технологии, которые позволяли бы создавать мелкие, но современные заводы и постепенно, по мере получения прибыли, переходить к производству в крупных масштабах. Идея о необходимости гармоничного сочетания крупных и мелких предприятий, нашедшая широкое признание на Западе только в третьей четверти XX века, а у нас еще только обсуждаемая, Менделеевым была высказана более ста лет назад. Его часто считали мечтателем, кабинетным мыслителем, каким и полагается быть профессору, а он выдвигал один практичный проект за другим и по прошествии времени мог с удовлетворением отметить, что не ошибся.

К проектам переустройства общественных отношений Менделеев подходил с теми же строгими мерками научности и практичности. По его мнению, есть три способа борьбы с жадным на большие прибыли капитализмом, «и все они, более или менее, имеют уже приложение в практике... Эти три способа назовем: складочными капиталами, государственно-монопольными предприятиями и артельно-кооперативными... В идеале можно себе представить заводы и фабрики основанными на складочные капиталы, поступившие от самих же работников и потребителей, действующих на тех же или на других фабриках и заводах» (ныне так называемые «народные предприятия» широко распространены на Западе).

Но больше всего уповал Менделеев на те формы экономической жизни России, которые отвечали ее глубоким историческим традициям: «Артельно-кооперативный способ борьбы со злом капитализма... считаю наиболее обещающим в будущем и весьма возможным для приложения во многих случаях в России, именно по той причине, что русский народ, взятый в целом, исторически привык к артелям и к общественному хозяйству». Ученого нередко представляли противником общины, желающим ее разрушения ради создания рынка рабочей силы для развития промышленности в городах, но это явная передержка. Менделеев высоко ценил русскую крестьянскую общину, но он видел, что во многих случаях она, уже подточенная имущественным расслоением в деревне и развитием рыночных отношений (о чем убедительно писали Г.И. Успенский, А.Н. Энгельгардт и др.), сдерживает рост производительных сил. Искусственное сохранение таких, по сути, уже умерших общин было бы, конечно, неразумным. Менделеев и тут нашел разумную середину: «Для меня дело рисуется в особенности удовлетворительно при том условии, если крестьяне-земледелы, занятые преимущественно в летнюю пору, для зим устроят подходящие фабрично-заводские виды промышленности и будут иметь у себя на месте прочный заработок», а земства и правительство должны были бы всемерно помогать такому прогрессу.

Широкие возможности для этого он видел в связи с распространением электричества, когда электродвигатель может быть установлен даже в крестьянской избе. К той же мысли он возвращался много раз, именно на таком пути видя возможность уничтожения противоположности между городом и деревней, обеспечения относительно равномерного размещения производительных сил по территории страны.

Удивительно перекликается с нашим днем и такое предложение Менделеева: передавать убыточные предприятия, «с надлежа-

щим контролем, артельно-кооперативному хозяйству, а не закрывать их, как делается в Западной Европе, обрекая трудящихся на безработицу». Но делать это надо «открыто и по соревнованию».

Столь же современным выглядит и его предложение об участии рабочих в прибылях предприятия. Он любил предприимчивых людей, связывая с ними главную надежду на прорыв России в будущее, а идеал видел в таком предприятии, где хозяин был бы и участником во всех его сторонах, знал каждого работника, а все рабочие были бы заинтересованы в итогах общей работы.

Здесь уместно подчеркнуть отличие Менделеева от других российских деятелей, также выступавших за развитие промышленности страны. Так, Сергей Юльевич Витте (1849–1915), бывший министром путей сообщения, затем министром финансов, а в 1903–1906 годах главой правительства, много делал для поощрения строительства заводов и фабрик (но особенно – железных дорог). Но он был выразителем интересов российской монополистической буржуазии и иностранного капитала, которому открыл широкую дорогу в Россию.

Менделеев отстаивал здоровую общину. Но и те общины, которые к тому времени находились в упадке, могли бы, считал он, со временем возродиться, особенно при развитии в них местной промышленности, потому что «легче совершить все крупные улучшения, исходя из исторически крепкого общинного начала, чем идя от развитого индивидуализма к началу общественному».

С точки зрения народного блага и экономической независимости России Менделеев рассматривает и проблемы развития транспорта. Он доказывает необходимость выполнения морских перевозок не только в малом (в пределах одного бассейна), но и в большом каботаже (например, из Черного моря в Балтийское) лишь на отечественных судах, чтобы не платить фрахт иностранцам, предлагает схему усовершенствования сети железных дорог и водных путей, которая должна служить не только вывозу хлеба и пр.

С особой любовью и гордостью собирал Менделеев материалы, свидетельствующие о великих дарованиях русских людей, их пригодности к любому человеческому делу. Его восхищало высокое качество российских ситцев, вызывающих удивление экспертов на всемирных выставках. Поэтому, верил он, если дать русским людям действительную свободу производства и творчества, «мы могли бы залить нефтью весь свет, каменным углем не только снабдить себя в изобилии для всяких видов промышленности, но и отоплять многие части Европы» и т.п. Но такой свободы им не давали, в частности, потому, что «наши высшие классы, как и наша литература, чужды

пониманию высшего значения промышленности». Сказано это деликатно, хотя каждый понимающий читал: компрадорские элементы высших классов сознательно тормозили экономическое развитие страны в интересах иностранного капитала.

Менделеев считал гибельной политику, когда Россия все время догоняет страны, от которых она отстала в промышленном развитии. Непрерывно догоняя других, никогда нельзя выйти на передовые мировые рубежи экономического развития и технологии. Он напоминает имена русских ученых, инженеров и изобретателей, совершивших крупнейшие открытия мирового значения и создавших совершенные образцы техники, и высказывает уверенность, что наступит «такой новый скачок русской исторической жизни, при котором свои Ползуновы, Петровы, Шиллинги, Яблочковы, Лодыгины не будут пропадать, а станут во главе русского и всемирного промышленного успеха». А наши дети увидят Нижегородскую ярмарку как Всемирную выставку, которая покажет всей планете силу русского гения. Для этого нужно открыть русским людям из всех классов и сословий дорогу к вершинам образованности. И Менделеев пишет популярные работы по экономике (подчас в форме писем), разрабатывает проект принципиально нового учебного заведения, составляет смету расходов на его строительство и содержание.

Будучи уверенным в великом будущем России и в исключительной всесторонней одаренности русского народа, ученый был в то же время далек от какого-либо национального чванства и вдумчиво изучал – по литературе и в заграничных командировках (а бывал он и в Англии, и во Франции, и в США) – весь мировой хозяйственный опыт. С редкой доброжелательностью описывает он каждую симпатичную черту характера того или иного народа, с неизменным уважением относится и к своим зарубежным коллегам, внесшим хоть небольшой вклад в подлинную науку. Но, подчас даже восхищаясь достижениями зарубежной научной мысли и технологии, он в отличие от многих своих соотечественников с присущей ему трезвостью взгляда отмечает, что учиться хозяйствованию, эффективному и нравственному, нам за рубежом не у кого. Он своими глазами увидел примитивность воззрений «хозяев жизни» в так называемых передовых странах. Так, французских буржуа он охарактеризовал как торгашей, сладких, вертлявых плутишек и барышников, – «не им принадлежит история Франции». Еще более строго оценил он американских бизнесменов и политиканов, отметив у них «отсутствие каких бы то ни было идеальных стремлений», а с учетом всяких политических неурядиц, дискриминации негров, взаимной вражды партий и национальностей, беззастенчивого господства капитала

Америка, унаследовавшая не лучшие, а худшие стороны европейской цивилизации, показалась ему образцовым показателем недостатков современной культуры. «Новая заря не видна по ту сторону океана».

Менделееву принадлежит пророческое предсказание пути будущего развития экономической науки. Он одним из первых осознал, что в производстве важны не только стоимостные, денежные, но и натуральные показатели и соотношения (например, в сельском хозяйстве надо поддерживать оптимальное соотношение площадей пашни, лугов и лесных насаждений, а также поголовья скота и продуктивности кормовых угодий), «а потому только та «политическая экономия», которая изойдет из естествознания, может надеяться охватить разбираемый ею предмет с должной полнотой и понять, как творятся ценности и отчего образуются или исчезают «народные богатства». При таком подходе политическую экономию уже не удастся сводить к набору комбинаций из трех букв (c+v+m – формула стоимости у Маркса), а придется прибегать к конкретному анализу конкретных ситуаций, на что потребуются экономисты совсем иного склада, чем подвизавшиеся на этом поприще тогда (увы, и сегодня), нужны будут люди, понимающие главные проблемы народной жизни и способные правильно их решать.

Подлинными «социально-экономическими поэмами» можно назвать два последних крупных произведения Менделеева – «Заветные мысли» и «К познанию России».

Книга «К познанию России» – это историко-философский и социально-экономический трактат, написанный по материалам первой планомерной общероссийской переписи населения 1897 года – сразу же после выхода из печати (в 1905 году) отчета о ней. А «Заветные мысли» вообще можно было бы назвать «малой российской энциклопедией», в которой убедительный фактический материал о всех главнейших сферах народного бытия сочетается с глубокими размышлениями о прошлом, настоящем и будущем страны.

Деятельность Шарапова в первые годы царствования Николая II была всецело посвящена борьбе против намечавшегося в правительственных кругах перехода России на золотую валюту. Его статья, в которой он предупреждал общественность о гибельных последствиях этой меры (ее характеристика изложена в предыдущей главе), была напечатана в журнале, выходившем небольшим тиражом, и потому оказалась мало доступной читателям. Поэтому Шарапов издает ее отдельной книгой под названием «Бумажный рубль, его теория и практика». Это выдающийся труд, явившийся весомым вкладом в русскую и мировую науку о финансах (он переиздан в наши дни Институтом русской цивилизации).

Ценой неимоверного напряжения всех сил страны министру финансов С.Ю. Витте удалось накопить достаточный золотой запас, позволивший перейти к золотому металлическому обращению. Сопротивление высших сановников – крупных землевладельцев, с которыми в данном вопросе солидаризовался Шарапов, было сломлено Высочайшим указом, и в 1897 году переход России на золотую валюту стал фактом. Серебряный рубль был изъят из обращения, все денежные расчеты велись теперь только в золотой валюте. В обращении находились золотые монеты достоинством 15 (империал), 7,5 (полуимпериал) и 5 рублей. Бумажные деньги – кредитные билеты подлежали свободному размену на золото. Но выпуск кредитных билетов был ограничен определенной нормой, в зависимости от размеров золотого запаса страны.

Сам этот переход был осуществлен тихо, по-воровски. Идею его высказал финансист Ротштейн – всесильный, по словам Шарапова, распорядитель Международного банка в Петербурге и Петербургской биржи. Идею одобрила финансовая наука в лице ее светил Герцки, Лексиса, Вагнера и др., а затем и все научное сообщество Запада.

И вот Министерство финансов, не отменяя закона, по которому денежной единицей России был установлен серебряный рубль, как бы временно приостановило его действие.

Образованное российское общество, невежественное в финансовых вопросах, совершенно не поняло важности этого акта.

Александр III, больше своего предшественника (и преемника) заботившийся о защите национальных интересов России, тормозил переход на золотую валюту. Николай II в первые же годы своего царствования дал добро на проведение реформы: вводились в обращение золотые монеты, а кредитные билеты могли свободно обмениваться в Государственном банке на золото. К каким же последствиям это привело?

А последствия эти были ужасными, и первым это показал Шарапов.

Вспомним, финансовые гении обещали, что к нам притекут иностранные капиталы, Россия получит валюту всего цивилизованного мира. Возражали им всего три человека в России – С.Ф. Шарапов, П.В. Оль и Г.В. Бутми.

Да, – говорил Шарапов, иностранные капиталы полились к нам, да еще с такой стремительностью, что в самое короткое время Россия распродала иностранцам свои руды и каменноугольные копи, золотые прииски и нефтяные источники. Образовалось множество иностранных предприятий. Русские государственные бумаги стали

десятками миллионов уходить за границу. Впрочем, это обычный результат «привлечения иностранных инвестиций», о которых так хлопочут и нынешние российские реформаторы.

Критика Шараповым экономического курса Витте.

Россия добровольно увеличила свой внутренний долг на 50 процентов. Денежная масса в обращении сжалась (серебро перестало быть деньгами). Если в середине XIX века на одного жителя России приходилось в среднем около 30 рублей или 120 французских франков, то к 1914 году эта сумма сократилась до 10 рублей или до 25 франков. В Германии обеспеченность деньгами составляла 115, в США – 125, в Англии – 140 и во Франции – 210 франков. На Западе, кроме наличных денег, находились в обращении чеки и пр., а в России, с ее огромными пространствами и медленностью оборота денег, ничего такого не было; возникла острая нехватка наличных денег у хозяйствующих субъектов.

Возникла сильнейшая зависимость хозяйственных оборотов в стране от иностранного капитала; для удержания в стране золота пришлось дополнительно привлекать иностранный капитал. Россия уподобилась протекающей бочке: сколько бы золота она ни покупала, деньги в ней не задерживались, а транзитом уходили на Запад.

За период с 1800 по 1861 год иностранные вложения в российские предприятия составили 232 миллиона рублей. После перехода России на золотую валюту они достигли к 1914 году 2243 миллионов рублей.

Началась эксплуатация национального богатства России иностранным капиталом, который стремился преднамеренно сокращать ее экономический потенциал. Система золотого монометаллизма обесценила материальные ценности и производительный труд, и иностранцы получили возможность скупать по дешевке хлеб, недвижимость, землю. Для поддержания вексельного курса Россия вынуждена была всемерно увеличивать экспорт хлеба, получая за него все меньше денег. Если в период 1884–1891 годов средний вывоз русского хлеба за границу составлял 408 миллионов пудов при выручке 333 миллиона рублей, то в период 1893–1897 годов он увеличился до 509 миллионов пудов, тогда как выручка уменьшилась до 316 миллионов рублей.

Россия лишилась возможности брать внешние займы на российскую серебряную валюту, они предоставлялись только в валюте

кредитора или в золоте по невыгодному для нашей страны курсу. И внешние займы уже не притекали в Россию, как прежде, а оставались за рубежом для покрытия затрат (на железнодорожное строительство, акционирование российской промышленности, торговли и банков). Внешний долг России вырос с 221 миллиона золотых рублей в 1853 году до 4229 миллионов рублей в 1914 году, а с учетом долгов предприятий и банков по кредитам, взятым под гарантии правительства, превысил, как уже отмечалось, 5 миллиардов золотых рублей. Ежегодные выплаты процентов по долгу выросли с 10 миллионов рублей серебром до 194 миллионов рублей золотом. Перед Первой мировой войной 55 процентов российских ценных бумаг принадлежали иностранному капиталу. Иностранцы владели ведущими предприятиями России, получали у нас бешеные прибыли в рублях, обменивали их на золото и вывозили его к себе на родину. А Россия, чтобы иметь возможность разменивать бумажные рубли на золото, должна была вновь и вновь заключать за границей займы, наращивая свой внешний долг.

Шарапов совместно с П.В. Олем издает брошюру «Как ликвидировать золотую валюту?» (СПб., 1899). В более широком плане пути «обуздания золотого тельца» он обсуждает в письме к князю В.П. Мещерскому[34]. В нем Шарапов показывает, как коррупция овладевает государственным аппаратом. От чиновника, которого подкупают дельцы, «подчас не требуется ни преступления, ни подлога, нужно только покривить немного душой, посмотреть сквозь пальцы, и за это награда минимум в размере годового содержания. А делец хватит на этом миллион!.. Отсюда один шаг, и начинаются заведомые продажи Отечества… перед бешеной биржевой и грюндерской спекуляцией, перед капиталистическим нашим «прогрессом», выдвигающим подонки общества наверх к власти, влиянию и силе, оказываются бесплодными все заботы власти об искоренении хищений, все проповеди и мечтания идеалистов. Как прежде откупщик развращал всю губернскую администрацию, так теперь развращает весь наш быт и административный строй делец-биржевик, грюндер и гешефтмахер. Бюрократический строй, если он не состоит в одних святых, бессилен выдержать какую бы то ни было борьбу с этим явлением. Капитализм идет своим ходом и несет свои приемы. Устранить этот капитализм нельзя, не пришло время, не в социалисты же идти в самом деле! Капитализм должен логически завершить свой круг: бюрократия его не остановит и намордника на него не наденет… Да что, бюрократизм! С Золотым Тельцом не могли справиться ни парламентаризм, ни свобода печати… Выхода здесь никакого нет,

34 См.: «Русский путь в развитии экономики». М., 1993. С. 169–174.

а и жить так нельзя. Биржа и ее царство погубит и развратит у нас все, как развратила на Западе… Что же делать?»

Шарапов на этот вопрос отвечал: «…путь Самодержавия, опирающегося на самоуправление, есть не только единственный остающийся нам путь для излечения России и верной победы над Золотым Тельцом, но есть притом наш исторический и национальный путь».

В своих статьях в журнале «Свидетель» Шарапов пытается объяснить российской общественности, радующейся тому, что рубль стал конвертируемой валютой и эта бумажка может быть обменена на золото, что одна и та же денежная единица выгодна развитым странам и невыгодна отстающим, что золотая валюта поэтому окончательно разорит Россию.

Критика социализма.

Поскольку Шарапов разработал свою концепцию эволюционного развития России, призванную предотвратить разрушительный социальный взрыв, он, естественно, был противником революции и социализма. Об этом он говорит в статье «Социализм как религия ненависти», вышедшей в 1907 году.

В русской революции, писал Шарапов, ведущее место заняли инородцы, их русским приспешникам была отведена гнусная и второстепенная роль. А русских патриотов, которые защищали наш традиционный строй жизни, революционеры убивали. К тому же эта революция делалась на чужие деньги – сначала на японские, что теперь документально доказано, а затем на средства заокеанских банкиров. В ее итоге в стране установился парламентаризм, который нужен именно инородцам, а русским идет, как корове седло.

Если бы Русская революция носила национальный характер, она бы вылилась в борьбу за земщину (то есть за общинный строй и самоуправление), против бюрократии. Но как раз земщина-то инородцам ненавистна еще больше, чем бюрократия.

Социализм, – утверждает Шарапов, – это вовсе не наука. В нем развита только отрицательная, разрушительная сторона, и совершенно отсутствует сторона творческая, созидательная. Что делать после того, как будет сокрушен ныне существующий строй, неизвестно, просто утверждается, что люди, освободившиеся от эксплуатации, сумеют создать нечто боле разумное. Социализм основан на лжи, вражде и ненависти и ведет к анархии или же к невиданному рабству.

Попробуйте внушить идею социализма американскому рабочему, который получает два доллара в день и быстро накапливает сбережения, он эту идею не воспримет. Он сегодня рабочий, а завтра сам станет капиталистом, поэтому сама мысль о необходимости покончить с капиталом представляется ему покушением на его будущее. А голый и голодный итальянец или русский фабричный пропойца, изверившийся в возможности упорным трудом выбиться из бедности, поверит в будущий коммунизм как в Евангелие. Немецкий рабочий с удовольствием будет рассуждать в пивной о социализме, но его науку сами социалистические лидеры называют «наукой о безропотным перенесении рабочими ига капиталистов». Да, он признает, что капитал – его враг, но пока рабочие за счет капитализма кормятся. Разрушишь национальный капитал – его вытеснят с мировых рынков капиталисты других стран, и немецкий рабочий останется без средств к существованию. Милитаризм – тоже явление плохое, но без сильной армии опять-таки стране не будет достойного места на иностранных рынках.

Почему немецкий рабочий, считая социализм желанным строем, не спешит свергать существующую систему? Потому что власть Германии создала приличное трудовое законодательство, которое достаточно полно защищает права рабочих.

Один из вождей германских социалистов Август Бебель так сформулировал доктрину социализма: «Наша цель в области политики – республика, в области экономики – коммунизм, в области религии – атеизм». По существу, это вывернутое наизнанку христианство.

Современное человечество переживает самый расцвет буржуазно-капиталистического строя, основанного на политических свободах, экономическом индивидуализме и правовом государстве, которое не вмешивается в экономику, а лишь поддерживает общественный порядок, охраняет свободу личности и союзов, а также обеспечивает минимум обязательной справедливости во внешних отношениях своих граждан.

Вправо от этого строя располагается религия, в особенности христианство, которое усиливается побороть старое юридическое и языческое государство и построить жизнь людей на иных, высших началах. Не отрицая государства и не борясь с ним, руководствуясь принципом «кесарю кесарево», христианство старается воспитать и вознести людей так, чтобы они, оставаясь в прежних материальных и юридических условиях, искали высшее благо не здесь, на земле, а за гробом. Христианин должен поэтому относиться совершенно безразлично к своему имуществу, к своим правам и ко всей земной

обстановке и стремиться совершать дело любви, то есть помогать благополучию своих ближних. А эта возможность существует при любых условиях, и христианин не оправдывает и не осуждает никакие государственные формы. Поэтому у христианина нет зависти к богатым.

А влево от капитализма лежит социализм, его приверженцы не веруют в Бога и предоставляют Небо «святым и воробьям» (здесь имеется в виду строка из известного стихотворения Гейне – *М. А.*). Человек, – считают социалисты, должен искать счастье на земле. Любовь – это пережиток, счастье завоевывается только борьбой, а воодушевляет на борьбу ненависть. И так во всем: возьмите христианскую концепцию и поменяйте знак плюс на минус и наоборот – и получите теорию социализма. У христиан равенство – перед Отцом Небесным, у социалистов – ненависть к богатым. Христианин христианину – брат, социалист социалисту – товарищ. У христиан свобода в любви, у социалистов принуждение во имя борьбы, насилие общества над индивидом, без чего невозможно продержаться обезличенному и уравненному под один ранжир человечеству.

Идея коммунизма свойственна и христианству, и социализму, но в нравственном смысле это – небо и земля.

Во главе церковной общины стоят люди высокой нравственной доблести и духовного совершенства. Для христиан величайшая радость – отдать свое богатство в общую кассу, чтобы из нее помогали неимущим. Пример чистого коммунизма – первохристианская апостольская община I века в Иерусалиме, у членов которой, как повествуют «Деяния апостолов», «было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее». А если этого «одного сердца» нет, то общность имущества или справедливое его распределение можно установить только силой.

Шарапов уделял много внимания внешней политике России.

Он знал, что России предстоит война, которая, скорее всего, станет мировой. Могучая Германская империя была явно враждебна нашей стране. К Англии и Франции в России со времени Крымской войны относились с большим недоверием. Но нельзя было и допустить, чтобы против России образовался единый фронт всех великих европейских держав. Надо было этот возможный единый фронт расколоть, а для этого приходилось делать выбор – так же, как накануне Второй мировой войны это пришлось делать Сталину.

Шарапов правильно определил расстановку сил в будущей мировой войне. Он приветствовал сближение России с Англией и Францией, что было тогда в российском обществе не очень модно. Шарапову пришлось даже вступить в полемику с известным публи-

цистом Михаилом Меньшиковым, который был сторонником союза с Германией и опасался, как бы неосторожные шаги правительства России в направлении сближения с Англией и Францией не спровоцировали Германию на конфликт с нашей страной.

Как и все славянофилы, Шарапов мечтал о прочном союзе всех славянских народов во главе с Россией, что было чистейшей утопией (чего до сих пор не понимают многие русские патриоты). Западные и южные славяне давно определились со своей ориентацией на Западную Европу, они цивилизационно чужды русским (об этом предупреждал еще К.Н. Леонтьев).

Но у Шарапова был и более дальний прицел. Он уже предвидел столкновение белой и желтой цивилизаций и пытался определить расстановку сил на мировой арене в свете этого конфликта. Время для объективной оценки этих его прозрений не наступило еще и сегодня.

Большой скандал вызвал обстоятельный разбор экономики России, сделанный Шараповым в 1902 году в докладе «Об успехах нашего народного хозяйства за последнее десятилетие».

Отчеты «официальной» России рисовали радужную картину: за десять лет добыча каменного угля и выплавка чугуна возросли в 2,5 раза, добыча нефти и выплавка стали в 2 раза, выпуск хлопчатобумажных тканей – в 1,5 раза, численность населения выросла со 118 до 138 миллионов человек, увеличилось и потребление большинства продуктов питания, укрепился государственный бюджет. Шарапов сумел заглянуть глубже в экономическую жизнь и, проведя сложные уточняющие расчеты, показал, что в стране немало экономических проблем.

Так, рост поступлений в казну от эксплуатации лесов объясняется усиленной рубкой их у железных дорог, что представляет собой скорее растрату, чем увеличение лесного капитала. Производство сахара возросло, но цена на него на внутреннем рынке удерживается такая высокая, что делает его недоступным для большинства крестьян, зато его за бесценок можно продавать за рубежом. По многим продуктам приводятся данные о росте абсолютных размеров потребления, а при пересчете на душу населения получается, что потребление снижается (зато растет продажа алкоголя).

Шарапов приводит цифры – вывоз хлеба за границу растет, а сумма выручки за него уменьшается, – таков итог хитрой игры хозяев мировой биржи, а русский земледелец все равно вынужден вывозить зерно почти себе в убыток, потому что ему нужны деньги для уплаты налогов. Земледелие разоряется, оторвавшиеся от земли крестьяне бегут в города, где создается «необходимый для рабочего

движения пролетариат, что можно считать «успехом», окончательно приобщающим нас к цивилизации Западной Европы». Общий его вывод не оставляет поводов для радости: блестящий фейерверк погаснет, оставляя удушье и зловонье, проигрывают от него все классы, кроме спекулянтов и их покровителей. И это неудивительно: в сельском хозяйстве России занято 80 процентов населения, и промышленно-финансовая политика, не учитывающая интересов земледельцев, обречена на неудачу.

Программа возрождения России. Но, сколь ни силен был Шарапов в критике современной ему России, главный его вклад заключался в выработке положительной программы. Последний штрих в ней был поставлен в докладе Шарапова и П.В. Оля «Как ликвидировать золотую валюту?».

Из всей программы Шарапова остановимся на трех ее разделах – экономическом, аграрном и социальном.

В области экономики, естественно, прежде всего, нужно восстановить нашу традиционную валюту – серебряный рубль.

Далее, наша страна – экспортер хлеба, но в целом – страна ввозящая, у нее импорт больше экспорта. Поэтому надо проводить такую финансовую политику, которая благоприятствовала бы экспорту хлеба и создавала бы неблагоприятные условия для импорта промышленной продукции, повышая тем самым конкурентоспособность отечественной промышленности. Этого можно добиться, установив низкий курс отечественной валюты.

Шарапов ссылается на опыт развития экономики во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Тогда курс русского рубля на мировых биржах сильно упал. Правящие круги России очень печалились падению курса своей валюты, принимая, как писал Шарапов, убытки торговцев импортными товарами за катастрофу для страны. В действительности же страна от этого только ожила. Быстро стала подниматься отечественная промышленность, в нашем экспорте, наряду с хлебом, стали появляться промышленные товары.

Шарапов настаивал на установлении государственной монополии на добычу и экспорт таких полезных ископаемых, как нефть, ртуть, марганец и платина.

Если не будут проведены предлагаемые им мероприятия, утверждал Шарапов, если будет продолжаться курс в принятом в 1893 году направлении, мы увеличим нашу задолженность до полной неоплатности, и тогда останутся только два выхода: война или государственное банкротство.

Если разразится война, то, каков ни был ее ход и конец, в самый момент ее объявления иностранцы – держатели русских ценных

бумаг заплатят нам огромную контрибуцию. Но неудачная война обычно ввергает побежденную страну в еще худшее финансовое положение. Банкротством же еще ни одно государство в мире своих финансов не поправило.

Не желая ни войны, ни банкротства, Шарапов и предложил свою программу развития экономики России.

В области сельского хозяйства Шарапов противопоставил свою концепцию господствовавшим тогда в правящих кругах России либеральным воззрениям, согласно которым русское сельское хозяйство должно повторить путь, пройденный аграрным сектором Западной Европы.

На Западе после ликвидации общины земельная собственность сосредоточилась в руках состоятельного класса населения и выработался такой земледельческий строй, при котором владелец земли является предпринимателем-капиталистом, свободным и полноправным, а безземельная часть населения вполне подчиненною и бесправною массою рабочих единиц. Землевладелец предлагает работу за плату, установленную по закону спроса и предложения. Безземельный пролетариат волей-неволей принимает эту работу. Обе стороны ведут между собой упорную, ожесточенную и бесконечную борьбу.

В России крестьяне после реформы 1861 года стали почти поголовно землевладельцами.

На Западе цель крестьянина состоит в том, чтобы, работая на хозяина, содержать семью, копить денежки, чтобы со временем самому стать хозяином.

У нашего крестьянина, получившего землю, явилась самостоятельная цель бытия. Он – полноправный гражданин.

На Западе основные и косвенные налоги взимаются с землевладельца и с промышленника-буржуа, а пролетариат платит лишь косвенные налоги. В России основная масса податей взимается с крестьянских общин, которые образуют государственный фундамент.

У нас свободного пролетариата нет. Помещик может иметь капитал, машины – но в страду у него рабочих нет. Чтобы их найти, ему нужно каким-то образом прижать крестьян, чтобы они, забросив свое хозяйство, пошли работать на помещичьи поля и фермы. Чаще всего для этого используются так называемые «отрезки» – угодья, отрезанные от крестьянских наделов в пользу помещика и расположенные так, что крестьянину нельзя пройти мимо них, даже чтобы выпустить свой скот на выгон.

В России, в противовес Западу, не существует и не может существовать класса хороших, дельных наемных рабочих. В батраки пойдут лишь неспособные к самостоятельному хозяйствованию от-

бросы сельского населения. А если бы все помещики решили вести хозяйство на основе наемного труда, пришлось бы приглашать квалифицированных рабочих из Австралии и Канады. Но тогда они за год разорились бы.

В России крестьяне стали конкурентом помещику. Крестьянин – одновременно и хозяин, и предприниматель. Его хозяйствование сопряжено с риском: посевы могут вымокнуть, а могут принести урожай сам-12. Но в этой борьбе с природой заключается и источник наслаждения. Помещик же заинтересован в том, чтобы крестьяне работали на него.

С 1861 года по всей России идет борьба помещиков с крестьянами.

Частное землевладение упорно стремится поработить свободный сельский класс и воспитать из него для своих целей дисциплинированную армию рабочих, без которых оно обречено на гибель. Наделенное землею крестьянство стремится не только отстоять свое собственное землевладение и хозяйство, но, по возможности, ослабить или уничтожить своего непримиримого врага – частное землевладение.

Уничтожить эту противоположность интересов помещика и крестьян, которая в противном случае неминуемо взорвет Россию, и была призвана концепция Шарапова.

Шарапов сравнил четыре возможных варианта развития.

Первый вариант – продолжение той политики, которая привела аграрный сектор экономики к кризису. Оно могло привести только к полному развалу села и массовому голоду – это показал еще сосед, друг и оппонент Шарапова А.Н. Энгельгардт. Автор писем «Из деревни» в качестве альтернативы предложил создать в России сеть «интеллигентных деревень» и обратился к образованной городской молодежи поселиться в сельской местности и заняться земледельческим трудом.

Разбирая этот второй вариант и соглашаясь с А.Н. Энгельгардтом в том, что традиционное помещичье хозяйство после освобождения крестьян стало невозможным, Шарапов в то же время считал ошибочным призыв к интеллигентной молодежи города идти в деревню и становиться фермерами. Российская деревня и без того страдала от аграрного перенаселения, ей нужны были не дополнительные рабочие руки, а «мозги» – агрономы, организаторы производства, а городская интеллигентная молодежь, люди книжного воспитания, менее всего подходили на эту роль.

Третий вариант – это создание сети сельскохозяйственных коммун городских интеллигентов, последовавших призыву «власти-

теля дум» того времени Льва Толстого. Довольно большой опыт существования таких коммун показал, что расчет на подъем сельского хозяйства таким путем не реален, и коммуны (в том числе и та, в которой сам Толстой был «председателем колхоза») почти повсеместно развалились.

Шарапов предложил иной путь. При этом он не ограничился теорией, а в своем имении Сосновка воплотил ее в жизнь, о чем написал в книге «Пособие молодым хозяевам при устройстве их на новых началах» (СПб., 1895).

Суть системы состояла в том, что он организовал своего рода «колхоз во главе с помещиком». По его убеждению, бедность крестьян была вызвана не столько малоземельем, как утверждали либералы, а истощением почв вследствие экстенсивного хозяйствования и низкой культуры земледелия.

Большинство крестьян срединной России обрабатывали землю сохой, вели хозяйство на основе убогого трехполья (яровые, озимые и пар), использовали низкокачественные семена и малопродуктивный скот, в итоге получали крайне низкие урожаи, порой «сам-друг» (то есть на одно посеянное зерно собирали два).

В этих условиях крестьяне, даже если бы и получили помещичью землю, быстро довели бы и ее до истощения.

Выход – это четвертый вариант, который заключался в повышении культуры земледелия и в переходе к интенсивному хозяйствованию с применением правильных севооборотов и искусственных удобрений. Но такой путь развития для самих крестьян, брошенных властью и помещиками на произвол судьбы, был недоступен.

Чтобы сделать возможным переход к интенсивному земледелию, нужно было: во-первых, сохранить и укрепить общину (а на большей части России власть уже рьяно принялась, предвосхищая идею Столыпина, разрушать общину, добиваясь выселения зажиточных крестьян на хутора), а во-вторых, крестьянам принять над собой руководство специалиста, каким тогда мог быть только грамотный помещик. Шарапов в своем имении этого добился. «К сожалению, – пишет он, – этот единственно плодотворный и верный русский путь до сих пор совершенно не был понят в России».

Сосновка – имение небольшое. Это 400 десятин земли, 40 крестьянских дворов, в которых проживали 100 ревизских «душ».

Шарапов подробно рассказывает в своей книге, на каких условиях он заключил договор с общиной крестьян его имения о совместном труде, обеспечивающем значительный рост урожайности, повышение благосостояния «колхозников» и достаточную оплату забот владельца части земли, хозяина-организатора и просветителя.

Все работы выполнялись в имении по указанию Шарапова – он определял дни посева, вывозки навоза, покоса. «Все лето у нас почти восстановлено крепостное право, кроме, конечно, зуботычин и экзекуций на конюшне. Но за это осенью весь продукт полеводства поступит крестьянам, их скот обеспечен сеном и клевером, недоимок никаких нет и быть не может – на хозяйственные расходы остается порядочная наличность по расчете со мной… Я оставляю для себя малое семенное полеводство на особом заповедном участке и скот… На душе у меня легко и тепло. Я чувствую, что добываю хлеб себе и другим – и чем больше другим, тем больше и мне. Я никому не мешаю, ничьему хозяйству не становлюсь поперек дороги, никто мне не завидует. Мужики ко мне относятся с добром, понимая, что мое хозяйство – это и их хозяйство».

По убеждению Шарапова, внедрение его системы по всей России сделало бы невозможной революцию, а обеспечило бы плавный переход страны на качественно новый уровень экономического развития. Это и был, по его представлениям, русский путь в действии.

В социальной области Шарапов предложил сделать церковный приход основной административной единицей и единицей местного самоуправления. Приход должен был обеспечивать развитие образования и здравоохранения, поддержание общественного порядка, иметь свой суд, свое общественное имущество, собственные предприятия и пр.

Для того, чтобы добиться смены политики правительства в направлении большего учета национальных интересов России, Шарапов в 1905 году предложил создать Союз русских людей, а затем Русскую партию, и разработал необходимые программные документы. Но выход его в большую политику так и не состоялся, попытка стать депутатом Государственной Думы, чтобы получить трибуну для пропаганды своих взглядов, окончилась неудачей. Шарапов так и остался одиночкой, каким, по его убеждению, всегда пребывает гений, обогнавший свое время на несколько поколений (это он говорил не о себе, а о другом непонятом современниками русском мыслителе Гилярове-Платонове).

Исследуя экономические взгляды Шарапова, нельзя не остановиться на его дискуссии с К. Н. Пасхаловым, который то вступал в острую полемику с Шараповым, то писал работы в соавторстве с ним.

Вместе с С.Ф. Шараповым Пасхалов выпускает в Москве брошюру с характерным названием «Землеустроение или землеразорение? (По поводу закона 9 ноября 1906 года)». Во многом ее положения совпадают с работами Пасхалова «Деревенское раздумье»

(М., 1907) и «Землеустроительное разорение России» (М., 1908; 2-е изд. М., 1909). Совместной работе предшествовала острая полемика между будущими соавторами.

Малоземелье воспринималось авторами брошюры как абсурд, ибо не вписывалось в геоэкономические просторы Российской империи. Пасхалов и Шарапов заявляли, что острейшей нужды в земле не может быть там, где возделывается лишь малая часть пространства и где 7 человек приходится на 1 версту. Отстаивание «права общины на землю» не исключало предоставления крестьянам возможности выхода из общины, но «без уноса из нее земли». Пасхалов утверждал, что главный и непоправимый ущерб сельскому хозяйству нанесен не консервацией общины, а «внезапным, колоссальным развитием промышленности, потребовавшим громадного количества рабочих рук, сплошь отнятых у земледелия. Сельскохозяйственный промысел не может конкурировать ни с каким фабрично-заводским, находясь в более тяжелых и неустранимых условиях». Полемизируя со сторонниками разрушения общины, Пасхалов приводил в качестве примера Тарусский уезд, где «многие общины часть полевой земли с общего согласия обращают под сады и ягодники и выручают с них по несколько сот, а иногда и до тысячи рублей на семью».

В отличие от Шарапова Пасхалов не делал большого различия между аграрной политикой С.Ю. Витте и П.А. Столыпина и не питал по отношению к последнему каких-либо надежд, характеризуя Петра Аркадьевича как «типичного пустозвона». За исключением военно-полевых судов, остальные результаты деятельности Столыпина Пасхалова не удовлетворяли. В 1915 году он записал Столыпина в «политические недоноски» и добавил: «...да простит ему Господь весь вред, принесенный России — в соучастии с кантонистами из жидов, — и кончая ныне собранным в Совете Министров ничтожеством».

Пасхалов был противником буржуазии в еще большей степени, чем Шарапов. Впрочем, во время подготовки к Нижегородскому совещанию Пасхалов информировал редактора саратовской правой газеты «Волга» Н.Тихменева о том, что в Нижнем Новгороде съезд поддержат два местных богача-мукомола, а правительственных субсидий следует избегать, дабы сохранить независимость от столичных властей.

Придавая большое значение деятельности выборных уездных земств, Пасхалов выступал противником губернского земства и критиковал планы создания волостного земства. По его мнению, интересы России требовали упразднения губернского

земства, поскольку оно как помпа «высасывало» средства из уездного земства, считая, что «в огромном большинстве случаев дела губернского земства могут быть переданы ведению уездных не только без всякого ущерба для дела, но и со значительной пользой и для дела, и для населения, а между тем один служебный персонал губернских управ и содержание дворцов, его вмещающих, поглощают в каждой земской губернии непроизводительно сотни тысяч народного достояния, что в общем составит многие миллионы расхода».

Упразднение губернских земских учреждений не должно было встретить затруднений, поскольку «все отрасли земской деятельности — дорожная, по народному здравию и образованию, общественное призрение и сельскохозяйственная — требуют местного знания потребностей и местного надзора, и потому правильнее находиться им под руководством местных земских органов».

В отличие от многих правых Пасхалов наотрез отказывался принимать правила «политической игры», установленные после 17 октября 1905 года. Он до конца остался верен идее неограниченного самодержавия, считая, что «ограниченное или конституционное самодержавие есть такая же бессмыслица, как, например, мокрый огонь, сухая вода и т.п.». Будучи убежденным монархистом, он всячески подчеркивал свой антипарламентаризм, возмущаясь самим фактом существования Думы, в которой видел сборище «всякой инородчины» и всевозможных «пройдох». Ему претил принцип принятия решений согласно большинству голосов. Когда в мае 1914 года благодаря перевесу в 5 голосов в Государственном Совете был провален законопроект о волостном земстве, Пасхалов сетовал по поводу того, что «судьба государства отдана в зависимость от случайного подсчета голосов, а Верховная Власть лишена возможности разумного критериума и может только изречь «да» или «нет» решению большей цифры». Самодержавие и народное представительство были для Пасхалова принципиально несовместимы.

Особую неприязнь у Пасхалова вызывала российская бюрократия. В своей нелюбви к чиновникам он оставил Шарапова далеко позади. Эта нелюбовь переносилась и на столицу империи: «Петербург, очевидно, захлебывается в такой нравственной грязи и в таких чудовищных преступлениях против Родины, что достойно соперничает с Содомом, но, к сожалению, не разделяет его участи, а это единственный способ спасения для русского народа».

Согласившись с необходимостью скорейшего «обуздания» бюрократии, Пасхалов предлагал свой выход из сложившей-

ся ситуации: «...следует восстановить не на словах только, но и в действительности право решающего законодательного голоса за историческим самодержавием; все остальные подобные ему учреждения — Государственная дума и Совет — должны иметь смысл только совещательный, причем Верховная Власть должна восстановить свое право знать все состоявшиеся мнения, а не только большинства, и выбирать между ними то, которое по убеждению ее совести наиболее соответствует пользе народа и государства». Пасхалов не отвергал наличие законосовещательного органа, который он обозначил как «Государственное учреждение». Этот орган должен был состоять из народных избранников «русских общественных светских и духовных учреждений». Депутаты в состав такого органа должны были избираться посредством прямых выборов из числа гласных уездных земских собраний. От выборов отстранялись «инородцы».

Предусматривалось, что избранники «ни в каком случае не должны получать содержания ни денежного, ни в каком другом виде натурой или льготами от казны», а должны получать содержание от избравших их общественных групп.

В законосовещательном органе ликвидировались фракции, председатель не избирался, а назначался «Высшей Властью». Наказ для председателя составлял Сенат. Народные избранники пользовались полной свободой «в выражении своих мнений в пределах соблюдения законов, приличия и торжественного обещания (присяги), ими даваемого при приступе к занятиям», и при этом не имели какой-либо особой (депутатской) неприкосновенности. Все мнения народных избранников «с обстоятельною их мотивировкою» поступали на заключение Государственного Совета и далее вместе с мнениями Государственного Совета — на рассмотрение государю. Самодержцу представлялось как мнение меньшинства, так и мнение большинства, высказанное при обсуждении законопроектов. Но даже получив всю информацию о различных мнениях по тому или иному вопросу, самодержец сохранял свободу воли. Брошюра с изложением этой программы была поднесена Пасхаловым Николаю II и хранилась в его личной библиотеке.

Судя по опубликованным трудам, Пасхалов не создавал оригинальных проектов укрепления «монархической государственности»; не выдвигал самобытных политических и экономических концепций; не занимался геополитическими изысканиями. Работы Пасхалова содержали в первую очередь сильную критическую составляющую. Тем не менее его наследие представляет определенный интерес.

Вот основные моменты полемики между Пасхаловым и Шараповым, предшествовавшей их совместной работе над брошюрой «Землеустроение или землеразорение?» Пасхалов поместил в газете «Русская земля» статью, отражающую его отношение и к общей ситуации в стране, и к реформе Столыпина: «В настоящее время в Государственной думе обсуждается закон 9 ноября 1906 г., грозящий разгромом всего строя деревенской жизни, которой принадлежит 9/10 ее населения. Отличительное качество всех законопроектов последнего времени заключается в ясно выраженном стремлении навязать стране новые государственные и общественные отношения, которых она не хочет, не просит, и в которых не нуждается… Закон 9-го ноября, последствия которого могут оказаться наиболее гибельными для государства, появился как мера пресечения возможности повторения разбоя и разгрома, которому в 1905–1906 годах подверглись землевладельческие усадьбы, каковой разгром был окрещен именем «аграрного движения», а причины его были приписаны малоземелью и недостаточному развитию у крестьян уважения к праву собственности, этот же недостаток объяснялся тем, что крестьяне не владеют своей землей на праве личной собственности. Отсюда вывод – уничтожить общинное землевладение и произвести крестьян в мелких личных собственников… Во-первых, для нас, деревенских жителей, было совершенно ясно, что разгромы землевладельцев были вызваны вовсе не «аграрными» причинами, которые были только предлогом, а подстрекательством каких-то агентов проклятого «освободительного движения», какими произведены бунты и беспорядки в войсках, флоте и городах... Во-вторых, надо до поразительной наивности не знать крестьянина, чтобы вообразить, что он не признает надельную землю своею неотъемлемою собственностью, а потому и не дорожит… Как раз наоборот, чувство собственности развито у крестьян до болезненности, до неодолимого упорства, до несправедливости. За каждый клочок земли, который крестьяне, справедливо или несправедливо, считают своим, они стоят горой…»

Особые возражения Пасхалова вызывали те статьи закона, которые общую собственность семьи на землю заменяли личной собственностью главы семьи: «Никакие соображения о пользе личной собственности не могут оправдать ограбления семьи в пользу одного старшего в данное время ее члена. И все благоразумное крестьянство действительно возмущено этой вопиющей несправедливостью…»

А вот отношение Пасхалова к общине и к политике правительства: «Да не подумают, что я выступаю в защиту общины. Моя

цель иная – указать, какими отчаянными скачками, противными всякой последовательности, логике и здравому смыслу, идет наше государственное строительство.

Пример: 3 года назад в манифесте от 26 февраля 1903 года написано: «В основу сих трудов положить неприкосновенность общинного строя крестьянского землевладения… Как же могло случиться, чтобы уклад народной жизни, еще, можно сказать, вчера считавшийся столь благодетельным, что вызвал «непреклонную решимость» его сохранения, ныне является настолько зловредным, что то же правительство законом 9-го ноября стремится очевидно не к облегчению выхода крестьян из общины, а к конечному ее искоренению?»

Пасхалов предупреждал об опаснейших последствиях реформы, предлагаемой Столыпиным: «Что последствия указа 9-го ноября поведут действительно к обезземеливанию, можно видеть уже из теперь совершающейся бойкой торговли наделами. А ведь на каждого скупщика... придется, даже в пределах, допускаемых законом, 4–5 обезземеленных... Указ «прежде всего нарушает законное право общины на землю, и в этом-то – его главная опасность и несправедливость... Закон 9-го ноября есть первый удар лома в фундамент народной жизни, заостренный несообразным обвинением общинного русского быта во всех несчастиях».

Пасхалов говорит об особенностях сельскохозяйственного производства, ставящих эту отрасль в невыгодное положение по сравнению с промышленностью: «Во-первых, капитал, вложенный в земледелие, может обращаться только один раз в год, тогда как во всяком другом предприятии он может сделать 2, 3 и более оборотов. Во-вторых, продукты обработки земли и сельского хозяйства подвержены по большей части порче и требуют потому срочного сбыта... и в-третьих, доход от сельскохозяйственной промышленности... находится в полной зависимости от атмосферических явлений... Вследствие этих неустранимо-невыгодных условий, сельский хозяин не в состоянии конкурировать в высоте заработной платы с фабрично-заводской промышленностью... Все стремится в города, на фабрики и заводы, что облегчается еще дешевизной и быстротой сообщения, и деревня положительно оголела. Да, трудно, очень трудно при таких условиях заниматься с успехом земледелием, но община ли в том виновата, она ли создала такое положение? Не ясно ли, что это суть плоды правительственной политики? В 1891 году впервые было произведено распределение казенных средств среди голодающих, что развращает население и дает возможность наживы для нечистых рук».

Не согласен Пасхалов и с тем, что Россию часто называют нищей страной, отвлекаясь от того, сколько денег ходит в ней на алкоголь: «Можно ли считать разоренным и нищенским государство, которое... может выносить бюджет в 2,5 миллиарда рублей, а население его пропивает чуть не миллиард и имеет миллиардный кредит у еврейских капиталистов, конечно, не хуже наших петербургских руководителей осведомленных, в состоянии ли будет наша «полуголодная» страна исправно уплатить занимаемые капиталы и проценты на них?».

Шарапов по поводу закона 9 ноября 1906 года и обратился с открытым письмом к Пасхалову. Ответ Шарапова свидетельствовал о полной утрате этим выдающимся мыслителем веры в возможность прижизненного торжества его идей.

«Вы правы: ломают самый фундамент народной жизни… Остается слабая надежда, что из всего этого ничего не выйдет... Средств не хватит, да и народная психология ведь не куча же мусора! Она за себя еще постоит. Сейчас народ только начинает понимать подмену семейной собственности личной, подмену великорусской «улицы» одиночным заключением на хуторе…

Неужели, спрашивают, я, славянофил, не понимаю всего необъятного значения произведенной реформы? Очень понимаю и это значение, и все страшные опасности грозящие России… Ведь, во всех областях своей жизни, своего государственного строительства Русский народ ищет не голой материальной пользы, не правды и справедливости формальной, а того, что его очень чуткая совесть называет правдой Божией. За тысячу с лишком лет своей государственной жизни Русскому народу в лице его господствующего великорусского племени удалось, худо или хорошо, но устроиться именно по правде Божией, ее положить и в основу семьи, и общества, и государства; и везде эта правда Божия, эта живая совесть проявляется не иначе, как в виде соборном или хоровом. Здесь Русский человек стоек и могуч, вне этого грешен, жалок и слаб... Община, если в нее хорошенько всмотреться, окажется таким же чисто нравственным организмом, как и семья. Но организмом высшего порядка. И здесь правда Божия на первом плане, но соборное, хоровое начало развертывается гораздо шире и властнее. Правда Божия, имеющая своим органом мирскую совесть, имеет в общине два могучих орудия: мирское равнение и мирской суд. Первая задача той Божией правды, которую ищет всегда русский народ и которая так недоступна г. Столыпину – это, чтобы отдельная личность и отдельная семья не превозвышались, т.е. не уходили слишком вперед, и не падали, т.е. не отставали. Разбейте общину, уни-

чтожьте мирское равнение и тотчас же начнется то, с чем всю свою историю борется Великоросс. Сильные семьи под влиянием греха жадности овладеют землею и трудом слабых. Слабые и больные семьи погибнут в борьбе и обнищают. Плотная и почти однородная масса семей дифференцируется и получится земельная буржуазия на фоне голодного пролетариата. Правда Божия улетит на небеса, а на земле явится острый и никакими формулами не разрешимый социальный вопрос… Таков смысл крестьянского равнения! Но еще большее значением имеет мирской суд... эта бессознательно сияющая иногда Божия правда не может быть вырвана из жизни, не может быть выкрадена из деревни.

Не из-за отсутствия воды, не из-за страха перед разными бродягами и тем более, не по лени, садился Великоросс Большими деревнями, а ради вот этого мирского суда, ради торжества общественной совести и Божией правды… Тысячу лет жили вместе, срослись локоть к локтю, выработали удивительное миросозерцание, удивительную этику, оригинальнейшие правовые воззрения, до которых Римскому праву так же далеко, как аероплану до вольной птицы, выдержал не только татарскую неволю, крепостное право, «литовское разорение» и французское нашествие, но, – шутка сказать! – Петербургский период с его великими и малыми реформами, – и не разбежались, не передохли все до единого, а живы и здоровы вплоть до благополучного 1909 года и стоят перед г. Столыпиным в полном составе, снявши по-старому шапки и недоумевая, с чего это его высокопревосходительству вздумалось отнимать у них «улицу» – университет и клуб, ломать тысячелетний мир и расселять, точно латышей каких-нибудь, прости Господи... Община – это наша культура, а разделение на хутора – падение и одичание... Сейчас деревня истощена поразительно, истощена государственной финансовой системой, останавливающей всю жизнь в стране, обессилена духовно ужасной постановкой Церкви, развращена и ограблена винной монополией..., иссушена отсутствием народных по духу интеллигентных сил. Держится деревня, не разбегаясь, только чудесами взаимопомощи, только поразительной организацией экономического самострахования. Господа из Петербурга этого даже и представить себе не могут».

А картина взаимопомощи рисуется Шараповым действительно впечатляющая: «Если бы сделать учет всех этих предметов от иглы и наперстка до ступы для конопель и от поперечной пилы и бурава до чернильницы с пером, Вы бы увидали, что лишнего ничего не осталось, что есть у всех домохозяев во всех дворах только столько предметов, сколько нужно для всей деревни, и эти предметы по-

стоянно в ходу... Четвертая часть дворов у нас по тем или иным причинам бедствует, половина во всяком случае слабых. Однако никто не закрывает хозяйства, община всех вытягивает. Вытягивает не столько прямой помощью, – это прежде было, – сколько своей массою и отчасти нравственным воздействием: нельзя не идти на работу, когда все идут».

Согласившись с Пасхаловым в общей оценке реформы Столыпина, Шарапов переходит к своим с ним несогласиям.

«Наше короткое лето и холодная зима – плюс это или минус? Думаю, что плюс – просто нужно организовать зимний труд крестьянина… Вся земледельческая культура на севере. Вот, Канада, Швеция с Норвегией, вот, Финляндия. Вот, наши лучшие места: Вологда, Вятка, Пермь, Сибирь. Чем южнее спускаетесь, тем климат благоприятнее, а благосостояния и довольства меньше, человеку живется хуже. И, наконец, самая жалкая нищета – под экватором… Не могу согласиться с Вами, чтобы развитие промышленности, хотя бы крупной, само по себе могло приносить вред земледелию, как и введение всеобщей воинской повинности. При современном росте населения земледелие в огромной полосе Европейской России уже не может занять собою производительно всех наличных рабочих рук. Очень значительное их количество остается лишними и совершенно естественно идут на заработки. Если в сельском хозяйстве оказывается зачастую недостаток рук, то происходит это вследствие безобразно обесцененной в экономиях рабочей платы… Вина здесь лежит главным образом на нашей денежной системе создающей у нас денежный голод, обесценение продуктов, обесценение труда, непомерное возрастание долговой тягости и всеобщую нужду и разорение... Не могу с Вами согласиться в аргументации Вашей относительно нашего якобы «благосостояния», когда «2,5 миллиарда целая треть денежного оборота мужика пойдет на казенный платеж в той или иной форме… Да неужели Вы не видите, что с точки зрения экономической самостоятельности крестьянская Россия находится в полном смысле слова в крепостном праве у государства, у целой армии ростовщиков, без которых, за отсутствием правильно организованного кредита, населению пришлось бы очень плохо... Да, Россия разорена и не будем об этом спорить...»

Шарапов заглянул и в исток реформы Столыпина: «Откуда взялся закон 9 ноября? Кто публично высказал первое слово о насильственном упразднении общины?

Если не ошибаюсь, сделано это было на первом Съезде Земледельцев в Москве в момент начала аграрных беспорядков, осенью

1905 года. Сбежавшиеся на съезд перепуганные землевладельцы, видя развивающееся брожение в народе, видя, как легко зажигают наезжие агитаторы темную крестьянскую толпу на сходах, обвинили именно крестьянскую общину, охарактеризовав ее как гнездо социально бунтовских инстинктов. С перепугу добрым людям показалось, что община и бунтующая толпа одно и то же...

Это мнение, при всей его непродуманности и вздорности, охватило наши земледельческие круги и нашло отголосок в правительственных сферах... Новое правительство г. Столыпина ухватилось за эту мысль о ликвидации общины тем с большим жаром, что сюда примешивались и политические соображения. Крестьянство, которому в первых двух Думах была дана столь широкая роль, ожиданий правительства не оправдало. Растерявшиеся и совершенно незнакомые с русским народом руководители внутренней политики нашего времени решили действовать в двух направлениях одновременно: с одной стороны, было решено бросить крестьянству несколько подачек, чтобы его задобрить и заполучить мужицкие голоса на выборах; с другой стороны, придумали весьма действительную меру – расколоть доселе единый и прочно слитый крестьянский мир, вырвав из него искусственно те единицы, которые имеют тяготение к личному землевладению и чувствуют себя тесно в общине... Отсюда ясно, что значение закон имеет чисто политическое».

Шарапов возлагает вину за бедственное положение России на класс помещиков и интеллигенцию: «Мы считали себя хозяевами России, солью ее земли, просвещенным классом и смотрели на крестьян, как на темную силу, как на низшую расу, вечно голодную, вечно пьяную, ленивую и некультурную. А эта темная сила, со своей стороны, смотрела на нас со смешанным чувством зависти и жалости: зависти к нашему внешнему просвещению и благосостоянию, жалости к нравственному одиночеству и убожеству. Одни славянофилы во всем объеме понимали сущность совершившегося великого раскола и ясно сознавали всю печальную будущность как народа, лишенного своей интеллигенции, так и несчастных “нас” в роли иностранцев среди своего народа, ничем с им не связанных и его не понимающих».

Да, после принятия закона 9 ноября «индивидуализм и начало права грозят победить соборность и начало правды...

Земельная община была последней перегородкой, отделавшей в Великороссии крестьянина от других сословий и вместе с тем последним прибежищем старых русских исторических идеалов. С ее крушением эти идеалы делаются не живой скрытой си-

лой, способной к возрождению, а достоянием археологии вместе со всякими курганными находками и старыми манускриптами. Рушится целый мир, многогранный и сложный, и вместе с ним сходит со своей исторической арены носитель погибающего мировоззрения – Великорусское племя. Оно не исчезает, разумеется, как известная сумма индивидуумов, но оно теряет свою главенствующую роль в Русском государстве и растворяется в ту же людскую пыль, как и остальные племена, составляющие современную Русскую империю...

Взгляните, по какой схеме строилось старое Русское государство.

Фундамент. Семья, семейная соборность, семейное землевладение. Строжайший учет труда всех членов. Зародыш обычного права.

1-й этаж. – Сельская община. Деревенская соборность. Общинное землевладение. Мирской суд. Мирская совесть. Мирское воспитание (улица). Мирская гарантия от обезземеления. Мирская взаимопомощь. Мирское равнение. Строжайший учет общественного труда. Торжество обычая и нравственных понятий над юридическими нормами.

2-й этаж. Церковная и земская община. Приход как земская единица. Церковь, охватывающая и проникающая земщину. Земское самоуправление – спаситель и воссоздатель государства в 1613 году.

3-й этаж. Зачатки областного самоуправления.

Вершина. Царское самодержавие. Государство – функция Церкви. Соборность церковная государственная. Государственный характер землевладения. Поместное верстание.

По этой схеме собиралась Русь. С Петра начинается ломка сверху и раздвоение общественного и государственного идеала. Верхи сдаются Западу. Самодержавие обращается в абсолютизм. Церковь падает до «ведомства». Самоуправление замещается бюрократией. Устанавливается частная собственность на землю и крепостное право. Упраздняется приход. Остается 1-й этаж – сельская община и фундамент – семья. Закон 9 ноября увенчивает 200-летнюю работу ворвавшегося к нам западного начала и разрушает как общину сельскую, так и крестьянскую великорусскую семью.

Прошу особенно отметить, что я вовсе не идеализирую практического осуществления приведенного здесь уклада. Я привел только его теоретическую схему. Практика уклонялась от него безнадежно далеко...

А идеал, если и не был ясно выражен в сознании, зато лежал в каждой русской душе – от чернопашенного мужика и кабального холопа до патриарха и Царя; и этот идеал «жизни по-Божьему», «правды Божией», воплощавшейся в «правде мирской», «правде соборной», был так могуществен и велик, что совершенно оправдывал ту непомерную, казалось бы, национальную гордыню, которая проникала весь смиренный Русский народ и заставляла его называть свое государство «Святой Русью», а его центр – Третьим Римом…

С Петра Россия вступила на новый путь. Она стала членом европейской семьи народов, но вступила в эту семью не облеченной в свои величавые национальные ризы, не носительницей собственного бытового, земского и политического идеала, не в качестве равной в среду равных, а жалкой ученицей, нищей духом, убогой разумением. Прикоснувшись к западному просвещению, ослепленный блеском западной цивилизации, ее правящий слой переполнился отрицанием и ненавистью к своему национальному и, вводя новые начала, переделывая Русь на Европу, принялся усердно истреблять и гасить начала свои. Произошел великий раскол – на Русь народную и Россию правительственную и общественную, мало-помалу разучившиеся даже понимать друг друга. Началась глухая борьба двух начал, последнюю стадию которой довелось переживать нашему поколению. У народа не оказалось своей интеллигенции, которая встала бы на защиту его начал, его верований и идеалов. И, вот, наконец, дружным напором правящих классов взята последняя цитадель народной России – обособленность крестьянского сословия.

С этой точки зрения принятие значительным большинством Государственной Думы закона 9 ноября является одним из характернейших фактов не только русской, но и мировой истории. Сколь ни было искажено за последние 200 лет понятие Русского Самодержавия, до 17 октября Верховная Власть... хранила более или менее мистическую связь с народными массами... Довольно было войти в русскую жизнь чуждому ей парламентарному началу... как уже Россия общественная, Россия европейская спешит нанести последний удар России народной, России самобытной…

Посмотрите, с каким апломбом говорит с высоты нашей новенькой парламентской «трибуны» высокопоставленный автор закона 9 ноября (считающий его «осью своей политики»): «... необходимо дать крестьянину свободу приложения своего труда к земле,.. необходимо дать ему свободу трудиться, богатеть, распоряжаться своей собственностью. Надо дать ему власть над землею, надо избавить его от кабалы отживающего общинного строя…

Неужели не ясно, что кабала (!) общины, гнет (!) семейной собственности является для 90 миллионов населения горькой неволей?..

Правительство ставило ставку не на убогих и слабых, а на крепких и сильных».

Ведь это – победный гимн индивидуализму и земельному кулачеству...

В начале моего письма я еще отдавал некоторую дань моей старой и крепкой вере в русский народ. Но, раздумывая над его судьбами, лицом к лицу с бегущими событиями, приходится убеждаться все более и более в беспомощности и беззащитности этого несчастного народа... По-видимому, спасения нет... будем решать уже новую задачу: каким образом победительница, «обновленная Россия» начнет искоренять из сознания народных масс те начала, которые вырабатывались там за тысячу лет и каждым крестьянским ребенком всасывались с молоком матери? И каким образом народная Россия будет спасать свой привычный строй под дружным напором чуждого государства, общества, науки, закона, властей?

Все это будет предметом дальнейших работ и исследований, а пока попытаемся ухватиться за последнюю плавающую соломинку, будем ждать чуда».

Бутми Георгий Васильевич (1856–после 1917) – экономист, литератор, землевладелец. Родился в дворянской семье, служил в армии, вышел в отставку в чине подпоручика. Во второй половине 1890-х опубликовал ряд работ по проблемам финансов, денежному кризису, сущности золотой валюты и следствиям перехода на нее. Выступал с докладами в Вольном экономическом обществе, в Петербургской Академии наук, на Международном земледельческом конгрессе в Будапеште (1896), на съездах сельских хозяев в различных губерниях России.

Бутми был действительным членом Главной палаты Русского народного Союза имени Михаила Архангела. В 1906 в Петербурге, Казани, Кишиневе (вместе с П.А. Крушеваном) выпустил Русское издание «Протоколов сионских мудрецов», в которых говорилось о всемирном тайном заговоре евреев и масонов (позже это издание осуществил С.А. Нилус). Тогда же сотрудничал в газете «Русское знамя» по валютному и еврейскому вопросам. 1 июня 1917 давал показания Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства об участии в правых организациях и правом движении. О дальнейшей его судьбе сведений нет.

Автор работ: «Конституция и политическая свобода», «Враги рода человеческого», «Россия на перепутье и Кабала или свобода?», «Шулер», «Оружие английской внешней политики», «Франмасонство и государственная измена», «Земля Божия», «Государственная дума или Земский Собор?», в которых анализирует систему государственного управления и прогнозирует судьбу России. Избранные сочинения Бутми изданы в 2005 году[35].

Как экономист стал широко известен после издания книги «Золотая валюта» (сборник статей и речей). Она вышла до революции тремя изданиями в России [два первых были озаглавлены «К вопросу о денежной реформе (Соображения сельского хозяина)»] и двумя изданиями – в Германии (в 2000 году она переиздана в Санкт-Петербурге).

Статьи и речи, включенные в книгу, посвящены проблемам, возникшим в связи с переходом России на золотую валюту, осуществленному министром финансов, впоследствии премьер-министром С.Ю. Витте. Бутми предсказывал, что переход от серебряного рубля к золотому «неизбежно увеличит бремя внешней задолженности России, определяющей степень экономической зависимости нашего Отечества от международной биржи». Внутри же России он «вызовет тяжелый сельскохозяйственный кризис, а за ним, как его следствие, критическое положение промышленности, нормальное развитие которой невозможно будет при отсутствии спроса на продукты ее производства со стороны разоренного сельского населения». И уже вскоре он мог с прискорбием констатировать: «С того времени практика экономической жизни оправдала наши мрачные предсказания в большей мере, чем мы того ожидали».

Суть проблемы заключалась в том, что после замены системы биметаллизма монометаллической, серебро перестало быть деньгами, общее количество денег сократилось вдвое. Товаров же осталось столько же. Деньги по отношению к товарам стали вдвое дороже. И тот, кто владел 100 000 фунтов стерлингов и остался владельцем этой суммы, стал вдвое богаче. А тот, кто был должен ему 100 000 фунтов, удвоил свой долг.

Какое же главное следствие этого? «За тот же денежный долг приходится расплачиваться двойным количеством товаров – двойным количеством произведения труда». Выиграли те, кто дает деньги взаймы – банкиры, проиграли те, кто пользовался кредитом, а это почти все производители товаров. Ведь из всей массы

35 См. Бутми Г. Кабала или свобода. Под ред. и с предисл. О. Платонова. М., Алгоритм, 2005.

денег, обращающихся в мире, лишь ничтожная часть представлена золотом, а вся остальная денежная масса – это бумажные деньги, векселя, акции и пр., то есть представляет собой чьи-то долги. Вся сумма денежного богатства банкиров почти полностью составлена из долгов остального человечества. Но банкиры – это почти сплошь евреи. Этот народ занимается ростовщичеством с незапамятных времен и исполняет закон Моисея, обещавшего, что евреи будут давать другим взаймы, и это даст им власть над миром. С переходом на золотую валюту почти во всех странах мира разразился кризис. «Рядом с магазинами, переполненными хлебом, никому не нужным, население питается суррогатами, а то и мрет с голоду, не зарабатывая достаточно, чтобы купить хлеба. А хозяин, производящий хлеб, не в состоянии нанять рабочих для дальнейшего производства…

Среди общего кризиса, за неимением выгодного применения, капитал накопляется в банках, довольствуясь ничтожным процентом. Он находит здесь два преимущества. Во-первых, он ускользает от неизбежных потерь в торговле и промышленности. Во-вторых, в то время, как вокруг него все приходит в упадок и падает в цене, его потребительная сила растет… Угрожаемый неизбежными убытками, если он вздумает действовать, уверенный в прибыли, если он останется неподвижным, капитал извлекается из обращения и отказывается от производства… Цены падают, потребление понижается; сбыта нет; машины гасят огни; рабочие остаются без работы. Получается общий застой, неправильно приписываемый то перепроизводству, то иностранной конкуренции».

В действительности же не хватает денег, этого посредника в обмене товарами. Как железная дорога не сможет перевезти все предъявляемые к перевозке грузы, если нет достаточного количества вагонов, так экономический организм не в состоянии обеспечить питание всех своих органов из-за «малокровия».

И это «малокровие», нехватка денег в экономике, созданы искусственно в интересах тех, кто владеет золотом. И самые большие выгоды от возникающего отсюда неэквивалентного обмена получает та страна, которая является мировым центром финансов. На рубеже XIX–XX веков такой страной была Англия.

Бутми напоминал, что военно-морской флот России намного слабее английского. «Для развития значительного морского могущества… необходимы, прежде всего, три главных условия: деньги, деньги и деньги. Эти деньги – мы сами отнимаем их от себя и отдаем их Англии. Англия является кредитором мира на сумму, превышающую 100 миллиардов франков золотом. Все человечество платит

Англии ежегодно, в виде процентов, свыше 300 миллиардов франков мирной контрибуции. Все человечество платимыми процентами дает средства на сооружение и содержание английского флота – приносит дань на упрочение морского могущества Англии.

Как кредитор мира, Англия озаботилась о том, чтобы все народы были обязаны платить ей проценты самой дорогой монетой в мире – золотом. Кроме того, английские банкиры заботятся о том, чтобы золотая валюта распространялась, спрос на золото возрастал, и золото становилось из года в год дороже. Это выгодно Англии потому, что народы только обязаны платить проценты золотом, но, в сущности, платят их товарами…

Державы, которые хотят сравняться в морском могуществе и торговом значении с Англией, принимая золотую валюту, способствуют лишь росту могущества и богатства Англии и разоряют свои народы, то есть действуют в направлении, прямо противоположном предначертанной цели».

Но, говоря об Англии, не следует забывать, отмечает Бутми, что и в этой стране «львиная доля капитала находится в руках еврейских банкиров, на грудах бескровных жертв голода воздвигается золотая цитадель позорного иудейского владычества».

Бутми задолго до Кейнса указал на возможность стимулирования экономического роста путем контролируемого выпуска дополнительных бумажных денег.

Бутми много способствовал пропаганде противников золотой валюты, хотя он не поднимался до той высоты теории, как С.Ф. Шарапов или А.Д. Нечволодов.

Ю.Г. Жуковский после отставки с поста управляющего Государственным банком занимался в основном литературной деятельностью.

Принято считать главным сочинением Жуковского книгу «История политической литературы XIX века», оставшуюся неоконченной (вышел только первый том, 1871 г., но и тот было запрещено приобретать для библиотек; выпустить второй том, где шла речь также и о социалистах, не позволила бы цензура). А о его книге «Деньги и банки» (СПб., 1906) упоминают мельком. Это объясняется тем, что, во-первых, при жизни автора действительно разбор теорий текущего века казался крайне актуальным, а во-вторых, незаинтересованностью правящих кругов в разоблачении финансовых махинаций международного финансового капитала, посредством которых происходило ограбление России Западом. Но в наше время вопросы истории политических теорий стали представлять интерес

лишь для узкого круга специалистов. А книга «Деньги и банки» позволяет глубже понять механизм экономического закабаления предреволюционной России иностранным финансовым капиталом. Свидетельства Жуковского в этих вопросах особенно ценны, потому что это суждения не журналиста, а серьезного финансиста, и ему можно верить именно потому, что он несколько лет возглавлял Государственный банк России.

Жуковский раскрыл механизм разрушения финансовой системы. «От Государственного банка отсекли отдел, занимающийся обеспечением внешнеэкономической деятельности частного сектора. Госбанк стал вести только операции, касающиеся казны. Но собственно торговля была всецело лишена его услуг, вся масса оборотов частных лиц, торговли и промышленности была сосредоточена всецело в руках частных банков и банкирских контор». Из 40 акционерных банков (из них 9 петербургских и 4 московских) собственно русскими (и то условно) были только два: Волжско-Камский и Торгово-промышленный, отнюдь не самые крупные, остальные были еврейскими. При этом нерусские банки не имели отделений в провинции, потому что в их задачу не входило содействие развитию экономики регионов, вообще производительных сил, они занимались исключительно валютными спекуляциями, в которых поднаторели с незапамятных времен. Деньги всей России шли в Петербург, где промышленность и торговля были ничтожны по сравнению с Москвой, а тем более со всей Россией. Работал насос, высасывавший деньги из страны, не давая ей по-настоящему развиваться, и перекачивавший их за рубеж (совсем как ныне Москва обескровила экономику остальной России).

Естественно, сразу же появилась, особенно в Петербурге, армада нерусских частных банков, играющих на курсе российского рубля, началась игра на русском рубле и на заграничных биржах. При этом частные петербургские банки действовали согласованно с берлинскими банками. А форма балансов этих банков была умышленно запутана, чтобы со стороны в их деятельности невозможно было разобраться (по сути, велась двойная бухгалтерия, но правильный баланс был недоступен российским контролирующим органам). Ну а кто контролирует денежные потоки, тот и хозяин экономики страны. Поэтому при впечатляющих цифрах роста доли русского капитала в стране ее экономика в начале XX века фактически контролировалась иностранным капиталом.

С введением размена бумажных денег на золото золотые деньги уходили из страны, оставляя взамен макулатуру. И России приходилось занимать золото у тех стран, куда оно утекло.

Таким образом, Государственный банк, созданный для упрочения кредитного обращения, был лишен всяких средств к тому, хотя в нем и были сосредоточены выпускные операции. Он оказался в положении послушного исполнителя нужд правительства, которые вызвали последовательно увеличение суммы кредитных билетов и вследствие этого дальнейшее расстройство денежного обращения и упадок русской валюты.

Государственному банку удалось кое-что сделать в устройстве частного кредита. Он открыл около 100 местных отделений и контор, создал сеть сберегательных касс, организовал систему перевода денег по почте и телеграфу. Совместно с министерством финансов Госбанк содействовал появлению ряда частных банков коммерческого кредита, обществ взаимного кредита, городских банков и сберегательных товариществ, поддерживал их в трудных ситуациях, а с высочайшего позволения предоставлял исключительные кредиты промышленным предприятиям.

Россия, пишет Жуковский, как бы ожила, но в действительности это был мишурный блеск. Русские были наивны и неопытны в этом новом для них деле. Они о банке судили по величине его оборота, а в большинстве своем вряд ли видели даже настоящий вексель. Чаще всего они обходились обычной долговой распиской. Ссуды им нередко не возвращали, предприятия не окупались – кредиты оказались раздутыми (за счет усиленного выпуска кредитных билетов для нужд войны с Японией).

После войны нужно было убрать из обращения лишние деньги, это понимал министр финансов Бунге. Однако это сделано не было. Масса лишних денег давила на рынок, уходила в дутые предприятия, а оттуда расходилась по частным карманам. Развернулась биржевая игра на курсе рубля, всегда не в пользу России.

Перспективы развития российской банковской системы представлялись Жуковскому весьма мрачными. Трудно было понять, что будут делать девять петербургских банков. Их прежняя роль – курсовых агентов была создана искусственно, отстранением Госбанка от курсовых операций. «Они имели некоторое значение как опора для внешних займов, и только внешних, потому что для всех внутренних займов и конверсий они всегда представляли только муху, которая садилась на рога Госбанка, делавшего все дело. Но и для заграничных займов участие их, стоившее обыкновенно очень дорого, более вредно». Или заграница имеет избыток денег, или нет. Ее сбережения обыкновенно превышают возможности помещения, «и тогда для заключения займов вовсе не нужны агенты и посредники из местных банков, так как для этого достаточно непосредственно

снестись с заграничными банкирами, и даже не нужно этого, потому что они сами являются со своими предложениями». Займы же, когда и на Западе с деньгами туго, «убыточны, и расчеты на них даже бесполезны, потому что такие займы обыкновенно не удаются и, если размещаются, то мало помалу и опять-таки через заграничных банкиров. Во всяком случае, содержать для этого 9 банков было бы совершенно неосновательно».

Жуковский показывает провал планов индустриализации России на частновладельческой основе: «Но если частные банки в Петербурге занимались более спекуляцией, чем правильными операциями коммерческого кредита, поддержкой торговли и пр., то с конечными результатами деятельности постоянно приходилось считаться Госбанку. Как в свое время гнилой портфель Волжско-Камского банка был выметен в Госбанк, так в последнее время Госбанк был формально задавлен кредитами, открытыми на поддержку всякого рода гнилых предприятий, преимущественно металлургических, ликвидация счетов которых должна будет для него разрешиться крупными потерями. Просвещенное министерство Бунге предпочитало мириться с бюджетными дефицитами и покрывать их займами для того, чтобы не отягощать народа лишними платежами, а, напротив, облегчать их по-возможности. Оно рассуждало совершенно справедливо, что только увеличение народного благосостояния может служить серьезным средством увеличения доходов казны, и нечего увеличивать налоги, когда они и без того непосильны.

Иначе действовали два последующих министерства. Вышнеградский (тот самый, который выдвинул лозунг: «Недоедим – а вывезем!». – *М. А.*) обременил страну новыми налогами для того, чтобы исправить бюджет. Он его действительно исправил. При Бунге было легче народу, но была бедна казна, – при новом министре казна разбогатела, но обеднел народ. При Витте продолжалась та же система, с той лишь разницей, что он действовал гораздо смелее. Пришел он с широкими планами, которые ему казались тем легче исполнимыми, что он не обладал ни подготовкой, ни познаниями своих предшественников, а, следовательно, и их сомнениями.

До сих пор Россия была страна земледельческая, и так смотрели на нее другие. Новое министерство должно было сделать ее страной промышленной не менее других, завоевать ей внешние рынки, не говоря о внутреннем. Для этого нужно было насаждать фабрики и заводы и строить железные дороги. Для тех и других нужны были средства, и большие средства. Взгляд министерства по этому пред-

мету первоначально, как оказалось, расходился со всем, что считалось установленным опытом и было общепринято.

Действия министерства открылись правительственной комиссией о банкнотах. Дескать, необходимые для создания промышленности средства мог доставлять Госбанк. Для этого он должен начать выпускать банкноты, только и всего.

Это было сказано в то время, когда Госбанк уже наводнил страну бумажками более чем на миллиард рублей и курс рубля равнялся 60 копейкам. К чести комиссии нужно сказать все-таки, что банкноты не встретили в ней сочувствия, и министерство должно было обратиться к общепринятым способам добывания денег, то есть к повышению налогов и займам. Оно и увеличивало налоги, но еще усерднее увеличивало государственный долг – на полмиллиарда рублей. Было на что строить дороги и создать промышленность. Но, к сожалению, никакой промышленности оно не создало, только возобновило ряд безнадежных, старых, рушившихся или закрывшихся предприятий... Все это были предприятия металлургические, которые правительство поддерживало, пока строились дороги, а строились сперва Сибирская великая дорога, за ней следовали Маньчжурские, строился город Дальний и Порт-Артур и т.д. Но никакой серьезной промышленности не создавалось. Строя железные дороги и целые города на Востоке, Россия продолжала выписывать серпы и косы из-за границы. Немцы, захватившие ранее хлебную торговлю, захватили в свои руки добычу графита и платины, лучшие прииски на Сахалине. И в довершение всего, с окончанием Сибирской дороги, завладели нашей торговлей со Средней Азией и уничтожили нашу Ирбитскую ярмарку.

На свои предприятия правительство выбросило массу денег, что вызвало страшное вздорожание жизни. Опираясь на поддержку иностранной и внутренней прессы, оно вместо насаждения промышленности насаждало только аппетиты легкой наживы, развило биржевую игру ценностями предприятий, преимущественно им поддерживаемых заказами. Но уже в 1895 году почувствовалась близость развязки. Скоро раздался отрезвляющий голос, приглашающий публику беречь карманы. Бумажки повалились, а последовавшее сокращение казенных заказов еще более усилило их падение. Одни предприятия запутывались, другие гибли окончательно. Масса людей разорилась. Но разорение было вынесено на этот раз как-то молча, точно все так и следовало. Тогда, конечно, наступила очередь для Госбанка поддерживать то, что рушилось. Конечно, всякая поддержка вышла только новой, напрасной затратой денег».

В своей книге Жуковский подверг критике ряд положений теории Маркса. При этом он критикует Маркса сначала принципиально, показывая, что его учение продиктовано не соображениями истины, а задачами политической борьбы: «… Во второй половине прошлого века весьма много нашумело учение, находившее правильным исключить вовсе из расчета ценности стоимость капитала, по крайней мере основного, утверждавшее, например, что всю ценность пряже придает работник своим прикосновением к сырому материалу. Учение это, словом, отрицало всякую работу капитала, а вместе с тем отрицало, конечно, всякое право капитала на вознаграждение, объявляло доход, получаемый капиталистом, злоупотреблением, а процент – не имеющим смысла. Само собой разумеется, что автору такого взгляда, Карлу Марксу, не было собственно никакого дела до интересов науки, а нужно было под тем или другим предлогом доказать, что весь барыш от производства должен доставаться одному рабочему. Это можно было бы доказать, только показав, что текущий труд рабочего является единственным производителем ценности, капитал же тут совершенно ни при чем. Но доказать это было вовсе не так легко, а потому Карл Маркс обещал дать доказательство, только со временем, а пока его последователи поверили ему на слово. Однако, как и следовало ожидать, его последователи ждали напрасно обещанного. Карл Маркс так и умер, его не опубликовав. После же его смерти в третьем томе его «Капитала», изданном его другом Энгельсом, оказались такие рассуждения на желанную тему, что ученая Германия только с жалостью покачала головой, и сами адепты Маркса должны были согласиться с тем, что теория учителя нуждается в усовершенствовании. Последнего они, конечно, могут ожидать сколько угодно».

Затем Жуковский переходит к разбору конкретных ошибок Маркса, в особенности его понимание механизма образования средней цены товара и величины ренты. По существу, он был отчасти прав, но для доказательства использовал столь тяжелый математический аппарат, что для большинства современников его мысли оказались непонятными. Истинная ценность книги Жуковского становится понятной только сейчас.

Пик интереса общественности к идеям Жуковского пришелся на семь лет после его смерти, о чем свидетельствует выход четырех его книг.

Книга «Крестьянское дело и общественная инициатива» (СПб., 1911) – это сборник его лучших публицистических статей, в том числе расширенное издание его ранее напечатанной в журнале одноименной статьи, передовицы «Народной летописи», которые

к тому времени уже стали библиографической редкостью, и статья «Из записок современника». В последней из названных статей Жуковский обвинил правящие классы современного ему общества в «заедании чужого хлеба». Так, помещики привыкли смотреть на хлеб, выращиваемый их крепостными, как на свой собственный.

На налоги с крестьян (а налоги платили только податные сословия) – писал он, – содержится вся культура и наука. Каждая машина – плод знания и умственной культуры. Сколько бы ни скопили в наших сундуках монеты, она бы осталась мертвой монетой без науки и знания. Почему же государство не обеспечивает народной массе возможность пользоваться плодами тех наук и художеств, которые на ее счет содержатся?

Говорят, цивилизованные классы везде до того лишены энергии в силу долгой привычки жить на чужой счет, что они никогда не будут способны, во-первых, признать в принципе то, что для них невыгодно, и, во-вторых, действовать в смысле справедливости наперекор своим интересам. Но это не так, дело в личной порядочности и совести человека.

Российская элита смотрела на Европу как на образец. Но «в Европе наука поддерживает цивилизованное общество в заедании чужого хлеба» (вместо того, чтобы ликвидировать этот его долг народу), проповедует «каннибальский взгляд на человеческую природу».

«Европейский человек прошел, так сказать, только половину дороги относительно развития понятия о личной чести. Он узнал, что подло и бесчестно унижаться лично, но подло или нет унижать других, он это еще не узнал хорошенько. Вот почему он остался при том понятии, что его личная энергия должна возбуждаться духом спекуляции, и сомневается еще в том, может ли его энергия возбуждаться чем-либо иным, – тогда как она ничем иным и не должна возбуждаться согласно честному взгляду на вещи, кроме чувства долга, и обеспечиваться общественным мнением.

Европейский человек со своей наукой смотрит поэтому на себя, как на совершенное животное, и остается до сих пор таким, и все потому, что в корне его общественного образования была грубая безнравственность и самый грубый из материализмов.

Мы получили наши понятия о личной чести с того же Запада и дошли в нашем цивилизованном обществе до того же духа спекуляции – выезжая на том же коньке или принципе, на том же учении о личности», будто это некий неизменный закон природы.

Запад нас стыдил отсутствием личного начала в нашей истории, обзывал наш строй жизни азиатством. «Русский кнут и китай-

ская бамбуковая палка были общими педагогами, которые одинаково стирали или убили личность и в русской, и в азиатской истории. Личность в этом смысле противополагалась лакейству, холопству в частном и общественном быту. Научила нас этому пониманию личности идеалистическая философия, которая видела в европейской истории политическую борьбу личности за свои права и достоинство… Антихолопство – вот идеал личного развития, которому учила нас лучшая часть литературы первой половины XIX века. Вот тема, на которую слагались наши герои в наших романах. Все было удобопонятно и ясно в этих идеалах; самый живой тип этих идеалов рисовался для нас в людях западного общества, воспитанных гуманизмом, и слагался для нас из отрицательных качеств… протестантом и героем уже казался нам тот, кто отказывался льстить и холопствовать и осуждал себя поэтому на личное бездействие и праздность». Тут выработалась своеобразная эстетика. «Личность не действовала, а позировала. Чацкий, представитель такого понятия о личном достоинстве, мог ездить всю жизнь по Европе на мужицкие деньги и не заметить, что он соблюдает свое личное достоинство, унижая сотни крестьян, и мог все-таки честить подлецами всю Москву». Это был типичный феодальный взгляд на личность. Признавали только физическое лицо, вышедшее из рук природы (оставив для него телесные наказания), и не признавали еще лицо нравственное, когда за человеком признается право на все достижения культуры «А пока это общество училось только спекуляции, нечего удивляться, если оно не видит настоящего бесчестья ни в заедании чужого хлеба, ни в заедании чужой личности».

Вторая книга – «Население и земледелие», изданная его сыном Н.Ю. Жуковским, тоже содержит немало интересных мыслей. Юлий Галактионович с еще большей убедительностью показывает антикрестьянский характер проведенной реформы: «Недостаточно наделив крестьян выгонами и лесами, реформа вместе с тем лишила крестьянские хозяйства возможности получать достаточное количество удобрения, для правильного хозяйства и повышенных урожаев, а вместе с тем и предрешила неизбежное обеднение известной доли крестьян. Понятно, что в исправлении такого рода вещей и может только заключаться настоящее средство поставить крестьянское хозяйство на надлежащий уровень, что и старается сделать самое крестьянство, покупая и арендуя ближайшие земли».

Из третьей посмертной книги Жуковского – «Промышленность» – видно, что он готовил еще один сильнейший удар по либералам, контролировавшим управление экономикой и финансами

России. В книге доказывается, что положительный торговый баланс, которым гордилось правительство России, – это вовсе не достижение: превышение ввоза над вывозом характерно как раз для развитых стран, а превышение вывоза над ввозом – для отсталых стран.

«Если торговый баланс и складывается в нашу пользу, то только потому, что он не обнимает всех обмениваемых ценностей. Та страна, которая ввозит больше товаров, чем отдает, очевидно, богаче другой и потребляет больше настоящих ценностей, имея возможность производить доплату за этот избыток деньгами. Она, следовательно, богаче деньгами, чем товарами, и предпочитает вместо товаров отдавать деньги, а товары оставлять себе, для собственного потребления… У нее больше капиталов, которые размещены за границей и дают ей возможность получать значительные доходы наличными деньгами», в частности, эксплуатируя колонии.

Жуковский критиковал экономическую политику правительства России: «Вместо того, чтобы продолжать строить (железные) дороги руками казны, для чего у последней был и кредит и сонм обученных инженеров, причем, конечно, такая постройка обошлась бы дешевле и дала бы лучше выстроенные дороги, у нас это дело было сдано в руки каких-то подставных кукол, именовавшихся концессионерами, которые клали пуды акционерных капиталов целиком в свой карман, а постройку дорог передавали плохим подрядчикам и тем же инженерам, предоставляя последним довольствоваться облигационным капиталом, который приобретала для них на свой кредит за своей гарантией казна… Спрашивается, зачем нужна была эта детская игра в частное предпринимательство?». Ответ Жуковского ясен: это считалось признаком прогрессивности, европеизмом. Его возмущало «рабское до смешного и безобразного подражание действительно гнилым приемам Запада» (причем тому худшему, от чего сам Запад отказался).

Точно так же, когда Запад охладел к классическому образованию, российские государственные мужи эту систему переняли. «Если бы мы не увлекались гнилым Западом и придерживались той системы, которая в свое время признавалась нужной и была введена там, где нельзя было играть в образование, а нужна была подготовка практически образованных людей» (горных инженеров, строителей, военных специалистов).

То, что на Западе промышленность должна быть в основном частной, естественно, это объясняется исторически. Но почему Россия должна копировать чужой опыт, строить свою политику на принципах свободной конкуренции?

«Для начала, чтобы создать главную для такой деятельности почву, старые кредитные учреждения были закрыты, а хранившиеся в них частные капиталы выброшены на рынок, где их поторопилась захватить армада частных, почти исключительно спекулятивных, банков, занявшихся прежде всего, конечно, игрой на обесцененный кредитный рубль и, в союзе с германскими банкирами и банками, довели эту игру до апогея после Турецкой войны. Конечно, никакого развития промышленности из этого не вышло. Построилось несколько частных металлических заводов для работы на казну и исполнения временных заказов железных дорог; плохо выстроенные дороги пришлось выкупать в казну.

Министерство Бунге, унаследовавшее последствия указанной европеизации, старалось, по крайней мере, дать возможность вздохнуть податным силам и сколько-нибудь оправиться материально, хотя бы за счет тех ресурсов, какие послала им судьба; но тут оказался недочет в податных средствах, который не позволял сводить концы с концами без ежегодных займов. Последовавшая затем строго фискальная система могла устранить дефициты, но обогатить страну, конечно, нет, а дальнейшие культурные предприятия на востоке (имеются в виду меры, приведшие к русско-японской войне. – *М. А.*) довели народные средства до крайнего истощения.

И вот перед нами стоит полуголодный плательщик с опущенными руками, и мы спрашиваем, в чем твоя особая высшая миссия, русский народ? Неужели только в том, чтобы шагать по забрасываемым западным следам, кормить своим трудом все народы, начиная с немцев, и ронять самого себя. До чего же ты созрел и до чего нет, кто выдумал эту последнюю ложь? Ведь твой немец не дозрел до государства, а ты ему помог устроить у себя государство. Ты не созрел до оседлости, однако царь Борис одним указом довел тебя в этом отношении до зрелости. Понятно, что с такими теориями, как теория особой миссии, да недозрелости, можно никогда ни до чего не дозреть, а эти господа еще хотят уверить, что они любят свое Отечество и что-нибудь смыслят в деле, которым берутся распоряжаться».

В правительстве возлагали надежды на переселение миллионов крестьян из центра России на восток. А Жуковский спрашивал: «Населять Сибирь для того, чтобы она снабжала хлебом Западную Европу, то есть опять-таки благодетельствовать за свой счет немцев?» Он доказывал: нужно не переселение – нужен подъем культуры, нужно правильное соотношение промышленности и земледелия. При этом он оговаривался: «Я не принадлежу к социалистам или социал-демократам, которые полагают, что все задачи общежи-

тия сводятся к тому, чтобы как можно лучше и поровну удовлетворить всех». В жизни действует эволюционный закон, который не в силах изменить никакими рассуждениями. Потребности отдельных организмов в их чувствах наслаждения и страдания – эта пружина развития – направляются не всегда в соответствии с нашими частными интересами.

«Расширение внешних границ с востока на юго-восток, проведение Сибирской магистрали – все эти вещи вполне оправдываются нашими государственными интересами, в смысле создания почвы для развития промышленности внутри коренной Европейской России».

Жуковский много внимания уделял нахождению правильного соотношения рыночных отношений и государственного регулирования экономики. Он не верил российским либералам, уверявшим, что стоит нашу жизнь построить на основе западных ценностей, в особенности на принципах конкуренции, как страна превратится в рай на земле. По его мнению, как раз опыт Западной Европы и США свидетельствовал об обратном: «Конкуренция ведет только к лишним тратам сил и богатств, к взаимному обману, плутовству, наживе незаконными средствами, не к удешевлению товаров, а к их фальсификации». А в конце концов конкуренция сама порождает собственное отрицание – монополию Вандербильдов и Рокфеллеров.

«Но, – отмечал он, – и государство не может охватить все», контролировать розничную торговлю и пр. «Да, но почему бы ее не отдать потребительским обществам, местным властям?» В Петербурге, например, вся торговля мясом монополизирована двумя магнатами. И вообще – «вся наша торговля у монополистов – бесконтрольных и дорого стоящих обществу». И в акционерных обществах всем распоряжаются администраторы. Оптимальную меру сочетания рынка и вмешательства государства в экономику может подсказать только практика.

«Напрасно думать, что на свете существует один стимул – стимул наживы. Кроме него есть стимулы самолюбия и честолюбия», соображения общественной пользы и долга. И вообще в экономике главное – учет психической природы человека, нравственного фактора.

В России есть Общество покровительства животным. Не пора ли завести такое же общество и для защиты людей? – спрашивал Жуковский.

Еще раз обратив внимание общественности на то, что немцы уже захватили в свои руки торговлю в России со степью и югом, что

привело к упадку Ирбитской ярмарки, Жуковский напоминал: «Раньше иностранную торговлю хлебом вели наши собственные фирмы. В период беспримерной игры на кредитном рубле они кончили тем, что отказались от такой торговли. Вместо экспортера явился Кенигсберг, конторы которого перевели всю хлебную торговлю на западную границу и захватили в свои руки». А русский негоциант, когда Жуковский предложил ему помощь Государственного банка, отказался конкурировать с западными фирмами.

И Жуковский формулирует свое понимание путей развития экономики России: «Сырье перерабатывать у себя», ведь стыдно, что Петербург покупает меха у Лейпцига (которые поступают туда из России). «Собственная переработка своего сырья – вот та формула, на которой должна быть построена вся наша промышленная будущность…»

В этом деле он нашел место и помещикам, оставшимся без дела после отмены крепостного права: «Землевладельцы должны вступить на путь торговли и промышленности, служения своей стране». А чтобы грамотно вести государственное и народное хозяйство, страна должна располагать хорошей статистикой.

Жуковский выступал не против индустриализации России (напротив, он был решительный ее сторонник), а против однобокого развития промышленности, за пропорциональное развитие всех отраслей экономики, за первоочередное развитие тех производств, которые избавили бы страну от неоправданного импорта: «Если вместо плавки чугуна правительство обратит внимание на выделку кровельного железа и производство кос, серпов и пр.», то в стране вырастет общий спрос, будут полнее удовлетворяться нужды мало развитого населения.

Нужно ли ждать, пока страна созреет для разностороннего развития экономики? «Если бы Владимир Святой стал спрашивать, созрели ли мы для усвоения учения Христа, то, может быть, мы и до сих пор были бы язычники». Точно так же не ждал «созревания» России и Петр I.

Жуковский допускал, что «круговая порука и общинное пользование землей… так же уничтожится, как оно пропало на Западе». Он умер с ощущением, что «современное общество еще не нашло той формы хозяйства, на которой могло бы успокоиться».

В книге «XIX век и его нравственная культура» (Спб., 1909) Жуковский полемизирует с социалистами и призывает: «Вообще будем помнить, что человек, по своей природе, таков, как он есть, существо не совершенное, а только совершенствующееся, почему, как таковой, он может создать общества только не совершенного

типа и могущие совершенствоваться столь же медленно, как он сам». Капитализм – естественный этап развития общества, когда он исчерпает себя, то разрушится сам. На данном этапе его развития капиталист уже не заинтересован в неграмотном, голодном, забитом рабочем. Развитие внутреннего рынка возможно лишь при достаточном уровне благосостояния рабочих. Немедленное установление социализма невозможно, и пока интересы рабочих возможно защитить только законодательным путем, правительственным вмешательством.

Жуковский не создал законченной экономической теории, но и критика им либеральной школы политической экономии, и те положительные начала, о которых он в силу цензурных ограничений вынужден был говорить эзоповым языком, окажутся полезными при выработке современной науки о законах развития народного хозяйства.

В рассматриваемый период П.В. Оль вел активную борьбу против перехода России на золотую валюту, выступая как самостоятельно, так и в соавторстве с Шараповым.

В работе «Россия в мировой борьбе за золото» Оль проанализировал проявления кризиса, охватившего экономику России, показал несостоятельность их объяснений правительственными чиновниками и невозможность его преодоления без устранения первопричины. Вот несколько положений из этого его труда:

Оживление торговли и промышленности (в немалой степени связанное с подготовкой к войнам начала XX века) вызвало рост спроса на деньги. Но легко можно было увеличить количество бумажных денег, а с переходом на золотую валюту это стало невозможным, поскольку количество золота ограничено. Оль пишет: «С введением у нас золотой валюты установилась тесная связь между нашим денежным рынком и международным. Россия от этого лишь проиграет, так как, будучи страной слабой экономически, с неблагоприятным расчетным балансом, она будет лишена возможности естественным путем расширять свое денежное обращение и придавать ему необходимую эластичность, а во время денежных кризисов на международных рынках, равно как ежегодно осенью, при усилении всюду спроса на деньги, будет испытывать сильнейшее стеснение в деньгах и подвергаться опасности потерять свое золото. Полная несостоятельность нашего нового денежного обращения, не только оказавшегося в состоянии снабдить страну необходимым количеством меновых знаков, но потребовавшего для своего спасения усиленных забот нашего финансового ведомства. Огромная внешняя задолженность, дальнейшее сокращение наше-

го бумажного денежного обращения и сопротивление расширению учетно-ссудных операций посредством повышения учетного процента Государственного банка. Кредитные билеты стягиваются в кассы Государственного банка в обмен на золото. Золото уходит из касс, кредитные билеты сжигаются. Свободные средства банка сокращаются, что и побуждает банк ограничить учетно-ссудные операции. Это ложится тяжелым бременем на экономическую жизнь страны и приводит к разорению. Но что делать! Этого требует золотая валюта, которая, по заверениям ее насадителей, должна была доставить нам средства для расширения кредита, которых якобы не могла дать наша прежняя денежная система».

Усиленный вывоз хлеба осенью, несмотря на неудовлетворительный урожай прошлого года и голод в приволжских губерниях, Оль сравнивает с принесением человеческих жертв. Эти меры еще более ухудшают положение России: «Единственными средствами покрытия сильно возросшего и без того огромного сальдо нашего расчетного баланса остаются: перепродажа в Париже все вновь выпускаемой государственной ренты и привлечение иностранных капиталов в промышленность посредством распродажи естественных богатств и предоставление иностранцам эксплуатации нашего дешевого народного труда. Этими средствами пользуются во всю».

В конце XIX века денег в обращении на душу населения в России приходилось в три раза меньше, чем было в 1853 году. В стране ощущалось страшное безденежье, отовсюду слышались жалобы на истощение оборотных средств. Нехватку денег испытывали не только сельские обыватели и мелкие торговцы, но и крупные предприниматели. Оль разоблачает обманный характер официальных данных, на основе которых правительство пыталось успокоить общественное мнение. И вот его общий вывод: «Золотая валюта была слишком неудачным опытом, который при нежелании его вовремя прекратить грозит на наших глазах закончиться великой экономической катастрофой».

Не удивительно, что совместно с главным противником этой финансовой авантюры С.Ф. Шараповым Оль, как уже отмечалось, написал работу «Как ликвидировать золотую валюту?». В числе предлагаемых ими мер были:

1) понижение курса рубля, которое обеспечило бы нормальные условия для развития сельского хозяйства;
2) правильное снабжение страны оборотными средствами;
3) приведение в активное состояние нашего расчетного баланса;

4) урегулирование и обеспечение платежей по нашей колоссальной внешней задолженности (в особенности отказ от новых займов и привлечения иностранного капитала).

Нужно восстановить серебряную валюту.

Идеал – это полное отсутствие долга у государства и нет нужды платить проценты по займам.

Вот несколько положений из заключительного раздела этой интересной работы: «Разумеется, финансы не магия. В мире экономики чудес не бывает, а то, что выдается за чудо, входит чаще всего непосредственно в сферу действия Уголовного Уложения. Так что и встав на правильный путь, мы еще долго бы несли великие жертвы, чтобы залечить те страшные и глубокие раны, которые ей нанесли с 1857 года. Зато будет надежда на экономическое облегчение и выход из бедствий…»

В числе доводов в пользу золотой валюты фигурировали данные о перепроизводстве серебра, которое вследствие этого якобы потеряло свою ценность и не могло больше служить основой российского рубля. Оль написал брошюру «О мнимом перепроизводстве серебра», в которой с цифрами в руках показал несостоятельность подобных суждений.

Совместно с С.Ф. Шараповым Оль выступил с докладом «Цифровой анализ расчетного баланса России за пятнадцатилетие. 1881–1895 годы», в котором развенчивалась рисуемая правительством еще до перехода на золотую валюту картина экономического процветания России (а впоследствии дела пошли еще хуже). Необходимые расчеты были произведены Олем.

Важнейшее значение для правильного понимания экономического положения страны имело исследование Оля «Русская нефть и ее государственное значение». В нем прослеживается история становления добычи и переработки нефти в России и показано, что наша страна входила в число стран с наибольшими запасами нефти и быстро наращивала ее добычу. Однако доходы от этого шли на пользу не нашему народу, а иностранным фирмам, захватившим в свои руки реализацию российской нефти и нефтепродуктов на мировом рынке.

В начале XX века главным продуктом нефтепереработки еще оставался керосин, а все, что оставалось от ее перегонки, именовалось нефтяными остатками и выбрасывалось или сжигалось. Потом эти остатки стали использовать в качестве топлива, наконец, был открыт способ выработки бензина.

В 1902 в Лондоне (главном центре потребления керосина и местонахождении мировой биржи) вдруг сильно повысились цены на керосин, в особенности на русский. Амерканская Standard oil

company, принадлежавшая Рокфеллеру, закупила крупную партию керосина в Баку. Оказалось, что первые нефтеносные площади США из-за хищнической эксплуатации истощались, и американцы, чтобы не потерять своего господства на мировом рынке, нацелились на захват русских нефтепромыслов. «Что наши нефтепромышленники не устоят перед американскими деньгами, – писал Оль, – едва ли можно сомневаться». Возникла реальная «опасность для русского народа увидеть русское нефтяное дело монополизированным в еврейско-иностранных руках». Парижский дом Ротшильдов уже действовал в России как «русское» акционерное общество.

Доля иностранного капитала в нефтяной промышленности России поднялась с 5,9 процента в 1893 году до 48,5 процента в 1902.

Добыча нефти ведется хищнически, подчас нефтяной фонтан, заполнив емкости, выливается прямо на землю, на нефтепромыслах часто возникают пожары.

Вследствие отставания добычи каменного угля некоторые железные дороги и многие промышленные предприятия стали использовать мазут. Для нефтепромышленников оказалось выгоднее поставлять им мазут, чем вырабатывать керосин. Выгонка керосина стала сокращаться. Оль считал, что с государственной точки зрения (а его всегда отличал именно такой подход), это невыгодно. Лучше бы не выбрасывать обесцененный сырой продукт, а перерабатывать всю сырую нефть на месте на более ценные продукты и уже их поставлять на рынок. Выгодно сохранять нефть в недрах земель, еще находящихся в собственности казны.

Политика правительства была нацелена на поощрение экспорта керосина в ущерб внутреннему его потреблению. Керосин, шедший на продажу внутри страны, облагался акцизом, и это делало его недоступным для нищего крестьянства. А керосин, идущий на экспорт, акцизом не облагался, и потому вывоз его рос быстрее, чем продажа внутри страны.

Экспортеры керосина получали громадные прибыли в ущерб русскому народному хозяйству. В Баку пуд керосина стоил 35 копеек, с доставкой в Лондон цена повышалась до 95 копеек, а продавали пуд за 1 рубль 22 копейки. Прибыль в 27 копеек с пуда – это потеря для русского народного хозяйства, отягчающая наш расчетный баланс на 20 миллионов рублей в год.

При этом цены на керосин в Лондоне росли, а в Баку снижались. «Но прибыли эти никому из бакинских промышленников не доставались, и даже самым крупным. Они составляют удел иностранных фирм, располагающих своим наливным флотом и доминирующих на рынках Европы и Дальнего Востока», а в Баку прибыли

местных компаний были небольшими, им порой приходилось работать даже в убыток, у них наливной флот отсутствует, и нефть перевозят по старинке – в бочках. «Русских или собственно бакинских экспортеров нет, есть посредники по продаже русского керосина за границей, но покупателями и фактическими экспортерами являются почти исключительно иностранные фирмы. Повышательное движение цен на иностранных рынках лишь в слабой степени передается на Бакинскую биржу», ей диктуют цены иностранцы, а в их интересах предельно снизить цены на керосин в Баку. «Стремление подчинить себе Бакинскую биржу всегда существовало у крупных иностранных компаний. А местные промышленники, не располагающие даже нефтехранилищами, вынуждены соглашаться на диктуемые им условия, чтобы быстрее продать добытую нефть».

Что же следовало предпринять правительству?

Заменить акциз на керосин нефтяным налогом, который платили бы не только русские, но и иностранные предприниматели.

Прекратить раздачу казенных земель в нефтеносных районах частника.

Взять в руки государства экспорт керосина, подобно тому, как установили государственную винную монополию (что сделать было гораздо сложнее).

Если сосредоточить все нефтяное дело в руках казны, то ее доход от нефти вырастет с 28 до 90 миллионов рублей.

Если не принять предлагаемых мер, то иностранцы захватят в свои руки всю нашу нефть, и народное хозяйство будет платить им громадную дань.

Оль коснулся также вопроса о замене английского угля, которым снабжались Петербург и прилегающие районы, отечественным топливом и рассмотрел различные варианты решения этой проблемы.

Российские углепромышленники не могли справиться со сбытом добываемого угля и сетовали на его перепроизводство. Оль детально исследовал положение дел в этой отрасли и написал брошюру «Существует ли перепроизводство каменного угля в Черноморском бассейне, или же недопроизводство?». Оказалось, что цены на уголь растут (а при перепроизводстве они должны бы снижаться), новые предприятия потребуют роста добычи, но надо объединить усилия всех заинтересованных предприятий для комплексного решения проблемы.

Нечволодов Александр Дмитриевич (1864–1938), военный и общественный деятель, историк, экономист. Окончил военную гимназию и Николаевскую академию Генерального штаба. Прошел путь

от командира роты до генерала, командира пехотной дивизии (подробности его биографии см. в томе «Русский патриотизм» энциклопедии «Святая Русь»).

Наибольшее значение для экономической теории имеют две его книги.

В книге «От разорения – к достатку» (СПб., 1906) Нечволодов пролил свет «на главнейшую причину наших современных бедствий», а также показал, «в чем заключается тайна могущества всемирных ростовщиков, так искусно опутавших своими невидимыми сетями все трудящееся человечество». Тайна эта – в «ростовщической природе золотых денег», которую скрыл основоположник политической экономии Адам Смит, чтобы облегчить масонам достижение их цели, которую Нечволодов формулирует так: «…создать всемирное царство главарей капитала на развалинах современных государств, причем бессознательными каменщиками, разрушающими свой государственный строй, а вместе с ним свою свободу, силу, здоровье и нравственность, являются сами же народы, вследствие существующей пагубной для них денежной системы, сущность которой затемняется целой армией гнусных мошенников из подкупленных государственных людей, приводимых масонами подкупом же к заведованию государственным хозяйством, и из ученых масонов…».

Более того, Нечволодов опасался, что «масоны уже окончательно распяли человечество на золотом кресте и настолько крепко, что никакая сила не может снять его с него, если…» (об этом «если» – через несколько строк). Ведь «все государства мира, имеющие золотое денежное обращение, должны (банкирам-ростовщикам) сумму вдвое большую суммы золота, находящегося на земном шаре… как бы ни увеличивались в будущем производительные силы наций, каким бы тяжелым трудом ни были подавлены народы, они никогда не уплатят золотом своего золотого долга, который будет все нарастать в золоте же, даже и после того, когда эксплуатация всех их «естественных богатств» попадет… во власть торговцев этим «золотом». Спасение от этой напасти – только одно: если будет выработано правильное понимание сущности золотых денег и произойдет отказ от золотой валюты. Надо перейти на неразменные (на золото) бумажные деньги, оставив расчет на золото только для международной торговли и для платежей по нашим внешним займам.

Нечволодов глубоко исследовал проблему внешнего долга России. Он предостерегал: «По количеству задолженности мы (Россия) уже первая держава в мире; при этом мы единственная из держав, у которой большая половина этой задолженности внешняя…». А последствия этого ужасны: «Мы уплачиваем иностранцам в каж-

дые шесть с половиной лет дань, равную по величине колоссальной контрибуции, уплаченной Францией своей победительнице Германии» (в войне 1870–1871 гг.)

И об иностранных инвестициях Нечволодов высказался вполне определенно: «Привлечение иностранных капиталов в государство сводится: к эксплуатации этими капиталами отечественных богатств и рабочих рук страны, а затем и вывоза за границу золота, приобретенного в стране за продажу продуктов производства. При этом общее благосостояние местности, где возникают крупные (иностранные) капиталистические производства, обязательно понижается…».

Полученное извне золото, писал Нечволодов, постоянно уходит назад в виде процентов и дивидендов на вложенные капиталы. Для его обратного привлечения Россия прибегает к новым займам. Так долговая удавка на шее России затягивалась все туже.

Нечволодов показал колониальный характер экономики предреволюционной России: «Главным предметом нашего вывоза служат продукты сельского хозяйства, из которых первое место принадлежит хлебу, и естественные богатства в сыром или полуобработанном виде: лес, нефть, металлы и проч. Мануфактурный же товар мы вывозим всего в количестве около 20 миллионов рублей в год».

Но это очень ненадежная основа экономики, а попытки власти поправить сложившееся положение оказались непродуманными и окончились неудачей: «Вопрос об увеличении притока золота в нашу страну путем завоевания новых рынков для нашей недавно народившейся мануфактурной промышленности, явно нелеп, ввиду младенческого ее состояния сравнительно с мощными ее соперниками английской, германской, французской и Соединенных Штатов. Своеобразная же попытка министерства финансов создать эту промышленность, в прямой и трудно поправимый ущерб нашему сельскому хозяйству и найти ей новый рынок в Китае – привела нас к миллиардным затратам, каковая сумма целостью была занята в долг золотом; при этом, постройка города Дальнего, вместе с сооружением Восточно-Китайской железной дороги и открытием портофранко в Маньчжурии, привели именно к полной погибели нашей незначительной торговли, существовавшей по границе с Северо-восточным Китаем, так как открыли удобный доступ в него с моря иностранным товарам.

В завоевании же новых рынков или расширении старых для произведений нашего сельского хозяйства и сырых и полуобработанных естественных продуктов – мы также встретимся с наши-

ми могущественными соперниками, странами Нового Света (Соединенными Штатами, Аргентиной, Австралией и Канадой), уже сильно теснящими нас со всех сторон, благодаря значительному превосходству своей культуры и давно уже отнявшими у нас роль житницы Старого Света, которую мы играли до семидесятых годов прошлого столетия. В настоящее время нам приходится думать не о расширении старых или завоевании новых рынков, а о сохранении тех, кои мы имели до сих пор. В этом же отношении обстоятельства складываются в высшей степени неблагоприятно: новый торговый договор с Германией… накинул на все главные предметы нашего вывоза значительные пошлины… Это, конечно, еще больше затруднит нашу конкуренцию с Новым Светом, и каждая победа на внешнем рынке будет нам даваться путем все большего и большего разорения у себя дома…».

Нечволодов не радовался росту экспорта продовольствия из России, потому что «мы вывозим значительно больше, чем можем, то есть не продаем, а распродаемся. Мы вывозим все: хлеб, мясо, яйца, а вместе с тем вывозим частицы нашей почвы… как говорил Вышнеградский, – «сами недоедим, а вывезем!». Результатом этого, помимо самых тяжелых условий жизни, является прямое недоедание нашего населения… и вследствие этого его все возрастающая слабосильность, не говоря уж о страшном недовольстве населения своими условиями жизни. Отчеты военного министерства об ежегодном исполнении призыва дают поражающую картину постепенного вырождения нашего, когда-то самого сильного в Европе народа».

Общий вывод Нечволодова печален: «Страна наша находится на пути самого потрясающего разорения…».

Нечволодов сурово критиковал экономическое учение и всю теорию Маркса. По его мнению, особенно важны две ошибки (или попытки умышленно запутать дело) Маркса.

Во-первых, «это научное доказательство неизменной стоимости золота, основанное на количестве рабочих часов, необходимых для его извлечения из недр земли, заключает в себе величайшее недоразумение, на котором построено однако все учение Маркса о капитале, вся неизбежность выводов научного социализма…». Ведь хлеб, на производство которого пошло определенное количество рабочего времени, при потреблении уничтожается, на производство новой партии хлеба нужно затратить новый труд. А золото, на добычу которого, например, затрачено столько же труда, исполнив свою роль посредника в обмене один раз, сохраняется в неизменном виде и снова возвращается к своему хозяину, которому уже не нужно трудиться для его добычи. Хозяева золота не работают, они только отда-

ют его взаймы для производства операции обмена, а затем получают его обратно, но уже с процентами в золоте же, купленными ценою человеческого труда, и так при каждом обороте. «Вот истинная, чисто магическая ценность золота: в нем, благодаря его неизменяемости, незаметно сосредоточивается весь труд и капитал человечества… Если выяснить это недоразумение… поставленное Адамом Смитом и Карлом Марксом в основание их учений, то все современные теории политической экономии, неизбежно приводящие к социалистическим принципам, совершенно не применимым к жизни, сейчас же рухнут, и человечество может пойти по новым путям, имея впереди самые светлые и притом достижимые идеалы, – простым изменением своих понятий о деньгах… Вот основная и при том единственная тайна могущества масонов, старательно замаскированная ими от непосвященных…». Маркс и Энгельс продолжили дело Адама Смита, который «скрыл ростовщическую силу золотых денег».

Во-вторых, Нечволодов заметил, что «вожди социализма, призывая пролетариев всех стран к борьбе с существующим порядком и капиталистами, под последними понимают только землевладельцев и фабрикантов, но ни слова не говорят ни о банкирах, ни о биржах…».

Нечволодов был уверен в том, что отказ от золотой валюты и переход на бумажные деньги, выпускаемые в обращение самодержавной властью, защищающей национальные интересы, освободит страну, а в перспективе – все человечество от тяжелого золотого ярма, составляющего частную собственность, силу, могущество и власть масонов. «Человечество начнет жить по заповедям Христа».

В книге «Русские деньги» (СПб., 1907) Нечволодов раскрыл тайную игру, какую вели в России иностранные капиталисты при содействии российского министерства финансов. При поддержке государства в России строились крупные предприятия. Затем, после поражения в японской войне, был провозглашен курс на всемерную экономию средств. Но это то же преднамеренное банкротство, какое так широко распространено в современной России и служит орудием передела собственности. На предприятиях Урала (впоследствии скупленных англичанами) из-за отсутствия денег рабочим подчас платили слитками или кусками железа. Государственные кредиты частным предприятиям были в большинстве своем просто разворованы, что стало предметом крупных общественных скандалов и судебных разбирательств.

В то время как официальная пропаганда с удовлетворением отмечала широкий размах железнодорожного строительства в России, Нечволодов вслед за Ф.М. Достоевским отмечал, что эти дороги служат путями проникновения товаров Запада на рынки не только

России, но и Востока (не говоря уж об обеспечении доступа к русскому сырью). Но Нечволодов показал еще и грабительский характер западного капитала, кредитовавшего это строительство: «…благодаря современному устройству русских финансов, для того, чтобы выстроить железные дороги на русской земле, русскими рабочими руками и из русских же материалов, Россия в течение многих десятков лет должна платить огромную дань иностранному капиталу и на столько же десятков лет обременять этой данью расчетный баланс».

Нечволодов приводит высказывания немецкого социалиста Карла Каутского: «Развитие класса капиталистов идет в России, с точки зрения вдохновителей этой политики, слишком медленно. Поэтому делаются все усилия для того, чтобы все более увеличивать приток иностранных капиталов… Эта политика ведет к тому, что капитализм раскрывает для русского народа только одну из своих сторон – пролетаризацию, между тем как другой своей стороной – развитием производительных сил, ростом прибавочной стоимости и богатства, оно идет преимущественно на пользу чужим странам…. Капитализм приносит России лишь сопровождающие его муки! Она не получает своей доли в его приобретениях и триумфах» (заметим попутно, что Каутский в этой же статье советует конфисковать драгоценности, принадлежащие Русской Православной Церкви). Нечволодов, обобщив мировой опыт перехода на золотую валюту, принесшего повсюду кризис для производителей и выгоду только финансовым спекулянтам, с цифрами и фактами в руках доказывал, что правительство либералов ведет Россию к краху.

Экономические взгляды ученых и мыслителей, по своим убеждениям близких славянофилам: М. О. Меньшиков, В. В. Розанов, С. Н. Булгаков

Михаил Осипович Меньшиков

Меньшикова считают прежде всего русским националистом, и это действительно так. Он призывал русских людей к самосохранению русской нации, к отстаиванию хозяйских прав русских на своих территориях. Его призывы «все – свое», «Россия – для русских», «долой пришельцев» и др. находили широкий отклик среди патриотически настроенной части российской общественности (и

вызывали к нему ненависть недругов). Но круг его интересов и тематика статей были гораздо более широкими, он касался многих вопросов общечеловеческого значения.

Для характеристики экономических взглядов Меньшикова наиболее показательны две его статьи на тему «Замкнутое государство»[36].

Поводом для их написания стала конференция, на которую премьер-министр Англии созвал руководителей всех британских колоний и доминионов с целью создания того объединения, которое впоследствии назовут Британским содружеством наций. Это объединение образовало бы свой замкнутый мир, не испытывающий острой нужды ни в каких товарах из стран «внешнего мира». Идея эта, по Меньшикову, – блестящая, хотя она, «как все, что изобретает современный английский ум, отличается эгоизмом; в корне своем она безнравственна, но для англичан явно выгодна. Моральный смысл ее – отказ от всечеловеческого братства, от мирового единения, которое поддерживалось и развивалось всего лучше международной торговлей. Государственный смысл ее в том, чтобы соединить в одно грозное, невероятно огромное государство, рассыпанные, почти независимые земли, и таким образом – если не теперь, то в будущем – представить силу, господствующую на земле». Меньшиков одним из первых разглядел тенденцию к разделения мира на валютные империи – зоны фунта стерлингов, франка, американского доллара, иены и пр., и показал возможные последствия такого развития экономической жизни для человечества. Предупреждал он и о неизменном стремлении Запада к установлению мирового господства, к подчинению других стран, не входящих в западную цивилизацию. С этих позиций рассмотрел он и положение России, выступавшей тогда в мировом разделении труда в качестве сырьевого придатка стран Запада, более развитых в промышленном отношении, служащей еще «кормилицей Европы».

Такое положение России сложилось исторически. «В эпоху Петра Великого нам было бы безумно думать о замкнутом государстве: или пришлось бы отказать своему народу навсегда в тех способах счастья, какие на Западе сделались уже доступными, или ждать с опасностью военного разгрома – еще тысячи лет для самобытного развития науки и промыслов. Поколение Петра решило, что выгоднее открыть границы, выгоднее заимствовать все, созревшее на Западе, и перенести его на нашу почву. Может быть, при этом многое было заимствовано напрасно, но действи-

36 Меньшиков М.О. Из писем к ближним. М., 1991. С. 37–56.

тельность показала, что нужно было не менее двухсот лет, чтобы только завязать у нас культурные промыслы, довести их до нынешнего – все же невысокого уровня. В ожидании, пока наша собственная промышленность сравняется с европейской, пришлось обработанные товары брать с Запада, отпуская взамен их – необработанные… Страны, отпускающие сырье, торгуют в сущности собственною кровью, они не только истощают весьма исчерпаемые запасы своей природы – почву, леса, недра гор, – но как бы ставят крест над собственной народной энергией. Последняя обрекается на самые тяжкие, наименее производительные, рабские формы труда. Задержанный в качестве труд вынужден растрачиваться в количестве: чтобы получить из-за границы фунт обработанного металла или шерсти, нужно отпустить туда три пуда хлеба или масла… Мы выбились бы из этой барщины, которую служим Западу, если бы он не менял своих промыслов и не шел гигантскими шагами вперед… Мы отстали и, может быть, во многом еще отстаем, но не стоя на месте, а на ходу. И догнать Запад совершенно невозможно, пока границы открыты».

Запад опережал Россию не потому, что его народы были более талантливы. Если другие славянофилы лишь мимоходом отмечали паразитизм Запада, строившего свое благополучие на костях народов завоеванных им стран, то Меньшиков прямо говорит об этом: «Верхний класс на Западе, путем промышленности и торговли (надо было добавить: завоевания или финансового закабаления) ограбивший половину земного шара, не только может позволить себе то, что мы зовем роскошью, но озабочен, чтобы развить ее еще глубже, еще махровее, еще изысканнее».

Иными словами, Запад, завоеватель и паразит, стал не просто обществом потребления (по крайней мере, в высшем своем классе, откуда эта тенденция спускалась и в «низы»), а настоящей ярмаркой тщеславия, как остроумно назвал свой знаменитый роман английский писатель Уильям Мейкпис Теккерей (1811–1863). Россия не могла строить свое благополучие на эксплуатации колоний. Как бы русские люди ни работали, они не смогут достичь уровня дохода, который на Западе получают путем перекачки в свою пользу неоплаченных ресурсов и труда других стран. И тем не менее российские «верхи» тянулись за западными кумирами. Образованный класс требует от народа крайнего напряжения, чтобы обеспечить себе европейский уровень потребления, и, когда это не получается, возмущается косностью и отсталостью русского народа.

Меньшиков не ратовал за закрытие границ, но предвидел возможность того, что это получится само собой. Появились новые про-

изводители зерна – США, Аргентина, Австралия, у которых лучше, чем в России, условия для произрастания пшеницы. Если Россию вытеснят с рынка зерна, ей больше нечего будет вывозить, а значит, не будет средств и на то, чтобы что-то импортировать.

Но и «умственное общение наше с Западом имеет не только выгодные стороны. Принимая чужие идеи, достающиеся дешево, часто весьма относительные, мы растериваем свои, основанные на прочном опыте… В самом внутреннем и важном отношении мы теряем свою народную душу, заменяя ее безразличной международной… если бы Россия могла несколько эмансипироваться от гнета чуждых ей умственных влияний, ее собственное духовное творчество только выиграло бы».

Меньшиков возвращается к материальной стороне вопроса: «… если бы Россию принудили поискать в самой себе все необходимое, то она, потрудившись несколько, и нашла бы все это. Без принуждения мы никогда не соберемся исследовать свою природу, приложить свою собственную энергию, свой гений к ее дарам. Как бы роскошно ни поднялась наша собственная промышленность, известная доступность иностранной будет угнетать ее. Чужое хотя бы посредственное, помимо внутренней ценности, имеет очарование «не нашего», и «наше», даже при высоких покровительственных тарифах, развивается плохо. Но… если нам волей-неволей придется замкнуться… получится в конце концов не проигрыш, а лишь временное расстройство, после которого начнется, может быть, небывалый еще, действительный расцвет русской жизни. Что… дало России тесное коммерческое сближение с Европой? Оно европеизировало нас, но обрекло в то же время на экономическое рабство Западу».

Вообще-то призывов отгородиться от Европы и производить «все – свое» было немало и раньше, к тому призывал еще Иван Посошков во времена Петра I. Но эти призывы не учитывали того, что людям (особенно «продвинутым») нужен не просто тот или иной товар, а именно модный товар. Каждый человек, подчас даже неосознанно, стремится выделиться из общей массы, реализовать те дарования, которые ему присущи в отличие от других. Но если у человека нет высокой идеи, осознания своего высокого призвания, то самым простым способом обратить на себя внимание других остается быть «как денди лондонский одет». Один западный специалист по России отмечал, что русским присущ аристократизм, и они хотят иметь все лучшее. Но больше всего в модных товарах, отмечает Меньшиков, нуждается именно элита России: «Образованное общество привыкло к иностранным фа-

брикатам, которые вытеснили немало наших собственных промыслов, например, завязавшиеся производства тканей, утвари, мебели, украшений, драгоценностей… Со времен Петра Россия глубоко завязла в Западе именно этим своим органом, просвещенным сословием, – без острой боли, без разрыва по живому телу, мы оторваться от Запада не можем… Мы глаз не сводим с Запада, мы им заворожены, нам хочется жить именно так и ничуть не хуже, чем живут «порядочные люди» в Европе. Под страхом самого искреннего, острого страдания, под гнетом чувствуемой неотложности нам нужно обставить себя той же роскошью, какая доступна западному обществу. Мы должны носить то же платье, сидеть на той же мебели, есть те же блюда, пить те же вина, видеть те же зрелища, что видят европейцы… Мы, образованные русские, как сомнамбулы, следим за Западом, бессознательно подымая уровень своих потребностей… Пусть имения дают теперь втрое больший доход, чем при наших дедах, – мы кричим о разорении, потому что наши потребности возросли вшестеро. Пусть казенное содержание чиновников теперь втрое выше, чем шестьдесят лет назад, мы непрерывно требуем повышения окладов и пенсий… мы, – чтобы отстоять это общение (с Европой), не задумываемся поставить на карту имущество народа, его человеческое достоинство, его независимость».

Освободиться от рабства моды, навязываемой Западом, можно двумя путями. Либо одеться во все свое и смириться с тем, что на вас в мире будут смотреть как на папуаса. Либо самим стать законодателем моды, что возможно лишь для страны, во-первых, идущей в каком-то отношении в авангарде человечества (о такой возможности, как будет видно из дальнейшего, Меньшиков упоминает), а во-вторых, быть особенно внимательными к материальным условиям своего существования, чем русские никогда не отличались.

Меньшиков показывает, как отражается импорт на положении страны и ее народа: «На первый взгляд – не все ли равно, где купить сукно русскому покупателю, за границей или дома, лишь бы оно было хорошее. Но миллионы таких покупок создают судьбу народную. Если вы купите аршин сукна в Англии, вы дадите дневную работу англичанину, накормите его семью. Тот же аршин, купленный дома, накормил бы русского работника. Если русское образованное общество, состоящее из землевладельцев и чиновников, все доходы с имений и жалованья передает за границу, то этим оно содержит как бы неприятельскую армию, целое сословие рабочих и промышленников чужой страны. Свои же собственные

рабочие, сплошною, многомиллионной массой, сидят праздно. Вы скажете – они не могут сидеть праздно, так как, чтобы уплатить помещикам и государству требуемые деньги, они должны производить то, за что дают за границей деньги, то есть хлеб. Но… невыгодно народу специализироваться на производстве сырых продуктов и вообще на черном труде… сравните доходы чернорабочего со своими. Государства, не сумевшие развить в себе высшие промыслы… начинают играть в семье народов роль темных бедняков, которые всего только и умеют, что почистить трубы или натереть полы. Мы, в течение двухсот лет вывозящие только сырье, рискуем навеки остаться в положении простонародья на всемирном рынке: от нас всегда будут требовать много работы и всегда будут бросать за это гроши... у нас... даже в урожайные годы народу в целом его составе приходится недоедать. Но на народном питании покоится вся сила государственная и вся судьба племени».

А что же произойдет, если закроются границы? «…первым последствием… будет стремительный подъем русского производства. К нам точно с неба упадет тот рынок, отсутствие которого угнетает все промыслы и которого мы напрасно ищем в Персии, Туркестане, Турции. К нам вернется из-за границы наш русский покупатель, все образованное общество, весь богатый класс. Спрос на внутренние товары поднимется на сумму теперешнего ввоза: подумайте, какой это электрический толчок для «предложения!» Оживятся старые промыслы и разовьются новые – до уровня европейски воспитанного вкуса…» Сейчас это невозможно: «нет выгоды: товары высокого качества требуют широкого сбыта, иначе их производство дороже иностранного. Поневоле приходится вырабатывать вещи поплоше, подешевле, рассчитывая не на богатый класс, а на бедный. Вернуть богатого покупателя из-за границы – это было бы новой эрой для нашей промышленности, и только при этом условии осуществился бы замысел Петра, желавшего видеть Россию страной, не зависящей от иностранцев. Петр лихорадочно спешил заводить фабрики у себя дома, но богатый покупатель ушел за границу – и великая мечта повисла в воздухе».

Сейчас кажется странным, но главное возражение против идеи Меньшикова заключалось в том, что неизвестно, куда же нам девать избыток хлеба. Ответ публициста прост: «…и с хлебом не будет большой беды. Не станут его покупать у нас – хлеб останется дома. Он тотчас упадет в цене и сделается более доступным народной массе. Исчезнет эта страшная язва – недоедание; может быть, исчезнут и голодовки: их не было, или они не были столь острыми до той поры, когда Россия стала выбрасывать за грани-

цу целые горы зерна. В старинные времена в каждой усадьбе и у каждого зажиточного мужика бывали многолетние запасы хлеба... Эти запасы застраховывали от неурожаев... Мужик выходил из ряда голодных лет все еще сытым, не обессиленным, как теперь… Но допустим, что хлеб остался, девать его некуда, что даже скотоводство поднято до возможной высоты. Прямое следствие этой «беды» – то, что сократятся теперешние запашки, земля, непомерно раздутая в цене, подешевеет и сделается более доступной беднякам. Миллионы праздных рук найдут себе более приличное употребление, чем протягивание их за милостыней или для грабежа. Ведь если триста миллионов пудов хлеба остаются в стране, это все равно, как будто с народной шеи свалилось двадцать миллионов лишних едоков… народ может… избыток земли отводить под леса и пастбища, избыток энергии – на промыслы, искусства, науки… В общем государственное богатство должно не проиграть, а выиграть».

Меньшиков выводит своеобразный экономический закон: «Если страна – подобно России или Англии (с колониями) – достаточно обширна, то закрытие границ не только не понижает народного богатства, но повышает его. Замкнутость дает богатству регулирующий принцип, обычно расстраиваемый внешней торговлей. Все организмы замкнуты, и только при этом условии возможно здоровье и полнота сил… Замкнутые страны – если они культурно организованы – способны только богатеть. Беднеют лишь те государства, у которых есть коммерческая течь, у которых часть народного достояния непроизводительно уходит за границу… Народ наш обеднел до теперешней столь опасной степени не потому, что работает мало, а потому, что работает много и сверх сил, и весь избыток его работы идет в пользу соседей. Энергия народная – вложенная в сырье – как пар из дырявого котла – теряется напрасно, и для собственной работы ее уже не хватает».

Меньшиков, думается, понимал необходимость одного уточнения этого закона: ведущие страны Запада, стремясь к замкнутости своего хозяйства, навязывают другим странам открытость их экономик. Только при таком сочетании замкнутости одних и открытости других и возможна эксплуатация слабых стран сильными. Ввозя из колоний необходимое им сырье, колонизаторы вывозят туда свою готовую продукцию, удушая там тем самым местное производство. И, сводя баланс, они предпочитают расплачиваться деньгами (бумажками), которые, в конце концов, возвращаются к ним же в обмен на покупаемые «верхами» колоний предметы роскоши.

Вот и в экономических отношениях с Россией Запад основывается на неравноправном, неравноценном обмене. Цены на русские сырьевые товары, впрочем, как и на сырьевые товары других стран, не принадлежавших к западной цивилизации, были сильно занижены, так как недоучитывали прибыли от производства конечного продукта. В результате значительная часть труда, производимого русским работником, уходила бесплатно за границу. И эта эксплуатация России Западом продолжалась почти три столетия. Нетрудно представить, какой весомый вклад внесли российские природные и трудовые ресурсы в экономический прогресс Запада.

И еще одно возражение против ограждения России стеной высоких таможенных тарифов и прямого запрета экономических связей с Европой разбирает Меньшиков: «Откуда мы возьмем средства платить проценты по займам и самые займы?..» Он поясняет: «Вывоз решительно необходим при теперешних наших отношениях к Западу». И делает вывод огромного теоретического и практического значения: «На наших коммерческих сношениях с Европой лежит печать глубокого суеверия – будто они источник нашего богатства… Может быть… эти торговые сношения – скорее источник нашей бедности, что подобно тому, как у всех отсталых и «патриархальных» народов, наша торговля с культурными соседями выгодна для соседей и разорительна для нас. Европа для России, мне кажется, то же, что деревенский кулак для своей деревни. А о том, как кулак богатеет, разоряя свою деревню, писал еще А.Н. Энгельгардт (см. главу 3.) Сближение с Европой разорило Россию, разучило ее обслуживать свои нужды, лишило – как кулак деревню – экономической независимости».

«Ужели слово найдено?» – воскликнул бы поэт. Европа, шире – Запад, – это кулак, хищник, вампир, высасывающий соки из тех народов, которые ему удалось вовлечь в свою орбиту.

Конечно, Меньшиков не предлагал полностью отгородиться от остального мира. Но «отгородиться от дурных соседей, от хищников, вовсе не худо. Одно из двух – или существуют отдельные человеческие хозяйства, именуемые государствами, или их нет. Если они есть, то – как и маленькие хозяйства, они должны быть в известной степени замкнутыми, уравновешенными в самих себе, и нельзя допустить, чтобы одно большое имение жило за счет другого. Иметь «все свое» – это философский идеал, и он, мне кажется, пригоден и для отдельного человека, и для народа. Как бы ни казался выгодным торговый взаимообмен – требуется крайняя осторожность, чтобы не остаться в проигрыше, не променять дорогое

на дешевое. Это вовсе не национальный эгоизм. Не признавайте, если хотите, наций, государств, считайте весь род людской за одну семью, считайте необходимой полную свободу обмена, как между братьями. Но тогда откажитесь вовсе от торговли, – между «братьями» какая же возможна торговля? По-евангельски, имущие должны делиться с неимущими, вот и все. Если под предлогом «братства народов»… под предлогом просвещения России к нам ввозят тысячи сомнительных вещей, обходящихся втридорога, то такое «братство», такое «просвещение» должны быть… отклонены… Мы разоряемся от множества причин, но невыгодная связь наша с Западом – одна из главных».

Некоторая замкнутость государств не только не противоречит идее братства народов, но даже и способствует ему: «...некоторое материальное разъединение, может быть, лучше всего способствовало бы нравственному единству народов. Может быть, именно кипучий обмен товаров, причем каждая нация стремится сорвать побольше со своей соседки, доводит международные отношения до теперешней раздраженности… Народы, мне кажется, чрезмерно и без всякой нужды погрязли в рынках друг друга, они торгуют слишком много и часто совершенной дрянью. Это вовсе не взаимопомощь, а взаимное развращение. Распаленная корысть расстраивает достойные отношения. Сильно расторговавшись, народы утрачивают благородный склад души, они обмещаниваются, жидовеют, начинают смотреть друг на друга не как на друзей или честных врагов, а как на коммерческую добычу… Обмен невозможен без обмана – вольного или невольного…».

И, наконец, о «привлечении иностранных инвестиций». Мнение Меньшикова на этот счет совершенно определенное: «Когда к нам вторгаются иностранные капиталы, мы знаем, что не для нашей, а для своей выгоды они пришли в Россию, и что вернутся они нагруженные нашим же добром».

Как видим, Меньшиков в этом вполне согласен с Шараповым, Нечволодовым, Жуковским и с другими видными славянофилами. В некоторых отношениях он идет дальше их, рассматривая именно как вторжение приход иностранного капитала, хотя тот приходит якобы по приглашению российской власти. Так же Меньшиков расценивает и импорт вообще: «Но товар иностранный есть скрытая форма капитала – он всегда возвращается за границу, обросший прибылью. Сознавая это, не следует слишком жалеть, если Россия окажется замкнутой. Немножко отдохнуть от иноземной корысти, немножко эмансипировать от Европы нам не мешает».

Но этот призыв Меньшикова не был услышан властью.

Кратко напомним о других сторонах экономических взглядов Меньшикова, которые были у него неразрывно связаны с политическими.

Вот, например, он рассуждает об огромном государственном деле — железных дорогах: «Как их было не построить, если весь мир их выстроил. Без железных дорог мы прямо-таки рискуем национальным существованием. Будь народ побогаче — нашлись бы, как у соседей наших, миллиарды и на постройку, и на выгодную эксплуатацию дорог. У нас же дороги выстроили (в долг), а ездить часто не на что и возить нечего. С великими жертвами государство создало национальную промышленность — и это вопрос жизни или смерти нашей. Не будет у нас своих фабрик и заводов — Европа высосет из нас всю кровь, как из Индии или Турции. Будь народ побогаче — промышленность сама развилась бы, но в нищем народе она — даже искусственно поднятая — идет ко дну. Народ отказывается покупать, так как не на что. Нет рынка, нет промышленности».

Но почему же народ нищий? Меньшиков связывает это с несправедливым общественным строем, хотя и понимает эту несправедливость иначе, чем революционеры, с которыми он решительно не согласен.

Выступая против революции, Меньшиков не принимал и несправедливого строя, порождающего ее. Он обращался к премьеру П.А. Столыпину: «Подавляя бунт рукой железной, правительство одновременно обязано вырывать корни бунта, а эти корни – в самом правительстве. Они – в системе старого хозяйства, где ленивые и праздные люди кормились на счет трудовых классов. Никакие тюрьмы, никакие виселицы не спасут государство от народного мятежа, если не будет восстановлен разум в самых основах власти, если поруганная справедливость не будет поставлена как первый принцип»[37].

Меньшиков предсказывает: «Борьба с социализмом до сих пор бесплодна. По-видимому, придется Европе испробовать эту форму общества, хотим мы этого или не хотим».

И он предупреждает как рабочих, так и капиталистов о печальных последствиях силового решения вопроса о собственности. «Классовый раздор ослепляет. Он заставляет видеть антагонизм интересов и не позволяет видеть их коренной солидарности» (там же, с. 159).

Меньшиков видел идеал в промышленном предприятии, где хозяин и рабочие образуют единый трудовой коллектив, стремя-

37 Меньшиков М. О. Письма о русской нации. М., 2005. С. 45.

щийся к единой цели – повышению эффективности производства и на этой основе – к росту благосостояния каждого. При этом расточители капитала должны быть бойкотированы обществом или взяты под опеку, а к злостным расточителям должен быть применен уголовный закон. Никто из славянофилов не подходил так близко к идее империи – корпоративного государства, как Меньшиков.

Точно так же никто не подверг уничтожающей критике демократию, как она понималась тогда всеми политическими силами: «Кто были варвары, разрушившие древний мир? Я думаю, это были не внешние варвары, а внутренние, вроде тех, которых и теперь в Европе сколько угодно. Мне кажется, разрушителями явились не скифы и не германцы, а гораздо раньше их — господа демократы».

Эту мысль он подтверждает анализом истории государств, начиная с родины демократии – Древней Греции, Афин, и приходит к выводу: «Сколько ни болтайте масло и воду, удельный вес сейчас же укажет естественное место обеих жидкостей. Чернь, даже захватившая власть, быстро оказывается внизу: она непременно выдвигает, и притом сама, неких вождей, которых считает лучше себя, то есть аристократов. Завязывается игра в лучшие. Чтобы понравиться черни, нужно сделаться ей приятным. Как? Очень просто. Нужно подкупить ее. И вот еще 24 столетия назад всюду, где поднималась демократия, устанавливался грабеж государства».

Меньшиков напряженно думал над путями обустройства России. Вот пример его размышлений на этот счет – фрагменты статьи «Завоевание России» из книги «М.О. Меньшиков. Выше свободы. Статьи о России» (М., 1998).

Меньшиков сетует на неустроенность России со времен призвания варягов, которым было сказано: «Земля велика и богата, а наряду в ней нет. «Наряду», то есть организованности, планомерного порядка...» И вот, тысячу с лишним лет спустя, мы видим ту же картину: «…великий народ наш, в сущности, еще не утвердился в правах собственности на свою страну… Русский народ захватил огромное пространство, кое-как, вкривь и вкось, распределил его по сословиям… а вывести эту землю из полудикого состояния, вложить свой труд и разум, преобразовать в предмет искусства, как английское или китайское поле, — мы все еще не собрались. Землевладение наше запутанно… Земли невероятно много, и земли нет… нация испытывает страшные бедствия от недостатка земли, точь-в-точь как будто не было никаких войн, никаких завоеваний…»

«Что же, – спрашивает он, – мешало нам воспользоваться плодами завоеваний?.. Все новые и новые войны отвлекали внимание

правительства от внутреннего устроения страны… «Теперь не время строить жизнь — нужно защищать ее!»… Поколения, воспитанные среди пушечного грома, продолжают и в мирное время жить психологией войны. И… великий мирный труд откладывается снова… Возникает плачевная мысль, будто главные бедствия страны — внешние, что внутренние расстройства — не так важны, что «народ потерпит»… И старые войны, и вооруженный мир, поддерживаемый громадными армиями, — все это до сих пор победоносное начинает перестраиваться в какое-то поражение… Война завоевывает и убивает самих победителей — вот ее ужасный смысл… Закончить прежние войны и навсегда закончить их — вот что должно быть ближайшей целью. Прежде всего нужно привести страну в действительно мирный порядок».

И тут от общих рассуждений о войне и мире Меньшиков переходит к социальному аспекту проблемы: «Мирный порядок — это не только отсутствие внутренней борьбы, но и уничтожение самих предлогов для нее. Действительный мир есть восстановление справедливости в стране. Мир — это торжество никогда не умирающего закона братства, человеческого достоинства, свободы. Устроенная только в этом смысле страна может счесть себя мирной. Что толку, например, что Персия не воюет и что дома у нее нет междоусобий? Если постоянные отношения между гражданами несправедливы, если закон поддерживает сильного в ущерб слабому, то даже мертвое спокойствие не есть мир. Это тоже междоусобие, только окаменевшее, это борьба, где схвативший за горло и его жертва как бы застыли в своей позе. Истинный мир — это удовлетворение нравственное; оно невозможно, пока человеческие законы не облагорожены, пока в панике войны забываются верховные заветы с Богом. Нам нужен не какой-нибудь мир, а непременно высокого качества, мир, дозревший до расцвета и благоухания душ, до добрых нравов. Но такой мир требует очень долгого отсутствия внешних войн. Для того чтобы нравы народные смягчились, нужно по крайней мере несколько поколений, не переживавших военной страсти. Война — дело жестокое; война совершенно перевертывает психологию человека и перестраивает инстинкты. Война невозможна без убийства, без оскорбления человека, без насилия, без узаконенного рабства. Дисциплина в войне безусловно необходима, но слишком долгая привычка к ней переходит и на гражданские отношения, где иногда из добродетели она превращается в порок. Долгая привычка к идее убийства, хотя бы и считающегося необходимым, привычка достигать согласия насилием — все это расшатывает самую душу общества, те милые, нежные формы междучеловеческого общения,

какие мы выносим из семьи и близкого соседства. Невероятно грубые лагерные нравы, воспетые поэтами, входят в население через воинов, вернувшихся к домашнему очагу… Необходим прочный, продолжительный мир, чтобы народная душа вернулась к свойственной ей кротости, к изяществу и величию, которыми отличаются действительно мирные племена».

В таком мирном труде Меньшиков видит подлинный источник силы государства: «Нравственно приподнятый народ вновь находит Бога; видя реальное присутствие мира и благоволения, люди начинают верить в них… Успокоенный народ… с песнями берется за все, хотя бы самые трудные предприятия… Истинный мир воспитывает из рабов труда бесстрашных рыцарей его и аристократов; они вносят этот аристократизм в сто тысяч жизненных задач, все их доводя до совершенства. Мало-помалу создается у каждого народа своя индивидуальная цивилизация, накопление красоты и мудрости, пред которыми потомство склоняется как пред заветом богов… в этом единственный путь спасения…»

В устройстве земли и росте населения видит Меньшиков условия благоденствия России: «Мир… это — наша лучшая система войны, наша победа. Естественным нарастанием народной массы Россия каждые десять лет как бы присоединяет к себе по королевству. Через пятьдесят лет вместо одной России у нас будет их две. Если всю нашу энергию устремить на внутреннее устроение, то никакая война не будет так страшна для соседей, как подобный мир. Огромная масса имеет свои законы. Для государства крохотного, расположенного среди таких же малых, война, может быть, лучшее из средств отстоять национальность…» А для государства с большим населением «есть прямой расчет бить на свой мирный рост… Прогрессируя в росте геометрически, мы непременно должны обгонять соседние страны в населении — не только относительно, но и абсолютно».

Попутно Меньшиков отмечает и первый признак вырождения Запада: «Правда, на стороне соседей их культура, понижающая смертность в 2 1/2 раза, но на нашей стороне меньшая степень той социальной жадности, при которой общество уже не желает потомства».

И далее он касается темы, как сказали бы в наше время, «человеческого капитала: «Я далек от мысли, что одно количество населения что-нибудь значит, но если приложить к нему и качество, то количество сразу приобретает решающий характер. Огромные государства, раз они культурны, в своей величине, как киты в море, почерпают вечное обеспечение от войны и вместе теряют к последней

всякую склонность. Нам надо спешить сделаться народом огромным, и это так доступно: стоит только упорядочить отношение нашего народа к земле».

Вслед за другими славянофилами Меньшиков отрицает людоедскую теорию Мальтуса: «Есть глубокое суеверие, будто много народа нехорошо, будто чрезмерное размножение плодит невежество и нищету. Это суеверие — отзвук печального мальтузианства… необходимо постоянно возвращаться к этой лжи, чтобы наконец избавиться от нее… При естественной культуре размножение ослабевает само собою и держится все на том же уровне. Каждый человек в состоянии выработать во много раз больше вещей, чем ему самому нужно. Ясно, что чем больше людей, тем прочнее они застрахованы от нужды. Каждый новый человек есть новое приращение народной силы, новый источник работы».

Из сказанного вытекает и программа для России: «Есть строгое отношение человека к культурной земле. Чтобы овладеть площадью России в 10 тысяч верст длиной, потребовались гигантские усилия русского племени. Тысячу лет назад Россия была океаном леса, который тянулся вдоль океана степи. Сколько нужно было одних физических усилий, чтобы одолеть эту грозную природу, повырубить, повыкорчевать гигантские леса, повысушить болота, повывести хищных зверей, поднять сохою сто миллионов десятин земли. И если эта титаническая задача все еще не выполнена, если наша земля далека от возможной культуры, то, может быть, просто потому, что у нас слишком мало населения и за тысячу лет все-таки не накопилось достаточно сил… На костях сорока поколений покоится Русское государство, но требуются новые бесчисленные рати людей, требуется еще бездна пота, лихорадочных напряжений, творческого огня, прежде чем человек уравновесит территорию и станет повелителем ее, а не рабом».

Меньшиков высказывает парадоксальную мысль: «Колумбу Россия обязана отчасти своим национальным существованием. Это он отвел от нашего отечества поток народов. Опоздай лет на двести открытие Америки, может быть, волны вооруженной эмиграции хлынули бы вместо Запада на Восток».

Пропев такой гимн миру, Меньшиков обращает внимание читателей на угрозы России с запада и востока: «Ведь еще до Колумба папы проповедовали крестовый поход на Россию, на языческие племена Литвы и Чуди… путь немецкой эмиграции прорезался… на Псков и Полоцк. До открытия Нового Света Европа успела уже захватить у нас пол-России, если к немецким захватам прибавить завоевание Витовта. Но открытие новых стран порази-

ло Европу; народному воображению там сразу было дано противоположное направление… и от России был отвращен удар. Навсегда ли, вот вопрос…

Сказать, что Россия совсем застрахована от завоевания, никак нельзя… В самой природе России… есть опасное для нас начало, это пустота, притягивающая соседей. В международной жизни действует тот же закон физического равновесия. Пространство, менее наполненное, отовсюду присасывает к себе окружающую стихию. До сих пор Россия еще очень ненаполнена… наша страна почти пустыня, особенно к востоку от Волги. Внимание стесненного человечества до сих пор как бы блуждало около России… Но вот уже весь свет почти занят… Близится время, когда… стихия Запада двинется… к пустотам, хотя бы относительным. Россия — самая близкая и самая огромная пустота. Среди немцев Россия, как известно, давно рассматривается как их колония. Drang nach Osten («Натиск на Восток») со времен Карла Великого — девиз Германии… Сколько ни рассуждайте, единственно подходящая по климату страна для немцев — Россия, и притом страна соседняя. Сравнительная пустота России не дает немцам покоя… именно наше отечество — главная мечта Германии. Японцам тоже деваться некуда… Сибирь для Японии — единственная подходящая пустота... И все эти сто миллионов культурных наших соседей непрерывно слышат в школе и печати, что Россия — страна варварская, полупустынная, крайне бедная, где беспредельные пространства заняты хозяевами, не умеющими хозяйничать и иногда даже не живущими на земле. Все это дразнит воображение народов, разжигает жадность. На наше именно время выпал раздел земли… Не дай Бог очутиться в такое время на линии наименьшего сопротивления: на нас попрут и полезут стихийно, как движется лава».

Но как же примирить мечту о мире и сознание опасности нашествия завоевателей? Меньшиков отвечает, и опять обращаясь к социальным проблемам: «… мир необходим России и с этой точки зрения. Нам как можно скорее следует самим заполнить нашу относительную пустоту. Если мы не хотим привлекать аппетиты соседей, мы должны предупредить их, мы должны сами завоевать Россию и укрепиться в ней прочно. Владение наше должно как можно скорее перейти в пользование, иначе оно «ничья земля» и защищать его очень трудно. Вы заметите, хорошо говорить: «Как можно скорее размножайтесь, как можно скорее богатейте». Но как это сделать? Разве мы не хотим этого и разве умышленно остаемся в нашей нищете?..

Введите в механизм общества справедливость… уважение к человеку и к народу, и вы увидите, каким электричеством затрепещет наша вялая энергия. Вы скажете, что это все слова, слова! Но уверяю вас, что тут не только слова, но и великое, если хотите, изобретение, великая идея».

Тут Меньшиков показывает, как надо сочетать славянофильские убеждения и заимствования опыта Запада: «Надо знать, чем была Европа еще сто лет назад, и сравнить с теперешней: возможно ли, по совести, хоть какое-нибудь сравнение! Я, конечно, отнюдь не думаю, чтобы народу нужно было отказываться от своего национального облика. Вовсе нет. Напротив. Принять лучшие начала не значит принять чужие начала, это значит найти истинные свои… Как пар и электричество, как истины Эвклида, закон Ньютона, неужели все это иностранное? Стоит познакомиться с ними, как мгновенно понимаешь, что это наше, потому что общечеловеческое, и что единственно, что следует, — это как можно скорее вводить эти истины в обиход. Петр I превосходно понимал это. Он брал с Запада все, что находил лучшим: и ремесла, и государственные учреждения… Нужно серьезно разобрать европейские начала, и если они истинны, не нужно медлить с ними. То, что я называю европейскими началами, в сущности, есть наши же древнерусские начала или, если хотите, древнегерманские. Дух их общий. Чудотворные свойства их в том, что они представляют не сочиненный, а естественно сложившийся быт общества и, стало быть, наиболее отвечают самой природе общества... Если вы хотите знать лучший тип общественности, берите общество молодое. Там вы встретите наиболее справедливые основы: равенство граждан, самоуправление, прочно огражденную свободу, единодушие и народное достоинство. Эти основы потому хороши, что естественны; из всяких иных они наиболее обеспечивают счастье человека и величие государства. Из этих основ когда-то выросло Русское государство… нас ведь никто и не обязывает брать худшее: будем брать только то, что хорошо бесспорно… Нам, живому поколению, довелось присутствовать при величайшем моменте в истории человечества, когда из разрозненных миров образуется один. Раз Китай войдет в семью народов, круг рода человеческого будет замкнут. Все народы непременно заживут более или менее общей жизнью, общей цивилизацией… Надо спешить занять достойное место на свете, не в хвосте народов, а во главе их».

Меньшиков более объективно и более глубоко, чем прежние славянофилы, освещает роль Петра I в русской истории: «Главная заслуга Петра Великого перед Россией вовсе не в том, что он по-

строил Петербург, “прорубил окно в Европу”, создал флот и преобразовал внутренний строй управления… Перенесением столицы за границу — факт небывалый в истории народов — Петр внес до сих пор ощутимый раскол в русскую жизнь — раскол между народом и его властью. Москва была органическим центром сложения. Петербург явился механической точкой для новой, — не земской, а бюрократической кристаллизации…

Прибалтийский берег переходил много раз из рук в руки, и, конечно, Россия должна была закрепить его за собой. Но… мы получили гавани, однако до сих пор еще не имеем торгового флота. Нашими морями и гаванями пользуются иностранные флоты, причем ежегодно мы переплачиваем им за фрахт десятки миллионов рублей. Если же мы не имеем ни коммерческого флота, торгующего нашими товарами со всем земным шаром, и если у нас за двести лет не завелось ни одной колонии в океанах, то, стало быть, замысел Петра — сделать Петербург вторым Амстердамом — следует счесть ошибочным. Искусственно можно разрушить Амстердам, как, например, был разрушен Великий Новгород, — но создать его нельзя. Мировые центры торговли устраиваются стихийно, сами собою. Перенеся русскую столицу к морю, Петр оказал этим большую услугу заграничной торговле, чем русской. Он приблизил к Европе главный наш культурный рынок, придав всей заграничной нашей торговле более потребительный характер, чем производительный. Облегчен был сбыт не столько наших товаров за границей, сколько заграничных у нас. Это тогда же подорвало развитие нашей собственной обрабатывающей промышленности. Правительство, двор, знать, чиновничество, проживающее в столице дворянство не имели нужды обращаться к внутренним фабрикатам, когда заграничные оказались на набережной Невы. Лондон, Амстердам и Гамбург сделались ближе к Петербургу, чем Москва и Киев. В силу этого товарообмен наш принял невыгодное для России положение. Мы попали в разряд добывающих стран. Обрабатывающая Европа эксплуатирует нас так же нещадно, как свои колонии, и в этом основная причина нашей государственной нищеты. Останься столица наша в Москве, главный культурный рынок был бы в центре страны, и центр России мог бы конкурировать с заграницей в развитии обрабатывающей промышленности.

Еще менее выгод принесло России безоглядное сближение с Европой в сфере так называемого просвещения... Просвещение народа только тогда благодетельно, когда идет изнутри, как плод развития собственного духа…

При системе внешнего просвещения чужая душа начинает господствовать над вашей, вместо развития собственных сил слагается порабощение чужими. Внешнее просвещение всегда сводится к тупой подражательности, причем умные люди обыкновенно проигрывают, теряя здравый смысл. Стремительный наплыв западных — крайне пестрых — идей, обычаев и законов отразился неблагоприятно на раскрытии нашей души народной. Подражание придавило нашу оригинальность, отняло потребность инициативы, завело в духовный плен Западу — точнее говоря, французскому Западу… Петр вынес душу России из ее родины. Кончилось тем, что родина вышла из души русской, и просвещенный класс чувствует теперь себя дома иностранцем, заброшенным на чужбину…

Россия, конечно, должна была прогрессировать, но на свой лад. Россия уже развивалась… при Алексее, который был поистине предтечей своего великого сына. Именно он был зачинателем почти всех петровских реформ... От Алексея пошла бы национальная наша цивилизация. От Петра пошла петербургская цивилизация, прелесть которой все мы теперь чувствуем».

Василий Васильевич Розанов

По своим воззрениям Розанов был близок к славянофилам, разделяя с ними веру в начала соборности, общинности, совместного владения землей и склонности к артельным формам труда, видя в полном развитии этих начал обещание жизни «более высокой, гармоничной и примерной, нежели в какой томится Европа».

В предреволюционные годы, когда ведущие деятели славянофильства уже сошли со сцены, новых крупных фигур в этом течении не появлялось. А нападки западников на славянофильство особенно усилились и перешли в сплошное его шельмование. И тут Розанов, словно лев, ринулся на его защиту. При этом он сказал о сущности славянофильства больше и точнее, чем сами его классики.

Особенно злобствовал и нападал на славянофильство орган западников журнал «Вестник Европы». В июньском его номере за 1891 год (с. 882) появилась статья, в которой осмеивалось утверждение славянофилов о том, что «Запад гниет, Запад разлагается». И вот, дескать, Запад стоит целехонек, а «славянофильство, как организованное целое, более не существует. Его основатели давно сош-

ли со сцены; исчезли и непосредственные их преемники… остались только кое-какие обрывки некогда стройного учения», но нынешние последователи повторяют формулу о «гниении Запада» и пр. И далее следовали насмешки над славянофильским учением.

Розанов высмеял потуги западнических горе-критиков, которые вот уже несколько десятилетий пытаются задернуть от общественного внимания славянофильскую теорию, и показал причину постоянной безуспешности подобных усилий: «В сфере мысли можно бороться только мыслью, но ничего нельзя сделать словами, как бы много их не было набрано». Критик сказал много ехидных слов, но не посмел разобрать ни одно положение славянофильства по существу. И затем Розанов перешел в наступление: «В том и заключается сила славянофильства, что, будучи идеей немногих избранных умов и имея против себя всю огромную массу образованного общества, оно всегда критически относилось к своему содержанию, постоянно пополняло его и очищало. Отсюда такая органичность в развитии этого учения, постоянный преемственный рост, какого и тени мы не находим в учении «западников», и до сих пор все повторяющих общие места, встречавшиеся у Белинского и его современников. На какой труд, подобный, например, «России и Европе» покойного Н.Я. Данилевского, по сложности, по системе развиваемой мысли, могут указать «западники» в своем лагере? Где у них эта страстность и чистота убежденности, какие есть у Константина Аксакова? Эта прелесть и сила речи, которою, независимо от всякого содержания, мы любуемся невольно в «Национальной политике» и других многочисленных статьях К. Леонтьева? Поистине, силою и разнообразием дарований, богатством и сложностью мысли, высоким уважением к Европе и страстною любовью к своей родине славянофилы так ярко выделяются на тусклом фоне нашего общества, что как бы ни было многочисленно последнее, раньше или позже ему придется только преклониться перед этими избранными натурами, которые оно из себя выделило. В этом ряду мыслителей, художников и поэтов, соединенных между собою единством воззрений и симпатий, мы находим такую твердость убеждений и силу преданности, о которую всегда разобьется всякий праздный смех, к какому уже с самого раннего времени стали прибегать их противники. Высказанное впервые И. Киреевским, развитое и углубленное Хомяковым, возведенное в систему Н.Я. Данилевским, учение это продолжает развиваться и до сих пор. В замечательных трудах К. Леонтьева мы видим последнюю трансформацию этого учения, и если бы западническая критика не ограничивалась повторе-

нием общих мест, если б она действительно имела силы бороться – она давно подвергла бы систематическому обсуждению идеи, высказанные последним в книге «Восток, Россия и Славянство» или в брошюре «Национальная политика, как орудие всемирной революции»…

Спор выясняет истину, – повторяется в печати постоянно, и этим она высказывает требование для себя свободы и влияния. Но вот истина высказана; она ярка и значительна; но только потому, что она вместе и неприятна, она заволакивается от общества молчанием и погибает под тяжестью голосов, сегодня интересующихся одним, завтра другим – без которых, может быть, эта важная истина была бы услышана обществом и обдумана. В частности, «Вестник Европы», который вот уже четверть века держит среди нашего общества знамя западноевропейской культуры, если бы хоть сколько-нибудь понимал обязанности, вытекающие из положения, занятого им в литературе, – давно и первый заговорил бы он об этих идеях...»

Но ничего подобного не происходит, слабы западники, и не могут они спорить со славянофилами по существу. И Розанов показывает значение и историческую роль славянофильского учения: «Можно сказать, что славянофильство не изобретено, не придумано, но философски открыто: до такой степени оно соответствует текущей действительности и истории – так оно оригинально, настолько преобладают в нем начала научного объяснения над догматическим требованием. Частный случай, о котором мы заговорили, как нельзя лучше подтверждает общую истину. Недоверие к западному прогрессу, слова о «гниении» Запада» действительно уже много десятилетий не сходит с уст славянофилов».

И далее Розанов, подтвердив правильность этого положения славянофильского учения, показывает роль выдающегося мыслителя Константина Леонтьева (с которым он находился в многолетней переписке, да и похоронены они рядом): «В лагере прежних славянофилов, если б услышан был человек, говорящий, что две–три проигранные битвы, которые заставили бы нас навсегда отречься от Западных славян, были бы очень дешевой ценой, какой мы могли бы купить это драгоценное для нас отречение, – в лагере ранних славянофилов этот человек, вероятно, был бы сочтен величайшим врагом Славянства и противником всей славянофильской партии; и, однако, так велико богатство внутренних задатков этой теории, что именно К. Леонтьев является одним из самых глубоких исполнителей славянофильской идеи. Политическая сторона этой идеи, над которой так много работал И.С. Аксаков, о которой шумели в свое

время доктор Ригер и множество других, – все это осело, как пыль, пред истинно великою задачей: продлить культурное существование человечества через отсечение славянского мира от очевидно разлагающейся культуры западной Европы. Если у человечества в его целом, у культуры, у цивилизации, у истории просвещения был когда-нибудь друг, боровшийся за все это, не жалея своего имени, своих сил, произнося в минуты отчаяния самые безумные о них слова, способные покрыть произнесшего только позором, то это – малоизвестный, пройденный у нас молчанием писатель, труды которого мы только что упомянули. Он нашел объективные признаки всякого разложения и всякого развития и, приложив их к западноевропейскому социальному строю, – по ним определил его несомненное падение…

«…Все умирает», – говорит К. Леонтьев. И что же можем мы возразить против всего этого? Но если так, то все наше отношение к прогрессу меняется, и отношение к западной культуре делается невольно исполненным опасений. Пусть она величественна, пусть она исполнена мудрости: это не имеет ничего общего с разложением, которому подлежит и всякое величие и все мудрое. Колоссальный организм, загнивая, дает только более удушливые миазмы, и все живое должно, избегая смерти через заражение, сторониться от него…

«Вестник Европы» ничего этого не понимает: ему все мерещатся дворянские захваты, и, на страже европейской цивилизации, он считает долгом для себя их оспаривать; он борется, он напрягает силы, он не даром «журнал политики». Он не знает, что со своею бедною «политикою» он только маленький гноящийся пузырек, вскочивший на точке соприкосновения здорового организма с больным».

Критик не осознает особенностей данного исторического момента, но славянофильством, «истинною русскою мыслью в ее новых явлениях руководит впервые столь яркое и столь несомненное сознание положения своего народа в истории. Нет при этом никакой враждебности к Европе: есть простое сознание того особенного фазиса, через который проходит ее жизнь»[38].

О Леонтьеве Розанов говорит с восхищением: «Леонтьев – величайший мыслитель за XIX век в России. Карамзин или Жуковский, да кажется и из славянофилов многие – дети против него».

Только два раза Розанов высказался о Леонтьеве не то чтобы отрицательно, а буднично: «Жил же Леонтьев и практически желал всего того, что «средний европеец» и «буржуа в пиджаке».

38 Розанов В.В. Сочинения. М., 1990. С. 145–153.

«Что же такое Леонтьев? Ничего. Он был редко прекрасный русский человек, с чистою искреннею душою, язык коего никогда не знал лукавства...»

Но потом публично каялся в этом грехе.

О том, какими детьми выглядели кумиры западников по сравнению со славянофилами, Розанов написал в статье «Киреевский и Герцен».

К Герцену Розанов почему-то испытывал особенную неприязнь, называя его отцом российского пустозвонства. И тем не менее широкой общественности славянофильство было практически неизвестно: «О славянофильстве, о русской истории, о «складывании Государства камень за камнем»: то, Боже, за 50 лет об этом не написалось столько, сколько пишется за 1 год о революции.

Кто же читал роман, где было бы выставлено главным действующим лицом славянофил? или – патриот? или – государственный человек?»

Примечательно, что Розанов, понимая громадное, историческое значение славянофильства и яростно защищая это учение от нападок со стороны западников, вовсе не считал его непогрешимым, а его классиков и их труды совершенными. В статье «Поминки по славянофильстве и по славянофилам» он осмысливает парадокс: один из основоположников славянофильства Хомяков, создавший, кроме всего прочего, «верно действующее средство от холеры». И умер от холеры!!!» И Розанов, отталкиваясь от этого парадокса, решил не верить словам, а проверить многочисленные труды Хомякова делом.

«Но отчего же это в реальную Россию не вошло славянофильских дрожжей? Почему земцы, почему особенно народные учителя – не славянофилы?»

На свой вопрос Розанов сам же отвечает: «Дрожжи – двигают. Но дрожжи – кислы, неприятны на вкус. Все славянофильство, от корня его до самой вершины, слащаво и несколько приторно… Хомяков, оба Аксакова, Киреевский, Данилевский, Страхов – ничего кислого, горького, терпкого». За их порицанием современности, «нисколько не жгущим, не больным, лежит столько сахара, что порицаемый (или порицаемые вещи) никогда не закричит от боли».

Это свое замечание Розанов подтверждает разбором обличительного стихотворения Хомякова «Россия», где страстные обличения безадресны, а Россия, несмотря на перечисленные ее пороки, оказывается избранницей Бога.

Но у замечания Розанова есть и иное, более глубокое, религиозное объяснение важнейшей слабости славянофильского учения.

Осуждая Запад за преобладание формы над содержанием, проповедуя необходимость жизни в любви и соборности, славянофилы как бы не замечают реального состояния общества, где формальное, юридическое начало скрепляет человеческие отношения. Ведь если брак – форма, то без этой «формы» получится проповедь «свободной любви; вместо «Вексельного устава» будут руководствоваться «сделками по душе», которым прежде всего обрадовались бы кулаки. Если судить с религиозной точки зрения, то ошибка славянофилов, по Розанову, состоит в следующем: «…Они судят о виновном состоянии как бы невинном, о состоянии падшего человечества под условием как бы не падшего, безгрешного».

Видимо, и эту сторону славянофилов имел в виду митрополит Иоанн (Снычев), когда писал о них.

«Несмотря на стремление вернуться в лоно чистой русской церковности, слиться с истоками народной жизни, основами бытия России – ясного понимания сущности русского пути, русского служения славянофильство в целом так и не достигло. По-разному понимали члены кружка природу и цель самодержавия, по-разному оценивали современные события. Эта разноголосица мешала движению, а с кончиной его основоположников оно окончательно утеряло мировоззренческое единство, распавшись на несколько самостоятельных, весьма различных между собой течений, частично выродившись в чистый либерализм».

Розанов тонко подметил разницу между славянофильством, которое открывает путь к познанию сущности исторического процесса, и западничеством, которое устремлено на прагматические цели: «В либерализме есть некоторые удобства, без которых трет плечо. Школ будет много и мне будет куда отдать сына. И в либеральной школе моего сына не выпорют, а научат легко и хорошо. Сам захвораю: позову просвещенного доктора, который болезнь сердца не смешает с заворотом кишок… Таким образом, «прогресс» и «либерализм» есть английский чемодан, в котором «все положено» и «все удобно», и который предпочтительно возьмет в дорогу и не либерал. Либерал красивее издаст «Войну и мир». Но либерал никогда не напишет «Войны и мира»: и здесь его граница».

Или: «Несомненно, однако, что западники лучше славянофилов шьют сапоги. Токарничают. Плотничают. «Сапогов» же никаким Пушкиным нельзя опровергнуть. Сапоги носил сам Алекандр Сергеевич, и притом любил хорошие. Западник их и сошьет ему. И возьмет, за небольшой и честный процент, имение в залог, и вызволит «из нужды» сего «гуляку праздного», любившего и картишки и все. Как дух – западничество ничто. Оно не имеет содержания.

Но нельзя забывать практики, практического ведения дел, всего этого «жидовства» и «американизма» в жизни, которые почти целиком нужно предоставить западникам, ибо они это одни умеют в России. И конституция, и сапог. Не славянофилы же будут основывать «Ссудно-сберегательную кассу» и первый «Русский банк». А он тоже нужен». И уже во время Первой мировой войны, в апреле 1915 года, Розанов приходит к окончательной оценке славянофильства, которую он сам воспринял как озарение: «Славянофильство и нельзя изложить в 5-копеечных брошюрках (Каутский). Славянофильство непопуляризуемо. Но это – его качество, а не недостаток. От этого оно вечно. Его даже вообще никак нельзя «изложить». Его можно читать в его классиках. Научиться ему. Это – культура. Слава Богу, что догадался. Какая отрада. В «век разрушения» (XIX век) они одни продолжали строить. Продолжали дело царей и мудрецов. Осанна… Как радостна эта мысль»

«Петр и Иван Киреевские, Серафим Саровский, – все те, которые приходили к нам с горем, скорбью и умилением, – они СУТЬ Руси…»

Были, конечно, на Руси и подлинные светочи духовности, но они оставались вне поля зрения русской интеллигенции: «Настоящий русский прогресс давали Серафим Саровский, Амвросий Оптинский. Но мы не умели выслушать. И никто не мог понять».

Кроме славянофильства и власти, Розанов в современной ему России не видел никакой заслуживающей внимания идейной силы, и споры либералов с консерваторами вызывали у него лишь усмешку: «Катков произнес извозчичье:

– Тпррру…

– А линия журналов и газет ответила ему лошадиным лягением.

И вот весь русский консерватизм и либерализм».

Или: «…прав старый мой вопрос Соловьеву («О свободе и вере»): «да зачем вам свобода?» Свобода нужна содержанию (чтобы ему развиваться), но какая же и зачем свобода бессодержательному? А ведь русское общество бессодержательно.

Русский человек не бессодержателен – но русское общество бессодержательно».

Отношение Розанова к демократии (которая была тогда известна в России только по западным образцам) было еще более негативным: «Едва демократия начинает морализировать и философствовать, как она обращается в мошенничество. Тут-то и положен для нее исторический предел».

Розанов был русским националистом, ему не нравилось засилье инородцев в русской экономике и в прессе, но винил он в этом самих русских. Он внимательно вглядывался в русских людей, пытался постичь наш национальный характер. Но в отличие от Меньшикова не предъявлял к русским людям высоких требований, не требовал от них искоренения своих отрицательных свойств, а лишь записывал увиденное и снисходительно посмеивался.

Собственно экономических работ Розанов не писал, но в его произведениях есть меткие наблюдения, относящиеся к экономической жизни, а также характеристики авторитетов экономической мысли. Вот, например, его замечание о собственности: «В России вся собственность выросла из «выпросил» или «подарил» или кого-нибудь «обобрал». Труда собственности очень мало. И от этого она не крепка и не уважается»

Розанов, пожалуй, еще более ярко, чем Меньшиков (и тем более прежние славянофилы) показал хищническую сущность загнивающей Западной Европы и опасность, какую она представляет для остального человечества: «Европа ссыхается, высыхает; в ней же внешнее разрушение, а внутреннее, из центра идущее, – превращение в «святые мощи». Но из облитой золотом и каменьями раки усопший хватает куски мяса с живых: вот сорвали с Китая кожу, вот вырвали внутренности из Африки. И не может насытиться».

Розанов предвидел и то, каким образом будет разлагаться Европа: «Механизм гибели европейской цивилизации будет заключаться в параличе против всякого зла, всякого негодяйства, всякого злодеяния: и в конце времен злодеи разорвут мир».

– Корни этих пороков европейской культуры были уже в основе идеологии европейцев:

– «В основании мира было две философии: философия человека, которому почему-либо хочется кого-то выпороть; и философия выпоротого человека. Наша русская вся – философия выпоротого человека. Но от Манфреда до Ницше западная страдает Соллогубовским зудом: «кого бы мне посечь».

– Ницше почтили потому, что он был немец, и притом – страдающий (болезнь). Но если бы русский и от себя заговорил в духе: «падающего еще толкни» – его бы назвали мерзавцем и вовсе не стали бы читать».

В распаде России в немалой степени было виновато коррумпированное чиновничество, жившее казнокрадством и взяточничеством.

«Эта мышка, грызшая нашу монархию, изгрызшая весь смысл ее – была бюрократия. «Старое, затхлое чиновничество». Ко-

торое ничего не умело делать и всем мешало делать. Само не жило и всем мешало жить».

В начальной стадии взяточники хотя бы выполняли свои служебные обязанности: «Они берут взятки, но дело делают. Взятки что. Ratio. Настоящий ужас начинается с того, что они дело делают. Наивный Княжнин об этом не догадывался и воображал, что «взяточников легко выгнать со службы в шею». Их нельзя выгнать, ибо они делают, и иногда отлично, настоящее государственное и настоящее государево дело».

Однако по мере развития товарно-денежных отношений коррумпированность чиновников становилась угрозой национальной безопасности: «… суть революции кажется в том, что «чиновник» был невыносим. Он был хладен, бездушен и даже просто перестал заботиться о государстве (цензура и нигилизм). «Нам – все равно, был бы исполнен формально закон».

Таким образом чиновник из прежнего «служилого человека», из древнего «служилого человека», – превратился, побывав в университете, в гладкий штамп и мундир, без души и без совести.

В конце времени чиновники перестали «служить» своему Государю, «помогать своему» Государю.

Это было оскорбительно…

Наконец они стали «помалу и «втихомолку» продавать частицы России; немец и еврей стали «обходить чиновника» – и сам чиновник повис как рыбка «на золотой удочке». Стало совсем плохо. Государь совсем остался один. Было не «средостение», а «измена». Ибо все уже чиновники читали «высокопоставленный» «Вестник Европы» зятя банкира и еврея, то есть ели русский пирог с еврейским фаршем…

Потом пришел этот Витте из «международной» Одессы и женатый на еврейке. Без сомнения, были анонимные негласные пути, которыми евреи двигали Витте вперед, проводили его, показывали его, рекомендовали и защищали его. Вообще «закулисная история Витте» еще не раскрыта.

Витте справедливо не знал, что такое «консерватизм и либерализм», ибо это слишком почтенно. Он был вообще циник, – далекое будущее России ему было вовсе неинтересно. Ему подавай «сейчас» и «горяченькое», как всякому колонисту, чужеродцу и еврею».

Правда, Розанов уверяет, что этот порок процветал в основном в столице (хотя Гоголь писал «Ревизор» не на петербургском материале): «Правительство» у нас скорее лениво и неумело. Но оно принципиально не «зло», «коварно» и «выжимательно» («вы-

жимают налоги»). Злоупотребления по части «перебрать чужую денежку» мне впервые пришлось встретить в СПб и среди лиц очень высокообразованных, увы, ученых и литературных (не вру). В провинции служба безукоризненно чиста. Здесь «взять взятку» – самая мысль об этом представляет ужас. Провинциальные чиновники – молодцы: это дело ясное и очевидное».

Вообще Петербург, по Розанову, «…это не столько окно в Европу, сколько размалеванный балкон, на который русские барчуки и барыньки «выпяливаются» перед Европой, – после сна, мордобитья, карт и водки «у себя дома», во внутренних апартаментах.

На Европу смотрели» скорее из Москвы разные «архивны юноши», издававшие «Европейца» и занимавшиеся Гегелем. Из Петербурга же русские ни на что не «смотрели», а «казали себя», – «насколько мы образованны».

Не одни евреи опустошали Русь:

«Извне сосет немец и жид.

Изнутри – социализм.

Как же «русской коровушке» не быть худощавой?

Швед, жид и француз «собирает пенки» в Баку.

Еврей – везде (все банки).

Немец – в городах, в столице.

Мужику осталось «Господи, помилуй».

Причину многих бед России Розанов видел в том, что «у нас нет совсем МЕЧТЫ СВОЕЙ РОДИНЫ.

И на голом месте выросла космополитическая мечтательность.

У греков есть она. Была у римлян. У евреев есть.

У француза – «chere France», у англичан – «Старая Англия». У немцев – «наш старый Фриц».

Только у прошедшего русскую гимназию и университет – «проклятая Россия»...

У нас слово «отечество» узнается одновременно со словом «проклятие».

Посмотрите названия журналов: «Тарантул», «Оса». Целое издательство – «Скорпион»...

И все «жалят» Россию. «Как бы и куда ей запустить яда»...

Жалит ее немец. Жалит ее еврей. Жалит армянин, литовец. Разворачивая челюсти, лезет с насмешкой хохол.

И в середине всех, распоясавшись, «сам русский» ступил сапожищем на лицо бабушки-Родины»[39].

«…где же банкир? Купец хоть встает рано, заботится, улаживает отношения к рабочим. Что можно представить себе добрее

39 Розанов В.В. Соч. Т.2. М.1990. С 497–498.

ясного Давида Ивановича Морозова, который, имея большие миллионы в кармане, был прост и непритязателен, «как мы с вами». Как работает Дим. Ив. Сытин. Да не меньше каждого рабочего, – при уме явно гениальном. Суворин был отчасти купец и не имел и не хотел одного часа беззаботности. Не отрицаю, «заботится» и банкир: но какою-то отвратительною формою заботы. Банкир – ростовщик, суть банка есть суть роста. Банк дает «ссуду под %», – суть обыкновенного закладчика, обыкновенной закладчицы. Между тем что такое «миллионы Морозова и Сытина» около миллионов Ротшильда, Блейхредуэра, Мендельсона, Ротштейна, Вавельберга (на Морской). Все государства, то есть (плательщики налогов) все народы, платят банкирам, в задолженности у банкиров, которые тоже не произносят «с тоской»: «Что тяжеле, соха аль машина?»

Но вот русская революционная песенка обошла молчанием и петербургского Ротштейна, и Вавельберга, и берлинского Мендельсона, и Блейхредуэра, и парижского Ротшильда. Да отчего? Да песенка-то сложена для чтения русским, а написана она евреем Таном-Богоразом. И русские купцы, как и русские дворяне и «троны», Богоразу не родня, и ему «все равно», а Вавельберг и Ротшильд едят те же «кугли» и «мацу», как и Богораз в свою пасху, – и он так же волнуется около Менделя Бейлиса и благородного офицера Дрейфуса. Бедные русские студенты, бедные гимназисты и несчастные рабочие: как и Ротшильд. Но Ротшильд платит деньги подкупным газетам, а Богораз участвует в подкупны газетах.

Бедные русские студенты, бедные гимназисты и несчастные рабочие: какая длинная петелька, издали брошенная, затянулась над вашими шеями. Как понятен «на две руки работавший Азеф, – который и по сю пору оставался бы во главе «боевой организации социал-революционеров», не проболтайся тогда Лопухин. Да они все, оно все, «еврейство в революции», было коллективным Азефом, безличным Азефом: ибо по существу их цель – «передушить русских русскими же руками» – есть просто задача исторического еврейства, которому что до «Ярослава Мудрого и Александра Невского и Сергия Радонежского»?».

Суть марксизма Розанов представлял в соответствии с этой установкой: «Каким образом устроить всемирное ограбление с видом благожелательности и имея сострадательное лицо? Это разрешил «Капитал» Маркса. Пролетарии всех стран – соединяйтесь. Чтобы мои соотечественники, среди смуты, скупили за бесценок христианские глупые богатства. Как об этом полагают

русские критики, Флексер, Айхенвальд и «русский славянофил» Гершензон».

Розанова бесило, что русские не понимают, в какую кабалу они попали. Он удивляется тому, каким образом одна его знакомая, «доживя до 50-ти лет и будучи умна, практична, она не знает слова «ростовщик»?

Но таковы и все мы, русские».

Впрочем, он тут же поправляет сам себя: «Не знайте, русские, слова «ростовщик», оно – проклятое. И слово и понятие. А еще хуже – факт. Но: «банки все еврейские». Банк есть в сущности Ростовщическое заведение или что то же, Олицетворенный ростовщик, ростовщик с руками и ногами и головой, когда суть его по идее просто «мешок с деньгами», из которого и в который текут деньги».

«Да неужели же сейчас МАРКС не есть более крупная фигура, чем Георг VI английский? Даже странно спрашивать. Ни Эдуарда, ни Георга решительно никто «не несет на плечах своих», тогда как Марксу кричат – «Осанна» даже русские мальчики».

В борьбе власти с такой революцией и таким социализмом Розанов безусловно становится на сторону власти: «…Да, русская печать и общество, не стой у них поперек горла «правительство», разорвали бы на клоки Россию и роздали бы эти клоки соседям даже и не за деньги, а просто за «рюмочку» похвалы. И вот отчего без нерешимости и колебания нужно прямо становиться на сторону «бездарного правительства», которое все-таки одно только все охраняет и оберегает. Которое еще одно только не подло и не пропито в России».

Здесь Розанов как бы перекликается с одним из «веховцев», «славянофилом Гершензоном, который считал, что надо благословлять царскую власть, которая одна солдатскими штыками «охраняет нас от ярости народной».

А поскольку «общественное мнение» было явно настроено против власти, Розанов встает в оппозицию к нему: «Я понял, что в России «быть в оппозиции» – значит любить и уважать Государя, что «быть бунтовщиком» в России – значит пойти и отстоять обедню…»

То есть, в «оппозицию, которая состоит в:

1) помолиться,
2) встать рано и работать».

По-новому оценил Розанов и царское самодержавие, осознав его исторические корни: «…русский народ выработал такое учреждение, такую «должность» и «лицо», что как вот новый

вступает «в него», он вдруг начинает думать и действовать, «как Аристид и Кимон», то есть с молитвой только об одном – «как можно справедливее», как можно «лучше стране», и – «ничего мне», «ничего особого и отдельного мне». Царская власть есть чудо».

«Россия – первобытная, первоначальная страна; но только одно правительство это осознает, заботясь о хлебе, о пушках, о крестьянстве, о сословиях, а не об Амфитеатрове, Кугеле и Вере Фигнер. Революция же выскочила аристократишкой».

«Непонимание Государя – суть революции.

Суть 3/4 XIX века.

Черная память хвастунишек. По ничтожеству – их казнить не следовало, а только разжаловать в солдаты. Но по сути загажения русской истории на 25 лет их следовало…

Цари – с мужиками.

Цари помнят, что мужик спас Царя, а дворяне устроили ему гадость (мученическая кончина Павла I).

…дворяне все хотят «ввести его в себя», в «свой сонм». Окружить его. Улестить его.

…но через головы их Царь видит пашущего мужика. И дворянам не скажет, а в себе подумает: «вот кто за меня Богу молится».

…студенты и профессора хоть и очень демократичны, но взяли повадку дворянскую. Побежали за оппозиционным дворянином Герценом. Они отделились от мужика. У студента и профессора – ничего общего с мужиком. «Ты моего хлеба не ел и моей нужды не знаешь. Ты мне чужой. А Царь мне свой. Я спас Царя, а Царь спасет меня».

Вот разговор мужика с «ученым барчуком».

Студенты и профессора ни-че-го-хонько в народе не понимают.

…в 905 году раздавалось: «бить интеллигенцию». Тогда «не вышло»… Но – «выйдет». И мы еще интеллигенцию поколотим. Дожидайся на «орехи»…

Другой науки она не понимает. Слов не понимают. Мысли не понимают. А это – осязательно».

Такие понятия об идеальных отношениях царя с мужиком были до начала XX века широко распространены именно в среде крестьянства. Но после волны острых социальных конфликтов именно на почве аграрного вопроса даже в деревне от него не осталось и следа, а уж известнейший публицист-то должен был знать об этом.

Тут вот что интересно: «Конечно, все управление России было застойное, пассивное. Полагая себя «на верху положения» после войны 12-го года и «спасения Европы», державой первенствующей, Россия застыла в этом первенствующем положении, не задумываясь о том, что ведь «колесо катится». И незаметно и неуловимо скатились книзу. При «первенствующем положении» что же делать как не сохранять его: и вот сам Николай I и «все вокруг» приноровились к этому сохранению, и образовалось правительство застоя и политика застоя».

Значит, царская власть – чудо, а правительство (назначаемое царем) – застойное. Наверное, проще было бы сказать? Царская власть – в идеале чудо, а реальная царская власть – застойная и никуда не годится (далее, видимо, нужно было пояснять – почему?). Но этого, наверное, и после манифеста 17 октября написать в подцензурном издании было невозможно.

Начало этому катастрофическому разрыву между идеалом и действительностью Розанов был склонен видеть в восстании декабристов: «Безумие… состоит в мысли, упорной «как семь столбов», что русское правительство стоит каким-то злодеем над народом. В это решительно все они верят, и эта подлая клевета началась с несчастнейшего 14 декабря 1825 года».

Два главных завета оставил Розанов русскому народу – любовь к Родине и любовь к Церкви (при всех его колебаниях в отношении к ней): «Счастливую и великую родину любить не велика вещь. Мы ее должны любить именно когда она слаба, мала, унижена, наконец, глупа, наконец, даже порочна. Именно, именно когда наша «мать» пьяна, лжет и вся запуталась в грехе, – мы и не должны отходить от нее…Но и это еще не последнее: когда она наконец умрет и, обглоданная евреями, будет являть одни кости, – тот будет «русский», кто будет плакать около этого остова, никому ненужного и всеми плюнутого. Так да будет…».

«Кто любит народ русский – не может не любить церкви. Потому что народ и его церковь – одно. И только у русских это – одно».

«Церковь есть не только корень русской культуры – это-то очевидно даже для хрестоматии Галахова, – но она есть и вершина культуры. Об этом догадался Хомяков (и Киреевские)…».

Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944), философ, богослов, экономист, литературный и художественный критик, священник, политический и церковный деятель. Родился в г. Ливны Орловской губернии, окончил духовное училище, поступил

в духовную семинарию, но оставил ее и окончил юридический факультет Московского университета по кафедре политической экономии.

Став преподавателем политической экономии в Московском императорском техническом училище, он активно сотрудничал в журналах либерально-народнического и марксистского направлений («Русская мысль», «Новое слово», «Научное обозрение», «Начало»). Его университетские воспитатели были последователями марксизма, популярного тогда среди либеральной российской интеллигенции (это были так называемые «легальные марксисты», сочетавшие словесную преданность революционному учению и оппозиционность государственному строю с комфортным существованием высокооплачиваемых интеллигентов). И первые публикации Булгакова – статьи «О закономерности социальных явлений» (1896 г.) и «Закон причинности и свобода человеческих действий» (1897 г.), а также книга «О рынках при капиталистическом производстве» были выдержаны в духе марксистской теории.

В 1898 году Булгаков был направлен в двухгодичную научную командировку в Германию для подготовки к профессорскому званию. За эти два года он подготовил к защите диссертацию, а также опубликовал статьи «О некоторых основных понятиях политической экономии» (1898) и «К вопросу о капиталистической эволюции земледелия» (1899). Работал Булгаков в Берлине, где встречался со столпами германской социал-демократии Бебелем и Каутским. Он выезжал на короткое время в Париж, Лондон, Женеву (там он познакомился с Плехановым), Цюрих, Венецию.

Россия рубежа XIX–XX веков была крестьянской страной, от того, как пойдет развитие земледелия, во многом зависели ее исторические судьбы. Однако российские марксисты не спешили заняться аграрной тематикой на отечественном материале. Поэтому Булгаков избрал темой диссертации «Капитализм и земледелие», поставив своей целью показать, как выявленные Марксом для промышленности законы концентрации производства и капитала действуют в аграрном секторе экономики. Иными словами, он хотел подтвердить правоту Маркса, распространив исследование на ту область, которой основоположник марксизма не смог уделить достаточно внимания. К изучению фактов он подошел, как всегда и во всем, добросовестно и неожиданно для себя пришел к выводу, что Маркс в этом вопросе ошибся.

Маркс изучал капитализм в аграрном секторе на примере Англии, где земля принадлежала крупным собственникам, главным

образом лордам, которые сами не вели хозяйства, а сдавали землю в аренду фермерам. В свою очередь, фермеры вели хозяйство руками наемных работников, безземельных пролетариев. Такие условия не встречались в других странах Европы, тем не менее Маркс назвал Англию классической страной капиталистического способа производства в земледелии.

Само это выражение, вероятно, можно понимать по-разному. Позволительно считать Англию классической страной в этом отношении как идеальное выражение капиталистических отношений в сельском хозяйстве, которого другие страны так и не достигнут. Однако в большинстве случаев как бы предполагалось другое: Англия – классическая страна именно в том смысле, что другие страны придут к тому же экономическому строю, какой сложился в ней (страна, более развитая в промышленном отношении, показывает стране, менее развитой, лишь картину ее собственного будущего, – считал Маркс.) Булгаков выступил против этой точки зрения, считая, что такие условия сельскохозяйственного производства, какие Маркс счел классическими, не встречаются в других странах Западной Европы, а в России тем более. Это Англия – исключение в данном отношении.

Тщательно изучив данные о развитии сельского хозяйства в Германии и других странах Западной Европы, Булгаков пришел к выводу, что теория Маркса применительно к аграрному сектору экономики ошибочна (впоследствии применительно к условиям России этот вывод был подкреплен глубокими исследованиями А.В. Чаянова, выявившего законы экономики трудового крестьянского хозяйства, не соответствующие теории Маркса). Результаты своих исследований он изложил в двухтомной диссертации «Капитализм и земледелие» (1900).

Согласно академической традиции, соискатель ученой степени, представивший диссертацию в двух томах, мог претендовать на присвоение ему докторской степени, минуя магистерскую. Однако члены Ученого совета, придерживавшиеся марксистских взглядов, не простили Булгакову выводов, которые могли бы подорвать авторитет Маркса. Несмотря на то, что диссертант показал великолепное знание материала и блестяще провел всю защиту, он докторской степени не получил. Поэтому ему не нашлось работы в Москве.

Но Булгаков был уже хорошо известен в кругах российской интеллигенции, и его избрали профессором Киевского политехнического института и приват-доцентом Киевского университета Св. Владимира.

Булгаков вспоминал, что из-за границы он возвратился «уже с разложившимся марксизмом». В Киеве он с этим учением распрощался окончательно. Здесь он близко познакомился с последователями умершего в 1900 году Вл. Соловьева, осмыслил идею Герцена о «русском общинном социализме» и тезис Достоевского о «всесветном единении во имя Христово» как о «русском социализме». С глаз Булгакова, сына священника (и даже выходца из династии священников в пяти поколениях), окончившего духовное училище и учившегося в духовной семинарии, вдруг спала пелена. Он осознал бездуховный характер теории Маркса, для которого люди были лишь носителями определенных общественных отношений, а не живыми личностями с их размышлениями о смысле жизни, о своем месте в мироздании. «Для него (Маркса) проблема индивидуальности, абсолютно неразложимого мира человеческой личности, интегрального ее состава не существует», а без этого можно построить муравейник, но не человеческое общество.

Примечательно, что Булгаков, когда был еще марксистом и отрицательно относился и к царской власти, и к Церкви, сам был человеком религиозно настроенным и придерживался убеждения, что учение марксизма носит религиозный характер. Марксист, будучи атеистом, верит в то, что Бога нет, тогда как верующий верит в то, что Бог есть. Эти мысли он высказал в статье «Карл Маркс как религиозный тип». Марксизм – это светский вариант ветхозаветной эсхатологии, а Маркс – это новый ветхозаветный пророк. «В основе социализма как мировоззрения лежит старая хилиастическая вера в наступление земного рая… Избранный (еврейский) народ, носитель мессианской идеи заменился пролетариатом».

Но надо думать не об избранных, не о классе, а о всем человечестве. Об этом думал Вл. Соловьев, создавший учение о богочеловечестве. Жизнь и деятельность человека носит не только глобальный, но и космический характер, речь должна идти об «обожении твари», а марксизму вообще чужда такая постановка вопроса. К тому же Булгаков хорошо разобрался и в личных качествах Маркса, отнюдь не украшающих этого деятеля.

Вот заключительный отрывок из этой знаменитой работы Булгакова, в которой он оценивает итог деятельности Маркса: «Да придет Царствие Твое! Да будет воля Твоя на земле, как и на небе»!

Такова наша молитва. Такова же и конечная цель мирового и исторического процесса. Таков должен быть высший и единственный критерий для оценки человеческих деяний, определяющий

их как плюс или минус в мироздании, дающий им абсолютный и окончательный, то есть религиозный коэффициент. Употребили ли мы дарованные нам Богом силы для создания Царствия Божия, Которого нам дано не только ожидать, но и в меру сил подготовлять хотя бы в качестве последних и ничтожных каменщиков – в этом деле нет ничего ничтожного – или мы растратили силы эти втуне, в постыдной праздности и лени, или, наконец, употребили их на работу «во имя свое», чуждую и враждебную целям Царствия Божия?!

В жизни и деятельности каждого, в разном сочетании, имеются элементы всех этих трех категорий, и никто не дерзнет подвести общий баланс и высказать последний приговор про ближнего своего: он враг дела Божия!

Но эта невозможность окончательной оценки, которая принадлежит лишь праведному суду Божию, никоим образом не освобождает нас от обязанности испытующим взором вглядываться в жизнь, где зло ведет, как мы знаем, непримиримую борьбу с добром и, что самое опасное, в этой борьбе выступает иногда под личиною добра, различаясь от него не по внешним, а только по внутренним признакам. И, верные этому требованию, хоть отнюдь не дерзая на подведение общего итога, мы должны различить в Марксе, наряду с работой Господней, энергию совсем иного порядка, зловещую и опасную, – он загадочно и страшно двоится.

Социалистическая деятельность Маркса как одного из вождей движения, направленного к защите обездоленных в капиталистическом обществе и к преобразованию общественного строя на началах справедливости, равенства и свободы, по объективным своим целям, казалось бы, должна быть пронизана работой для созидания Царства Божия. Но то обстоятельство, что он хотел сделать это движение средством для разрушения святыни в человеке и поставления на место ее самого себя и этой целью руководствовался в своей деятельности, с религиозной точки зрения, должно получить отрицательную оценку; здесь мы имеем именно тот тонкий и самый опасный соблазн, когда добро и зло разлучаются не снаружи, а изнутри. Что здесь перевешивает – плюс или минус – мы узнаем только тогда, когда будет подведен и наш собственный баланс, а сами должны оставить вопрос открытым. Однако высказать здесь то, что, после многолетнего и напряженного вглядывания в духовное лицо Маркса, мы в нем увидели и чего не видят многие другие, мы сочли своим долгом, делом совести, как бы ни было это принято теми, кому сродна как раз эта темная, теневая сторона Марксова духа»..

Итоги долгих раздумий Булгакова были изложены в десяти статьях 1896–1903 годов, вошедших в сборник «От марксизма к идеализму». По ним можно было проследить, как постепенно менялся его взгляд на понимание человека и общества. Уже здесь Булгаков пытался увязать социальный идеал с основными постулатами этики христианства, что станет для него важнейшим вопросом теоретической экономики. Затем последовали его статьи в знаменитых сборниках «Проблемы идеализма», «Вехи» и «Из глубины».

Став сотрудником журнала «Освобождение», издававшегося П.Б. Струве в Штутгарте, Булгаков выезжал за границу, где на совещаниях общался со многими видными деятелями движения российских либералов, впоследствии составившими ядро партии кадетов. Однако и с ними ему было не по пути: «освобожденцы» были равнодушны, а подчас и враждебны к христианству, идеи которого все более захватывали Булгакова, который пытался именно на этих идеях основать свою программу социальных преобразований.

Более плодотворным оказалось сотрудничество Булгакова с журналом «Вопросы жизни», где ему удалось изложить свое понимание «христианской политики» в связи с актуальными проблемами экономической и общественной жизни России, переживавшей, по его убеждению, «глубокий и всесторонний» кризис. В обстановке резкого обострения социальных противоречий Булгаков искал пути достижения той «цельности» жизни, которая принесет мир «внешний и внутренний», станет основой социального обновления. При этом он считал, что политическое и экономическое оздоровление страны – даже не главное, потому что «народнохозяйственный и общественный организм» теряет жизнь, если его покидают силы духовные. А именно в духовной сфере жизни России Булгаков увидел корень всех бед – «извращение», «искажение до неузнаваемости» нравственного облика русского человека, его «духовное одичание». Он доказывал, что «национальное обновление необходимо предполагает не только экономическое и политическое, но и духовное, религиозное, – реформа должна сопровождаться реформацией и ренессансом…»

В 1905 году Булгаков предпринимает попытку создать христианско-социалистическую партию «Союз христианской политики», надеясь на то, что именно идеи христианского социализма могут сплотить ради служения России людей с различными политическими взглядами. Ведь государственное регулирование производства и экономической жизни смогут водворить гармонию и мир

в общественных отношениях. Как «беспартийный конституционалист» («христианский социалист») Булгаков выиграл выборы и стал депутатом II Государственной Думы. Эта «красная Дума» просуществовала всего четыре месяца и была распущена, но и такого короткого срока для Булгакова было достаточно, чтобы навсегда отвратить его от революции и от социализма, насаждаемого насилием.

После революции 1905 года Булгаков возвращается в Москву. Среди его работ этого периода выделяется прочитанный в 1909 году доклад «Народное хозяйство и религиозная личность», в котором дана исчерпывающая характеристика современной Булгакову экономической теории вообще и политической экономии в особенности: «Политическая экономия в настоящее время принадлежит к наукам, не помнящим своего родства. Ее начало затеривается в зыбучих песках философии просветительства XVIII века. У ее колыбели стоят с одной стороны представители естественно-правовых учений с их верой в неповрежденность человеческой природы и предустановленную естественную гармонию, а с другой стороны – проповедники утилитаризма – И. Бентам и его ученики, исходящие из представления об обществе, как о совокупности разрозненных атомов, взаимно отталкивающихся представителей различных интересов. Общество здесь рассматривается как механизм этих интересов, социальная философия превращается в «политическую арифметику», о создании которой мечтал Бентам. Политическая экономия усвоила от него абстрактное, одностороннее, упрощенное представление о человеке, которое и до сих пор в значительной степени царит в ней. Таким образом сложилась, между прочим, предпосылка классической политической экономии об «экономическом человеке, который не ест, не спит, а все считает интересы, стремясь к наибольшей выгоде с наименьшими издержками. Это – счетная линейка, с математической точностью реагирующая на внешний механизм распределения и производства, который управляется своими собственными железными законами».

Такое упрощение вполне допустимо в науке с целью более детального изучении своего предмета. Однако когда забывают об этой условности и живого человека приравнивают к абстракции «экономического человека», выводы политической экономии оказываются ложными. Народное (и мировое) хозяйство, конечно, есть механизм, «но вместе с тем оно не есть и никогда не может быть только механизмом, как и личность не есть только счетная линейка интересов, а живое творческое начало… Хозяйство ведет хозяин… Новое, европейское отношение к хозяйственному труду вносится в историю

христианством и в этом смысле именно в нем потенциально зарождается и народное хозяйство, и наука о народном хозяйстве».

Булгаков прослеживает влияние разных религий на отношение к труду и хозяйству и, в частности, отмечает, что «труд, хотя и в «поте лица», отпечатывается, например, в сознании русского крестьянина как особое религиозное делание…». Показывает он и роль монастырей (как в Западной Европе, так и на Руси) в развитии хозяйства.

Капитализм также связан с особым капиталистическим духом, порожденным протестантской религией. По Булгакову, «идеальный» капиталист считает себя обязанным по отношению к своему имуществу и его увеличение путем производительных затрат признает своим долгом, высшее благо для капиталистической этики состоит в увеличении богатства, рассматриваемого как самоцель». Но особую роль в развитии капитализма сыграл кальвинизм (и пуританизм) с его учением о предопределении. Согласно этому учению, Бог заранее предопределил одних людей к райскому блаженству, а других к вечным мукам. И одним из признаков избранничества служит помощь Бога в коммерческих делах. Это было возвращением от Нового Завета к Ветхому Завету, «недаром пуританизм часто называли английским еврейством… В пуританизме с грандиозной силой пробудилась и характерная для еврейского мессианизма вера, что англосаксы избранный народ Божий, призванный властвовать над другими народами ради спасения и просвещения их же самих… пуританский аскетизм стоит у колыбели современного «экономического человека, орудующего на бирже и рынке. Эпоха XVII века завещала своей утилитарной наследнице прежде всего необычайно спокойную – мы смело можем сказать – фарисейски спокойную совесть при наживании денег, если оно только совершается в легальной форме».

Далее Булгаков переходил к задачам текущего момента: «В настоящее время, впрочем, как и всегда, борются между собою два отношения к миру вообще и к хозяйственной жизни в частности: механически-утилитарное и религиозное… Господство утилитаризма и упадок личности угрожают подорвать хозяйственное развитие», потому что «народное хозяйство требует духовного здоровья народа». Каждый класс должен помнить не только о своих правах, но и о своих обязанностях. Булгаков одним из первых говорил о том, что «требования хозяйственной жизни по отношению к личности, прежде всего как «фактору производства», силою вещей все повышаются», что все большее значение приобретает развитие личности, в наше время называемое «человеческим капиталом»,

а это «предполагает признание высших этических и, в конечном счете религиозных ценностей, нравственных обязанностей в сфере профессионального труда».

Марксизм – это развитие бентамизма, что делает его «фактором, понижающим моральные качества представителей труда, задерживающим развитие производительных сил, усиливающим общественную вражду, но в то же время лишенным творческих сил…

Социализм, если он хочет быть действительно высшей формой хозяйства, не теряющей уже достигнутого, но способной развивать производительные силы далее, еще в меньшей степени может мириться с бентамизмом; напротив, он требует такой личной ответственности и самодисциплины, которые неосуществимы во имя одних только личных интересов, но предполагают высокую этическую культуру».

И, наконец, Булгаков сказал об опасности, грозящей России, о чем либералы того времени предпочитали умалчивать: «Упругая воля и зоркий глаз теперь слишком редко встречаются в нашем образованном обществе, и, благодаря этому низкому качеству человеческой личности, происходит медленное, но неизбежное (если останется без изменений) экономическое завоевание России иностранцами». И он формулирует те изменения, которые нам нужно осуществить не только в экономической политике, но и в отношении к труду, чтобы противостоять этому натиску иностранного капитала и обеспечить достойную роль нашей страны в мировой экономике.

В 1907 году вышел из печати первый том «Философии общего дела» Н.Ф. Федорова, оказавшего большое влияние на Булгакова. Развивая идеи Вл. Соловьева и Федорова, Булгаков сделал космизм одной из главных черт своего дальнейшего творчества.

Булгаков все же защитил докторскую диссертацию, избрав ее темой «Философию хозяйства». Первый том ее вышел в 1912 году отдельной книгой. В ней хозяйственная деятельность человека представлена как его соработничество с Богом в деле преображения мира и рассматривается не только с общетеоретических и практических, но и с космических и религиозных позиций. Такого исследования мировая наука до того времени еще не знала.

Именно в этом фундаментальном труде Булгакова проявилась преемственность с идеями славянофилов, которых отличали космизм их мировидения и понимание религиозного смысла экономической деятельности человека.

«Философия хозяйства» – главный экономический труд Булгакова, выведший экономическую мысль на космический уровень и

первым из русских исследований получивший мировое признание. Книга, представляющая собой первый из двух томов диссертации, вышла в Москве в 1912 году (переиздание – М., 1990), ее тема – «мир как объект трудового, хозяйственного воздействия… человек в природе и природа в человеке».

Собственно экономическая часть этого труда сводится к двум проблемам: анализ экономизма (экономического материализма) как определяющей черты современности, и христианское понимание экономики.

Общество начала XX века переживало «мир как хозяйство», любило богатство, в отличие от Средневековья, когда царил аскетический идеал (хотя корыстолюбивый и низкий маммонизм существует во все времена). «Жизнь есть процесс хозяйственный» – такова аксиома этого современного экономизма, наиболее полным выражением которого стал марксизм. Это больше чем поклонение мамоне, но задача заключается не в осуждении, а в понимании и внутреннем преодолении экономизма, поскольку в нем есть и своя частичная правда. «В экономическом материализме говорит суровая жизненная честность, он отдает свое внимание значению нужды, заботы о куске насущного хлеба, которая тяготеет над большинством человечества». Поэтому практически все экономисты суть марксисты, хотя бы даже ненавидели марксизм.

Хотя жизнь понимается марксистами как хозяйственный процесс, они не выработали определения хозяйства. Им хозяйство представляется чем-то само собой разумеющимся. Как писал Ф. Энгельс, чтобы жить, человек должен иметь пищу, одежду, жилище и пр. Получается, что человек подобен какому-нибудь жучку, который, едва выйдя из яйца, никем не научаемый, ищет пищу и совершает иные жизненные отправления. Так и человек вступает в процесс производства и, следовательно, в определенные производственные отношения с себе подобными.

Булгаков же начинает анализ экономики с рассмотрения места жизни вообще (и человека, в частности) в космосе. Очевидно, что в мире существует только смертная жизнь, то есть все живое смертно, бессмертен один Бог. Жизнь ведет непрерывную борьбу со смертью, а бездушные силы космоса стремятся задавить ее. В человеческом обществе борьба за жизнь есть в первую очередь борьба за пищу.

Но, обороняясь от натиска сил смерти, человек при первой же возможности переходит в наступление, стремясь покорить враждебные силы природы, стать их хозяином. Вот этот процесс и есть хозяйствование, которое можно называть очеловечением при-

роды. Природа перестает быть слепой и в человеке осознает саму себя, становится зрячей, превращается в периферическое тело человека. В человеке осознает себя natura naturans (природа творящая), лежащая в основе natura naturata (природы сотворенной), но ею закрытая и как бы придавленная. «Демиург в хозяйственном процессе организует природу, превращая ее механизм снова в организм… восстановляет в сознании утерянное и позабытое единство natura naturans и natura naturata и тем превращает мир в художественное произведение, в котором из каждого продукта светит его идея, и весь мир в совокупности становится космосом, как побежденный, усмиренный и изнутри просветленный хаос».

«Хозяйство есть творческая деятельность человека над природой; обладая силами природы, он творит из них, что хочет. Он создает как бы свой новый мир, новые блага, новые знания, новую красоту, – он творит культуру…». Но «творчество в собственном смысле, создание метафизически нового, человеку, как тварному существу, не дано и принадлежит только Творцу… И бунт твари против Творца, уклон сатанизма, метафизически сводится к попытке стереть именно это различие, стать как «боги», иметь все свое от себя».

Хозяйство неразрывно связано со знанием. «Хозяйство есть знание в действии, а знание есть хозяйство в идее». «Хозяйственный труд есть уже как бы новая сила природы, новый мирообразующий, космогонический фактор, принципиально отличный притом от всех остальных сил природы. Эпоха хозяйства есть столь же характерная и определенная эпоха в истории земли, что можно с этой точки зрения всю космогонию поделить на два периода: инстинктивный, до-сознательный и до-хозяйственный, – до появления человека, и сознательный, хозяйственный, – после его появления».

Такого понимания хозяйства мировая наука еще не знала, оно могло возникнуть лишь у ученого, вполне владеющего как категориями богословия и христианской философии, так и всем богатством светского теоретического знания. Далее Булгаков ставит важнейший философский вопрос: может ли человек своими силами преодолеть смерть или же это – удел Того, Кто «смертию смерть попрал»? (здесь он мимоходом касается и учения русского мыслителя Н.Ф. Федорова).

Хозяйствование – это труд, направленный к определенной цели. Человек трудится во исполнение Божьего слова: «В поте лица твоего будешь есть хлеб свой, доколе не возвратишься в землю, из которой взят». Мир как хозяйство – это мир как объект труда и как продукт труда. С этих позиций Булгаков рассматривает производ-

ство и потребление, а также технологию, науку, искусство и другие категории общественных наук Он констатирует, что политическая экономия видит труд только в его продуктах, рассматривает его наряду с другими факторами производства – землей и капиталом, тогда как в действительности труд – это и преобразование самого человека. Но и она приходит к выводу: «хозяйство, рассматриваемое как творчество, есть и психологический феномен, или, говоря еще определеннее, хозяйство есть явление духовной жизни, в такой же мере, в какой и все другие стороны человеческой деятельности и труда».

Политическая экономия считает себя самостоятельной и самодостаточной наукой, замкнутой системой знания, выводящей свои положения из собственных аксиом. Но «творение из ничего не дано человеку ни в философии, ни в других делах». И сами аксиомы той или иной науки вовсе не так очевидны, как предполагается ее создателями (известно, что Лобачевский, усомнившись в одном из постулатов Евклида, создал неевклидову геометрию).

По Булгакову, труд есть единство свободы и необходимости. «Труд свободный, бескорыстный, любовный, в котором хозяйство сливается с художественным творчеством», был уделом человека до его грехопадения, и он остается в человеке как свидетельство «образа Божия». Тогда Адам был введен Богом в «сад Эдемский», и ему было поручено «возделывать его и хранить его». Это было «райское хозяйство». По замыслу Бога, человек должен был превратить в рай всю землю, всю вселенную. Здесь Булгаков ссылается на учение византийского мыслителя и богослова преподобного Максима Исповедника (около 580 – 662). «Но после грехопадения человека… смысл хозяйства и его мотивы изменяются. Тяжелый покров хозяйственной нужды ложится на хозяйственную деятельность… целью хозяйства становится борьба за жизнь, а его естественной идеологией экономический материализм».

Но такое положение не вечно. Второй Адам – Христос пришел на землю, чтобы открыть людям путь к освобождению от гнета хозяйственной необходимости и от смерти.

Хозяйство ведет не одинокий человек, а из самостоятельных хозяйственных актов отдельных людей складывается мировой, родовой и исторический, общественный процесс хозяйствования человечества. Единый субъект хозяйства – Мировая Душа, Божественная София, Премудрость Божия (учение Булгакова о Софии, принятое им от П.А. Флоренского и Вл. Соловьева и распространенное на все явления жизни, не признано Церковью, и здесь софийная сторона книги не рассматривается). Для Бога человек со скрытыми в нем воз-

можностями и силами истории вполне прозрачен, и именно благодаря этому гарантируется исход истории, отвечающей божественному плану. Свобода распространяется лишь на ход исторического процесса, но не на его исход. Промысел Божий, путем необходимости ведущий человека, есть поэтому высшая закономерность истории.

Поэтому высшая, «сверххозяйственная» цель хозяйства остается прежней. Искусство есть цель и предел хозяйства, хозяйство должно возвратиться к своему первообразу, превратиться в искусство. Разумеется, современная наука о хозяйстве – политическая экономия совершенно не отвечает своему призванию. И Булгаков анализирует основные понятия политической экономии, ее метод и стиль.

Преобладающий в современных общественных науках социальный детерминизм «рассматривает историю как область исключительного господства неизменных законов. Ее ход подобен наперед заведенному часовому механизму, и на этом основании возможны (если не фактически, то принципиально) научные предсказания будущего, «прогноз» на основании исчисления причин и следствий. Социология приравнивается, таким образом, несовершенной или незавершенной астрономии или, шире, вообще, математическому естествознанию».

Всякая наука, в том числе и социология и политическая экономия, упрощает действительность, ставя на место конкретности с ее неисследимой сложностью и неопределенностью схематические понятия, без этого человеческое познание вообще невозможно. К тому же жизнь – это единство логического и алогического, а наука способна лишь на создание логических систем знания. «Рядом с миром конкретным создается мир абстрактный, логически прозрачный, и на темном и непроницаемом фундаменте возводится светлое здание… Но не надо никогда забывать, что мышление, основанное на отвлечении от жизни, есть порождение рефлектирующей деятельности разума, саморефлексия жизни».

Социальную жизнь изучают разные общественные науки, и каждая из них рассматривает только одну свою сторону объекта, отбрасывая все прочие как несущественные для нее. Наука вырезает для себя куски действительности и изучает их так, будто бы это и была вся действительность. Живое целое социальной жизни не ложится под скальпель научного анализа, человек не может взглянуть на мир в целом Божеским оком. Единая истина для человека – недоступная «вещь в себе», и наука множественна по своей природе, вера в абсолютные системы знания после Гегеля подорвана навсегда. Поэтому притязания «научного» социализма однозначно и научно

определить социальную жизнь и даже вообще человеческую историю, несостоятельны. Только «христианство одинаково далеко и от материализма и от субъективного идеализма, оно снимает противоположность плоти и духа в своем учении о человеке, как воплощенном духе, живом единстве обоих».

Социальные науки основывают свои выводы на анализе прошлого и делают предсказания на будущее, молчаливо предполагая, что и впредь все будет идти в том же духе, что и прежде, а свобода и творчество, по сути, отвергаются ими. Конкретное творчество жизни, в котором действует живая причина, то есть причинность через свободу, им недоступна.

Предсказание можно считать таковым, если оно указывает точно на место и время совершения предстоящего события. Если просто «предсказать» человеку, что он умрет, в этом не будет ничего нового. «Прогноз» без места и времени можно в лучшем случае назвать тенденцией. А на чем основан вывод о неизбежном конце капитализма и победе социализма у Маркса с его фатализмом классовой психологии? Не на науке, а на том, что люди или общественные группы хотят социализма, видят в нем – справедливо или ошибочно – панацею от всех социально-экономических зол.

«В основе социализма лежит, несомненно, воля к нему и вера в него, имеющая своеобразный религиозный оттенок, и это сохраняет всю свою силу, конечно, и относительно Маркса и Энгельса... С учением о научности социализма может связываться и такое представление, будто наукою обосновывается наступление земного рая, идеального состояния жизни отдельных личностей и общества, приносящего с собой разрешение всех жизненных вопросов и обозначающее «прыжок из необходимости к свободе»… В этом смысле социализм имеет, конечно, столько же общего с научностью, как и картины магометова рая».

Политическая экономия – наука о народном богатстве (и о бедности), поскольку оно становится личным достоянием. Она возникла в обществе, где господствует личное стремление к обогащению, конкуренция индивидов, групп, классов и народов. Первая ее школа – меркантилизм – вообще выглядела как откровенная апология личной жадности, «экономического человека». Затем возникли другие школы, различающиеся ответом на вопрос: «Что такое богатство». В одних школах это деньги, в других земля, в третьих материальные продукты труда, в четвертых человеческая жизнь и т.д. Но человек есть воплощенный дух и одухотворенная плоть, духовно-материальное существо, а исследовать такой объект не под силу науке о хозяйстве, это предмет философии хозяйства.

Политическая экономия совершенно не интересуется явлениями индивидуальной хозяйственной жизни как таковыми, она понимает и истолковывает их только в связи с другими явлениями, как социальные совокупности. Единичное существует для нее лишь как средний экземпляр своего социального типа: например, данный рабочий Иван Сидоров существует здесь как член класса пролетариата. Оперируя такими совокупностями, мысленно продолжив лишь одну из «тенденций», то есть обобщение некоторых сторон современной действительности, Маркс и составил свой «прогноз» о переходе от капитализма к социализму. «Ничего нового», или отрицание исторического и индивидуального, есть боевой лозунг и социологии, и политической экономии. Но мы знаем, что было в XIX и в XX веках, но не можем знать, например, что будет в XXII, в XXIII и т. д. веках. Разгадать сокровенный смысл истории и ее конечную цель честная наука не в состоянии.

Но, конечно, на этом ответе никогда не может успокоиться человеческий дух. На предсказаниях о судьбах будущего человечества возникли религии, зажигающие в людях самые святые чувства, призывающие на подвиг и борьбу, воспламеняющие современные сердца. Свою псевдорелигию создает и социализм.

Но социализм, желая стать научным, «утрачивает величественный дух Гегеля, и в него вселяется совсем не величественный дух Иеремии Бентама с его моральной арифметикой вместе с меркантильным духом классической политической экономии... Экономический материализм в бентамизме вульгаризуется и принимает резкие, угловатые и нередко карикатурные формы. Он вырождается в стремление объяснять все из жадности и видит одну экономическую подоплеку в величайших движениях истории: история Реформации превращается в историю свиноводства и землевладения XVI века, а история первохристианства – в историю рабства, латифундий и пролетариата в Римской империи и т.п.… История, которая Бентаму представлялась как борьба интересов отдельных лиц, у Маркса стала рассматриваться как борьба классов, появилась идея классовой борьбы в качестве объяснения исторического процесса».

Сам Булгаков допускал возможность осуществления «христианского социализма», но теорию социализма, призывающую к революции, диктатуре пролетариата и кровавым гражданским войнам, отрицал.

Разочаровавшись в политическом христианском социализме, Булгаков не оставил идею социального христианства – она волновала его до конца его дней. Наиболее полно он выразил свое понимание этой идеи в статье «Православие и хозяйственная жизнь».

По мнению Булгакова, «каждая хозяйственная эпоха имеет своего собственного economic man», существует и христианский и – более определенно – православный тип «экономического человека». Христианин «приемлет как творение Божие, возглавляемое человеком, с любовью к нему, но и с независимостью от него, какая свойственна существу, сознавшему свою духовность. Человек выше природы, но он есть, вместе с тем, и природное существо. И этим именно устанавливается положительное отношение человека к природе как к саду Божьему, к возделыванию которого он призван, но вместе с ней и к господству над ней…. В отношениях между человеком и природою не только входит труд человека, но и привходит освящающая благодать Св. Духа…». Духовная сила перековывается и в материальное богатство, «по общему закону жизни, согласно которому дух господствует над веществом, а не наоборот… Экономический человек, хозяйственный деятель в христианстве, определяется его верою… И эта религиозная установка определяет духовный тип хозяйственного деятеля, который должен проходить свое хозяйственное служение, в каком бы социальном положении он ни был, с чувством религиозной ответственности».

Булгаков признает, что «исторически православие имело пред собой в течение тысячелетий преобладание аграрного хозяйства с слабо выраженным промышленным и денежным капитализмом». Но это не мешало ученому высказать свое отношение к капитализму. Оно сводится к трем положениям: 1) «… православие не может себя связать ни с каким из существующих классов (хотя это и хотят ему навязать справа и слева). Христианство стоит выше классов с их ограниченностью и эгоизмом». 2) «… православие не стоит на страже частной собственности как таковой…». 3) «… православие не может защищать капиталистической системы хозяйства как таковой, ибо она основана на эксплуатации наемного труда, хотя и может до времени мириться с ним в виду его заслуг в поднятии производительности труда и его общей производственной энергии. Но здесь есть бесспорные пределы, перехождение которых не имеет оправдания».

Осуждает Булгаков и современное язычество, роскошь и извращенность богатых. Безусловно осуждая безбожный социализм, он в то же время отмечает: «Однако этот печальный факт не делает эту связь социализма с безбожием и оставляет возможность для иного христианского будущего. Ибо душа человека по природе христианка, и она не может до конца удовлетворяться одним хлебом.

Каково же собственное отношение православия к социализму? Оно не дало доселе вероучительного определения по этому во-

просу, да оно и не нужно, потому что это есть вопрос не догматики, но лишь социальной этики.

Однако в православном предании, в творениях вселенских учителей Церкви (свв. Василия Великого, Иоанна Златоуста и др.), мы имеем совершенно достаточное основание для положительного отношения к социализму, понимаемому в самом общем смысле, как отрицание системы эксплуатации, спекуляции, корысти…».

О социализме нельзя судить только по советскому опыту: «Возможен… свободный или демократический социализм и, думается нам, его не миновать истории. И для православия нет никаких причин ему противодействовать, напротив, он является исполнением закона любви в социальной жизни. И православие имеет в себе силы для этого социального призвания – освещать исторический путь человечества своим светом, будить социальную совесть, благовествовать труждающимся и обремененным… здесь мы имеем еще не раскрытую сторону христианства, и ее раскрытие принадлежит будущему. Для христианства, конечно, недостаточно только приспособляться к происшедшим в жизни независимо от него изменениям и, притом, не всегда свободно и невынужденно, как это было и есть до сего времени. Оно призвано вести народы, пробуждать их совесть и напрягать их волю к новым целям, которые объемлются в его безмерности. Иными словами, мы чаем пробуждения нового пророчественного духа в христианстве… Речь идет о большем, даже неизмеримо большем, нежели «христианский социализм» в разных его видах, как он существует во всех странах.

Речь идет о новом лике христианства общественного, о новом образе церковности и творчества церковного социального.

Да, и христианство имеет свою социальную и коммунистическую «утопию», которая совершается здесь на земле, и имя ей на языке ветхозаветных и новозаветных пророчеств есть Царствие Божие, которое принадлежит в полноте своей будущему веку, но явлено будет – во свидетельство истины – и еще здесь, на земле… Христос есть Царь, и хотя царство Его не от мира сего, но оно совершается и в этом мире».

Глава 6.

МИРОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ СЛАВЯНОФИЛОВ

Славянофильство как оформленное течение русской общественной мысли и общественной практики существовало в Российской империи ровно 90 лет, если вести отсчет с возвращения Пушкина из михайловской ссылки в Москву и его славянофильских высказываний в ходе начавшегося тесного общения с будущими основоположниками славянофильства. За этот период сменились четыре поколения теоретиков славянофильства, в целом примерно совпадавшие со сменой царствований. И все это время ведущие деятели славянофильства достойно выполняли свою историческую миссию прокладки путей для становления самобытной русской мысли вообще и экономической мысли в частности.

«Большая наука», как отечественная, так и (тем более) зарубежная, прошли мимо этого подвига наших мыслителей на поприще экономики. Если общественно-политические идеи славянофилов изучаются (их исследованию посвящены сотни, если не тысячи работ на многих языках мира), то экономическое учение славянофилов как таковое до сих пор в целом, на концептуальном уровне, никем не анализировалось.

А между тем экономическое учение славянофилов представляет собой не просто новое слово в теоретической экономике, но и реальную альтернативу господствующим в мире экономическим воззрениям, которые, как уже понимают многие мыслящие люди, ведут человечество к катастрофе.

Славянофилы были людьми верующими, и в мировоззренческом плане для них главным был вопрос о смысле жизни, а экономика рассматривалась ими как поприще для человека, ведущего осмысленную хозяйственную деятельность в соответствии с высшими жизненными ценностями. Они не могли принять экономическую

науку, исходящую из абстракции «экономического человека» и являющуюся теоретической основой производства в обществе, цель которого – массовое потребление.

Даже Карл Маркс вынужден был напомнить политико-экономам (а его «Капитал» имеет подзаголовок «Критика политической экономии»), что еще Аристотель различал экономику и хрематистику. Экономика (термин, введенный Ксенофонтом, от слов «ойкос» – дом и «номос» – закон) – это «Домострой», наука о таком ведении хозяйства, которое обеспечивает человеку достойный уровень и образ жизни (в частности, в Древней Греции это включало участие в работе Народного собрания и обязательное посещение театра, на что неимущим полагалось пособие от государства). Необходимое для этого богатство имеет предел. А хрематистика (от слова «хрема» – имущество, богатство) – это наука об обогащении, «искусство делать деньги», следовательно, связанное с всепоглощающей страстью, ибо «богатство, к которому стремится хрематистика, безгранично»[40]. Западные экономические теории, хотя и назывались экономикой и даже политической экономией (что должно было свидетельствовать о нацеленности на государственный интерес), в действительности оставались крайним выражением хрематистики – науки об обществе частных хозяев, стремящихся лишь к получению максимальной прибыли. Славянофилам, разумеется, подобный подход к хозяйству был совершенно чужд, как и западным экономистам были чужды взгляды славянофилов на хозяйство как на средство служения высшим целям бытия.

Для экономической теории, как известно, такие проблемы вовсе не существуют. Н.А. Бердяев, анализируя славянофильскую доктрину, писал, что «центр русской духовной жизни – религиозный», что «русская тревога и русское искание в существе своем религиозны. И до наших дней все, что было и есть оригинального, творческого, значительного в нашей культуре, в нашей литературе и философии, в нашем самосознании, все это религиозное по теме, по устремлению, по размаху. Нерелигиозная мысль у нас всегда неоригинальна, плоска, заимствована, не с ней связаны самые яркие наши таланты, не в ней надо искать русского гения». Западная экономическая наука принципиально атеистична, а потому и не видит существа экономических воззрений славянофилов. Не видели его и русские экономисты-западники, слепо шествующие по тропе, проложенной экономистами Запада.

И, наконец, третья, уже субъективная: наука политической экономии возникла на Западе, и ее классиками, основателями раз-

40 Маркс К. Капитал. Т. 1. М., 1949. С. 159. Примечание 6

личных экономических школ были ученые Запада (Смит, Рикардо, Кольбер, Лист и др., позднее Маркс и его последователи). Эта наука, хотя и основывалась на абстрактных постулатах вроде уже упоминавшегося «экономического человека», все же в той или иной степени отражала реальные экономические условия, существовавшие в странах Запада. Но русский строй жизни, даже теоретически и не осмысленный, существенно, а порой и принципиально отличался от западного. А к XIX веку, когда возникло славянофильство, западное, особенно англосаксонское, мировоззрение давно уже сложилось. Его отличительная особенность заключается, как известно, в том, что оно признает единственно правильным западноевропейское жизнеустройство, а все остальное считает варварством, которое надо искоренять и заменять цивилизованным, европейским. Поэтому экономическое учение славянофилов, исходящее из русского строя жизни, казалось западным ученым одним из проявлений варварства, порождением жизни страны, где живут крещеные медведи, и изучать его можно было лишь в качестве курьеза и объекта насмешки. Когда в России стала распространяться политическая экономия, то и русские ученые-экономисты (не говоря уж о нерусских, живших или работавших в нашей стране) приняли этот западноевропейский подход и серьезно к экономическим разработкам славянофилов не относились. А славянофилы порой пользовались принятыми на Западе экономическими терминами, не оговаривая, что понимают под этим совершенно иное содержание.

К тому же история не дала славянофилам времени для того, чтобы начатые разработки привести в единую законченную (насколько это вообще возможно – об этом речь пойдет ниже) систему, эта работа еще предстоит.

По совокупности этих и ряда других, менее значимых, причин экономическое учение славянофилов представляет собой для экономической науки неведомую область. Это как бы поле, которое возделывалось славянофилами, а после их ухода никем не обрабатывалось и поросло сорняками, а кое-где уже и лесом, хотя и чахлым, ни на какое серьезное строительное, созидательное дело не пригодным.

Движение славянофилов прошло через четыре этапа, отвечающие этапам развития страны в целом. На каждом из этих этапов власть решала встававшие перед страной проблемы в соответствии со своим пониманием обстановки и задач, славянофилы предлагали свои решения, вытекающие из их мировоззренческих установок.

На первом этапе становления славянофильства главной задачей была выработка общей концепции движения, и эта задача была

выполнена Хомяковым и И. Киреевским блестяще. По прошествии 170 лет вокруг их идей не смолкают споры, а ход истории все более подтверждает их правоту в самом существенном, хотя и показывает необходимость корректировок концепции в частностях.

Основоположникам славянофильства пришлось решать сложнейшие мировоззренческие, гносеологические вопросы. Во всех исследованиях этого движения отмечается, что славянофилы критиковали идеологию Запада за голый рационализм, но при этом не поясняется, чем же этот рационализм вреден. И. Киреевский отмечал, что западные европейцы раздробляют целостный процесс познания на логическое, чувственное и пр. Но он предупреждал, что и в самом методе их мышления также есть порок.

Важнейшей составной частью общей концепции славянофилов была оценка господствовавших к моменту возникновения этого течения экономических теорий. Основополагающим здесь стало положение И. Киреевского о неприемлемости для русского сознания западной политической экономии как крайнего выражения той науки об обогащении, которую древние греки именовали хрематистикой. Подлинная наука о хозяйстве должна исходить из православного понимания смысла жизни, без чего политическая экономия и разные отраслевые экономики превращаются в “науку” об обесчеловечении человека, о превращении его в животное, включившееся в бесконечную потребительскую гонку и утратившее всякое понятие о человеческом достоинстве.

Другие славянофилы, в частности, Самарин, находили место для политической экономии в вопросах организации кредита, повышения эффективности производства и пр., особенно применительно к сельскому хозяйству. Он предвидел, что крах начинаний многих помещиков, пытавшихся перенести на руссую почву европейский опыт ведения хозяйства и разорившихся “по науке”, создаст условия для выработки собственной, русской сельскохозяйственной науки и ее экономического раздела. Хомяков и Самарин первыми из славянофилов обратили внимание на противоположность города и деревни. Самарин, в частности, указывал на то, что сельское хозяйство, эта основа жизни народа, в глазах общественности, да и самих сельских жителей становилась второстепенной отраслью, и наиболее инициативная часть сельского населения стремилась уйти из деревни в город.

Большое значение имела критика Самариным теории фритредерства, усиленно поддерживавшейся сторонниками западной политической экономии. Поскольку эта критика падала на почву, подготовленную уроками “экономической интеграции России с Западом”

во времена Александра I, она находила понимание в достаточно широких кругах общественности.

Самарин был первым из славянофилов, кто выступил против засилья инородцев в органах власти в России, причем не представителей каких-то третьестепенных (по степени влияния на строй русской жизни) национальностей, а против всесильных немцев.

В рецензии на книгу Фаины Гримберг "Династия Романовых. Загадки. Версии. Проблемы" (М., 1996), из которой взята эта цитата, Игорь Шевелев иронизирует: "Только и остается, что читать Вальтера Скотта (и Пушкину, между прочим, настоятельно советуют писать так же – просто и занимательно). Дома – цветы в горшках, канарейки в удобных клетках" ("Общая газета", 1996, № 40). Как тут не вспомнить крылатое выражение: "История не знает ни одного обрусевшего немца".

В идеале славянофилов было немало утопического, но они все же стремились сделать Россию духовным лидером человечества и предлагали идеи, которые могли бы стать основой для решения этой исторической задачи, как они ее понимали. И во многих случаях они отстаивали наши государственные и национальные интересы гораздо эффективнее, чем правительство.

В части критики конкретных теорий корифеев западной политической экономии первое место среди старших славянофилов принадлежало В.Ф. Одоевскому. Особенно придирчиво, но также с позиций высших ценностей, смысла жизни он разбирал теории Адама Смита, Мальтуса и Бентама, широко распространенные в российском обществе и даже получившие одобрение Александра I. Одоевский был одним из первых, кто разглядел опасности, исходящие от нарождавшегося господства финансового капитала ("банкирского феодализма") и в Западной Европе, и в США. Он решительно отвергал субъективизм в экономической науке, попытки придумать, навязать законы развития экономики, будучи убежденным в том, что законы существуют объективно и их нужно открыть.

Но эти теоретические занятия не означали, что выработкой концепции дело ранних славянофилов и ограничилось. Нет, славянофилы, хотя и были поставлены в условия, когда открыто выступали лишь как салонные бойцы, находились на острие идейной и политической борьбы своего времени.

Самым острым вопросом политической жизни николаевской России оставался вопрос об отмене крепостного права. Славянофилы были не просто критиками этого давно уже отжившего общественного института (и притом критиками наиболее радикальными, вплоть до того, что Хомяков называл свое сословие, помещиков,

“врагами России”), но и предлагали наиболее эффективные решения этой исторической задачи. Хомяков предлагал освободить крестьян с землей, с тем чтобы государство выкупило землю у помещиков, а крестьяне со временем расплатились бы с государством. При этом он настаивал на длительном сроке выкупа, чтобы плата была для крестьян не обременительной сверх меры. И – никаких “отрезков”, которые впоследствии так затруднили жизнь “освобожденного”, но лишенного значительной части своего надела крестьянина! Хомяков продумал и финансовый механизм такой реформы, включая устройство поземельных банков, но его проект не был принят.

Кошелев, соглашаясь с оценкой крепостного права Хомяковым, усилил критику этого института с религиозных, христианских позиций. И он практически приступил к поэтапному освобождению своих крепостных, не дожидаясь решений “сверху”. За свои усилия по приближению освобождения крестьян и Хомяков, и Кошелев заслужили в среде крепостников, а также и властей репутацию “красных”, “революционеров” и “социалистов”, хотя они были принципиальными противниками и тех, и других, и третьих. Но выступления славянофилов с обличением замыслов крайних крепостников во многом способствовали тому, что все же наиболее жестокие проекты “освобождения” крестьян не были воплощены в жизнь.

Среди ранних славянофилов Кошелев обладал наибольшими познаниями в области финансов, управление которыми в крупных регионах ему впоследствии доверяло и правительство. Он хорошо понимал степень зависимости России от внешних займов, носившей подчас кабальный характер, и много работал над выработкой инструментов, которые позволили бы ослабить эту унизительную зависимость и отыскать внутренние источники финансирования и военных действий в Крыму, и развития экономики. Кошелев выступал за перевод рубля на золотую основу, но эту его позицию нужно рассматривать в контексте его же предложений по обеспечению экономической независимости России. Вряд ли он стал бы ратовать за переход России на золотую валюту в то время, когда Россия оставалась экономически слабой страной.

Славянофилы настаивали на сохранении крестьянской общины. За сохранение общины выступали и многие представители правящих кругов России, но их она интересовала лишь в фискальном отношении. Община должна была служить инструментом в деле взыскания налогов с крестьян на основе круговой поруки. Неисправимые крепостники также настаивали на сохранении общины, видя в ней средство закрепления крестьян на земле. А для славянофилов община была устоем русского национального строя жизни,

сокрушение которого было бы равнозначно подрыву основ самого существования нашего народа. Община – это совместное владение землей – даром Божиим, который не может быть частной собственностью, это – средство жизнеобеспечения крестьян, которого их никто не мог лишить; это – путь к обеспечению гармонии интересов членов общины, гарантия от «язвы пролетариатства» и острых социальных противоречий, школа жизни и управления, хранительница нравственных устоев народа.

Славянофилы, говоря об общине, имели в виду не только изолированную сельскую общину как таковую, а говорили о целой России как общине, выражаясь по-современному, об общинной цивилизации, хотя эта сторона их учения, как не имевшая в то время актуальности, осталась неразработанной. Но, разумеется, славянофильское представление об общине плохо вязалось с сильно централизованной системой управления государством, сложившейся к тому времени в России. Позицию славянофилов можно понять: они считали государство, сложившееся в России в петербургский период нашей истории, антинациональным. Они выступали не противниками государства, а сторонниками иного государственного устройства. Русский идеал – демократический централизм: «Царю – решение, народу – мнение». Власть (самодержец, ответственный перед Богом) правит, учитывая мнение народное. Критические выступления славянофилов против прослойки между царем и народом были обоснованы в той мере, в какой относились к дворянству, все более превращавшемуся в паразитическое сословие, но страдали непониманием роли чиновника в русской государственной машине (и шире – в русской цивилизации вообще).

Уделяли славянофилы внимание и развитию промышленности. Правда, они возлагали большие надежды на малые предприятия, в чем их часто упрекали позднейшие исследователи. К тому, что было сказано на этот счет в главе 3, надо добавить, что развитие «сельской промышленности» славянофилы рассматривали как средство повышения производительности труда и уровня благосостояния крестьян, которые из-за ее отсутствия полгода (в осенне-зимний период) обрекались на вынужденный простой. Индустриализация России первоначально была «ситцевой», развивалась текстильная и другие отрасли легкой промышленности, для возникновения крупных предприятий тяжелой промышленности условия еще отсутствовали, и равнение на мелкие предприятия, работающие по принципу артели, было отчасти оправданным.

Россия стояла накануне индустриализации с развитием тяжелой промышленности, для которой характерны крупные предприя-

тия. Однако из этого отнюдь не следует, что мелким предприятиям пришел конец. Даже в самых индустриально развитых странах наряду с крупными предприятиями существовали и средние, и мелкие. А если говорить о постиндустриальном, информационном обществе, то там мелким предприятиям, объединяющим членов артели – единомышленников, может принадлежать, особенно в инновационной сфере, важнейшее место во всей структуре общественного производства. Так что идеи славянофилов о мелких предприятиях, построенных на общинно-артельных началах, вовсе не ушли безвозвратно в прошлое.

Именно славянофилам принадлежит приоритет в практической постановке дела комплексного развития экономики крупного региона. В то время промышленность даже в Петербурге и в Москве развивалась во многом стихийно, предприятия строились «штучно», вне связи с другими, соседними. Лишь на Урале сложилась своеобразная «горнозаводская цивилизация», где возник весь комплекс необходимых производств. Но это объяснялось стратегическим значением уральской промышленности: она производила пушки. А славянофилы Мальцовы в самом центре России довели до расцвета свою промышленную империю, в которой гармонически сочетались промышленность и сельское хозяйство, коммунальная и социальная служба и даже своя финансовая система. Основное производство имело множество сопутствующих, его обслуживающих, при заводах устраивались благоустроенные поселки, в которых жили рабочие. Этот опыт вызывал особенное недоброжелательство недругов России внутри страны и за рубежом. Они всячески препятствовали развитию мальцовской промышленной империи. Однако Мальцов нашел поддержку у самого Николая I. В то время строительство первых железных дорог в России велось не только на иностранные займы, но и с использованием рельсов, паровозов и вагонов, производимых в Европе. Стремясь помочь России избавиться от этой зависимости, Мальцов предложил наладить производство рельсов на своих заводах. Император одобрил эту инициативу, что на некоторое время умерило пыл противников Мальцова. Впоследствии на заводах Мальцова стали производить паровозы, вагоны, различные машины и пр.

Важным условием ускорения экономического развития России было строительство железных дорог. Славянофилы не были его инициаторами, но когда вопрос практически встал в повестку дня, приняли деятельное участие в его обсуждении и решении. Особенно велика здесь была роль Кошелева.

Следует заметить, что славянофил Мальцов предлагал построить железную дорогу на конной тяге от Екатеринослава до южного

берега Крыма. Это предложение было отклонено, а в итоге во время Крымской войны русским солдатам приходилось преодолевать пешком сотни, а то и тысячу километров пешком, прежде чем они могли попасть на театр военных действий.

Таким образом, уже на первом этапе существования славянофильства, всего менее чем за 20 лет, его классиками был заложен фундамент самобытной русской экономической теории, в мировоззренческом отношении, с точки зрения смысла человеческой жизни, неизмеримо превосходившей западную политическую экономию. Вера старших славянофилов в русский народ, в его великое будущее и всемирно-историческую роль была неиссякаемой. Одоевский в своем фантастическом романе “4338-й год” даже рисует такую картину: Россия располагается на обоих полушариях Земли. При этом “англичане продают свои острова с публичного торга, Россия покупает”[41]. Порой их вера в светлое будущее России была даже чрезмерной: тот же Одоевский полагал, что при колоссальном развитии производительных сил на основе достижений науки и техники в стране исчезнут и бедность, и преступность.

Второй этап развития славянофильства приходится на период либеральных реформ Александра II, последовавших за отменой крепостного права. Многие исследователи утверждают, будто в период либеральных реформ славянофилы как бы переродились и по существу слились с либералами. Это справедливо лишь отчасти. Скорее надо бы говорить не об отказе славянофилов от своей платформы, а о распространении их деятельности на новые сферы народной жизни, где им пришлось приспосабливаться к новой обстановке в условиях господства либерализма в экономической и политической жизни.

“Экономический славянофил” В.А. Кокорев приглашает ученого-славянофила Д.И. Менделеева обследовать бакинские нефтяные промыслы и найти пути повышения эффективности их работы. Затем Менделеева приглашают с подобной же целью обследовать Донецкий угольный бассейн. Славянофилы Энгельгардт и Шарапов, да и тот же Менделеев, уже как предприниматель, успешно строят работу сельскохозяйственных предприятий. Н. Верещагин налаживает новую постановку дела переработки молока и закладывает основы крестьянской кооперации. И. Аксаков и Чижов не менее успешно участвуют в предпринимательстве в области промышленности, транспорта, в финансовой сфере. Кошелева, Самарина и князя Черкасского привлекают к практическому осуществлению реформ уже не какие-то предприниматели, а само правительство. Самарин, Кошелев, князь Одоевский и другие славянофилы принимают дея-

41 Одоевский В.Ф. Последний квартет Бетховена. М.,1982. С. 302.

тельное участие в работе земств и других вновь возникших общественных учреждений.

Славянофилы показали, что привлечение иностранного капитала имело гибельные последствия для России. И возникавшая промышленность, и построенные железные дороги, и становившаяся финансовая система больше служили выкачиванию ресурсов из России в пользу Запада, чем интересам нашей страны. Больше того, славянофилы первыми обоснованно, со ссылкой на принципы экономической науки (хотя в связи с суровыми цензурными ограничениями и высказали это эзоповым языком), отметили грабительский характер экономической политики Запада в отношении России, которая будет оставаться такой до тех пор, пока наша страна остается экспортером хлеба и сырья. По существу, это было осуждением всего царского режима, опирающегося на отживший, давно ставший паразитическим класс дворянства. Фактически именно славянофилы, главным рупором которых в этом отношении стал Менделеев, подняли знамя национально-освободительной борьбы за избавление России от тех пут, которыми связал ее по рукам и по ногам международный финансовый капитал. Славянофил Чижов показал, как надо практически решать эту задачу, мобилизуя отечественные капиталы не на получение максимальной прибыли их владельцами, а на осуществление проектов, нужных народу и стране. Уделяя особое внимание транспорту, он не ограничивался участием в строительстве железных дорог, а настаивал и на необходимости для России иметь мощный торговый флот, вплотную подходил к идее создания единой транспортной системы страны, охватывающей все виды транспорта. Вообще идеи плановости в развитии производительных сил, получившие впервые столь широкое распространение в России и впоследствии заимствованные на Западе, в значительной мере вызревали в среде славянофилов.

Но, поскольку Россия еще оставалась страной преимущественно земледельческой, вопросом первостепенной важности был выбор пути развития сельского хозяйства. Энгельгардт убедительно показал, что после отмены крепостного права в России не имеют перспектив ни помещичье, ни кулацкое (в том числе и фермерское), ни единоличное крестьянское хозяйство. Не приживется в нашей стране и крупное капиталистическое хозяйство с использованием наемного труда. Энегельгардт, сделавший ставку именно на русского крестьянина, первым высказал мысль о неизбежности коллективизации сельского хозяйства в России, но разработал именно русский путь этой коллективизации, к сожалению, оставшийся невостребованным. Русская деревня развивается не по Марксу, рыночная эконо-

мика для России непригодна. С того времени, когда Ленин разбирал работы Энгельгардта, последнему ставился упрек в том, что, будучи по убеждениям славянофилом, он на практике использовал, как и либералы, наемный труд. Однако при этом забывается, что и наемные работники у Энгельгардта трудились на артельных началах.

Славянофилы Энгельгардт, Шарапов, Шипов и Менделеев ратовали за развитие внутреннего рынка и повышение жизненного уровня большинства народа как условие такого развития производительных сил страны, которое только и может обеспечить России достойное место в мире.

В конце XIX – начале XX века в странах Запада возникла геополитика – политологическая концепция, согласно которой политика государств, в основном внешняя, предопределяется географическими факторами (положение страны, ресурсы, климат и др.). Одно из важных ее положений – это принципиально разное направление политики океанических и континентальных государств. Славянофил А.Шипов досконально разобрал это различие еще в 1860 году, причем сделал из этого анализа выводы для России, которая, по сути, является единственной по-настоящему континентальной страной из всех великих держав. Шипов в теоретическом плане показал место политической экономии, заимствованной нами с Запада, и отечественной экономической практики, пути их взаимодействия в целях обеспечения максимальной эффективности производства. А в практическом отношении он раскрыл сущность проводимой правительством экономической (в том числе налоговой) политики, которая была направлена на обогащение немногих из “верхов” и олигархов за счет разорения широких слоев населения. Это положение было раскрыто со всей полнотой в работах Ю.Г. Жуковского.

Жуковский показал все убожество современной ему западной политической экономии, которая усилиями либералов отступила назад даже по сравнению с идеями Адама Смита. Она превратилась в науку о торгашестве, в “теорию лавки”. Жуковский считал несправедливым строй, который приводит к сосредоточению национального богатства в руках немногих, приводя к обнищанию большинства народа. Жуковский первым открыто назвал Россию колонией и сырьевым придатком Запада, каковыми она стала именно вследствие политики правящих верхов. Он выдвигал в качестве критерия правильности строя степень равномерности распределения богатств в народной массе. Как одно из условий достижения этого идеала он предлагал развитие промыслов и сочетание промышленности и сельского хозяйства, в частности, путем развития сельской промышленности. Его часто упрекали в этом равнении на кустаря, однако

Жуковский полагал, что в крестьянской избе со временем может быть установлен станок, приводимый в движение электричеством, а это означало курс на всеобщую электрификацию России. Очень важным надо считать положение Жуковского о том, что в будущем, при установлении строя, который будет нацелен на обеспечение благосостояния широких народных масс, производство будет носить нетоварный характер. Н.С. Шухов в цитировавшейся ранее книге "Ценность и стоимость" (с. 20) отмечает, что Жуковский еще в 1871 году "впервые в мировой литературе дал экономико-математический анализ теории ценности, прибыли и ренты Д. Рикардо".

Гиляров-Платонов определил место политической экономии в системе человеческого знания и степень ее применимости при решении конкретных экономических задач, впервые показал решающую роль человеческого интеллекта в повышении эффективности производства и выработал нравственный кодекс экономического деятеля, устремленного к правде и к жизненному подвигу. Гиляров-Платонов выявил связь разных христианских вероисповеданий с соответствующими способами производства (католицизм – феодализм, протестантизм – капитализм...) и пришел к выводу, что рабство в современной ему Европе не исчезло, а лишь сменило формы. Он критиковал капитализм не только потому, что это эксплуататорский строй, но и потому, что это строй, низводящий человека до уровня животного – образно говоря, голодного в "низах" и обжирающегося – в "верхах".

Достоевский вскрыл пороки и уходящего крепостнического строя, и российского нарождающегося капитализма, обличал торгашество, низкопоклонство перед Западом, царившие и в правящих кругах страны, и в деловом мире, отмечая, что прежнее крепостное право сменилось рабством у денег, поклонением "золотому тельцу". Утрата высшей идеи порождает общество "несуществующих людей", не осознающих своего человеческого достоинства. Писатель показывал бесчеловечность порядков, установившихся на Западе, ограниченность теорий как апологетов капитализма, так и социалистов и коммунистов, и предупреждал об агрессивных замыслах Европы в отношении России. Достоевский видел порочность проводившейся правительством экономической политики, которая приводит к диспропорциям в развитии хозяйства страны, к вложению средств в первую очередь в отрасли, позволяющие выкачивать ресурсы из России на Запад, и к пренебрежению теми отраслями, от которых зависит само существование народа. Он призывал к народному единству, вырабатывал основы русского социализма, исходящего из правды Христовой.

На третьем этапе, который можно считать временем расцвета славянофильства, это стройное здание было подведено под крышу. Наиболее важный вклад в этот этап строительства внесли Менделеев и Шарапов. Для этого периода характерен известный оптимизм славянофилов, ведь Менделеева, например, высоко ценил император Александр III. Когда некий генерал, у которого были сложности с бракоразводным процессом, попытался в разговоре с царем сослаться на аналогичный случай с Менделеевым, царь прервал его объяснения: “Менделеев у меня один!”

Дмитрий Иванович считал главным развитие русской промышленности и образования: «Мы живем в эпоху, когда богатство и сила народов определяются преимущественно индустриею, а наши дети или внуки, вероятно, доживут до того, что богатство и вся сила народная будут определяться умелым сочетанием индустрии с сельским хозяйством… Богатство же народу надобно… чтобы духовные его стороны могли самостоятельно развиваться, не подавляемые материальными нуждами, ибо богатство в идеале – есть только средство, а не сама цель».

Всего Менделеев написал более 60 работ по теории и организации промышленности. Начал издание промышленной библиотеки, которое «… может не мало помочь промышленному развитию нашего народа и его обогащению, а без этого для меня немыслимо благоденствие, преуспеяние и нравственное могущество России» Издали несколько томов. Издание прекратилось из-за отказа издателя И.А. Ефрона.

Для выполненных в этот период работ Менделеева в социально-экономической области («Толковый тариф или исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года», «Письма о заводах», «Фабрично-заводская промышленность и торговля России», «Учение о промышленности») особенно характерен системный подход. Так, в работе «Учение о промышленности» он поставил цель: «… для ознакомления с промышленными делами – сказать о значении для них и об участии в них природы (или того, что экономисты подразумевают под словом «земля»), энергии всех видов (от грубо механической работы до труда и предприимчивости, представляющих чисто духовный характер), капитала (то есть запасов, сохранившихся от прежнего производства и от сбережений), знаний (то есть науки с ее стремлениями к чистой истине и к постижению законов, позволяющих обладать природою и видами ее энергии), обучения, специализации (разделения труда), изобретательности, подражательности и законодательных мероприятий...

Судя по буквальному смыслу русского слова «промышленность» (от слова «мыслить»)... промышленностью должно назвать такое обдуманное сочетание сознательных действий, которое ведет к обладанию предметами и силами материальной или внешней природы, удовлетворяющими существующим потребностям материального же свойства».

Дмитрий Иванович сформулировал основное условие ведения промышленной деятельности и жизни людей на Земле.

«Земля представляет исходную точку всех видов промышленности не столько как твердая опора самих людей и их сооружений, но и … начало государственности… неизбежными условиями всей жизни людей и всей их промышленной деятельности должно считать людьми не создаваемые, а в природе находящиеся: энергию солнца, теплоту земли, ее воздух, ее влагу и семена растений…

Ни энергию солнца, ни теплоту земли вовсе нельзя отчуждать в частную собственность… истинная суть дела не во одной самой по себе «земле», а и в … познании ее, через что одно она становится источником для удовлетворения потребностей и для умножения числа людей... из всех основных условий промышленности – «земля «представляет наибольшую зависимость от запаса знаний … земля ограничена, а знаниям грани не предвидится. Поэтому и промышленность, соединившись со знаниями и наукой, обещает развиваться безгранично».

В «Учении о промышленности» Дмитрий Иванович счел необходимым сказать о законе сохранения вещества и энергии.

«Величайшими и основными научными приобретениями... должно считать понятия о «вечности» вещества и сил, или энергии, данных в природе… ныне понятие о вечности вещества и сил (энергии, движений) должно считать непоколебленным основанием всего учения о внешней природе. В нем мыслимы глубокие усовершенствования эволюционного (постепенного) свойства, но коренные (революционные) перемены – совершенно невероятны».

Поскольку «земля», т. е. биосфера – основное условие промышленной деятельности людей, то закон о сохранении вещества и энергии есть также основной закон и промышленной деятельности. Соответственно должна строиться и экономическая наука: «… только та политическая экономия, которая изойдет из естествознания, может надеяться охватить разбираемый ею предмет с должной полнотой и понять, как «творятся» ценности и отчего образуются или исчезают «народные богатства...

Труд мой назначается для тех, кто, приступая к промышленным делам, захочет сознательно отнестись не только к их частно-

стям, но и к их общему современному построению во всем мире и особенно в России… без этого для меня немыслимо благоденствие, преуспеяние и нравственное могущество России».

И еще одно соображение Д.И. Менделеева, которое сейчас уж очень ко времени.

«… в почве и стране нашей много завидного. И если мы сами не пустим его в мировой оборот, – позарятся, пожалуй… Развитие своей промышленности, всех ее видов, по этому одному уже выгодно в экономическом смысле, а то выйдет «собака на сене».

В социально-экономических работах важнейшее место занимают мысли Дмитрия Ивановича об общине и артели. Именно с общинно-артельным способом ведения промышленных дел связывал он будущее России и русского народа.

«Артельно-кооперативный способ борьбы со злом капитализма, со своей стороны, считаю наиболее обещающим в будущем… по той причине, что русский народ, взятый в целом, исторически привык и к артелям и к общинному хозяйству… крестьяне-земледелы, занятые преимущественно в летнюю пору, для зим устроят подходящие фабрично-заводские виды промышленности и будут иметь у себя на месте прочный заработок, продолжая летом только необходимейшую часть дела, то есть не оставляя исторически привычных сельскохозяйственных занятий… надобно, чтобы государство не одними законами, но и прямо банковскими пособиями пришло здесь на помощь и чтобы возбуждались виды переделки… крупные, требующие капиталов для начального обзаводства и текущего производства, каковы, например, металлургия, вся керамика, стеклоделие, прядение, тканье, крашение, производство машин, экипажей и т. п...

В особенности ясна возможность этого при знакомстве с Уралом, где многие металлургические дела ведутся издавна артельными приемами... До капитализма мне нет дела:… его вредные стороны устранимы условиями артельного и общинного начала … фабрики и заводы … мыслимы без капитализма с его денежно-процентными интересами...

Вообще, в общинном и артельном началах, свойственных нашему народу, я вижу зародыши возможности правильного решения в будущем многих из тех задач, которые предстоят на пути при развитии промышленности и должны затруднять те страны, в которых индивидуализму отдано окончательное предпочтение, так как,.. скорее и легче совершать все крупные улучшения, исходя из исторически крепкого общинного начала, чем идя от развитого индивидуализма к началу общественному».

Дмитрий Иванович считал существенным для правильного устроения жизни человеческой различение понятий труда и работы. И до сих пор этих понятий не различают. Сейчас понятие «труд» означает вклад в процесс производства, сделанный людьми в форме непосредственного расходования умственных и физических усилий. Труд не имеет какого бы то ни было духовного, нравственного содержания. А вот мнение Дмитрия Ивановича.

«Тут мы касаемся предмета едва ли ясного в общем представлении … Не всякая работа есть труд. Работа собственно есть понятие чисто механическое… труд вовсе не есть непременно работа, хотя часто сопровождается работою… Труд обуславливается полезностью совершаемого не для одного себя, но и для других… что и выражается в сущности прежде всего этическими представлениями о труде для других, своих ближних, за что и наступает рай в душе … не всем ясно то значение, какое имеет труд для внутреннего здоровья, для свежести духа. Сколько слышите и видите больных душой. Универсального лекарства нет и для духа, как нет для тела… Латиняне и евреи, от которых мы приняли столь многое – того еще не понимали… Труд есть смерть крайнего индивидуализма, есть жизнь с обязанностями и только от них проистекающими правами; он предполагает понимание общества не как кагала, назначаемого для пользы отдельных лиц … Работа может быть страдою, труд же есть наслаждение, полнота жизни, то слияние с общим началом, которое в абстракте понимали еще жители Индии… Труду принадлежит будущее... нетрудящиеся будут отверженцами – и печальная, очень крупная ошибка многих новейших учений состоит именно в смешении работы с трудом, рабочего с трудящимся… Работу можно дать, к работе принудить, труд – свободен был и будет, потому что он по природе своей сознателен, волен, духовен, сложен и необходим … Работа не творит … Небывшее, действительно новое делает лишь труд; его нет в природе, он в вольном, духовном сознании людей, живущих в обществе, и отдельное лицо труда может выдать неизмеримо много, на целые поколения разработки, на беспредельную пользу… Работа утомляет. Труд возбуждает… Труд… определяет то этикой проповедуемое смирение, которое даже при мене говорит: “бери, если хочешь и нравится тебе, взамен своего мое, я ничего от тебя не требую”... Грядущее труду, а не работе, сложному, а не простому».

Менделеева можно смело назвать отцом российского нефтепрома. В рассматриваемый период проявились плоды его прежней деятельности по исследованию бакинских нефтепромыслов, и он мог с гордостью заявить: «... мне говорили … что я кабинетный

мечтатель и профессор, практической жизни не понимающий, что мы сложены из другого материала, чем американцы, что у нас все прахом пропадет, что лучше дело предоставить собственному течению, следуя поверью, завещанному французами прошлого столетия, – laissez faire, 1aissez passer (альфа и омега наших экономистов-либералов)».

И вот все прогнозы Менделеева более чем оправдались.

А вот что писал Менделеев о том, как он занялся исследованием таможенного тарифа:

В сентябре 1889 года «заехал по-товарищески к И.А. Вышнеградскому, тогда министру финансов, чтоб поговорить по нефтяным делам, а он предложил мне заняться таможенным тарифом по химическим продуктам... Живо принялся я за дело, овладел им и напечатал этот доклад к Рождеству».

Предложили поучаствовать по химическим продуктам, а Дмитрий Иванович разработал теорию: цель тарифа, критерии его устойчивости, классификацию товаров. Назначил таможенные пошлины, сделал роспись товаров. Он, конечно, использовал материалы тарифной комиссии. В его библиотеке они составляют тысячи страниц.

Вот цитата из книги «Толковый тариф или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года»: «… в моей книге должно менее всего искать ответов аналитикам, привыкшим во всем открывать лишь одни недостатки; мне же более всего желательно указать на возможность синтеза русской экономической жизни – при помощи развития ее промышленности.

... Знание России в ее естественных условиях и знание русского народа в его способностях ко всяким видам человеческой деятельности – убеждают… что предстоящие России промышленные завоевания должны составить… небывалый расцвет русских_сил. Не завоевать Индию, как уверяет басня, а завоевать надлежащее место в промышленном движении всего мира…»

Деятельность С.Ф. Шарапова на 3-м этапе развития славянофильской экономической теории была целиком посвящена борьбе за предотвращения губительного, как он считал, для России решения о переходе на золотую валюту. К тому, что сказано об этом в главе 4, следует добавить лишь несколько слов общей оценки его гениального труда «Бумажный рубль». Считается, что Россия в развитии экономической науки отставала от передовых стран Запада и заимствовала у них основные положения политической экономии и конкретных экономических дисциплин. Названный труд Шарапова – наглядное опровержение этого тезиса. Нигде в мире не было тогда другого тако-

го же исследования природы финансов в связи с общим положением в экономике страны. Да и до сих пор многие его положения остаются непревзойденными и актуальными.

В результате того, что к наследию предыдущего поколения славянофилов прибавили Менделеев и Шарапов, в России рубежа XIX–XX веков была создана самая прогрессивная и действенная экономическая теория, которая стояла неизмеримо выше западной политической экономии. И главное – она исходила из русского понимания смысла жизни, основывалась на достижениях отечественной мысли и была нацелена на всестороннее развитие народного хозяйства России и обеспечение достойной жизни ее граждан.

Уже практически была доказана возможность решения на ее основе задач следующих классов:

– оптимального размещения производительных сил по территории страны – в целом и в отраслевом разрезе (нефтяной, угольной промышленности; черной металлургии);

– наиболее целесообразного комбинирования производств в рамках территориальных комплексов;

– установления таможенных тарифов с учетом их влияния на развитие производства каждого вида товаров в стране;

– расчета размеров эмиссии бумажных денег для стимулирования крупных проектов государственного, народнохозяйственного значения;

– выработки правильного соотношения отдельных звеньев производственного комплекса (например, разумного сочетания площадей пашни, лугов, сенокосов, лесов и пр. для сельскохозяйственного предприятия) и др.

Оставалось сделать совсем немногое – привести все эти компоненты в единую систему и написать учебник, в котором доступно излагались бы новые понятия об экономике и методы решения конкретных экономических задач. Но тогда, в разгар борьбы с антинародными силами на теоретическом экономическом поприще, об учебниках никто не думал, отвлекали более неотложные задачи.

Наверное, и впоследствии не у Маркса надо было искать теоретические основы развития экономики страны, не у Смита, не у Рикардо и не у Кейнса, а у плеяды русских мыслителей, проявившихся на рубеже веков. Однако этой теории крайне не повезло в том смысле, что царское правительство и вся правящая элита России после смерти Александра III ее не только не поддержали, но и всячески душили, потому что она противоречила политике династии Романовых, направленной на европеизацию страны и содействие проникновению иностранного капитала.

Особое значение идеи этой школы приобретают ныне потому, что они возникли в эпоху перехода России от преимущественно аграрного к индустриальному экономическому строю, а сегодня мир переходит от индустриальной эпохи к эпохе информационной. И хотя эти два перехода существенно различны, проявившиеся в них многие экономические и социальные проблемы имеют немало общего, и опыт борьбы русских мыслителей прошлого за экономическую независимость тогдашней России сегодня очень бы пригодился многим странам.

Четвертый этап развития экономического учения славянофилов можно назвать временем их арьергадных боев. В самом начале царствования Николая II в России был осуществлен переход на золотую валюту, что, по мнению Шарапова и ряда других видных славянофилов, было гибельным для страны решением.

Шарапов не только доказывал гибельность перехода России на золотую валюту, но и, найдя союзника в лице П.В. Оля, разрабатывал программу ликвидации этой удавки для страны. В этом деле он обрел еще одного союзника – Г.В. Бутми. Шарапов вступил в сражение с прессой, находившейся почти целиком на антигосударственных позициях, и хотя силы (а главное – капиталы) сторон были несоизмеримыми, много сделал для разоблачения темных дел и намерений своих противников.

Сильнейшим ударом по либералам стали работы Ю.Г. Жуковского о русских банках, раскрывшие механизм разграбления России воротилами мировых финансов. Не менее чувствительными ударами стали и работы А.Д. Нечволодова “От разорения к достатку” и “Русские деньги”, в которых, кроме картины разграбления России иностранным капиталом, содержалась и обоснованная критика тех положений западных экономистов – от Адама Смита до Карла Маркса, которые прошли незамеченными другими исследователями. М.О. Меньшиков подверг пересмотру едва ли не все стороны учения об экономике в связи с общим развитием страны и поставил проблемы перехода к замкнутому государству, разрабатывал основы строительства современной армии и др. Даже и в этот период, когда голос славянофилов был совершенно заглушен галдежом либералов всех мастей, они продолжали накапливать творческий потенциал, позволяющий вывести русскую экономическую науку на лидирующие позиции в мире. А С.Н. Булгаков своей “Философией хозяйства” вывел понимание задач экономики на религиозный уровень.

Остается сделать еще несколько частных замечаний по поводу будущего экономической теории славянофилов.

Вся современная экономическая наука покоится на ложных основаниях. Не зря, напоминал Ю.Г. Жуковский, еще Огюст Конт называл политическую экономию систематизацией хозяйственного беспорядка. России нужна будет новая экономическая наука, потому что она:

– единственная в мире (из великих держав) евразийская страна;

– единственная в мире северная страна;

– единственная в мире континентальная держава;

– единственная в мире носительница идей православной цивилизации.

По совокупности этих и ряда других причин нам не подходят те понятия об экономике и приемы решения экономических задач, которыми оперирует политическая экономия Запада.

История России – это непрерывный ряд попыток прорваться на позиции мирового лидера. Еще В.Ф. Одоевский провозглашал: «XIX век принадлежит России!" Его пророчество оправдалось лишь частично. К концу XIX века Россия прочно встала в авангарде духовной жизни человечества – в литературе, музыке, живописи и в других сферах духовного бытия. В XX веке Россия стала одной из двух сверхдержав планеты и маяком для большей части человечества. XXI век должен стать веком полного торжества России в духовном отношении. И потому нам предстоит совершить самый большой рывок не только в развитии производительных сил, но и в понимании смысла жизни и целей народного труда.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5

Глава 1.

РОССИЯ КО ВРЕМЕНИ ЗАРОЖДЕНИЯ СЛАВЯНОФИЛЬСТВА....9
Главная идея Николая I 9
Экономическая наука и экономическое образование 24

Глава 2.

СЛАВЯНОФИЛЫ И ИХ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ
В ЭПОХУ АБСОЛЮТИЗМА И КРЕПОСТНОГО ПРАВА
(1839–1855 годы) 31
Основатели славянофильства А. С. Хомяков
и И. В. Киреевский 31
Спор основоположников 43
Новые бойцы в лагере славянофилов 56
Гонения на славянофилов в царствование Николая I 68
На пути к формированию целостного славянофильского
мировоззрения 74
Экономические взгляды ранних славянофилов 80

Глава 3.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ СЛАВЯНОФИЛОВ
В ПЕРИОД ЛИБЕРАЛЬНЫХ РЕФОРМ (1856–1881 годы) 107
Положение страны накануне реформ 107
Отмена крепостного права 108
Введение земского самоуправления 111
Развитие экономики 115
Состояние экономической науки 122
Славянофилы в условиях «гласности» 124

Экономические взгляды славянофилов в к. 50-х–60-е годы 153
«Неославянофилы» 186
Славянофилы-почвенники 190
Славянофилы-панслависты 210
Славянофилы вне славянофильского кружка 221
Русские мыслители и практики, близкие к славянофилам 237

Глава 4.

СЛАВЯНОФИЛЫ И ИХ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ
В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА III 260
Славянофилы в эпоху Александра III 262

Глава 5.

СЛАВЯНОФИЛЫ И ИХ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ
В ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД СУЩЕСТВОВАНИЯ ИМПЕРИИ
(1896–1917 годы) 281
Критика Шараповым экономического курса Витте 299
Критика социализма 301
Экономические взгляды ученых и мыслителей, по своим
убеждениям близких славянофилам: М. О. Меньшиков,
В. В. Розанов, С. Н. Булгаков 345
Михаил Осипович Меньшиков 345
Василий Васильевич Розанов 362

Глава 6.

МИРОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ
СЛАВЯНОФИЛОВ 392

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВЫПУСКАЕТ БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ РУССКОГО НАРОДА

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

Русская цивилизация *(вышел)*
Русское Православие *(выйдет в 2008 г.)*
Русское государство *(вышел)*
Русский патриотизм *(вышел)*
Русское мировоззрение *(вышел)*
Русский образ жизни *(вышел)*
Русская география
Русское хозяйство *(вышел)*
Международные отношения
Национальные отношения
Русская литература *(вышел)*
Русское искусство
Русский театр
Русская музыка
Русская наука
Русская школа
Русское Православное воинство
Памятники Отечества
Русские за рубежом
Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

Автономная некоммерческая организация Институт русской цивилизации (сокр. название — **Русский институт**) — создан в октябре 2003 г. для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Предшественником института был научно-исследовательский и издательский центр «Энциклопедия русской цивилизации» (1997—2003).

Целью института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований, конференций, семинаров и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 20-томной «Энциклопедии русского народа», а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма.

Корректор Е. Г. Титова
Компьютерная верстка Д Е. Поляков
Институт русской цивилизации Тел.: 8-499-242-50-80.

Подписано в печать 19.12.2007 г. Формат 84 х 108 1/32
Гарнитура «Times». Объем 25,0 изд.л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.